



Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования

Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе

Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу <http://books.google.com>.

KAIS. KON. HOF BIBLIOTHEK

27.845-B

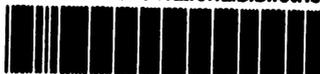
1853 Neu-

5a 36. 5b. 13.

3.) nicht mehr
ersch.

27645-B.

Österreichische Nationalbibliothek



+Z225715308



НОВЫЙ РОКЪ.

Съ надъ Солокѣн.—Старый рокъ насъ попрощалъ, а новый сквапанко прилетѣлъ, но цюсь не смѣло сталъ передъ нами, а мы еще несмѣльше зъ тихаса питаемъ: Цѣккава рѣчь, цю намъ той рокъ доброго выколнше? цю въ немъ дожіемо? — Я онъ смиренный неполѣтникъ и не смѣе намъ своей тайны повѣсти, но все на насъ недоверчиво и жалобененько погладае. — Радеы мы радъ за него промовити, — но не знаю чи не лѣцшебы было менѣ тоуже самою засѣмоватиса тѣгою, котрою онъ съмѣе — тою же зажѣритиса нѣмотою, котрою рокъ новый обгородилса?! — Но грѣхъ бымы сдѣлалъ противъ Башомъ чѣствительномъ сердцю, сли бымы нынѣ осмѣлился сказати: Бы не пріймети добре и жичливо мого слова, и не найдете емъ кѣтика оу себе! — Цюжь намъ новый рокъ мае принести? — Люднѣкки милѣи, онъ промовале цѣлимъ сокою: Баше цастье, Баша долъ, Башь свѣтъ оу Басъ самыхъ закопаны спочивае! бажае его найти; хочете тѣи дорогоценнѣи скареы, котрыми Басъ Богъ такъ цедро вывѣновалъ на той земли роздобѣти? те знайти, цю ихъ токмо рѣвною працю и наѣками ѳткопати можете. О наѣки! наѣки! наѣки! — сли коли, тамъ дѣхова праца и еи незмѣренинѣ богатства были потребнѣи, то нынѣ надъ всѣ часы голоснѣйше оу насъ са просать! — Съ ними бѣде честь оу свѣта, съ ними почитаютъ Басъ люди за люди — съ ними прѣбде цастье до Башого домъ. — Памолодки дѣрева растачнѣ помежи травою мимо волѣ топчѣ ногѣ

людска, сѣнѣв зеленинкъ ходова трѣтѣе, а свакола танцѣ свои по нѣи выводитъ; и те дѣе са съ дорослымъ дѣревомъ, не те съ нивою, гдѣ са зѣбѣе въ коласть помысыпало; — изъѣмиса челоуѣкъ и съ радости стане передъ цвѣтѣщимъ, — аво въ овицѣ временнымъ дѣревомъ, — за грѣхъ таженнѣкѣи числитъ, хлѣбъ свѣтый топчати, не годитъ са, кажи, съ дѣромъ Божиимъ сваколю чинити. Такъ и съ товою рѣчь са мае дорогѣи зѣмлянини, и теи не рѣшь тѣманитъ и надъѣживае хитрый корчмаръ, — вѣсь на полѣ темный, и того познаниа не мабшь, котре тебѣ неоходно потребне, бо ещѣе не зацвѣлъ вишневомъ цвѣтомъ, а овоцѣ наѣкъ сооткѣтнѣхъ твоимъ состоянѣю на тебѣ годѣ доглядѣти. — Просвѣщениа дѣхомъ вѣры и правды дѣша бѣвае надъ все зѣмное красаа, надъ свѣтло звѣздъ свѣтлѣйша, надъ самое сонце мнѣйша, бо сіаючи къ полной своей красотѣ и годности дѣша наша, естѣ дѣлаючою силою самого Творца неба и земли — естѣ дѣхомъ Божиимъ! —

Томѣжь те и той Богъ милосерднѣи вложилъ на насъ свѣтый обовѣзокъ, за наѣкою и просвѣтомъ цюдини старатиса, молачнѣ: Свѣтлѣнникъ тѣла естѣ око, егда оубо око твое просто вѣдитъ, все тѣло твое свѣтло вѣдитъ, егда же лѣккѣво вѣдитъ, и тѣло твое темно вѣде. Стерѣжѣтса, дабы свѣтло, котре въ васъ естѣ, не вѣло тѣмою. (Лѣк 11.) — Прекраснѣе подобѣе ока тѣлесного до ока дѣшевного, чимъ естѣ око для тѣла, тимъ естѣ дѣша для житѣ нашого; ѳкомъ

тѣлеснымъ бачимо міръ тѣлесный — окомъ дѣшевнымъ бачимо красотѣ дѣха Божого въ всей тварѣ. Яка наша дѣша, такое и житѣ; бѣде она розвѣмна и шира, то и житѣ наше бѣде яснѣ намъ самымъ и дрѣгимъ. Нею мовѣ окомъ зовачимо, що маемъ чинити, а чего самъ стерегчи? чего самъ тримати, а що оминати? — Бѣде ли дѣша наша темна, блѣдна и лѣкава, — то все въ насѣ потемнѣе почорнѣе, а хотѣ що доврого зробимо — то все цѣль земнѣ имѣти бѣде. И не дневно, коли згаснѣ свѣтло, мшклемъ въ темнотѣ — а при найздоровшомъ тѣлѣ темный спотыкае самъ и оупадде. — Зѣ чистонъ криницѣ плыве вода чиста — зѣ каламѣтнонъ слизнѣ каламѣтна съ намѣломъ и болотомъ. Такъ то и зѣ дѣши якъ изъ жерела, якъ бы зѣ оводъ криницѣ плывѣтъ нашии гадки, и мисли; яка дѣша — такіи гадки такое и житѣ! — Праціюможѣ надѣ дѣшею. Тажежѣ то цѣльмъ свѣтъ дае намъ примѣръ и захоутѣ, все що жѣе, до працѣ насѣ загрѣвае и захоучѣе, главномо на мѣрашкѣ та на пчелкѣ трудолюбивѣ — а задневѣмъ самъ. Така дрѣвна сила, а такъ велика охота до працѣ; а щожѣ допѣро нашѣ жаркій дѣхъ при працѣ широй дѣлати може? — Молодежи мила, голѣвий цѣтѣ! надеждо, красото и роскоши свѣта! поглянь на той свѣтъ, якъ охочо люди съ ранною весною поле оуправляютъ, якъ орютъ и засѣвають, и мертвѣ зерно до житѣ приходитѣ, зеленѣе и пожитокъ родитѣ. — Поглянь мовлю на веснѣ — то образѣ твоѣи истинный! Зерно нашки нѣкъ мертвѣ, но оно стократный овощѣ приноситѣ, безъ него анѣ добрый господарѣ, анѣ добрый священникъ анѣ добрый оурачникъ возрости не може. Молодежи мила працію надѣ дѣшею! И вы мѣжи и невѣсти, лѣбѣдники и ластѣвоньки не лишайтѣса працѣ коло дѣшѣ вашнхъ. Кто не засѣмалѣ въ поранной веснѣ, той

сѣе въ пѣзнѣйшой довѣ, лѣтомъ зѣрае благословеннѣ працію, — а лишае мѣ самъ ещѣ часѣ, то и оубогатшого зароблае, — такъ и мы дѣлаймо, до старости просвѣщаймоса, бо до смерти розвѣмѣ потреба, не могнѣсмоли въ веснѣ житѣа посѣкати, то оучѣмоса въ старости отъ дрѣгнхъ, дабы не дознати голодѣ; — не прѣстакаймо такіи маемъ талантъ розвивати, вода столча пѣсѣса. И скоро понехаемо працію около дѣшѣ нашихъ, то вѣрте, що мимо тѣлеснонъ силы гѣрке житѣ насѣ чекае, опанѣють насѣ вороги дѣшевини, яко: злѣи и негоднии похоти, розпѣет, пѣаньство, гнѣвъ и завистѣ якъ з мшн ссати насѣ бѣдѣтъ, затроатѣ нашѣ спокѣи пригладшатѣ найкрашшѣи зароды цноты, счѣрѣоточатѣ дѣшѣи тѣло и станемоса выродками чѣловѣчѣского родѣ, а мѣсто вѣнцями, оковами рѣки наши спѣкати бѣдѣтъ. — И на що намъ, кажѣтъ гдѣкотрин, на що намъ бѣольшон нашки, наши батки, жили при той якѣ и мы маемъ, новыхъ намъ байдѣже. Посадѣхайтѣ прошѣ: Гдѣсь тамъ чи то и зѣ забавы, чи зѣ потребы тагнѣли дѣти за линеѣ, оставленнѣ ещѣ зѣ дѣда прадѣда, а при томъ не было комѣ и доглянѣти, що оуже стрѣпѣшѣла. Правда не еденѣ впавшѣи зѣ одрывкомъ линеѣ комѣи головою протѣръ свои очи и позналъ на розвѣмѣ, але ѣтновити, и поправити оуже годѣ головѣ розвѣтѣ. Такъ и съ дрѣгими быти може. Новѣи рѣкъ начинае самъ, про тое кажѣ всю силою взатѣса до працѣ дѣшевинонъ, нашимъ силамъ и потребѣ соотѣѣтнонъ, а средоточѣе нашихъ трѣдѣвъ отѣбрае намъ нашѣ Бѣстникъ въ ново закладаемомъ Сборникѣ своимъ. Теперь должнѣмоса огланѣти цѣле наше нашковѣ господарство, та розпѣзнати, що направи, а що ѣтсѣѣжина потребѣе. Безъѣмный толькѣ хочѣ тою самою силою орати, котрою боронѣ волочили, безъѣмный токмо вѣде на торгъ вола на томъ мотѣзочкѣ, на котромъ перше гѣскѣ оубазовалѣ, такъ безъѣмно

— ба еще горше чинить той, ктобы гадаль тиньр остати на давномъ шибан и непо- стѣпнати въ мѣрѣ доистнои потреби. Правда то, праца зѣ початкѣ бѣде тяженька, а осо- бливо на добѣ, гдѣ нашии силы такъ подѣ- пали, но тое най насъ не отстрашас; дити- на нѣмъ до ходѣ привыкнѣ, сила са нина- мѣчнть, свѣжо насажденнмъ деревомъ лада вѣтриць колнелас — але наймо оно са вкорѣнитъ, тогда и бѣрю перестонтъ.

И кажѣтъ некотрин скѣпн, мы понимаемо нашии дѣховин потреби, но чекаемо лѣпшихъ часѣвъ, лѣчшон способности — а тогда за- чинемо, т. е. хочете рѣкѣ перити и оусѣши на берегѣ чкаете нѣмъ вода перепани! Икѣ вода не перейде, такъ перешкоды не минѣтъ са — а трѣдности съ перепонами ростѣтъ въ сѣктѣ икѣ вадналѣ. Не намъ прото, стоати съ заложеними въ задѣ рѣками, трѣба самымъ совѣ рѣки розповити до працѣ. — Не стѣймо и не кажѣмъ; цѣкава рѣчь шо сѣй Рѣкъ принесе? шо то зѣ того бѣде? — О врата мои мили! Бы маете и богатства, маете способность поданью щедро- ю рѣкою справедливѣйшого Монарха, теперь ино працюйте не кланайте са часовн, але зѣ часѣ пожиткѣйте! Часѣ икѣ та нива, если коло нин не працюишь, на дармо бысь са вй кланалъ, хотавы день и нѣчь, все вы не помогло, трѣба сѣати, трѣба працювати — а Богѣ поблагословитъ и дозволитъ пожит- кѣ дождати са. — Ось такн гадки дѣсилъ новыи рѣкъ въ совѣ, но и ѳтгадавшн тн, не стѣпѣлѣ емь, абы нхѣ Бамъ милн Родимцѣ ико тако не розповѣсти; таже свѣй своимъ завѣгдамъ радѣ! Прошайте!

Вогданъ.

ПРИАТЕЛЬ ВЪ НЕБѢДѢ.

(Поѣтка П. В.)

Маркіанъ Б... родилъ са въ маломъ мѣстечкѣ влизко Бродовѣ. Отиць его мѣжь дѣже честныи и повсюдѣ любили, поспѣ-

шилъ за надто скоро за своєю незавенною сѣпрѣгою до гробѣ и осиротилъ цѣлѣ гро- мадкѣ дѣтн, междѣ котрыми Маркіанъ былъ наймолодшимъ. — Было то зрѣлище стискающе за сердце, и зневолающе до слезъ начетъ найозавѣйшого человекѣ, икѣ тогды по похоронѣ небѣчника представала хатин- ка, котрѣ то бнть посредѣ мозолныхъ трѣ- добѣвъ лѣтъ кѣльканадцать замышковаля, — а котрѣ теперь дѣтоньки его, сирѣты нищастнн ѳбѣтити мали.

Помочи жаднои и надежды жаднои не- было, одно оупованіе на помѣчь зѣ Бышши оудержовало омаѣлнн силы сирѣтъ старшихъ, а молодшнн не могли еще помати глѣбнны нищастѣ, въ котрѣмъ са находили. — До- врии люди розѣбрани оставшнн са сирѣты, Маркіана взалъ одинъ дрѣгъ небѣчника, вездѣтныи пенсіонованыи порѣчникъ съ со- вою до Бродѣвъ. — Найстаршнй братъ Мар- кіана былъ тогды въ Тѣрнополи оуже на дрѣгомъ роцѣ филозофн, кѣнчилъ пѣздѣй- ше право, а зѣоставшн небавомъ оборотнымъ правникомъ оженилѣ са съ одною богатою вдовою и оскѣл въ Львовѣ. — Прочнн бра- та и сѣстры вымерли въ лѣтъ кѣлька такъ, шо са лишь нхѣ два лишило. — Бѣ тѣмъ прѣтагѣ лѣтъ овдовѣл въ Бродахѣ ста- рыи порѣчникъ а вторыи отиць Маркіана и перенѣсал са до Львова, дѣмавшн, шо тамъ возможе оупоконтн жалѣ свѣй зѣ понесеннн страты, и оѣшити слезы молодо- го Маркіана, тѣжнвешого за второю своєю матерію.

Но кѣ сожалѣнію завѣл са гѣрько ста- ренькнй порѣчникъ въ надѣн своей, бо въ Львовѣ нинайшолъ жадного изѣ давныхъ военныхъ товаришѣвъ и нѣкого знакомого кромѣ врата Маркіана, котрыи однакожь такъ са былъ спаношилъ, шо са встыдалъ пригадати совѣ свое похождніе и неохочо при- нималъ въ домѣ своемъ рѣдного брата, ил- мавшого подѣбного образована икѣ его

малім дѣти и новім скоаки. — То старого простодѣшного и честнѣйшого порвчника, такъ чрезвычайно зразило, що порадивши са съ своимъ вшухованкомъ и единимъ другомъ, постановилъ опустити Галицію и от- правитиса съ тимже ажъ до Терста, мѣста свого рожденія. — Маркіанъ согласилъ са на все, во оуже въ Бродскихъ школахъ, и зъ почитальныхъ розговорѣвъ своего кор- мителя, чвалаъ онъ много о томъ славно- мѣ торговельномъ мѣстѣ. — Приѣхавши цастанко до Терста, оучилъ са Маркіанъ пильно, писалъ о своимъ цастю братѣ сво- мѣ до Львока три — четири разы, но непол- чивши отвѣта, пересталъ. — Силы старень- кого порвчника начали съ каждымъ рокомъ вблши слабѣти, Маркіанъ былъ изключною его потѣхою и подпорою въ старости, но прийшла сѣмная хвила, и заключила жизнь того честного мѣжа, а единственнаго до- вродѣтила своего многодѣйного молодца. — Все що са троха по небѣжикѣ остало, назначене было по словамъ завѣщанія, о- сирочинномѣ Маркіанови. — Въ короткой жизни по дрѣгій разъ осиротѣвши, и то въ чѣжжикѣ, заплакалъ горько нашъ молодець, и молилъ Бога горячими молитвами, авы го неопѣскалаъ въ дальней пѣти жизни. — Найшли са вновѣ доврїи люди и захвалали честного молодца повсюдѣ где ино могли авы го якъ помѣстити.

(Продолженіе.)

О ЛЮБВИ КЪ ОТЕЧЕСТВУ.

Що есть Отечество? Страна, где мы родилиса; колыбель, въ котрой мы возро- стали; гнѣздо, въ котромъ согрѣтин и воспитани; воздухъ, котрымъ отдыхали; земля, гдѣ лежатъ кости отцевъ нашихъ, и где мы сами ляжемъ. Яка дѣша осмѣлнтъ са росторгнѣти сіи крѣпкіи оузы? яке серд- це може не чѣствовать сего священнаго пламене? Саміи звѣркѣ и птицы любятъ

мѣстце рожденія своего, Человѣкъ ли, ода- ренный розвмною дѣшю, малеы отдѣли- ти са отъ своихъ, и оустѣпити въ томъ примѣство пчолѣ и мѣравью? Якій звѣръ не любитъ матери своей? Но Оте- чество меньше ли намъ, якъ мать на- ша? Отвращеніе ѳтъ тои противѣестествен- ной мысли есть такъ вѣланке, що навѣтъ че- ловѣкъ безъ чести и стыда, котрый въ розпадинѣй дѣшѣ своей доистно мае нена- висти къ отечеству своему; однако же по- стыдалеыса прецѣнь пбелично и громогласно до того признатиса. И якъ не постыдати- са? Все вѣки, все народы, земля и небе- са повстають противъ такомѣ. —

ПОСМЕРТНОЕ ВОСПОМНАНІЕ.

Дня 8 (20) Листопада 1852 закончилъ тѣзем- скѣю жизнь въ самъ день С. Мрх. Муханна — праз- дника своей Парохїи —

Г. ГРИГОРІЙ УНІРНАНСКІЙ,

почест. Крылошанинъ Перем. Намѣстникъ и надзиратель школъ нар., парохъ гр. к. въ Флоринцѣ,

ѳбрѣга Гандецкого въ Галичинѣ — отца 11 дѣтїи жїючихъ — пережиши 77, а въ священничествѣ 52 лѣтъ. — Покойный Крылошанинъ поставленъ въ степень священничества Просв. Епископомъ Антоніемъ Ангеловичомъ дня 20 Цѣтня 1801 р. зосталъ дня 29 Юнїа того самого р. Парохомъ въ Бовцерокѣ — не за долго перенесенный съ характеромъ парохъ до Флоринки р. 1819 дня 30 Сѣчна поставленый Епископомъ Намѣстникомъ; дня 11 Марта 1824 Ядминистраторомъ Намѣстничества, а дня 31 Декаврїа того самого рокѣ Намѣстникомъ а мало пѣзнійше и Надзирателемъ школъ народ. оевода Мѣшинского. — Наконцѣ с. п. Просв. Еп: Снѣгѣрскимъ, поставленнымъ почетнымъ Крылошаниномъ гр. к. Гокора Перем. р. 1830 — и ажъ до смерти ѳправдалаъ онъ Намѣстничтво Мѣшинское яко добрый отецъ. — Позостала вдова — съ 11 жїющими дѣтлами, межє котрыми 3 сынове сѣтъ священниками и 3 дѣнки снѣрѣгами священниковъ — оплакѣють рѣвно якъ многочисленнїи дрѣва, смерть покойного засадже- ного мѣжа, ѳтца и доврѣтїа! — Да вѣдетъ бжѣ вѣчнаа память! —

Отъ Намѣстничтва Мѣшинского

ІОСИФЪ ГОЙНЯЦКІЙ,

Е. Намѣстникъ Мѣш. Пар. гр. к. въ Берестѣ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ СБОРНИКЪ

повѣстокъ, сказокъ, историческихъ воспоминаній, господарскихъ и иныхъ
общепользныхъ вѣстій и пр. и пр.

Ч. 2.

Въ день суббота 10 (22) Января.

1853.

ПРИАТЕЛЬ ВЪ НЕЖДѢ.

(Покѣтка II. В.)

(Продолженіе.)

Маркіанъ досталъ са за нхъ помощію мимо молодыхъ лѣтъ своихъ, въ службѣ Американской компаніи мавшонъ въ Терстѣ свои кораблѣ и свои склады. — Онъ пережилъ большу часть жизни на кораблахъ компаніи, въ различныхъ выездахъ по Океанѣ, и въ теченіи того часу собралъ себе трудолюбіемъ, дѣятельностію и непоколебимою чистностію въ кѣпческіхъ оборотахъ хороши мастокъ. Переживши такъ часу долги въ дальнихъ чужихъ сторонахъ, почуствовалъ онъ искренное желаніе, повернѣти съ добытками своими до родного краю, и оувидѣти еще мѣстце рожденія своего и родного брата, о котромъ получила отъ многихъ лѣтъ наименшого извѣстія. — И такъ выпродавшись съ всею и обрѣвши цѣлый мастокъ въ готовизнѣ, отправилъ са Маркіанъ назадъ до Терста и прѣхалъ по шѣдцатидцятилѣтнѣмъ отсутствію до Лькова.

По своемъ прѣздѣ, поспѣшилъ онъ заравъ шкати единого брата своего, колисъ къ нему гордого и неласкавого. Некакомъ доведаль са, що братъ его давно оуже померлъ, а позостаин дѣти покойного разсѣлани въ различніи стороны; при томъ же сказано ему, що одна изъ вратанокъ его пошла за мужъ и живъ въ своемъ собственнѣмъ домѣ на Городицкѣмъ. — Въ сей часъ оудалъ онъ са до той вратанки, а там приняла го съ своею не замужною, при ней зостаючою сестрою, съ всема ознаками поважаніа

и привязанности. Къ сею радостномъ приимованію и витанію причинилася не мало мысль о великомъ богатствѣ стрыйка, котрый заравъ на вступѣ кѣлькома словами далъ тое пѣзнати, що Господъ трудо его поблагословилъ, и що онъ яко неженатый радъ вы былъ конецъ жизни своей въ любвѣ и сгодѣ при братѣ прожити.

Чѣмъ больше тин дамы догадывали са, що стрый богатъ, тѣмъ больше старалиса они солодити ему кождѣ хвилию, и неостѣпно просили го, абы зъ домъ заѣздного до нхъ съ всею спроводилъ са. Онъ изъ своей стороны радовалъ са искренно, що са съ ними оувидѣлъ, и обдарилъ нхъ заравъ прѣхорошими перстнами и иными заграничными дороговѣнностями.

Некакомъ запѣстни са они въ разговорѣ о родинныхъ дѣлахъ и происшествіяхъ, случившихса во время его отсутствія. Взаимни сожалѣниа и слезы сопровождали воспоминанія о смерти отца и прочихъ помершихъ кровныхъ. Маркіанъ сильно тронутый, объявилъ свое намѣреніе выти покровителемъ оставшихса при житію, и що желалъ видѣти и вторю сестру въ подобно цастанныхъ отношеніяхъ въ свѣтѣ, какъ была, по видимомъ, старшаа.

— „Но може васъ осталоса толькѣ двое?“ запиталъ онъ. „Гдѣ же моя маленька, весела Люцинка, котраа такъ любила играти съ мною? И какъ вы то вчера поглажду на ню, какъ она подкрадаветса на пальчикахъ поза мое кресло и легонько оударивши мене, оубѣгает дла того, цювы и

повѣгать за нею. Мнѣ жаль бы даже было, если какое нибѣдь несчастіе случилось съ нею.”

— „Духъ, стрыйкѣю!” сказала старшая братанка: „кѣлько огорченій и клопотѣвъ причинила она родинѣ своей! Она всегда была легкомысленною сестрою, а пѣсте поведеніе ея довершило несчастіе и ганьбѣ нашѣ. Мы были бысьмо щастливыми, слѣбьсьмо могли всѣ забыть на ню!” — „Що же случилось съ нею?” крикнѣла стрый: „может она безчестила са? Бѣднэчка!” — „Неможь склзати,” ѳтповѣла братанка: „чтобы она сдѣлала тое въ самѣмъ подлѣмъ смьслѣ слова; но она оунжила са и свою родинѣ поспѣшнымъ и безрозсѣднымъ повараньмъ са съ человекѣмъ нерѣвного съ нею похѣжнїа, и сдѣла ея окончилася — шкѣ и можь было ожидать, — вѣдностїю и нищастїемъ.” — „И даже радѣ,” сказалъ Маркіанъ, „щобы съ нею не случилось ничѣ злого; хотѣ и съ всемъ не похвалю нерѣвнїи сѣпрѣжества, но молодїи люди могѣтъ поспасти са еще въ бѣльшїи вѣдствїа, а гдѣ нема перестѣплнїа, тамъ дѣло еще можь са поправити. Но чимъ же была той человекѣ, и що сказалъ емѣ братъ мѣй?” — „Нищастїемъ нашимъ, стрый, но кажеся що тѣтъ была виноватѣ не много и самъ небѣщникъ нашъ тато для того, що полюбилъ того молодого человекѣ, котрый былъ оу насѣ оучителемъ рысьнѣкѣвъ, що не запрѣтилъ емѣ ходити въ дѣмъ нашъ даже и тогда, когда мы предвѣреждали его, що междѣ нимъ и Люцинкою можь возродитиса привязаннѣсть.— Тогда, коли было оуже пѣздно, бнѣ даже розсердилася на нѣхъ, и гнѣкѣ его не произвелъ ниного дѣйствїа, кромѣ того, що крикнѣла на Люцинкѣ, най ѳтдае са за того, за котрымъ видно що шалѣе; и най вѣдѣе съ тимъ харлакомъ. Они поврала са и скоро пе-

чѣстествовалъ гѣрько весь смѣтокъ своего положенїа.

(Продолженїе.)

О СВОЙСТВАХЪ СЕРДЦА.

Пивный воспитанникъ Ефикарова, ѳтповѣлъ на вопросъ; що есть благодарнѣсть? —: „память сердца.” Прекрасный ѳтвѣтъ, котрый еще бѣльше дѣлае чести сердцѣ, нежели оумови. Тамъ то память сердца есть хорошою цнотѣю человекѣка, и не такъ рѣдка, шкѣ о томъ сдѣлатъ много строгїи наблюдатїи. Человекѣкъ есть добрымъ по природѣ, кричалъ одинъ мизантропъ, а выгадовалъ на общество, слѣдственно клеветалъ человекѣка; во человекѣкъ созданнымъ есть жити въ обществѣ, шкѣ мѣрзавель, шкѣ пчѣла; всѣ его цноты сѣтъ относительными къ ближнемъ, и ѳтдѣльно ѳтъ него сѣщїествовати не могѣтъ, шкѣ рѣка, ѳтдѣлена ѳтъ тѣла.— Человекѣкъ есть созданїе слабе, говорятъ дрѣгїи моралисты, и приводятъ множество свидѣтельствъ о пѣдлости и слабѣ сердца нашего; но и не вѣрю имъ и не могѣ вѣрити, щобы общество похѣдило на скопнїи лютыхъ звѣрей. Жїютѣ ли тїгры кѣпно? стрѣатъ ли мѣста? — Нѣтъ. Исное доказательство, що слова не слазѣе, но розлѣчае. Кто жїе въ обществѣ? Не словнїи сотворѣнїа: ' голѣвъ, мѣрзавель, вѣбрь, оумный слѣнь, и каждое изъ тихъ сотворѣнїи мае шкѣ то нибѣдѣ качество, котре оукрашае навіть человекѣка и есть одно изъ конѣ потребныхъ основанїи общїежитїа.

Первый нашъ долгъ: благодарнѣсть къ творцѣ. Но для исполненїа его надѣбно начати ѳтъ людей. Провидѣнїю оугѣдно было сказати чрезъ общество всѣ наши отношенїа къ Нѣбѣ. Быти виновникомъ бытїа, не есть достоинство передъ Богомъ и людьми; но принати дитинкѣ изъ рѣкъ матери въ минѣтѣ ея рожденїа, ѳтъ колыбели до зрѣ-

лыхъ лѣтъ сдѣланы ей защитой и опорой, передать ей въ наследіе имя, знаніе, сокровища, землю праотцами воздѣланнѣ: то обязанность отца. — Благодарность же есть обязанностію дѣтей. На подобныхъ взаимныхъ обязанностяхъ основано все благосостояніе общества. Есѣ основаніа его сѣтъ: „общее добро“, и чимъ больше добра, тимъ твердше его основаніе; ибо одно лишь добро мае здѣ постоянность. Сло есть насильственнымъ состояніемъ. Чи подѣ шѣмомъ вѣри, чи при лагѣдномъ сіаніи солнца зрѣютъ нивы? Икъ сила плодородѣ мае свое основаніе въ теплотѣ, такъ и сила товаришеского житіа основана есть на добрѣ.

Многін люди навлюдали человекѣ въ едномъ тѣснѣмъ кружкѣ, въ котромъ дѣйствовали сами. Не одинъ, основалъ мораль свой на подобныхъ наблюденіяхъ. Но и пытаю са: если бы испытатель природы дивилъ са на мѣрала, во время его лажина и хлопотана са забѣланкою или за зирномъ, навлюдалъ его споры съ товаришами, а забыла заглянѣти въ огромное гнѣздо, гдѣ все мае видѣ порядкѣ и стройности, гдѣ есѣ части относятся совершенно одна къ другѣ и составляютъ прекраснѣ цѣлость; то шкій выдалъ бы онъ сѣдѣ о трудолюбивѣмъ насѣккомѣ? И що сдѣлае мѣдрецъ молвачи о человекѣ, котрого кроки числалъ лишь на всебчланиши? Таже всебчланише не есть вселенною!

Нѣ прочимъ, мене никто не пересѣдчитъ, шобы чѣство благодарности было слѣдствіемъ нашего эгоизма, и и не могѣ постигнѣти и понати благодареніа основанного на исключительной любви къ самому себѣ. Напротивъ того, добродѣтель есть пожертвованіе добровольнѣ шкон нивѣды выгоды; она есть отреченіемъ са самаго себѣ. Сѣтъ цноты принадлежачин ѣмори, другин сердцю; благодарнѣсть, есть

лучшою изъ нашихъ цнотъ намъ менѣйше, отголосомъ многихъ душевныхъ чѣствѣ и принадлежить сердцю. „Ты менѣ сдѣлалъ добро: отжижѣ и тебе люблю,“ такъ говоритъ благородное сердце. Эгоистъ иначе: „ты менѣ сдѣлалъ добро, но чи вѣдѣшь ли менѣ добро дѣлати и на даль? добро тобою сдѣлани, не тревѣе ли пожертвованій въ моеи стороны? То сѣтъ слова эгоиста, самолюба; они совершенно противеннѣ благодарности, котра тѣмъ дорогоцѣннѣйша, тѣмъ сватѣйша, чѣмъ менше розсѣждае, чѣмъ менше торгѣвса съ пользою особенною и больше ѣтдавса движенію сердца.

(Продолженіе.)

ТУГА ДѢВЧАТЕ

изъ нѣмецкого Ф. Шиллера, перевѣлъ Варнава Шпрракъ.

Прогонѣтся хмѣромъ

Дверѣва шѣмнѣтъ

При рѣчцѣ на дѣрню

Дѣчѣ сѣднѣтъ.

Бѣе фѣла на фѣлю смално, смалнѣнко,

Еѣ ноѣ тѣмнѣ вѣдмѣхѣ дѣчѣ тажнѣнко,

И бѣко сѣзѣ помѣтѣла.

Охъ сердце ѣмѣрао

Пѣстѣй ѣжѣ сѣтѣ;

Предмѣта къ желанію

На нѣмѣ ѣжѣ нѣтъ.

Свѣтал! поканиѣ теюу къ себѣ дѣтинѣ;

Прожилаамъ не однѣ шастайнѣ годинѣ;

Мѣмъ жила досѣтъ, еомѣ любѣла.

Надармо са точитѣ

Слѣзѣ твоихъ стрѣла,

Неведантѣ ѣмѣрабѣго

Не ведантѣ тѣга.

Скажи, шо потѣшишѣ, еомѣ забѣннѣ дѣши

По зникшѣй рѣскоши солодѣон любѣи,

Дамѣ ѣ нѣла, шобы сердцисѣмнѣти

Най дармо са тоѣнта

Бѣзѣ мѡнѣхъ стрѣлъ,

Некѡи ѡужи не вѣдѡнтѣ

Оумерѡго тѣга.

Наибѡльша цѣстѡнѡсть смѣтнѡн дѡши
По змѣишѡй рѡскошн ахъ! крѡснон любѡн
Бѣтъ — въ бѡлахъ любѡн затѣжити. . .

А О Г О Г Р И Ф Ѣ.

1.

Черный король оглашаетъ
Первымъ слогомъ смертный бой,
Другимъ еднѣй нагрузжаетъ
Пѣтнику тѡжкѡй сѡстѡтъ себѡй;
Всѣ бѣтъ славный, дряннѣй города
И жнетѣ въ немѣ славанскѡй родѣ.
(Розвѣзѡнѣ послѣдуѡ.)

З П Г П Д К П.

II.

Чѡдѡснаѡ те еѣтъ снѡла
Мѡло - жѡлѣзнаго тѣла,
Бѣзѣ рѡкъ, бѣзѣ нѡгѣ, и бѣзѣ рѡта
Отворѡетѣ еѣтъ порѡта,
Дѡдѡн, скринѣ, всѡкѡй замѡкъ
До крѣпѡстей, и до лѡвокъ;
Бѡмѣ мѡна всѡ емѡютѣ,
Бѡмѣ всѣ смѣло отѡвѡютѣ,
Бѡзѡпаснѡ имѣ комѡра
Отѣ заѡдѣла, и отѣ вѡра,
Бѡ ѡнѣ вѡра запѡрѡетѣ,
Пѡтнѡнкѣ свѡкодѣ дѡетѣ;
Отѣ вѡгѡча нѡчѣ нѡпрѡсѡтъ
Кѡлъ вѡго при сѡвѣ носѡтъ.
(Розвѣзѡнѣ послѣдуѡ.)

ЗЕРНА ДЛЯ РОДИННОЙ НИВЫ.

В Ъ Р Ѣ.

Вѣтра бѣтъ икѣ тѡвѡрѣ невѡснаѡ, чѣмѣ
Бѡльше сѡ въ нѡй розгладѡеѣтъ тѣмѣ бѡль-
ше свѣздѣ вѡнѡходѡишь; она подобнѡ до
морѡ, чѣмѣ старѡннѣйше го перѡсмотрѡеѣтъ,
тѣмѣ бѡльше нѡзмѣкрѡмѡмѣ здѡе сѡ онѡ
товѣкѣ вѡити. Бѡ мѡва бѣтъ вѡсѣдѡю мѡлѡсти,
а сѡллѡ вѡн, сѣ нѣчѡимѣ нерѡвнѡна.

С Н Ы.

Кѡже нечѣстѡвѡвалѣ нѣхъ пѡдкрѣплѡнѡ
сѡлодѣнкѡи? Икѣ чѡсто онѡ насѣ оѣцѡст-
ливѡлѡн? Икѣ чѡсто чѡрѡютѣ онѡ насѣ змѣ-
нѡлючн мѡнѡвѡшѡсть въ тѡпѡрѣкѡшнѡсть. Сѡнѣ
спрѡвѡжѡе до кѡпы товѣ, цѡ горѣ и морѡ
розвѣчѡютѣ — онѣ навѡдѡнтѣ жѡючѡмѣ на-
вѣтъ и любѡимѣхъ помѡршнѣхъ — и нѡрѡзѣ
неѡхѡчо закѡнчѡмѣ: „Шкѡдѡ, тѡ вѡлѣ
лѡише сѡнѣ!“ — И кѡлѡн нѡпѡкѡнтѣ насѣ
прѡносѡмѣ вѣдѡчѡго нещѡстѡ, — кѡлѡн нѡпол-
нѡе насѣ сѣмнѣмѡи прѡдѡчѣстѡвѡмѡи, шкѡ
радѡстѡи товѡды прѡвѣдѡжѡнѣе, сѡнѡ погѡдѡдѡмѣ:
„Тѡ вѡлѣ лѡише сѡнѣ!“ Пѡдѡбнѡе бѣтъ жѡитѣ
чѡлѡвѣкѡ, сѣмнѣмѡмѣ лѡбо крѡснонѣмѣ снѡмѣ
вѡзмѣ лѡн перѡшѡй горѣ, — товѡды нѡй насѣ оѣ-
спѡкѡнтѣ нѡдѣлѡ, цѡ нѡпѡкѡлѡебнѡмѡ вѣтра
бѣтъ: вѡлѡжѡннѣмѣ прѡвѣдѡжѡннѣмѣ.“

Не мѡвѣ всѣ цѡ знѡеѣшь,
Не чѡнѡ цѡ вѡдѡишь,
Не любѡ цѡ вѡдѡишь,
Не вѣтрѣ цѡ чѡеѣшь,
И не пѡжалѡеѣшь.

Охѡта и замѡловѡнѣе сѣтъ крѡлѡмѡ до
нѡйкрѡсшнѣхъ дѣлѡ.

Зѡдѡлѡ рѡжнѡ и тѡрнѣе пѡдѡнѡвѡютѣ.

Мѡеѡмѡ едѡнѣ орѡгѡнѡлѣ любѡвѡ а тѣсѡ-
чѣ розлѡчннѣхъ кѡпѡй.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ.

Вѡйшлѡ снѡмн дѡмѡнѡ нѡкладѡмѣ прѡвѡн-
тѡлѣстѡвѡ: Рѣсѡкѡ Унтѡнкѡ дѡлѡ нѡжшѡн
гѡмнѡзѡнѡ. Чѡстѣ 1. — Вѡснѡлѡ Кѡвѡлѡвѡскѡ-
го ц. к. мѡнѡст: кѡнцѡпѡст: при мѡнѡст. прѡ-
вѡсѡдѡдѡ и Рѡдѡкторѡ Вѡст. зак. дѡрѡжѡв. и прѡ-
вѡнтѡлѣстѡвѡ. —

Цѣнѡ ексѡмплѡрѡ орѡвѡнѡго въ пѡлпѡ-
лѡтнѡ: 41 кр. м. в.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ СБОРНИКЪ

ПОВѢСТОКЪ, СКАЗОКЪ, ИСТОРИЧЕСКИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ, ГОСПОДАРСКИХЪ И ДРУГИХЪ
ОБЩЕПОЛЕЗНЫХЪ ВѢСТЕЙ И ПР. И ПР.

Ч. 3.

Въ день среды 14 (26) Января.

1853.

ПРИАТЕЛЬ ВЪ НУЖДѢ.

(Покѣтка П. Б.)

(Продолженіе.)

„Тато, не хотѣла ничь для никуь сдѣлать, и оумираючи, не только выкармили люцирку въ послѣдствіи, но вавозела мнѣ дати еми овѣщаніе, що не вѣдаемъ почитовати ю больше шко сестрѣ нашѣ.“ — „И вы дажи еми мнѣ то слово?“ сказала Маркія съ оумажленіемъ и нѣдовољствіемъ. — „Мы не можемъ сопротивляти ся татѣ“, отвѣтила дѣвкамъ братанка: „но не размы помапали мы ей въ нуждѣ, хотя и неприлично для насъ бѣда вѣдати съ сѣмъ нѣк.“ — „Що же сдѣлаеа, якюца съ нещистноу? Гдѣ она (тѣперъ)?“ — „Та, правду скажавши, она и любивъ ей ставати часте перемѣнати мѣшканья, шо оуже бѣга долшого часѣ мы ничь не нѣли оумнѣ.“ — „Далшій часѣ! И колько же младиру?“ — „Може, вѣрны чирты рокъ двоин больше.“ — Бѣдныи изгнаница! (сказала Маркія) тихимъ голосомъ: „И, о днак оужь, она вѣдала, са вѣдала, вѣ рѣмъ тинъ тѣвѣ. Бѣда и пѣна, крѣча“, продолжалъ оумъ, съ важностию, овертючи на до замѣквен. братанки: „напиши мнѣ послѣднее, якъ вѣстимо, то вѣ мацна на тѣн мацмотион сестры.“ — Братанка потренила вѣ смѣшала са; потомъ вала вавачка на прѣв напи-сана еси, ма жадала отрыи, и неподла еми, оубавиши. „Но, аниши істрало, чѣ вы оуб-сирни насть, хочете? Аужь мѣшка исполниту вѣк, подпороченіа, какъ, аниш оумъ выдядити; и вы, выпрочитати сагодни, и завтра дѣ-матрѣ вса мю лав вамъ, подовае.“ — „Добраа дѣшниця!“ сказала Маркія: „я не люблю

много отпочивати, и боюса, что рѣзніи мы-сли, пробѣгаючи въ головѣ моєй, не да-далибы мнѣ оуснѣти цѣла нѣчь.“

(Продолженіе.)

Правѣтствованіе думъ пастыря прихода-наго на новый рокъ. Дѣла торжественнаго праздника святшій, бѣга котороу число лѣтъ нашіхъ звѣкло зачинати са. Бору наи будѣ хвала, дѣжда-ликомо нового року; при початкѣ нового ро-ку еднѣ дѣвгимъ желаніа свои избравотъ, оужь и та при вѣстѣпливию нового року цирин желаніа сердца моего вамъ; возлюбленніи прихожане изъ шелаю, аны вѣспословніе не-вѣсноє и владотѣ Божамъ вѣгда съ вами прѣшвили, а вѣ сѣи новый рокъ нѣмъ для вѣсѣ началомъ вѣго благополучіа; правди-кон оутѣхи; и трѣвалоу счастья, шо не от-мѣнно етани са; оми дорогою до правди-вого счастья вѣдчою вѣгда ходити вѣдѣти, а тѣмъ дорогу на вѣрнѣ нового року вѣназати ма должнѣ есма.

Нима дѣшвио дороги до счастья; по-стоимого и правдивого; шкы только пра-вѣднѣ житіа; соблюденіе вѣповѣдїи Божнучи, вѣкрность званію; и оупнѣхъ вѣ вѣсѣхъ дѣ-вродѣтѣлахъ. „Пла жєи не вѣи вѣоцѣтнѣоа. Про снѣода, хо да шѣи не вѣи шѣтнѣхъ за-новѣдїи лѣго“ (лѣвѣдавъ Шалмонѣвѣдъ Господнѣ цѣла 127) — такъ навѣчє и вѣмъ Спасителю, „Бѣи ажєи не слышати и вѣоа вѣ о-Божїе и храни шѣи не“ „Бѣзѣ Божнучкѣ до порога, вѣсти то зарѣмнати мѣсь вѣтѣмъ правдива послѣдїа, дѣвѣ вѣрословніа Бо-

жого даремніи нашихъ тѣдъ и замысли; за-
чннайже Хрістіанине рѣкъ сій ѡтъ Бога, ѡу-
срдніи молитвы заноси предъ престолъ Бо-
жій, амы міръ весь ѡтъ грѣхъ, ѡтъ всякон
скорби и нѣжды сохранилаъ, амы намъ бла-
гословеніе небесное и земное изобильно да-
рвалаъ, амы насъ всѣхъ благодатию своею
ѡукрѣпалаъ, „амысьмо рѣкъ сій и прочее
время живота нашего въ мирѣ и покаяніи
скончали.“ Благодареніемъ и прошеніемъ за-
чннай и кѡнчи каждыи днѣ, сваткѣи при-
належно кождѣ недѣлю и нарочитѣ свато,
поспѣшай въ тѣи днѣ на ѡтправѣ и навѣу
дѣховнѣ до дому Божого, съ всякимъ бла-
гоговѣніемъ присутствѣи всесвятиѣишѡи
жиртекъ, котрѣ Сынъ Божій Отцѣ небесно-
мѣ за насъ всѣхъ приносить, а котрѡи
силы небесніи невидимо сѣвжатъ, съ най-
лѣчшимъ предъѡготовленіемъ пристѣпай до
сватухъ тайнъ, и вѣрою черпай ѡтъ источ-
никѡвъ спасенія, а благочестіе, страхъ Го-
сподень и ревность въ богослуженію поло-
жатъ ти основаніе до праведного щастя,
„въыскающіи во Господа и не лишатъ-
ся всякаго блага“ (Уаломъ 32). „Бла-
гословеніе Господне обогащаетъ“ Причт. 10,
22), амы теб тѣи тѡлько получить мо-
гѣтъ, котрин талантовъ ѡтъ Бога ѡудѣле-
ныхъ, часѣ найдорожшого и силъ принад-
лежно ѡупотребляютъ и должности званія
своего вѣрно исполняютъ; трудолюбіе мно-
го такожъ причинитъ са до нашего благосо-
стоянія, ѡтвѣде насъ не ѡтъ единаго грѣха
и клопотѣ, ѡувеселитъ и ѡукрѣпитъ, и сох-
ранитъ насъ ѡтъ недостаткѣ и нищеты.

Пряцѣ най никто не встыдае са, че-
ловѣкъ на трѣдѣ родитъ са, (мовитъ
письмо Сватоє, Іов. 5. 7); а цю чѣстно за-
пряцуети не марнѣйте на піанство, за-
нѣтъ рѣкъ сій ѡтъ мѣрности и трезвен-
ности; котра (вѣдала С. Аугѣстина) съ бла-
гочестіемъ вѣтъ вѣгда совдвинена, и плода-

ми трѣдбѣтъ вашихъ съ чадами вашими
чѣстно жити, о Господѣ радовати са и ни-
щимъ благотворити вѣдѣте. —

Вѣстѣпаймо въ слѣды нашихъ предквѣтъ,
котрин вѣгда Богъ и Цѣсарю сковмѣ вѣр-
ніи были, вѣтъ приказы Найсвѣтѣишого Мо-
нарха вѣрно и охотно исполнаймо, покинѣи-
мо са всякѡи власти, вѣрнѡсть къ престо-
лѣ всемногнѣтѣишого Цѣсаря нашего,
и любовѣ къ спѡльномѣ отечествѣ, а сами
вѣгда захѡвѣймо, и поколѣнію нашомѣ въ
наслѣдіе оставлаймо, а вѣрность вѣгда при-
вѣде до побѣды, ѡутвердитъ и оградитъ
сѣпокѡи и благодѣствіе. —

Просвѣщеніе вѣтъ такожъ жиреломъ
щастя праведного, посмалитъ дѣти ваши
до школы, амы навѣчили са Бога хѣланти
и правѣдно жити; зѣ дѣтїи доверѣ
воспитаныхъ, въ вѣрѣ сватѡи и доверѣтѣ-
ли хрістіанскѡи ѡутвержденныхъ вѣдѣтъ до-
веріи люде, благоговѣннїи хрістіане, общество
ползнім, и Цѣсарю вѣрнїи пѡдданїи. — Отже
позажіѡсть праведна, праведна, трудолюбіе-
е, трезвеніе житіе, почтеніе законнои вла-
сти, доверѣ воспитаніе дѣтїи, и любовѣ,
„иже вѣтъ союзъ совершнѣства“ и (вѣдала
С. Аугѣстина), Богъ наймалыи благоговіе,
сѣтъ камнѣ, на котрыхъ можѣте создати
вѣнколѣпный храмъ щастя праведного
и постоанного, щастянеости дочаснои и вѣч-
нои, котрон камъ днѣсь цѣримъ срдцямъ
желаю. —

Ты самъ Господи прїими наши благо-
дареніе за безчисленнїи твои дары, дарѣи
миръ твои сватѡи католічскѡи церкѣ,
вовагословен Св. Пію Папѣ Римскомѣ, Св. о
апостолскомѣ Бѣлнчествѣ найдоверѣт-
лившомѣ нашомѣ Цѣсарю Францѣ Іосифѣ,
Просв. парезистѣищимъ нашомѣ Митрополітѣ
Курѣ Міханѣ, Пр. Епископамъ Григорію и
Іоаннѣ, вѣтъ, котрин сѣтъ въ власти, и
всемѣ мірѣ, амысьмо о имени Твоемъ рѣкъ

сѣй зачинаючи благополучи въ благодати твоѣй скѣнчали, а не только въ лѣтахъ, но и въ премудрости и благодати Божѣй предъсвѣтаючи има твоѣ присеватѣ прославляни въ вѣки, Аминь.

Г.

МАДЮВЕ ЛОЖЕ.

Сказка изъ уста народа.

Князь одинъ жиючи долго съ своею женою немаючи дѣтѣй, выералъ са разъ на вѣинъ, не знаючи, же збѣсталав жиню свою ереманю. Забавешн вѣлши шкъ рѣкъ на вѣинѣ и повертаючи до дому, свѣднлъ въ одиомъ лѣскѣ, а вѣлкаючи са мало не цѣлшй день по лѣскѣ, оутюмнлъ са дѣжж, и оутрѣдженый оучѣлъ такъ вѣлнкѣ жаждѣ, що оубавешн оупалъ обѣзвнлншый пѣдъ дѣревомъ. — Слѣжева розвѣслана пѣйшла шѣкати воды. Тимъ часомъ надъншолъ шкнйскъ кѣлавый члѣвѣкъ. Запытаный ѣтъ княза, ци има гдѣ тѣ въ повлнзкѣсти воды; ѣтповѣдав, же ѣтъ емъ мѣ шнрндо постаралъ са воды, шкъ емъ мѣ запысалъ князь тоѣ, що мѣв дома наймлѣншн, а ѣ чѣмъ самъ не знаѣ. По короткѣмъ намыслѣ далъ мѣ князь жадамый запысь, а оубже въ кѣлька хѣналъ принѣсь мѣ кѣлавый покрѣпаючии напитокъ изъ недѣже ѣтдалннокъ кѣрннцѣ. По покрѣпаючи силѣ выереваднлъ кѣлавый князь на дорогѣ, а розстаючи са съ нимъ сказалъ: „Паматай, жѣсь далъ запысь, найдалшн за 20 лѣтъ вѣдѣ са оупомннати ѣ сполннѣе его.“

Повѣрнѣшн князь потѣмъ приключеню шастанѣво до дому, прѣвша рѣчъ; котрѣ оубрѣлъ, емѣв его жина княжна съ малымъ сынкѣмъ на рѣкахъ. Бѣйшла она на прѣтнѣъ княза для повнтана его изъ дороги и показана мѣ его наслѣдннка. Но шкъ же са извѣмѣла оубрѣвешн смѣтовѣ и страхъ на лицн княза, мѣсто радѣстн. — Чѣмъ въ

вѣлшнй лѣта рѣсь молодой князь, чѣмъ лѣпшнй емѣвн его постѣпки, тѣмъ частѣнше впадалъ старшй князь въ задѣмѣ. Прнйшовешн нарнштѣ молодой князь до досконалого розвѣмѣ и вѣка спыталъ разъ старого княза: „Що томъ за прнчина, же ѣтъ его въ нѣвстаннѣмъ внднтѣ смѣткѣ, и же всѣ, изъ чога са дрѣгнй роднчѣ тѣшнтн звѣкли, всѣ его найлѣпшнй постѣпки, не тѣшатъ его, но здаютъ са що разъ бѣлшого смѣткѣ вѣстн прнчинною? Тогады розповѣлъ мѣ отицѣ всѣ, шкъ са стало, шкъ ѣтъ прѣдѣ вѣлзко 20 лѣты ннзнаючи ѣ его нарѣднню запысалъ его шкомѣсь кѣлавомъ, запынн нчнстѣмъ дѣхѣвн. — Бѣслѣхавешн тоѣ молодой князь и выпнтавешн са добрн за мѣстѣцѣ, гдѣ са тоѣ стало и за дорогѣ до нѣго, — емѣралъ са въ дорогѣ съ намѣрннѣмъ, поты вѣзнтн и хѣднтн по свѣтѣ, а хѣтѣмы до самого пѣкла пѣйтн, покн того запысь не ѣтѣерн. Нѣмъ са пѣстнлъ въ дорогѣ, вѣзалъ съ сокою пѣшкѣ вѣлшанѣ наполннѣ водою свѣчнною, котрѣ, авѣ са ннзгѣвнла, казалъ совѣ до рѣкн приковатн. По недолгѣмъ врѣмѣнн дѣсталъ са до того самого лѣса, въ котрѣмъ его отицѣ прѣдѣ 20 лѣты нѣщастншй тоѣ запысь оучнннцѣ. Пѣдѣ вѣчѣрѣ спѣстерѣгъ хѣтѣ, а вѣншѣрншн до ннн, засталъ лншь жѣнкѣ, и прѣснтѣ вн, авѣ его на нѣчь прнймнла, котра тога нѣхѣтѣла сдѣлатн; авѣ шкъ зачалъ са прѣснтн и напнкрѣтн, сказала до нѣго: „Жѣль мѣнѣ тѣбѣ, жѣсь ещн такъ молодой, оубрѣдлнвншй а мѣсншѣ марно зъ свѣта нтн, во знанъ, же мѣнъ мѣжѣ вѣстѣ розѣвѣннкомъ, скоро та подѣвѣав то пѣвно оубѣв. Но хѣтѣ емѣсь пѣншѣлъ, то та гдѣ на дорогѣ подѣвѣатн можѣ, во оубже его лншь що нѣвндалко, а такъ лѣпшѣ сѣховай са пѣдѣ постѣлъ; тамъ та шѣкати ннвѣдѣ.“

Бѣлѣзъ ѣтъ пѣдѣ постѣлъ, а вѣдѣвн дѣжжѣ стрѣдженый дорогою ннзадолго оубнвѣлъ

небаль, коли розвбйникъ вкншблк до
 йхаты, а на домъръ нещастя зачалъ головно
 хрупѣти. — Оучеши тое розвбйникъ кы-
 тагнувъ его зъ подъ постелѣ и хотѣлк
 его оубенти. Кназь видачи передъ собою
 смерть, повѣлк до розвбйника: „Пусти
 мене; лишь пойдѣ до пекла и бѣверъ записъ;
 що даль на мене мой отецъ; а тогда небѣдѣ
 са воронити.“ — Оучеши тое Мадѣй (такъ
 са называлъ той розвбйникъ) каже: „Дарує
 ти житье, але подъ тымъ оусловіемъ, абысь
 са тамъ довѣдалъ, якѣ карѣ дамъ мене го-
 товать и абысь ми тое розповѣлк повер-
 нѣвши зъ оттамъ“, що все прирѣлк мѣ
 сполнити князь молодой.

Быйшовши отъ Мадѣа зачалъ ити,
 ити, — ажъ напоследокъ зайшовъ до пекла.
 Входить тамъ; — нестаетъ никого, лишь
 самого Люцифера прикованого ланцухами на
 огненнѣмъ дронѣ. Не много размыпльючи
 довблк свачинон воды, якъ зачѣе его кро-
 пити! Люциферъ са проситъ „ля що хо-
 чишь, зроблю тоек все, лишь ты не кропи!“
 а молодой князь каже: „Нехотѣ ничего;
 ино верни ми записъ; що мой отецъ передъ
 20 лѣтъ на мене далъ.“ Загвѣвѣ три
 разы на слыхъ дѣховъ Люциферъ: Коли еж
 оуже все слышан, спыталъ, который зъ
 нихъ мае записъ отъ старого князя да-
 ный на сего молодого, и оучеши; про кри-
 кый, розказалъ мѣ вернѣти его; а клям
 нехотѣла заразъ оуслыхати, розказалъ ево
 мѣчити; межѣ иншимъ молотѣ его якъ
 на мѣкѣ межѣ двома огненнымъ камѣнами.
 Но тото все непомарало. Тогда крикнувъ
 Люциферъ: „возмѣтъ но чѣго на мадѣево
 ложе.“ Начинаючи ажъ вы са тое стало; ки-
 нѣлк кривакъ записъ подъ ногѣ молодого
 князя. Бываши записъ зыжадалъ молодой
 князь, абы мѣ тое ложе мадѣево показати,
 оучеши тое ложе, хотѣлк зворѣса еще

палецемъ дотирнѣти, но нестерпѣмастави-
 ти изъ далека, оуже мѣ палецъ на офонѣ
 зворѣлк: „Сполнитѣши тымъ способомъ свое
 намѣрѣне; выйшовъ молодой князь изъ
 пекла. По дорожк повернулъ до Мадѣа, абы
 мѣ оповѣсти, яке тамъ ложе для него
 приготовленѣ и на доказъ показалъ емѣ свой
 спаленый палецъ, що таке враженѣ на Ма-
 дѣа оучинило, же постановилъ въ сей часъ
 покажи са и за грѣхи свои покѣтѣвати.
 Якъ тое спытавши сполнитѣ, хотѣлк са
 своихъ грѣховъ высповѣдати; и зыжадалъ,
 абы тое молодой князь оучинилъ; а коли
 са чѣоже вымѣвалъ, же не мае до того вла-
 сти не вѣдѣчи посвѣщеннымъ, зарозналъ мѣ
 Мадѣй; же го оубѣе и назадъ са до своего
 рѣмѣсла вѣрне. Пѣвлѣ что ровнѣти; трѣба ка-
 хати оубѣди розвбйника. Тутъ призналъ са
 Мадѣй; же насапередъ отѣмъ и матеръ; а
 потѣмъ вѣдѣше якъ 100 людей ивѣннѣхъ
 позавнѣвалъ; шѣа слытаншй; якъ мѣ спосо-
 бѣмъ до такого кѣвѣтѣмъ прийѣвѣлк? отъ
 повѣлк: „якъ емѣ вѣлк малѣй; роднѣчѣ
 давали ми чѣтомъ горѣлки; мадѣи иннѣхъ
 напокѣлк; а поволи въ нихъ засмакѣвалѣ.
 и хотѣлк, абы ми все давали. Они индѣчи,
 же тѣ до розвѣтанъ видѣ, хотѣши мѣмъ отъ
 того откѣчати и нехотѣли ничѣ давати.
 Немаючи зѣ отни давати чѣ мѣмъ налетѣчи
 постановилъ емѣ позавѣти са пришкоды че-
 рѣзъ омертѣ роднѣчѣ, а оучемъ привѣти до
 тоего сподѣвѣшъ порѣ, оубѣвалъ емѣ оубѣ
 оубѣтѣмъ зѣ чѣвѣтѣмъ гласѣю.

(Конецъ.)

Въ Ч. 2-мъ Сборника на страницѣ 7 — въ
 другой передѣлицѣ и послѣдней строчкѣ, мае
 оя читати ва мѣсть: „Дашъ е“, — „Дашъ еъ.“

ИСПРАВЛЕНІЕ.

Въ Ч. 2-мъ Сборника на страницѣ 7 — въ
 другой передѣлицѣ и послѣдней строчкѣ, мае
 оя читати ва мѣсть: „Дашъ е“, — „Дашъ еъ.“

Отвѣтъ на письмо изъ г. Харькова. — Редакторъ В. В. Барановскій. — Печать въ г. Харькове.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ СБОРНИКЪ

повѣстокъ, сказокъ, историческихъ воспоминаній, государскихъ и иныхъ
общепользныхъ вѣстій и пр. и пр.

Ч. 1.

Вѣдень субота 17 (29) Января.

1853

ПРИЯТЕЛЬ ВЪ НУЖДѢ.

(Повѣстка Я. Е.)

(Продолженіе.)

„Опрочь того, я нетерпчивый и люблю самъ исполнять всѣ мои дѣла. Ты извинишь мене, милая.“ — Сказавши себѣ, взяла свою шапочку, и безъ дальшихъ околичностей вышолъ зъ дому, оставивши обѣ вратанки свои въ наибольшомъ замѣшанію.

Поглаживши на адресъ, пѣстналъ са прото въ маленькѣ оуличкѣ на лычакѣвскіе предмѣсты. Тамъ однакожь сказали емѣ люди, занимавшіи прежнее мѣшканіе Люцинки, що прошло оуже колька мѣсацѣвъ, якъ она выѣхала, и никто не зналъ куда. То чрезвычайно засмѣтило доброго Маркіана; но въ тѣ хвилю, якъ погрѣзилса въ задумчивѣсть о томъ, що емѣ дѣлати, властителька дому вспомнила, що Боровкивичъ — такъ называлса оучитель рысѣнкобѣвъ — преподавалъ искусство свое въ одномъ извѣстномъ ей конвѣктѣ, гдѣ, безсомнительно, вѣдуть знати о немъ. Маркіанъ поспѣшилъ тѣда, и оубѣдалъ отъ властительки конвѣктѣ, шо такой то майстеръ оучилъ тамъ, но мѣскалъ перестати оуже томѣ зъ полтора мѣсаца. — „Онъ былъ хорошо воспитанный и трудолюбивый молодой человекъ,“ додала властителька конвѣктѣ: „но съмни оестоательства не позволамъ емѣ вѣлатиса къ намъ съ тою приличною внѣшностію, якѣю мы жилаемъ сохранати во всемъ, шо са тычитъ нашего заведенія; и такъ, я принуждена была отпривити его. И сдѣлала тое противъ чѣвествъ моихъ, но неможъ было постѣити иначе.“ — Мар-

кіанъ съ презрѣніемъ посмотрѣлъ на ню, и сказалъ: — „И развѣмѣ са, шо чѣвства ваши никогда не позволамъ вамъ запытати са, гдѣ жилъ несчастный, или шо случило са съ нимъ дальше?“ — „Що са того дотычитъ,“ отповѣла властителька конвѣктѣ: „кождый человекъ повиненъ своего пильновати, а я довольно своихъ дѣлъ маю и досытъ собственныхъ хлопотѣвъ; но, здае са, шо прецѣнь маю адресъ того мѣшкана, гдѣ онъ мѣшкалъ тогда: отъ и нахожь его.“ — Маркіанъ взялъ данный емѣ вѣстѣ и, не сказавши изъ жалю и слова, вышолъ.

Затѣхавши въ означинное мѣстце, оубѣдалъ съ огорченіемъ, шо и тамъ оуже не было Люцинки его. Однакожь емѣ показали, шо она мѣшкае недалеко того дому, на затылакахъ старого, деревяного, по части развалившегося са дому. Сердце Маркіана замирао; однакожь взявши хлопчика за проводника, пѣстналъ са тѣда въ тойже хвилю. Спинаючи са по оузкихъ, скрыпѣчихъ сходахъ, срѣтиса съ жидомъ, сходячимъ внизъ зъ постеляю на плечухъ. На подрѣ, въ дверехъ, столалъ дръгій съ связкою оджи и шмата. Невѣста съ дѣтинкою на рѣкахъ заводила передъ нимъ, и потѣмъ воскликнула: „Бивъчѣвственный! не оставишь ни одной постеляе для мене и вѣднухъ дѣтій!“ — „Пожди,“ сказалъ Маркіанъ срѣтившемъ са съ нимъ человекъ: „оставь тѣи вещи.“ Бидачи, шо той нагадѣе са, повторилъ Маркіанъ свое возваніе рѣшительнымъ тономъ; и потѣмъ селижалъ са къ невѣстѣ. Задумчиво по-

глянѣли они взаимно на себѣ. На влѣдѣомъ, сѹдѣломъ лицѣ розвѣзалъ онъ миліи чер-ты маленькон Люцинки; и наконецъ сла-бымъ голосомъ сказалъ ей: „Бы зоветса Люцинка?“ — „Такъ звали мене прежде,“ ѳтповѣла она. — „И стрый твоѣ!“ кликнулъ онъ, и обналъ ю крѣпко и зарыдалъ, якъ бѣдыто бы сердце его готово было розпѣ-кнѹти са на части. — „Стрыйцю!“ прогово-рила она, и стала омлѣвати. Маркіанъ за-ледело що возмѣгъ посадити ю на послѣдній, оставшійса въ комнатѣ столецъ и взати ѳтъ ни дѣтинкѣ. Другихъ двое малень-кихъ пѣдѣгли къ матери и начали крича-ти изъ страхѣ. Люцинка прыйшла до себѣ. „Ихъ, стрыйцю, въ шкѣмъ положенію вы мене видите!“ — „То правда, положеніе твое сѣмне!“ сказалъ онъ. „Бѣдна, опѣчена ѳтъ всѣхъ, дѣшенъко! Но маеша ещѣ *одного прійшеля!*

Онъ началъ розпытѣватиса о мѣжѣ, и оуѣдалъ, що той занѣдѣжалъ зъ ежедне-нон, далекои вѣганины въ дома, гдѣ оу-чилъ рысѣнкѣвъ по дѣже оумѣренной пла-тѣ и нахѣдилса теперь въ больници на Лы-чаковскѣмъ; що она принѣждана была, для оутримана своего выпродати все свое ма-леньке господарство и шматы, и що вла-ститель домѣ выносилъ въ тѣю минѹтѣ послѣднѣю оставшѣюса ей постѣль за низа-плаченный чиншъ. — Маркіанъ заплатилъ долгъ нѣхъ тонжѣ самои хвилѣ, и приказалъ положить постѣль на мѣстцѣ гдѣ лежала, выслалъ зъ комнаты господара, котрый скрѣтивши са якъ гадина, и посмѣхаючи са якъ Іуда — немогъ клѣмки найти, абы са за двери вымкнѹти. Послѣ сего роз-говорѣвалъ съ братанкою своею о слѣдне-шнѣса съ нею приключеніяхъ. „Ихъ, стрый!“ сказала она: „и чѣстѣбю, якъ много ви-новата и въ тѣмъ, що не повиноваламъ са отцѣ моему и оставила дѣмъ родительскій;

но, може быти, що и змогѹ ещѣ сказати що зъ троха на мое оправданіе, а въ прочемъ лѣта проведеніи въ нещастіяхъ и бѣдности, были оуже достаточною для мене карою. Но що дотычитъ са мѣжа моего, то онъ не давалъ мнѣ нѣколи и найменшон при-чины къ жалованю са; онъ всегда былъ ласкавъ и добръ; и мы нѣтерпѣли зъ при-чинъ повелѣдѣвъ нашихъ, но зъ причины недолѣ. Правда, що вѣстѣпаючи въ сѣпрѣже-ство мы не знали що то значитъ про-кормити дѣти. Онъ имѣлъ дѣже малыи дохѣдъ, а колѣзнь и нишіи приключенія до-вели насъ скоро до крайнон бѣдности.

(Продолженіе.)

О СВОИСТВАХЪ СЕРДЦА.

(Продолженіе.)

Сердца, глѣбокои или дражливои чѣв-ствительности, часто не знаютъ середины; для нихъ все есть зло или добро; они ви-даютъ совершенный порадокъ въ обществѣ, или отсѣтствіе тогожѣ, — скорши послѣдное. Чѣствительный чловекъ, терпѣвшій въ теченіи всей жизни, ставса наконецъ ми-зандропомъ, и оутѣкае въ лѣсы и горы ѳтъ людѣи неблагодарныхъ. Тамъ возно-ситъ онъ нарѣканія на все чловеѣчество, що оскорбило его сердце, и въ гнѣвѣ своемъ за-бываетъ, що и онъ самъ есть чловекомъ, то есть, созданиемъ слабымъ, мающимъ въ со-вѣ, доброе, злое, ашѣ Божества заключенный въ порошокъ, сѣщество, пѣдчиненіе всѣмъ сти-хіамъ. Но допѣстѣмъ, що мизандропъ при-ведѣ совѣ въ память всю жизнь свою ѳтъ колыбельныхъ дней до той страшной эпо-хи, когда сердце его воскликнѣло въ гнѣ-вѣ: „чловекъ есть злонымъ и люди по-добни сѣтъ тиграмъ!“ допѣстѣмъ що онъ привѣдѣ совѣ въ память, и лѣта, коли былъ дѣтиною, и лѣта юности, и лѣ-та зрѣлого возрастѣ, въ которѣмъ вола “

розсѣдокъ почали загадувати голосъ стра-
стїй; допѣстѣмъ, що онъ запытае самъ
себе; чи и не найшоуъ добрыхъ и чест-
ныхъ людїй въ теченїи цѣлон жизни? или
и лѣчшїй всѣхъ людїй? маю всѣ добрин
свойства и всѣ цноты, и не маю стра-
стїй, и чистимъ всею ѳтъ всего пѳдлого
и порочного? Нѣтъ, скаже емѳ розсѣдокъ
и совѣсть, сли ю мае, и ты человекъ, и
ты заплатилъ человекѣстѳ дань поблѣдѳвъ
слабости и страстїй; ты не ангелъ, не
избранникъ, и не чѳд довнїцї! О пыть и
розсѣдокъ показѳють намъ рѣдкии добро-
дѣтели, и часто въ сердца порочнѳмъ на-
блюдателю чѳдасъ нравственныхъ съ неизъ-
яснимою радостїю ѳткрывае прекраснїи лѣ-
чи дѳшевного скареѳ: великодѳшіе, и тыся-
чѳ прелестныхъ свойствъ, которїи при-
мирають его съ порочнымъ и съ Небомъ,
создавшимъ человекѳ не для одныхъ прї-
стѳплениї.

Кто изъ насъ, сложивши всѣ пред-
сѳды не пригадае совѣтѳ якобѳ число людїй,
котрїи собою человекѣстѳ великїи оѳслабїи зро-
вили? Не треба намъ шѳкати богатѳрѳвъ
добродѣтели въ Історїи; поглядѳмо лишѳ
вокругъ себе — и найдемъ ихъ безсомни-
тельно! —

Прекраснїи примѣры жїють въ па-
мѳти нашѳй и нашихъ современникѳвъ,
примѣры достойнїи послѣдована и слѣзъ
оѳдивленїа, — недокѳпныхъ, божествен-
ныхъ слѣзъ! — Теперь запытѳк: если
мы подивляемъ великїи дѣла на великѳмъ
поприщи, — если вѣрѳемъ въ чїстноты, въ
безкорыстїе въ великихъ обстоятельствехъ,
то для чегожь не вѣрѳвати, що са они на-
ходатъ и въ малыхъ? Чи чїстнота пѳдъ
сѣракомъ не есть чїстнотѳю? Бѣднїй, ко-
трїй дѣлїтѳ послѣдними окрѳшиннами съ
голоднымъ, сестра милосердїа, стомача въ

больницѳ съ сосѳдомъ лѣкарскимъ при по-
стѳли ворога би Отчѣства; смѣлїй и чело-
вѣколюбивїй лѣкаръ, испытѳющїй свое искѳ-
ство и терпѣнїе въ оѳбогѳй комѳрцѣ рѳва-
ча дровъ, безъ свѣдѳкѳвъ своего доброго
дѣла, кромѣ одного въ невисахъ и дрѳгого
въ грѳди своей: всѣ тїи люди оставлѳемїи заб-
венїю, не сѳтъ ли добродѣтелии люди? И
той, кто безпристрастною рѳкою списѳе имѳ-
на ихъ овокъ именъ Ласъ — Казаса, Ёропкина
и тымъ подобныхъ людїй, котрыхъ до-
бродѣтель и человекѳколюбїе называютъ сво-
ими. Главнїй Монтанъ замѣтилъ разъ
справедливо, що наибѳлшїи подвїги хра-
вности пропадаютъ въ неизвѣстности; еднѳ
порывае прапоръ, имѳ его гремитъ въ ра-
дахъ, но толпы неѳстрашныхъ вѳвникѳвъ
погнѳли передъ нимъ и въ окрѳгъ него...
Перенїемъ сїй примѣръ въ мїръ нравствен-
нїй. Ласъ-Казасъ спасае любезныхъ своихъ
Ямериканѳвъ ѳтъ раства: онъ безсмер-
тенъ во вѣки; бѣднїй Мїссїонарь въ смѣ-
гахъ Канадскихъ вродитъ изъ шалаша въ
шалашъ, изъ степы въ степъ; окрѳженный
смертїю, проповѣдае Бога и оѳтѣшае страж-
дѳчїхъ, шкїхъ? — родинѳ дикого или
изгнанника, живѳчого на неизвѣстнѳмъ ве-
регѳ безъименнон рѣки або озера; сїй сми-
реннїй воинъ Хрїста не есть ли вели-
кїй человекъ въ полнѳмъ нравственнѳмъ
смыслѣ? Но нащо намъ переносїтѳса въ
далекїи стороны? Таже тѳтъ, кругѳмъ насъ,
видимъ щоднїи, що сѳтъ добрин люди, що
сѳтъ добродѣтели рѣдкии, посередъ страстїй,
посередъ заблѳженїи и злости: ино словъ серд-
це може о нихъ сомнѣватѳса; лишѳ ле-
довате сердце не находило сердець добрыхъ.

(Конецъ сѣдѳво.)

МАДЕОВЕ ЛОЖЕ.

Сказка изъ оустъ народа.

(Конецъ)

Пропивши и прогълавши въ короткомъ часѣ все тое, зачалъ емь дрѣвнѣхъ забивати; а теперъ скажи менѣ, що маю ровити, абы ми такъ великѣ грѣхѣи отпущенѣи збстали? Спыталъ его еще князь: „где тотъ галъза, котроуся оубилъ отца и матеръ?“ — „Тамъ въ сѣнѣхъ,“ каже Мадѣи; пѣйшолъ принѣсъ и далъ князеви, — котрый взавши ю, посадилъ въ землю на горѣтѣ и сказалъ до Мадѣи: „лазь на колѣнахъ, приноси въ гбѣтѣ водѣ и пѣдливай тѣю галъза; якъ са прѣйме, то можешъ мати надѣю, же Г. Богъ твою покѣтѣ прѣйме, и тогда бѣдѣшь ждати на мене, а я, якъ са высвѣчѣ, прѣйдѣ до тебе и скажѣ тебе, що бѣдѣшь ровити, абы розрѣшина достѣпити.“

Мынѣло кѣлькадесятъ лѣтъ отъ того приключена; молодой князь збсталъ свѣщеникомъ а потомъ и епископомъ. Разъ выпало мѣ черезъ лѣсъ хѣрати. Пѣдѣчи оубѣлъ милѣ воюю ибелокъ и пѣслалъ слѣгѣ, абы мѣ тѣхъ ибелокъ нарвалъ и принѣсъ. Прѣйшовши слѣга до ибелѣнки вачитъ, якѣйсѣ старецъ клачитъ пѣдѣ нею, а спытанный, ци бы можна тѣхъ ибелокѣ оубрати для епископа, отповѣлъ мѣ старецъ: „нехай той самъ прѣйде, що тѣю ибелѣнкѣ посадилъ и менѣ на себе ждати розказалъ.“ Оубѣвши тѣи слова Епископъ, пригадавъ собѣ цѣле приключенѣе съ Мадѣемъ, и пѣйшолъ самъ подивитисѣ. Мадѣи (бо то онъ бѣлъ той старецъ) отъзвалъ са такъ до свѣнжающо са до себе: „Дѣже долго я на тебе ждати мѣсѣлъ. Ото галъза, котрѣ есь посадилъ, прѣймиласа, и сѣго лѣта першѣи разъ ибелока зродила. Полѣчилъ емь ихъ, есь тѣлько, кѣлько я людѣи оубилъ, що маю съ ними ровити.“ — „Страси ихъ“ розказалъ Епископъ.

Мадѣи потрасѣ, всѣ ибелока оупали, лишь са двоє лишило. „Знакъ то“ каже Епископъ, „же ты Г. Богъ всѣ забѣйства отпѣстналъ, крѣмъ щосъ завилъ отца и матеръ.“ Оубѣвши тѣи слова Мадѣи зачалъ сердечнѣи слезы выливати и мало не омѣлѣвати изъ велико го жалю. Епископъ видачи такъ великѣ скрѣхѣи и щире показанѣе, далъ мѣ розрѣшенѣе и казалъ еще разъ потрасти ибелѣнкою, а тогда лишь са доткнѣлъ ибелѣнки, злетѣли и двоє остальныхъ ибелокѣ, а Мадѣи самъ въ пороухъ са розсыпалъ.

Такъ, розповѣдалъ тѣю сказкѣ селанинѣи кѣмамъ собранымъ на крѣстинѣи въ долгѣи вечерѣ въ пилиповѣкѣи и додалъ: „Бидите! якъ то сае дѣтемъ горѣлки давати, а богато есь такѣихъ нерозѣмныхъ родичѣи, що своимъ дѣтемъ дають; а сынокѣи якъ выростѣ а напѣе са тон горѣлки, нѣжѣ мамѣ потѣзати а батька за лѣвъ. Та знаеѣи Илька наливайка и его сына Ивана. Шоки Ивасѣи бѣлъ малый, та Илько, ци на праздникѣи, ци на крѣстинѣихъ або на всѣлѣю: „на но тебе Ивасѣю горѣлки, абыса паматалъ, же то всѣла, або праздникъ“ а теперъ якъ Иванъ вырѣстѣ а напѣе са, то неразъ ажѣ сосѣды выривають чѣперѣ Отца изъ его рѣкѣи. Га, якъ си кто постѣилтъ, такъ са и выпѣитъ.

З П Г Я Д К Я.

III.

Бѣсть крѣглое тѣло
Бѣзъ главы, бѣзъ конца,
Оубрашаѣтъ мило
Быстраго молодца,
Бѣсилѣнтѣи сѣбѣи
Тѣиславнѣи дѣвицю,
Бѣзъпичнѣи любѣзнѣи
Тѣбѣи молодницѣю; —
Достѣйникѣи гѣднѣсть
Додаѣтъ то правѣи,
Любѣвникѣи гѣдрѣсть
И смѣлоѣсть на смѣѣи.

(Розвѣзанѣе послѣдуѣи.)

ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ СБОРНИКЪ

повѣстокъ, сказокъ, историческихъ воспоминаній, господарскихъ и иныхъ
общеполезныхъ вѣстей и пр. и пр.

Ч. 5.

Въ день субота 24. Января (5. Февраля.)

1852.

ПРИЯТЕЛЬ ВЪ НѢЖДѢ.

(Переводъ П. Е.)

(Продолженіе.)

„Зѣ тон то нѣжды мы оуже николи не могли подвигнуть са. — Бѣдненькій! онъ безпрестанно тѣдился и терпѣлъ самъ во всемъ, цовы лишь мѣк и дѣтемъ достарчити цо потрібно. И зѣ мой стороны, дѣлала такожь все, цомъ ино могла. Но неклонная сѣрвобѣта небоцинка тѣдла, поразила мене нескончною горестію; и хотѣй сестры два и три рази помагали намъ въ нашихъ крайнихъ нѣждахъ, — во лишь одна крайнѣбѣта могла принѣдннати мене просити ихъ такъ, якъ и просила, — но они николи не позволали мнѣ видѣтиса съ ними, и отъ лѣвного часа совершенно вырѣкали са насъ. И дѣмала, цо и самое небо отвергло насъ! Часъ совершенно ницѣты настала; но вы явилнса — якъ оутѣшитель нашъ!“ — „И да оуслышитъ Богъ молитву мою, цовы и была вашнмъ оутѣшителемъ!“ канкнѣлъ выразительнымъ голосомъ Маркіанъ. „Ты единственная милая дочь моя, и твои маленьки вѣдѣтъ также мои мѣ дѣтми. Отри слезы свои — лучшія дни настанѣтъ!“

Вечеръ оуже настѣпнлъ, и пѣздно было дѣмати о перемѣнѣ мѣшкана. Маркіанъ порѣчилъ одному добромъ мѣщанину, обывавшему въ томъ же домѣ, кѣпннати для братанки его гдекотрн припасы и неовходимн виши, и потѣмъ попрацалса съ нею, овѣцаючи вернѣтиса на дрѣгнй день рано. Она не задрѣжвала го, для того, цо онъ намѣрала ити того еще вечера до ви мѣжа.

И доистно, поѣхала отъ неи просто на Личакѣвскн въ больницу званію „Піары“, гдѣ безчислннное множество терпачнхъ благословили и благословата дѣсннцѣ вѣнциносныхъ благодѣтелей своихъ. Тамъ, представннши са днѣвно распоражающому докторови, просила, авы емѣ сказала, якъ са больный Коробкевичъ мае, и цо онъ о нѣмъ за мнѣннѣ мае? —

Лѣкаръ сказалъ, цо онъ горячкова прѣпасннцю (фѣврѣ) мае, сопровождалемъ чрезвычайною оунылѣстію дѣха, но цо нема ннжкнхъ признаковъ небеспечннства. — „Если позволнте мнѣ видѣтн его,“ сказалъ Маркіанъ, „то и дѣмаю, цо едно мае слово принѣси емѣ болше оулегченнѣ, нежнли всѣ ваши лѣкарства.“ Маркіана заведѣно до тон комнаты, гдѣ лежалъ ннцѣстанннцѣ; Маркіанъ сѣлъ коло его постѣлѣ, и сказалъ: „Господнне Коробкевичъ, и незнакомый особнсто Еамъ, однаковъ приношѣ вамъ нзвѣстнѣ о вашѣй родинѣ.“ Больный провѣднлса, вѣдало зѣ лѣтаргнческого сна, и въ молчаннн выднвлъ са на Маркіана. Тойже продолжалъ: „Може быти вы чѣвали, цо жнна ваша мала стрыва въ Пмнрнцѣ; онъ повернѣлъ до дома, и — отъ видннѣ его.“ Сказавши сѣ, взмалъ съ пламенною оусѣрдннстію протягнѣтъ къ немѣ рѣкѣ Коробкевича, и дрѣжески потрѣсъ нею. Очи больного заблнстали; со всюю оставшннся оу него силою оухопнлъ онъ за рѣкѣ Маркіана, пѣднеса ю къ оустамъ своимъ и поцѣловала. Все, цо мѣгъ выговорннн, заклнчалоса въ снхъ

словахъ: „Богъ да благословитъ васъ! вѣдате милостивѣи вѣднѣи Люцинкѣ!“ — „Бѣдѣ, бѣдѣ!“ отвѣтъ Маркіанъ: „и бѣдѣ отцемъ всѣмъ, всѣмъ вамъ. Тѣмъко не хорѣйте — и скоро выздоровѣйте; все бѣдѣ инакше!“ Послѣ того, пожелалъ емѣ доброй ночи лагоднымъ и ласкавымъ голосомъ, еще разъ стиснулъ емѣ рѣкъ, и оставилъ недѣжного оуже не такъ смѣтного.

Маркіанъ повернулъ до гостинного дома, въ котрѣмъ стала, и по коротко отмытой вечерѣ завчасѣ лагъ спати. Размышляючи съ сердечнымъ оудовольствіемъ о дѣлахъ своихъ въ теченіи минувшого дня, запалъ въ солодкій сонъ продолжавшійся до розсвѣта. Вставши рано, поѣхалъ наймати мышканье и кѣповати все необходимои принадлежности хорошого господарства. Маючи въ рѣкахъ доверѣ навѣтый пѣларесъ, не срѣтила Маркіанъ жадныхъ перепонъ, и скоро прекраснѣи комнаты, передъ котрыхъ ѳкнами величественно явлалъ са хорошии Львѣвъ, — были готовѣи къ принатию щастливыхъ обитателей. Привѣвши все къ пожаданныи порадокъ, ѳтправилса до Люцины, и найшолъ ю и дѣти оубого но чисто и такъ хорошо ѳдѣти, якъ тѣмъко позводали имъ вѣднѣи нхъ платья. Нисповѣдимую довертою обималъ нхъ всехъ, и розвеселилъ сердце доброй Люцины пріятнымъ извѣстіемъ о здоровлю би мѣжа; потѣмъ просилъ нхъ, абы са приготровали ѣхати съ нимъ. Дѣти восхуцили са тѣмъ предложіемъ, и зъ радости не знали, що са съ ними дѣе. Ба сама Люцина не знала що ей дѣмати и що ожидать. — Прежде всего они поѣхали до склепѣ, гдѣ продавалася готова вѣлизна; тамъ Маркіанъ купилъ все необходимои вещи для Люцины и би дѣтѣи, а при тѣмъ не забылъ взати шѣсть рѣ-

вашокъ и для би мѣжа. Оттѣдѣ поѣхали до кравца, гдѣ на маленького Петровна на дѣли прекраснѣи платья. Петровна восхуцила са подаркомъ своимъ, но ажь тогда сдѣлалса совершенно щастливымъ, коли оувидѣлъ и на милѣи сестричцѣ своей, Юленьцѣ, голубое мериносовѣ оуверанье на ватѣ и вѣлѣю атласовѣ хѣсточкѣ, пріятно оукрасывшіи золотый би волосъ и синіи, якъ небо, очынка. Петѣмъ были и оу нныхъ кѣпцѣвъ; однимъ словомъ, чрезъ кѣлька годнѣи матеръ и трѣ дѣтѣи мали значителный запасъ вѣлизны и ѳдѣна, не такъ великолѣпныхъ, но пріятныхъ новѣи нхъ состоанію; прежнѣи же назначенѣи были для сѣвѣдъ, котри нахуцили са въ положіию еще вѣднѣишѣмъ, якъ они были сами.

(Продолженіе.)

О СВОИСТВАХЪ СЕРДЦА.

(Концѣ.)

И въ сторонахъ ѳтдаленыхъ и въ дѣврахъ, незнакомыхъ челоѣкови, родатса цѣтты: на дикнхъ берегахъ моря, среди мѣховъ и волотъ выхуцитъ прелестный цѣттокъ, може до сего часѣ неизвѣстный трудолюбивѣи испытателѣи природы; повеленьки роспѣскаеса ѳнъ пѣдъ лагоднымъ повѣкомъ лѣтного вѣтра; наконецъ, стае са оукрашеніемъ пѣстынѣ, но тамже и оусыхае. — Въ пѣстыннѣмъ воздухѣ стратитъ запахъ скѣи! — Но зѣрнатка насѣна его, падаючи на зѣмлю, розцвитаютъ съ первою весною новою красотою, въ новѣмъ оуверанію. Ыъ тѣмъ истинный примѣръ довродѣтели, неизвѣстномъ людемъ, но не страченномъ для челоѣчѣства: бо нема ничѣ доброго, що бы тѣтъ пропадало, подобно якъ и жадна былинка. Ыъ природѣ все має свою цѣль, свое назначіе; все принадлежитъ къ вѣчнѣи великѣи цѣлости. Ыъ роскошнѣмъ вѣднѣи, въ

многолюднѣмъ Лондонѣ и Пекинѣ, найдѣмо сло и добро; такъ икъ го находимъ въ скалистыхъ нашихъ верховинахъ и плодоносныхъ долинахъ. Добродѣтельный старецъ (Мальзеръ) потѣшалъ несчастнаго Пана своего, котораго опѣстала родина и покинулъ дръзи, а онъ скрадае са до него въ хвни наибольшаго небезпечинства и загроженія изъ стороны проклатыхъ лютейшихъ бороговъ, а цѣла вселенна восхваллае го. Въ окъ же самъ минѣтъ представмо соеѣ, що икѣи то сѣверно-Американнѣ провѣгае на конькахъ (лыжвахъ) необъятное пространство въ трескъ чій морозъ, посреди страшнаго вѣюги: зачимъ? Ото абы принести икѣи возможно заслокъ вѣднѣи родинѣ дръга своего, абы оутѣштити вольнѣю вдовицъ и спасти ѳтъ шенон смѣрти оставшѣ при грѣди дѣтннкѣ. Мальзеръ и той дръгъ подобно достойнѣи передъ тѣмъ, кто ихъ создалъ, передъ лицемъ Добродѣтела и Правосудія небснаго: оба жертвѣютъ жизнь для добраго дѣла, розанчнмъ но вѣгда благословеннымъ пѣтѣмъ иде одинъ икъ дръгѣи за потагомъ благородства дѣши. — И тлкнхъ то мы жслае мо сѣойствѣ срдца, такнхъ пѣдданныхъ законнымъ властемъ, такнхъ прѣтѣлѣвъ дръгамъ! —

Спосѣбъ на Спосѣбъ.

Певнѣи меспанъ изъ Ньюкастаю, назвнскомъ Кларкѣ, спѣкѣювалъ недавно на чѣжѣи мошонки въ Лондонѣ досѣтъ долго и оудачно въ слѣдѣющѣи спосѣбъ: Оудавалъ глахонѣмого, ходилъ по домахъ, прѣсвѣдчнвшн са впередъ, що тнхѣи властѣлннн повыходилн, и показовалъ папѣръ, которѣи оудавалъ, икобы выйшовшѣи изъ домѣ панѣ пѣдпнсалъ певнѣ квотѣ ико складкѣ на заведѣнѣе глахонѣмышъ, по которѣ то квотѣ онъ тепѣрь прѣходнтѣ. Долго тнмъ

чнномъ свиралъ Кларкѣ складки на заведѣнѣе глахонѣмышъ. Ижъ икося его наконецъ полицѣа прицапншла. Проковалъ онъ и прѣдѣ полицѣинымн оудадннкамн ролю свою оупоромъ дальше нграти, ажъ и полицѣа: взала са на спосѣбы, абы его ѳтъ нѣмоты ищѣлнти. Казали мѣ прѣготовнтн теплѣ кѣпѣль, котрон главенна выноснла 7 стопъ. Отважно вскочилъ шахрай въ ню, не спѣдѣючи са, що вода покрые го съ головою. Но лѣдво са выхопнлъ на врѣхъ, зачалъ всѣмн голосамн взывати помочи; забывлъ шротѣ изъ страхѣ, що былъ нѣмшѣи. Такъ чѣдѣсно ищѣлнного вѣднаго калѣкъ осѣднла нмнлосрднѣа справѣдлнвѣсть — цѣлкомъ невннно (?) — на заморское заточнѣе на сѣмъ лѣтѣ.

ПРѢКЛЮЧЕНѢ ВЪ ДОРОЗѢ.

И прѣгадѣте вы соеѣ Пани Онофрѣю, икъ и са са вамн выѣхалъ изъ Городинки, и дѣжѣ пнльншѣ справѣнокѣ малнсьмо, а тѣтъ заколѣсннкъ са загѣвалъ, — що са ровнло? Не сказалнсте мнѣ хѣсткою обѣвннѣти ѳсъ, шобы колѣсо не застѣло, во вы шѣкѣючи за кавалочкомъ патнчка, не моглнсте го нѣгда надѣвати. И икъ колѣсо хѣсткѣ на кѣснннн подѣрло, шожѣ ровнлнсьмо? Не ншлнсте пѣшнн коло осн, таѣ не прнтрнмовалнсте колѣсо? И потомѣ икъвьсьмо са съ влннкомѣ вѣдою дѣстали на влшѣ вѣтѣкѣвнннн, полнѣ стогѣвъ и богатства, шо са ровнло? Не пѣшлисте оудѣвати кавалочокѣ платѣы изъ пѣдѣ стрѣхн, шобы лнша заколѣсннкѣ зрѣвнтн? — Гѣнтѣмъ то смѣхъ таѣ оѣгда была! хѣта мы въ лѣсахъ мѣшкае мо, а прѣцѣнъ ннкто бы томѣ вѣрѣы не далъ; шо такъ было, икъ бы и н вѣрѣы не далъ, сннѣмъ того самѣ не былъ досвѣдчнлъ. —

Но добре вамъ говорнтн, скажѣте Пани Онофрѣю, но икъ томѣ пораднтн, то есть

штѣка. Иѣким вы то дѣже сворымаи добром
порады оуслѣхати, мы и тепрь готови порады
дати, но сѣи листѣ най едѣтъ свѣдокъ, що
изъ того всего ничѣ не едѣ, и шкъ за
парѣ лѣтъ до Васѣ приѣдѣ, безъ мотѣза
и полѣна нема са шо въ дорогѣ до Васѣ
пѣскати. — Иѣкъ вы вы порады слѣхати
хотѣли, пѣслали вы вы до насѣ оучителей
сельскихѣ о радѣ и порады, а мы вы вамѣ
сказали такѣ :

Едѣтъ вербы; едѣтъ заколесники,

Едѣтъ вербы; едѣ и люшина,

Едѣтъ вербы; едѣтъ граблѣ тай и
вили, Едѣтъ вербы; едѣтъ колы тай
огорода, Едѣтъ вербы; едѣ даланко. Я и
еѣтѣрь хаты не поребрѣе, тай на пасовникѣ
холодѣ малый для хѣдѣки едѣ, Едѣтъ
вербы; едѣтъ ноши, пѣлѣкошки, Едѣтъ
вербы по надѣ ровы и береги, а не пообриваютѣ
са. Едѣтъ вербы; едѣтъ пчолы на веснѣ
помитокѣ мали, шкъ вамѣ верба заевите.
Едѣтъ вербы, но хранѣ Боже во огородахѣ;
тамѣ сливинѣ, шелѣнки, грѣшки, кершинѣ,
вишинѣ, волоскин орѣхи; але по мочеркахѣ
пѣстошпахѣ, пасовникѣ, межахѣ, беригахѣ,
пѣскахѣ. Одинѣ тѣлако родѣ вербѣ, а
то той, шо шкъ сѣрка ломитса, издалый,
хува въ пѣчь а ринта родѣвъ всѣ сѣтъ
здали.

Но! Но! мы вы садилы, скажете, но вы
знаемо, гдѣ ихѣ взати и шкъ садити. —
Иѣкъ прѣдѣте на веснѣ гдѣ за дѣла, а обачитѣ
вербы, попросѣтъ о парѣ гнамакъ, привезѣтъ
до домѣ, тай всадѣтъ въ землю такѣ,
щовѣ са кора не задерла; отѣ цѣла рѣчь. Иѣкъ
настане посуха, треба ю водою поподливати.

Ци такѣ и садовникѣ садити?

О тѣмѣ вы трѣхи бѣльши говорити;
но прѣдѣтъ до оучителя сельского на
вечерницѣ, а той сѣ книжокѣ вамѣ много
о тѣмѣ прочитовати едѣ. — Т.

ЛОГОГРИФЪ.

2.

Растѣнѣ благодатно

Знатнѣйше по всей земан,

Кислымѣ едѣсомѣ все прѣятно

Коль сѣчитса въ осини.

Пакъ читай вспать, дай мѣ оуста,

Безъ него комора пѣста,

(Розвѣывашѣ послѣдув.)

З П Г И Д К Я.

III.

Цыгани ма тоукал, вилан

Тай немилостиво.

Огнѣмѣ пѣданѣ и кѣстѣмѣ

То крѣгло, то крѣко;

Я тепрь и ихѣ накажѣ,

Злодѣлѣ, вера поважѣ.

(Розвѣывашѣ послѣдув.)

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗВѢСТІА.

Руска первая азыкоуебна Ун-
танка, для школѣ нижнихѣ въ аустрѣй-
скои Державѣ, составлена Антоимѣмѣ
Добраньскимѣ; лѣрохомѣ Балаевскимѣ,
зѣстала изъ стороны краевского школьного оу-
радѣ въ Львовѣ, високомѣ мѣнистерствѣ
наукѣ предложеною и, отѣ того послѣднего
щю до азыка одобреною. Теперь власнѣ
совершила са наворка I. частн том книжки
т. е. оустѣпы до унтана, и обѣймаѣ 8 1/2
тископечуатаныхѣ азукѣвъ. II. Часть т. е.
грамматическа, 2 1/2 тископечуатаныхѣ азукѣ-
кѣвъ обѣйматн могуаа, ещѣ въ теуенѣн
того тыжда вынѣде такожь изъ подѣ рѣкъ
наворунка. Тѣе далѣе розѣймаѣ са потѣмѣ
до дѣтѣмѣныхѣ орѣдѣнарѣтовѣвъ везладомѣ о-
добрена щю до предметового содержана. —
по уѣмѣ къ потребнѣомѣ колнустевѣ печу-
тати са маѣ. — А такѣ повнтѣемѣ не за-
долго новѣ оуебнѣщю книжку, котрыхѣ вы
лишь шкъ маибѣльше матн! —

Р О З К А З А Н Ё

Загадки II. въ Ч. 4. Сборника: „Перстень.“

Отвѣтательный издаватель и редакторѣ Василий Зборовскѣй. — Типомѣ ОО. Мехитарѣстовѣвъ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ СБОРНИКЪ

повѣстокъ, сказокъ, историческихъ воспоминаній, господарскихъ и иныхъ
общепользныхъ вѣстій и пр. и пр.

Ч. 6.

Въ день суббота 31. Января (12. Февраля.)

1853.

ПРИХОДНИКЪ ВЪ УЛРИХСКИРХЕНЪ.

Печатка въ р. 1809.

Битвы подъ Испарномъ и Баграмомъ перегревали, и безчисленіи раненіи лагали на нхъ кровавыхъ молахъ; фѣрами привожено тыхъ, котрыхъ провезти было можно, до Бѣдина, а нхъ оужасный взоръ причинилъ са изрядно до заключенія спкою; но тажко-раненіи мѣстѣи остати са наполи надморавскѣмъ. — Оулрихскирхенъ, гарне и чистеньки мѣстечко, лежаче посередѣ роскошныхъ нивъ, межн виставыми садами стрѣлаючи своєю скромникою церковною вежою въ небо, обрапо на полевый шпиталь; многін тысачи везино тѣда навозахъ и несено на ношахъ — свѣи и чужій, пріятель и непріятель рѣзнобаренымъ загаломъ. Тѣжъ единъ коло дрѣгего лежали тажко раненіи воажн; по-ночь коло богатого парадного оуниформѣ офицера шассерѣвъ ѳтъ гвардіи, было видѣти простѣ еѣла катанкѣ австрийского ландверисты, коло вестрого фантастичного дольмана оугорского гвссара, сѣрѣла са простый капотъ французского гранатира. Въ самѣмъ шпитали нѣжда и еѣда крайнего досагали стипина. Явы совѣ ико тако вообразити число несчастливыхъ, великость гора, потреба лишь приточити по простѣ дѣлобытнѣ рѣчь, що кровь по подѣ скальбенны дверій зѣ вѣльна черизъ пороги цюркома тила, а на дворѣ дѣжки вырѣзанныхъ кѣла полніи столли. Я до того недостатокъ была лѣкарѣвъ, живности, полотна на обѣзки и лѣкѣвъ; недоставало рѣкъ, авы оуходити живыхъ, а оумершихъ погребсти. Съ го-

лосымыъ всемаъ вѣднхъ мѣшала са гав-хій, скоре сконаны заповѣдаючи стонъ дрѣ-гихъ и кончалены са были въ болю и от-чланин, вслѣны имъ Господа Бога въ ласцѣ своей не послалъ была ангела въ челоѣ-чискѣмъ видѣ — ангела, въ одежи свашни-ника, авы нхъ въ послѣднхъ нхъ хен-лаха потѣшала и оукрѣпала.

Была то приходникъ тѣгожъ мѣстеч-ка. Привыкши спокойнымъ селанамъ про-повѣдати слово Боже, пріала инадѣино ѳтъ сѣдвы еѣчною ролю въ сѣмогладѣ вѣины — и исполнала свѣи сватыи обѣ-зокъ съ такою любовію, съ таковыъ пожерт-вованіемъ са, иже лишь чиста дѣша до-стойного свашинника въ совѣ мѣстити мо-же. День и ночь клачѣла коло ворѣданныхъ и разтерзанныхъ жертвъ нитѣвъ, — жадна рана не была такъ страшною, авы вго ѳтъ себе ѳтъгнати поделѣла; вго сѣтанна про-мокала кровью; во цѣлыхъ днахъ въ оу-стахъ своихъ немала кѣска хлѣба, не мааъ и единой годины, во разѣ въ разѣ лежала на колѣникахъ яри конячиныхъ вошкахъ, по-тѣшаючи, напоминаючи, голосѣ съ чини люантѣвъ дѣючи, аво зѣ тиха надѣ михъ приклонившица, послѣдней исповѣди грѣ-хѣвъ нхъ слѣхючи, и С. Тайны оуми-рающимъ оудѣлаючи. Трогательно было видѣти, икъ Австриаки, котріи съ нимъ своєю вѣсѣдою могли говорити, послѣдній слова свои къ нимъ звѣтали, шо бы мѣ поблагодарити за змгчныи и потѣхъ, ко-трѣ имъ въ смерти принѣса. Но и фран-цѣзы, съ которыми са ико тако могъ по-

розвѣсти — научилъ бо са былъ на все-
оучилищи трошка по французски, правда, що
въ цѣломъ нишбѣ цѣли — и француззи
старин, бородатин вошки, котрин може пома-
гали бастилью пристѣпомъ взати и лютили
са межн септембризерами*) — цѣловали съ
слѣзами заплавленнымъ окомъ рѣкъ священ-
ника, и оублажали его шкъ ангела Божого.

Было то о патѣи годинѣ вечеромъ;
скромное обиталище приходника спочивало
въ глѣбокоѣ тишинѣ, — свѣтлечка скрыта и
млаа; отвореніи ѡкна выходили на пола, и
хоронилажа ѡтъ лучей солнечныхъ подъ
листьемъ винной лозы, а столча передъ ними
липа розпростирала надъ ними холодачин
свои рамна. На ѡкнѣ стояло пара цвѣтнич-
ковъ съ рожамн и желтымн фѣалками, коло
того висѣла каѣтка съ канаркомъ, ко-
трый везжѣрно совѣ шветалъ и свисталъ,
изъ стѣны погладалъ тихосѣмно образъ
ропнатога Спасителя, въ едномъ кѣтѣ
столни приходника скромни полычки съ
книжкамн, въ дрѣгомъ простый орѣховый
клавиръ, и на тое все позирало вечерное
солнце, прирачене виннымъ листьемъ своимъ
оукрадомъ зарѣочимъ свѣтломъ; былъ
то образъ покою — цастливи, сельском
самотности, и ктожъ бы са былъ надѣлалъ,
шо о колька стѣповѣ ѡттамъ, нѣжда, край
на чловѣческа нѣжда розшлалшила са?

На почивалцѣ лежалъ приходникъ самъ
въ глѣбокомъ снѣ погрѣженный; оулагъ на-
конецъ напруго своего долгѣ допоминающѣи
са природѣ, мѣселъ пойти до дома, абы
оутолити жгѣчѣи голодъ; передъ нимъ, на
столикѣ, стояла чарка съ чеколдою и тро-
ха вѣлого хлѣба; но не оуспѣлъ его всего
спожити, бо закимъ его докѡнчилъ, овла-

*) Такъ звано обычно омыхъ кровавыхъ оубійцѣвъ, котрин
въ днахъ 2. 3. и 4. Септембра 1792 по розанчиныхъ
казницѣхъ Париза до 12.000 беззройныхъ вѣнцѣвъ
вымордовали.

дѣла правомъ своимъ природа, и погрѣзи-
ла его, не спавшого черезъ три кратъ по
двадцать чѣтыри годинъ въ глѣбокомъ снѣ.

Колн такъ спачѣи лежалъ, вхѡдять
ненадѣино мѣжъ дверми, стае оузрѣвши
спачого, и заложивши на вкрестъ рамна
смотря на него. Чѣжинецъ той лишь шо
вшедшѣи былъ возростѣ тонкого и досытъ
высокого. Его благородна постава, его по-
важин по ласкавин чѣты лица полнѣи благо-
роднѣи, котрин велика жѣрва сдѣлала вѣдѣм-
нн и сѣмынн, заповѣдали въ немъ че-
ловѣка вышшого сословія. Оубраный былъ
въ одежѣ невыворнѣ, въ котрон еднѣи лѣ-
вовочнѣи пѣговичнѣи дѣрцѣ сѣлаа лента
ордина — въ прочемъ немалъ въ своемъ
оуборѣ ничъ ѡтличающого. Противъ не-
го, приходникъ Оуарнхирхенскѣи — былъ
то истый образъ обезсилнѣи. Его иснобѣре
волосѣ меркающе сюда тѣда оуже сѣдинною,
висѣло около его на подушкѣ поникшон стрѣж-
денн головы. Его честнѣи чѣты лица вы-
ли блѣдн шкѣы трѣпа, глѣбоко заплава
тварь его. Хотя сонъ его былъ тажкѣи и
глѣбокѣи, однакожъ не былъ спокѣиный, во
часамн порѣшлал са его оуста шкѣы до
молитвы, а рѣка двигала са съ таготою,
шкѣы кого благославити хотѣла; но съ таж-
кимъ стогномъ оупадала назадъ. Его чор-
на сѣтанна была на немъ везъ ладѣ и не
вычищена, ѡтъ трѣхъ днѣи не роздѣгалса
изъ нен, а оу сподѣ здавало са шкѣы вы-
ла въ крѣи омочена.

Такъ выглядалъ приходникъ Оуарнх-
кирхенскѣи. Чѣжинецъ спогладалъ на него
погрѣженный въ мыслѣхъ и рѣкъ: „Белича-
ють богатырѣвъ, котрин съ мечемъ въ рѣ-
цѣ жертвѣются за отечество; но вышша
слава и чѣсть достонть томъ, кто такъ,
шкъ сей тѣтъ, въ тишинѣ и незнаннѣи дѣ-
лае добро и слѣжитъ отечествѣ. О! кобы
то маючин власть закѣды такожъ и мо-

гли нанти тихъ, котримъ такъ великимъ заслуги коло отчества своего положили.”

Послѣдній слова выркъ троуха голоснѣйше такъ, що приходникъ пробѣдился. Оүзрѣвши чужинца, котрый съ заложными на вкрестъ раменами прямо него столалъ, сүопидъ са борзо изъ почивааки, оүпорядилъ на собѣ зналадѣлю сѣтанинъ и рикъ склонивши са: „Извинѣтъ, Пани, но я принуждинъ былъ долгій часъ вырчиса снѣ; и томѣ скоромъ лишь оүсѣлъ тѣтъ на мою почиваакѣ, абы са троуха пожирити, змогло ма нинадѣино.”

„Извинѣтъ овшѣмъ Ваша Бесчестность”, отвѣтила чужиница, „щомъ Басъ позабавилъ спочинкѣ, которого такъ дүже потребуете.” „О иѣтъ, было то хикою зъ мой стороны, щомъ са дала ътъ снѣ змогчи; вечерѣе, и то власнѣ часъ, гдѣ горачка ътъ рана обыкновенно найгѣрше са лютитъ и дүже многихъ погѣлае. Томѣ то певно мое присутствіе въ шпитали бѣде потребное. Извольте дѣло, которое Басъ къ минѣ привело, справити борзо. Могѣ ли Басъ о Ваше чистное има запытати?”

„Съ моимъ именемъ” отркъ чужиница, „днена заншла перемѣна. Впередъ звали ма Францомъ Вторымъ — а теперъ зовѣтъ Францомъ Первымъ.”

Приходникъ отскочилъ и выдвинулъ са на вскѣдүючого; тойже продолжалъ: „И дненожь то, що Цѣсаръ Іустринъ приходитъ къ мужѣ, котрого всѣ влнчаютъ, котрый всѣмъ мвлме са быти ангеломъ, котрый вѣднхъ волюбѣвъ, котринъ за мене на смерть себе ътдал, оүкрѣпале на послѣдній нхъ похѣдъ? Есть же то днено, если цѣсаръ приходитъ, абы поблагодарити мужевн, котромѣ только благодареніа должнъ?”

(Продолженіе слѣдѣе.)

ПРИАТЕЛЬ ВЪ НУЖДѢ.

(Почѣстка П. В.)

(Продолженіе.)

Окѣнчивши всѣ свои покүпки, приказалъ Маркіанъ хуати на нове мешканы, гдѣ все оүже было въ совершениѣмъ порядкѣ. Быскочивши изъ повозѣ, взялъ за рѣкѣ Люцинѣ немавшю и наименшого понатіа о томѣ, що са съ ню дѣе, повелъ ю на сүоды и привелъ въ прекрасніи комнаты и посадилъ на крѣслѣ. „То дѣмъ твоѣ, моя милаа,” сказалъ ънъ. „Надѣюса, що ты позволишь менѣ загощати частше до васъ.” Люцина повелѣдла, и не могла выговорити и одного слова. Наконѣцъ потокъ слезъ облегчилаъ ей стѣсненнѣю грѣдъ; мгновенио кинѣла са до ногъ своего стрыа, и слабымъ, перриваючимса голосомъ извѣрила благодарности и благословіа свои. Добрый Маркіанъ подналъ ю ласкаво, поцѣловалъ ю и еи дѣти, положилъ ей сакѣкѣ золота въ рѣкѣ, и ътдалилъ са кванливо ътъ нхѣ.

інъ отправилса къ сей часъ до шпиталю (Піарѣвъ), и засталъ Боровкивича сидачого въ постели при тарелцѣ росолѣ. Малици его сіала пріятна радѣсть. Маркіанъ сѣлъ коло него. „Благослови Басъ Боже, любезный стрыю!” сказалъ Боровкичъ „и вижду теперъ, що все то не сонъ, но истинна. Бидѣ вашъ преслѣдовалъ мене цѣлю нѣчь, и я ледево могъ дати советѣ отвѣтъ въ томѣ, дѣйствитально ли я васъ видѣлъ и слышалъ, или все то было лишь сномъ горачки. Однакожь розстроенный дүхъ мой много оүспокоенса, и по первый разъ въ теченіи болѣзни мой, я попыталъ за росоломъ, и нахожѣ го смачнымъ. Но теперъ позволте май васъ запытати, здорова ли моя вѣдла Люцинка, и мои дѣти?” — „Они всѣ здоровіи и щастливи, любезный дръжъ,” сказалъ Маркіанъ;

„и и надѣюся, что и вы скоро будете въ дома съ ними.“ Бѣншоль лѣкарь и взялъ за палець вольного. — „Вы щастливый докторъ, Господине,“ сказала первый Маркіанъ „вы исцѣлили бѣднака отъ продолжительной болѣзни. Палець его теперь такъ спокойнѣй, шкъ мѣй властный.“ Маркіанъ запыталъ, когда можна вы перевезти безопасно вольного до дому; и по мнѣнію лѣкаря, можно тое было сдѣлать еще того самого дня къ вечеру.

(Конецъ сѣдѣе.)

И О У Н Ы Й С О П Ъ Т Н И К Ъ .

Думаю, що mezi читателями и читательками „Отечественнаго Сборника“ може быти никто не найдѣся, ктобы не досвѣдчилъ въ жизни своей тои неизрешимой истинны, що надъ нами отъ колѣблѣн всегда едитъ сила вышняя, и що кождѣй человекъ есть подъ защитою своего ангела хранителя: но занимательною буде надѣюся, повѣсть, которая находится въ запискахъ нѣмецкихъ вѣрдо-стойного вонна нашои державы; а котронъ правдоподобіе оставлю сѣдови читательства. Повѣсть тѣю оповѣдае оупоманѣтый воннъ сими словами:

„Рокъ 18 . . стоалъема съ моимъ полкомъ шко поручникъ въ Квѣтнѣй Горѣ въ Чухахъ. Былъ емъ тогда молодой и хорошій въ полнотѣ жизни и здоровья. Со всѣмъ задоконный моимъ становищемъ, котрое юношескомъ честолюбію отповѣдало, не маючи нишкон, хотѣвы най-мншон жѣры, до того отъ всѣхъ лю-блѣный и почитаемый былъема, крайнымъ словомъ найщастливѣшимъ человекомъ. Николи не думалъ емъ надъ состояніемъ моеи души, не гадалъ николи о смерти и о вѣдѣннѣй сѣдѣ по за предѣлами земаѣ,

во и не малъема способности до такихъ благополезныхъ дѣлокъ, вѣдѣны всегда окрѣ-женый веселыми, но къ сожалѣнію, розвра-щенной вѣры дѣлами.

Любилъ емъ пристрѣтно дамкинъ про-хѣдки, и всегда, имено по полѣдни, коли звычайно вольный былъема отъ службы, выѣгалъема ямлю и дальше отъ мѣста найчастѣйше самъ, или съ моею возлюб-ленною собачкою.

Зима рокъ 18. : была морозна и вѣ-трѣнна, но шнѣн, погодни дни дѣлали ю досытъ пріятною, особенно для мене, що вѣльши, шкъ кто инныи, люкылъ емъ стѣ-дѣны, и завзатымъ испрѣтелѣмъ былъема всѣхъ, найпачѣ молодыхъ теплюхѣвъ, ко-торыхъ теперь оуже много находится въ слѣдствіе неалагоразміа матерей и воспи-танницъ.

(Продолженіе сѣдѣе.)

Л О Г О Г Р И Ф Ъ .

З .

Скажи, где ты тогда еси,
Коль не еси въ хатѣ,
Но въ передѣ земаю приниен,
Такъ можешь сѣжати
То до Церкви, то на сонѣ,
На праздникъ, на похоронѣ.
(Розвязанье послѣдуе.)

З И Г Л А Д К Я .

IV .

Земля мнѣ тѣдо дала
Вода помагала;
Есю бытность огнямъ достала
Твердымъ камнемъ стала,
И своды на Церквахъ, домахъ
И крепостехъ строю,
Лишь додай мнѣ вапно, и прахъ
Стѣны вкѣнѣ спою.
(Розвязанье послѣдуе.)

Р О З В Я З А Н Ъ Е

Логогрифа 2. въ Ч. 5 Сборника: „Канѣста.“
Загадки III. въ Ч. 5 Сборника: „Ланьцѣхъ.“

ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ СБОРНИКЪ

повѣстокъ, сказокъ, историческихъ воспоминаній, господарскихъ и иныхъ
общепользныхъ вѣстій и пр. и пр.

Ч. 7.

Въ день субота 7. (19. Февраля.)

1853.

ПРИХОДНИКЪ въ УЛРИХСКИРХЕНЪ.

Повѣстка въ р. 1808.

(Продолженіе.)

Приходникъ сталъ шквы преображенный; его очи искрили са, черты его лица оживили са и сіяли блаженнымъ оумѣхомъ; теперь вѣргъ са на колѣна передъ монархомъ, оухопилъ его рѣис и цѣловашю оусердно кланяться: „Ваше Величество! о мой всемилоостивѣйшій Пань и Государю!“

„Что то есть, всечестный Отче, що дѣлаете?“ спыталъ Цѣсарь взршennyй. „Встаньте, встаньте. Имя не прійшло, абы Вамъ лишь поблагодарити, и маю и просьбу до Васъ.“

„Благодарю, Ваше Величество. Моя послѣдна капля крови належитъ отечеству.“

„О нѣтъ. Я знаю, що вама потребности жадати, но, всечестнѣйшій, Ваше Цѣсарь проситъ Васъ о тое“ — и монархъ сложилъ доистно рѣцк передъ честнымъ священникомъ, — „небѣтѣспайте монахъ офицрбѣ при сконаню.“

„Икакжебымы то мѣгъ“, вопросилъ извѣстнѣйшій приходникъ, „и дотеперь офицрбѣ и простыхъ, пріятеля и непріятеля одинакою любовію охуодилъ емь, и подавалъ тымъ святости, котрин са представили. Простѣтъ, Ваше Величество, еслимы може Вашѣ всевысочайшѣ мысля не зрозумѣль.“

„Зрозумѣете ма заразъ“, отрикъ монархъ дѣже важно. „Бѣдомо Вамъ безъ сомнѣнія такъ и мнѣ, що австрійскій людъ въ сердци своемъ живить глѣбоко вкорѣ-

менъ любовь до честноты и смысла вѣры. Простолоудинъ не забывль нарки, котрин емь мати его шко дитати давала. Бѣ стропотное житѣ воинское неси съ собою пожежнѣсть, и ма неразъ при литургіяхъ полевыхъ созидалъ емь са видачи, шкъ вошки молали са. Если такій ражный смертельнымъ оударомъ лежить на боевици, спокѣтовѣе тое мало, що обтажае его совѣсть, оучтикою смертію воинскою за Бога, Царя и отечество. Простый воакъ легко представлае са. Иначе же дѣе са съ офицромъ. Подумайте, всечестнѣйшій отче, наибольше изъ нихъ сѣтъ молодін, шлахта, выросли и воспытаний въ овыхъ часахъ, где то французскій пыкъма, шимо всего оумали, црѣвы томъ перепатѣцовати, мажи вышшими сословіями шо разъ болше розширили са, где Коллатерь сталъ са емь любовникомъ. Подумайте, шо тимъ паничѣ заражнѣи видѣтъ такъ званныхъ просвѣщенныхъ книжокъ, встѣпли на подрице житѣ, осаѣпаннѣ богатствомъ, блескомъ, готовѣ къ всякомъ оуведеню. Такій человекъ потребности сватон потѣхи вожественнон вѣры при смерти болше нежели каждый иный и тажше таа встѣплъ до сердца его находитъ; а теперь понимаетъ певно мою просьбу, котрѣ еще повторяю: честный отче, небѣтѣспайте монахъ офицрбѣ при сконаню.“

Приходникъ отрикъ взршennyй: „Ваше Величество взршени есте мою оубаву на шось, на шо ма досы не зважалъ емь. Бѣде то отъ теперь найсватѣйшимъ монахъ ооказкомъ, звертати на тнхъ нещастливыхъ

всю мою оубавѣ и оупотреблѣти мое малое красорѣчіе на нѣхъ потѣшніе.”

„Благодарю, сердечно благодарю”, сказала Цѣсарь, взявши его за рѣкѣ и стискаючи ю; „икѣ дѣлаете, зменшитѣ ли са помѣръ въ шпитали корзо?”

„Оумирае на день”, ѡтрѣкъ приходникѣ жалостно, „по сто до ста патидесятѣ, но нѣхъ число незабавки помножитѣ са, во пѣдла запевненіа одного досвѣдченого наддѣкара оуже показють са слѣды горячки овозовой.”

„О Боже мой”, востухнѣла Цѣсарь и пристѣпилѣ до ѡкна; но зѣ ѡтсы оузрѣлѣ издаалка розеланны спаленного въ витеѣ Баграмскѡй села, и ѡтвердѣлася съ слезными очима. „Тѣлько жертвѣ домагае са война; села спаленіи — жинко знищеніи.”

„Правда”, ѡтрѣкъ приходникѣ, „но жаднѣ не жаловалѣ са на трѣе и не шемралѣ; що мали, все дали оухотно за своего Царя и свое отчистево.”

„Знаю то, знаю”, сказалѣ Францѣ глѣвоко зрѣшнѣый, но нехочѣ тон вѣрнои, жертвючои любви моего народа злоупотреблѣти. Знанимское перемирые продолжено; въ Пожоюи жвако идѣтъ росправы; спокой должнѣ и мѣситѣ заключенѣ быти” — „Дай то Боже”, сказалѣ приходникѣ.

„Правда, що его тажкою цѣною вѣдѣ мѣскѣти окѣпити”, продолжалѣ Цѣсарь далѣи, „но са не могѣ оуже бѡльше смотрѣти на вѣдствіе моего народа, а теперѣ пращайте и майте са въ добрѣ; не хочѣ Васѣ дальше ѡттагати ѡтѣ Вашого свѣтого оеовазкѣ. Може прийдѣтъ ещѣ дни коли, же нещастанка Австріа свою теперѣ такѣ низкѣ похилѣнѣ головѣ поднѣсе назадѣ въ горѣ, може прийдѣтъ времена, гдѣ древна слава и древна сила назадѣ до насѣ завитають; тогда, Всчистѣнѣйшій, застерѣгаю собѣ, зновѣ сюда принти, и Камѣ за тое, що есте сдѣ-

лали, мою подѣкѣ зложити, котра теперѣ, правда, що лишь въ словахѣ состоитѣ.”

„Ваше Величестево — таа милѡбѣсть — тое снисходительстество!” ледво промовилѣ приходникѣ, коли цѣсарь пѣстилѣ са къ двѣрѣмѣ. Свѣщенникѣ сопроводилѣ его смиренно по сходахѣ въ дѡлѣ. Коло корѡтѣ стошла проста коласка, единокій слѣга ѡтворилѣ двѣрцѣ. Зажимѣ ещѣ сталѣ на стѣпнѣ, обернѣлѣ са Цѣсарь, оухопилѣ за рѣкѣ приходника одною и положилѣ другѣ рѣкѣ на плече и смотра емѣ въ вѣдѣое, запавѣе лице рекѣ: „Всчистѣнѣйшій, Ваше лице вѣдѣое; и боюса, вы есте хоршій. Бога ради шадѣтъ са, если не для себе то для вѣвѣреннѣхѣ Камѣ. Мужа такого, икѣ вы, отчистево оутратити не повинно.”

„Икѣ Богѣ оугодно”, сказалѣ приходникѣ, „мы есѣ въ рѣкахѣ его; вѣди вола Господна.” — „Спаси Васѣ Богѣ”, ѡтрѣкъ Францѣ, вѣдѣючи до коласы. „Здравствѣйте. До обачинѣ са въ лѣпшнѣхѣ временахѣ.”

(Конецѣ сѣдѣе.)

ПРИАТЕЛЬ ВЪ ИБЖДѣ.

(Покѣтка Я. В.)

(Конецѣ.)

Старшій докторѣ прѣѣхавшій тон минѣты до шпиталию, подтвердилѣ тое мнѣніе. И такѣ, получивши есѣ повченіа, не оеходиміи для выздоровляючого недѣжного, и вѣщаніе доктора, що го посѣтитѣ, посадилѣ Маркіанѣ Борокевичѣ до фѣакра, и поѣхалѣ съ нимѣ на новѣ мешканье. На тѣркотанье повозѣ выгланѣла Люцина изѣ ѡкна а оувидѣвши подѣѣхавшого фѣакра и оузрѣвши въ тѡмже дорогомѣ мѣжа и стрѣла вѣжала имѣ на вѣстрѣчѣ. Бѣднѣый Борокевичѣ не понималѣ, гдѣ находится са, и погладаючи съ дикостію на оубражючій его предметѣ, остолпѣлѣ.

Нарѣкалъ закинуто его до комнаты и положено на мягкую постелью, которую окрѣжила жена и дѣти. Покрѣпляюще дѣкарство скоро вернуло ему память и силы, и тогда послѣдовала трогательнѣйшая сцена, которую стрый постарался икъ можно найскорше окончити, во са болаъ, авы не причинити са къ большому волненію слабыхъ органовъ недужного Борокѣвича. Неотомимин тѣды Люцины, любовь дѣточокъ, попиченіе стрыа и приличниі посоеіа лѣкара, довершили скоро выздоровленіе Борокѣвича. Заразомъ, счезла вѣдость изъ всѣхъ лицъ, и цѣла родина начала теперь процветати здороемъ и шастіемъ. Добрый стрый посѣщалаъ ихъ щодень, и всегда витали го оущастаневеніи, съ такою радостію, съ такою искренною благодарностію, котра трогала го до глубины сердца. Борокѣвица полбчилъ за его стараніемъ хорошее мѣстце, гдѣ мѡгъ своедино отдавати са своимъ любимомъ занатію — рисункамъ. Люцина и дѣти ен оставали всегда подъ особиннымъ покровительствомъ Маркіана. Шо са дотычитъ другихъ братанокъ его, то хотя онъ не прерывалъ своего знакомства съ ними съ всемъ, и ниргда показывалаъ имъ даже знаки родственного своего оубажаніа, однакожь николи не мѡгъ онъ оуже оеходитса съ ними съ истинною сардичностію. И икъ они такъ хорошо додержали оеѣщаніа, данного отцѣ: — авы не оубажати Люцины за сестру свою въ часахъ, коли она была въ нищастію, такъ и онъ не старалса наставати на нухъ, авы нарѣшили свое оеѣщаніе теперь, коли Люцина наслаждалса шастіемъ и богатствомъ.

НОУНЫЙ СОПЪТНИКЪ.

(Продолженіе.)

Такою прохѡдкою стѣденымъ сѣченивымъ вечеромъ начинаса моя повѣсть. Ишолѣемъ три години гостинцемъ, и солн-

це минѣ спочило передъ самымъ мѣстечкомъ Колинномъ, переминѣвши оуже два села Стѣлецъ и Маланиа, коториі за горвомъ зѣ очій минѣ счезли. Помахавшиса такъ хорошо, завѣжалъ мой молодой жолѡдокъ своей правды, и про тое встѣпналъ емъ до Колнна, щобы троха попоѣсти и спочити. Прихожю до рѣставраціи подъ „Почтою“, и застаю тамъ дѣже численное собраніе веселыхъ гостей; была ео то недѣла, и рѣставраціа поманѣта одна пораднѣйшаа въ Колинѣ. Запѡзнавши са съ цѣлымъ товаришествомъ дѣже мило завѣлалаъ емъ са, такъ, шо даже и тажко минѣ было розабчитиса. Не забудитъ межн, тимъ спѡмнѣти, шо и была чловекомъ дѣже мѣрнымъ, и николи больше, икъ чисто, въ иденію и питію собѣ не позвѣлалаъ емъ; тожь и тѣтъ, хотай привогато приѣжи было, зѣѣвши късеиъ печинѣ и попивши по моему зѣвчанію однѣ чарочкѣ вина въ огромной стекланици воды всталъ емъ отъ стола.

Десята година вывила, колима попрашала са Колинцами, и шо ворше до домъ съ песикомъ моимъ пѣстналъ са. За мѣстомъ може о четверть милѣ начинаса побѡднаа дорога, которою, пониже тѣды минѣ ближше было, скрѣтилъ емъ. Мѣсаца сіала въ полни, а черезъ его лице пересѣвали са ворзо зимові облаки гонимин сильнымъ вѣтромъ. Мое писа гнало съ веселымъ голосомъ вси о кѡлька крокѡвъ на передъ, и снова ставало ожидаючи мене, то искало скрѡзь по при дорогѣ слѣду зѣвринного по вѣломъ снѣгѣ, а и воинскимъ оемчавемъ свисталаъ собѣ возлюбленннй полковнй маршъ, подла которого живо стѣпалаъ емъ. Отдаленшиса оуже добрый късеиъ отъ гостинца, здавало ми са, шо чѣю топѡтъ чловеѣческой близко себе; — огладаюса до кола, и хотай при блискѣ мѣ-

спиди и читати было можно, никого кроме
 моего пѣла не оуверѣлъ самъ. Подсмала
 въ собѣ: то певно топотъ монахъ власныхъ
 кронебъ мене заманилъ; но заравъ пере-
 кондаъ самъ са, що не было то обманъ,
 во знока оуверѣлъ самъ выравно сильнѣйшій,
 икъ первше топотъ, который здавалса къ
 мнѣ сплжкатиса. „Ига,” дѣлаю „то певно
 на гостиници шкйнъ ходиць, икъ и тѣтъ,
 а вѣтеръ мнѣ голосъ ѳттамъ доносиць;
 — ба и нѣтъ, — гостиница за далеко,
 въ ѳттамъ — не оуверѣкъ, цювы и кри-
 чаль; — свѣтонькъ мѣн! нѣтъ — самота
 — ни тѣтъ тѣ дѣхи воюють, що мнѣ
 манька о нухъ правна? — ой нѣтъ —
 дѣрачство — обманъ; — воинъ хотѣвы и
 вѣсечи въ очи загляне и не оуверѣтъса”
 — — и такъ самъ въ собѣ невѣдѣнши
 воинскую подробѣть, приспорилъ самъ шаги
 гитѣваючиса часомъ на пса, который ѳтъ
 того часу стратилъ свою веселѣть, все нѣтъ
 монахъ держалса, и мене въ марши монмъ
 спиналъ.

Идѣ — заравъ зрѣлса острый вѣ-
 теръ, и затараю плащѣ на голову — чѣю
 знока торотъ сильнѣйшій; — водробѣть воин-
 ска начинае колакатиса, — стѣпаю далѣй.
 Въ томъ о сто може сажнѣвъ предомною
 вижю по первшй разѣ на мѣвмъ пѣти человекъ-
 ка въ плащи и тою самою стежкой идѣ-
 чого.

„То и дѣракъ!” мовлю собѣ „и ога-
 далса за себѣ, а то ось предомною ишолъ
 шкйнъ пѣтѣходиць, тѣлько не дивчалъ самъ
 са добре, — а черезъ той вѣтеръ здавало-
 миса, що ктось за мною иде. Ха, ха, ха
 мнѣ оуже страхи въ голову влѣзан — едѣ-
 дѣже и въ нухъ вѣрѣю. — Но прецѣкъ, кто
 то есть? Побѣжѣ къ немѣ, може также до
 вѣтрон Горы иде; — вразѣ вѣде намъ ве-
 селѣйше.

тѣ чѣмъ оворивъ къ нимъ шкѣжѣ, тѣмъ
 скорши бѣтъ ѳтъ мѣн оудѣлалса, идѣ по-
 малѣ, и бѣтъ такожѣ.

(Конецъ сказки.)

ЛОГОГРИФЪ.

4.

На поле онъ насть,
 На престолѣ сѣдять,
 Яде вѣда принасть,
 То и самъ не видѣть.

(Розвизанье послѣдуе.)

Э П Г П Д К Я.

V.

Твердое то тѣло,
 Крѣтитъ, вѣтитъ смѣло,
 То сюда, то тѣда,
 Безъ всякаго суда; —
 Еса его подока
 Бѣтъ лишь одно оудо,
 Но и то безъ чѣстѣта,
 Бо оно все гаудо.

(Розвизанье послѣдуе.)

БИБЛОГРАФИЧЕСКІИ ИЗВѢСТІИ.

Недавно ѳтѣбрѣлнсьмо изъ Перемншла
 „Назѣки праздннунѣн и слѣуайнѣн”
 подѣла обрада церковно-рѣского III. Частъ,
 соунненѣа и изданѣа славно знамого рѣского
 проповѣдника Юліана Ганкенуа бывшого
 приходника Мзловецкогю. Слѣбы кто желалъ
 тое обще полезне изданѣе ползунѣти, може
 оу самого издатѣла въ Красномъ Терно-
 полского окрѣга, такожѣ въ Льковѣ и Пере-
 мышан въ канцеларѣахъ консисторѣалныхъ
 або въ книгопродажни Ставропѣлнскѣой
 екземпларъ по 1 рѣень. м. к. дѣстатн. —

Н. Сд.

Р О З В И З А Н Ё

Логогрифа 3. къ Ч. 6 Сборника: „Коль, Свонъ.”
 Загадки IV. къ Ч. 6 Сборника: „Цѣгла.”

ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ СБОРНИКЪ

повѣстокъ, сказокъ, историческихъ воспоминаній, господарскихъ и иныхъ
общеполезныхъ вѣстій и пр. и пр.

Ч. 8.

Въ день суббота 14 (26. Февраля.)

1853.

ПРИХОДНИКЪ ВЪ УЛРИХСКИРХЕНЪ.

Покѣтка въ р. 1809.

(Конца.)

Еще разъ поздоровилъ Цѣсарь рѣкою — и колеса потѣркотѣла дорогою. Приходникъ пѣстилъ съ сіяючи лицемъ до шпиталю; но ждалъ его еще воздеигающей взоръ. Понѣже ишолъ черизъ огородъ, то приншолъ до ворбтъ больницѣ далѣко борше, неждан настигла колеса, котра оулицю объѣздити мѣстѣла. На воротахъ стояла кѣпа воакбѣвъ, котрин оуже выздоровляючи съ позавазованными головами и раменами, францѣзи съ Ягстриаками смирно еднїи при дрѣвгихъ, гаморили на вечѣрибѣмъ осону. Оуже издалека пѣзнали зъ лица возлюбленнаго Цѣсара, а скоро повѣзъ надтагивалъ и Цѣсарь слезнымъ окомъ воакбѣвъ поздоровилъ — тогда полетѣли шапки на воздухѣ, а грѣмкїи отголосъ: „Живи Отецъ Францъ!“ погомѣталъ полами, — коли тимчасомъ Францѣзи веденїи обычнымъ ихъ народови тактомъ оуставили съ въ лавѣ, и приложиши рѣкѣ до шапки салютовали.

Сѣмъ лѣтъ минѣло было отъ ового вечера. На веснѣ рокѣ 1816 ѣхала парадна карыта пышнымъ кѣсомъ дорогою до Оулрихскирхенѣ черизъ надморавскѣ поле. Ктобы поглаивалъ былъ на тин розцвѣли за сѣвѣ, на тин пасѣчин съ череды, тин гарнїи села съ ихъ цвѣтомъ обилишными садами, томѣ бы анѣ на гадкѣ не было приншло, що передъ кѣлькома годы вѣнна съ всемъ своемъ оужасомъ тѣда гостила. Такїи то

гадки мѣстѣли безъ похѣбы сновати съ въ оумѣ сѣдмачого въ поковѣ пана, котрый сѣдмачѣи при немъ пани показовалъ рѣкою историческо прославившии съ села Яспарнѣ, Еслингенѣ, Ядиркла, Енцирсдорфѣ, Паграмѣ, и о отѣввшнхъ съ тѣтъ велитныхъ битвахъ ей росповѣдалъ.

Конецъ села Оулрихскирхенѣ заставила съ карыта. Панъ высѣлъ изъ неи, приказалъ на задѣ сѣдмачимъ локамъ остати съ, и подалъ высѣдающей пани рѣкѣ. Такъ ишли обое помежи дѣмы, срѣтившихъ мило поздоровляючи. Коло приходского обѣистѣ застановили съ. Ворота были замкнїи; панъ зазвонилъ и вопросилъ отворившѣ слѣжницю, ци приходникъ, котрого по имени назвалъ, есть дома.

„Оухъ! Божинкѣ милый, милостивый пани,“ отрикла слѣжница, „той давно оуже оумѣрѣ;“ и потеряла рѣкою по очѣхъ.

Панъ споглаивалъ жалостнымъ окомъ на панию, котра зарѣвно здавала съ быти взрѣшеною. Подмковали слѣжници, звѣдали съ за кладенце и пѣишли тѣда. Найгвѣша тишина тамъ спочивала наоколо, цвѣты влаговоннїи розсылали запахи, по травѣ жаркотѣли хрѣщники и жевѣли чмѣлкѣ, синнїи мотыликъ облѣтовалъ своебѣльно коло тихъ, що его спѣдили. На зелѣнѣмъ горбѣчкѣ, котрин надъ сердцемъ шогосѣ стрѣжѣного спачого скапнѣлъ съ, евилло съ дитѣ. Чѣжїи панъ вопросилъ е: „Знаеш ли, дитинко, гдѣ панъ Отецъ похованный? „Гдѣ панъ Отецъ похованный? Гѣнѣ, тамъ“

отрєкло дита показуючи палцемъ на грѣбѣ, по чѣмъ зновѣ до себѣ забавки вернѣло сѧ.

Панъ съ панєю пристѣпилъ до грѣбѣ зналъ капеляхъ и прочиталъ надпись на простѣмъ крестѣ. Было тамъ лишь написане по простѣ има приходника, а подъ нимъ слова:

Преставилъ сѧ въ вѣрнѣмъ исполненїи
должностїи на горлукѣ обозовѣ
1809 года.

Панъ возрѣлъ на паню, которѣи очи слѣзами заплавыли, не рекли словѣ анѣ слова, но порозѣмѣли сѧ взрокомъ, и панъ приклонилъ колѣна на низкѣи, магкѣи мѣра-вѣ, а паня оуклакла при немъ, и обое молили сѧ съ сложеными рѣками тихонько и навежно за дѣшѣ благородного мѣжа, котрый тамъ подъ тою могнакою спочивалъ. Кто были тїи паньство, легко отгадати.

Спи и почивай, чїстный приходникѣ
Оулурихирѣнскїи! Бѣды ти земае легкою,
такъ легкою шкъ то заслѣгѣешь. Тѣбѣи Царь
и твоя Царица молили сѧ на твоємъ
грѣбѣ

Варнава Шпиракъ.

Нѣуныи сопѣтникѣ.

(Концѣ.)

„Идїишь дикѣнъ — нелюбитъ сопѣтника“ погадалъ емь; „не стоитъ тѣбѣ его доганати.“ Оуже и не дивлю сѧ за нимъ, идѣ мѣрнымъ крокомъ, пригадѣючи словѣ реставрацію Колинскѣю и веселыхъ дѣргѣвѣ, которыхъ тамъ средѣ игры и шѣтокъ лишилъ емь. — Но невагомъ змѣрковалъ емь, що при дѣмцѣ дорогѣ мою загѣнилъ емь, идѣчи на слѣпо по примерзлѣмъ снѣгѣ. Назадѣ вертати слѣ — и тѣды менѣ довери, — дѣмаю; троха дальши, то дѣрница, — идѣ дальїи. Мѣстечко рѣдокопное Гангъ лежало оуже недалеко, а была то половина

дороги до Кѣтнои Горы. „О оуже пеню“ мышлю словѣ, „моѧ авангарда тѣтъ згѣ-внтсѧ въ мѣстѣ.“ Но не такъ было. Приходимо до мѣста — онѣ все въ тѣмъ самѣмъ отдаленїю отъ мене иде на передѣ, на серединѣ тѣлько мѣста огладесѧ, показѣе рѣкою на одно мѣстце, и дальїи гостинцемъ.

Пришедши на всказанное мѣстце постерѣгъ емь, що стѣжка вела по надѣ самѣю великѣю рѣдокопнѣю шрѣгѣ, задѣтѣю по верхѣ снѣгомъ, и въ которѣ вѣзъ сомнѣнїѧ бывшымъ вснѣлсѧ, слѣвы не былъ ма мѣи сопѣтникѣ острѣгъ.

„Що дикѣнъ, то дикѣнъ“, казалъ емь, „но дѣсрый человекѣ, дай ма Боже здоровья.“ Такъ выйшлисьмо зъ Гангѣ, и о 12 годинѣ сталисьмо въ Кѣтнои Горѣ. Онѣ скрѣтилъ по при монастырь черезъ торговицю, и пошолъ оулицю св. Іоанна, потомѣ площадью коло кошарѣ. Но понеже отъ мене все одинаково былъ отдаленный, и легко въ мѣстѣ моглисьмосѧ минѣти, пытаю мѣжа стоющого на стражи передѣ домомъ коменданта, чи не знаѣ того господина, который нѣчимъ що теперъ коло него минѣлъ.

Боннѣ отповѣлъ, що не видѣлъ никого.

„Той, що тамъ иде коло кошарѣ — видишь?“

„Тамъ никто не иде Пана Лейтманъ.“

„Чи ты слѣпый?“

„Ни, Пана Лейтманъ, ѣ вижю и по за кошары, но на цѣлѣи оулицѣ ажъ до шпитала нема живои дѣши.“ —

Га! вѣжѣ за нимъ — той также вѣжитъ дальїи и дальїи, и кошары минѣлисьмо — оуже и шпиталъ — вѣжѣ, дивлюсѧ дѣри шпитала предѣ нимъ отвѣраютсѧ, онѣ ещѣ за мною огладесѧ — дѣри за нимъ снова западають. Прибѣгаю и ѣ до шпитала, и вопрошаю вонна на стражи, кто вѣшолъ въ шпиталъ? „Никто“ отповѣлъ мѣжѣ

пивносно. — Шкто? ты смѣешь...? сама видѣла емь мужа худачого." „Отъ годины, отъ коли я стою, никого и не выло" отповѣлъ твердо корѣнистый въковинскій Рѣсинъ, шквы загнѣвалса, що на первое слово емь не оувѣрнлъ емь. „Ксѣ затѣманѣлнчи поплннлса" крикнѣлъ емь розсердженннй потагнѣвши сильно за збѣнокъ. Пѣдпорѣчннкъ отвѣрае двѣри зчѣдоканннй, чего я въ полѣночи въ шпнталн потребѣю.

„Кто тепѣрь сюды прнѣшолъ? пытаю его по нѣмцкн.

„Отъ 9. годины никомѣ неотвѣралъ емь а послѣдннй тогда прнѣшолъ фѣреръ."

Не мае кто дрѣгого ключа отъ тыхъ двѣрнй?"

„Нѣтъ, тѣлько одннъ есть, и той все оу пѣдпорѣчннка, столчого на стражн нѣчнѣй.

„Фѣреръ есть въ комнатѣ?"

„Есть."

Пѣдпорѣчннкъ отворнлъ менѣ двѣри до комнатъ фѣрера, которнй въ кнтлѣ и пантофлахъ сѣдѣлъ, и свои рахѣннкн справлалъ. Зѣ его лица можно было пѣзнати, що отъ годины отъ стола не вставалъ.

„Котрнй лѣкаръ мае нынѣ надзѣръ? пытаю пѣдкѣфнцера.

„Оунтерарцтѣ Б. . ."

„Онъ самъ тѣлько?"

„Панъ Оверарцтѣ похѣлалъ на оурлопъ."

И тоб зналъ емь.

„А гдѣ Оунтерарцтѣ?"

Пѣдъ Ч. 8, тамъ одннъ мужъ оумерае, а онъ коло него сѣднтъ оуже близко 3 годннкъ."

Пойшолъ емь пѣдъ поманѣтое число, и оузрѣлъ емь Б. . . при постѣли коняючого. Б. . . всталъ, и рѣкою всказалъ менѣ на кончащогоса. —

Поманѣтого мужа зналъ емь особнсто, и съ сочѣвствнемъ прнстѣпнлъ емь къ немѣ въ тѣй страшнѣй порѣ. Онъ называлса Сн-

меонъ С. . . родомъ Рѣсннъ, селанннъ Бѣковннцѣ, человекъ безъ всякого просѣщеннѣа, задѣбѣлнй въ бѣдахъ, и розѣмъ бывалъ дѣже мѣлаго, шо и зѣ лица его, коли былъ здоровъ, познати было можно.

Но тепѣрь лице его днвно преобразнлоса. Чѣрты все сіали выразомъ благородннмъ и вознсенннмъ. Онъ отворнлъ тепѣрь очн, и пѣзналъ мене. Рѣшнлса на своемъ ложн, и началъ со мною бесѣдовати. Не былъ то оуже той простнй колѣшннкъ, той нѣжкъ грѣконравнй, которого зналъ емь; паче въ той послѣднѣй бесѣдѣ показалса онъ глѣбокомысленннмъ вогословомъ, розправляючн о смѣрти и прнзначенню человекъ такими сильннми, прнконѣкчнми словами, шомъ тнмъ глѣбоко задѣмалса.

Но бесѣдою оутомленннй замолкъ. Лѣкаръ познавшн мое изѣмленнѣе, оповѣдалъ менѣ, шо то такъ часто бывае, шо не тѣло оуже тепѣрь, но дѣша, котора за хѣваю зѣ своихъ оузѣвъ вырывалса, господствовати начала надъ матернѣю. „Дѣша та счастанка вдндо, она возлѣтае оуже въ крѣгъ непроходнмого сѣктла."

И не спѣскалъ его зѣ ока. Первыи разѣ въ моемъ жнтнѣю погадалъ емь о дѣшн, и о жнзнн вѣчнѣй.

Коняючнй пѣднѣкъ са, и влѣпнлъ въ мене очн. Потомъ показалъ менѣ рѣкою, шо бнмъ къ немѣ прнхнлнлса. Сѣдаю коло него нахнлнвшнса къ его оустамъ и пытаю, чего отъ мене жѣлае? Онъ молчалъ хѣваю, потомъ розтворнлъ оуста, и трясчннмъ голосомъ сказалъ: „Бѣрѣшншь?!"

И его не поналъ. Слово оучѣлъ емь, но значеннѣа его не розѣмѣлъ емь. Дѣмалъ емь шкнѣсь часъ, шобы на тоб отповѣстн; но онъ вндачн, шо я его не порозѣмѣлъ, вытагнѣлъ рѣкѣ и всказалъ нею горѣ.

Тепѣрь зналъ емь, шо онъ хотѣлъ. Но вопросъ той загвозднлъ менѣ мѣой оумѣ.

Тымъ образомъ и въ такѣмъ слѣчаю еще мнѣ о тебѣ никто не пыталъ; и я самъ себѣ николи. — Много видѣлъ емь въ сѣтѣ, и въ молодыхъ монухъ лѣтахъ много досвѣдича емь, но все мое житіе было такое, що не подало мнѣ николи способности надъ собою самымъ подымати. Иконъ я былъ вѣры? — того не зналъ емь, и о тебѣ не вопрошалъ емь са николи. Шо въ школахъ въ катехісмі навчича емь са, то оуже забылося, и давно зъ головы вышумѣло. Мон молодіи лѣта перейшли, оуже стаа емь мѣжимъ, а не зналъ емь на шо я сотворенный? Чи жизнь моя мае шкое намѣрненіе? — Я жилъ, абыса жило, для звычайю, для котрого и гдѣкотрін мон товаришѣ жили, въ томъ толькѣ былъ емь лучшій отъ нихъ, шо имѣлъ емь совѣсть и при всякомъ дѣлѣ пыталъ емь са, чи то добре, чи чисто? Я жилъ, и надѣлса чогось, хота не зналъ емь чого; но чи я вѣровалъ, о тебѣ, еще разъ кажѣ, николи непыталъ емь са.

Яжѣ теперь той вопросъ задалъ мнѣ оумирающій!

„Въ рѣшь?“ поспыталъ еще разъ, поднесши рѣку горѣ.

Я закрылъ лице мое рѣками, и такъ не смѣлъ емь ничего сказати. По хвиліи ободрившиса запыталъ емь: „Въ шо чи вѣрѣю, пытаешь мнѣ?“

„Въ Бога, — въ Христа Іисуса — и въ жизнь вѣчную.“

„Аминь“ отвѣлъ емь сложивши рѣки.

„И въ провидѣніе Божое, которое надъ головами нашими?“ сказалъ потомъ.

„Я такъ коли вѣрѣшь, Богъ ангеламъ своимъ заповѣсть о тебѣ, сохрани ти та во всѣхъ пѣтѣхъ твоихъ.“

Скѣбична и всѣдѣ и житѣ; но и теперь онъ все мнѣ передъ очима такъ шкъ былъ тогда въ той святѣй годинѣ, той вѣдннй конающій престолюдинъ!

Таки многоважнии хвилѣ могѣтъ подобно и найтвердѣйшого недоверка взрѣшити, чисто вѣрѣ въ нѣмъ возвѣдити.

Опаматавшиса по такнхъ произшествіяхъ пригадаа емь совѣ, шо треба ити до дому.

Прійшовши передъ вратамъ застаа емь моего слѣгѣ на дворѣ.

„Панъ порѣчникъ нынѣ не вѣдѣтъ дома спати“ сказалъ онъ мнѣ „вѣдѣ ось теперь четверть години, шкъ склепаченіе въ комнатѣ заломилоса, и лѣжка въ цеглахъ лежитъ заломанное.“

Яжѣ теперь пригадаа емь совѣ моего сопѣтника, и остатнии слова оумирающого:

„Богъ ангеламъ своимъ заповѣсть о тебѣ, сохрани ти та во всѣхъ пѣтѣхъ твоихъ.“ И. Н.

ПОСМЕРТНОЕ ВОСПОМИНАНІЕ.

Оуцгограда 12 лютого.

АНДРЕЙ БАЛУДЯНСКІЙ
 кафедралнои Церкви Мѣклуевскои Каноникъ, Исторіи и Права Церковного Оучитель и пр. перейшоаъ нинѣ въ животѣ вѣчный. Да вѣдѣтъ емѣ легка земля и вѣчная память!

Поголовка о его смерти неразъ оуже розширена шкѣмъ приготавлиючи насѣ къ великѣй сей оутратѣ, днѣса донстно испованнаса и оеакла выражичіемъ габѣокого жало лица всѣхъ, отъ найстаршого, даже до наймолодшого. Мы слѣшатиаѣ оупоконешогоса сѣмѣемо габѣоко. Но одніи наслодикши са оуже богатыми преставишогоса преподаваніамн, и къ печали могѣтъ благодарити сѣдѣаѣ; — вгда мы май молодшии подобно дитинѣ къ рожденіи матерѣ оутратнишон при оещѣи и нашѣ оплаквати маемо оутратѣ. — Молодого сего крѣлошаннина не старого словесника заслѣги, оудостоатса безсомнѣтельно искѣнѣйшого пра; и ограничаю са иншѣ на сообрѣненіе тон сѣлон вѣсти, — М. Нодѣ, питомецѣ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ СБОРНИКЪ

повѣстокъ, сказокъ, историческихъ воспоминаній, господарскихъ и иныхъ, общепользныхъ вѣстій и пр. и пр.

Ч. 9.

Въ день субота 21 Февраля. (5. Марша.)

1853.

МАРШАЛЪ Гр. РАДЕЦКІЙ.

Есть нѣка между австрійскою арміею, которе въ памятныхъ борвахъ послѣднихъ лѣтъ было гасломъ до бою, при которого отгомонѣ сердце каждого австрійского воина придрозкимъ розпалювало съ мужествомъ, о котромъ никто, а то въ палатахъ и подъ селькою стрѣхою, икъ лишь съ найсердечнѣйшою любовію вспоминае, съ наигавшимъ поважаньемъ, съ наибольшою пошановою оповѣдае. Мужъ той, котрый съ такъ надзвычайною, алежъ и истинно заслабженною народопріятностію ползбе, котрый славою своею, мовъ то вилить вискидобѣт снѣжною головою и вѣчно зеленымъ лавровымъ вѣнцемъ зъ минувшого столѣтія въ нижшинъ теперѣшности сагае, о котрого вѣрность и храбробѣт мовъ то о тверды гранитѣ розбили съ и розпрысли всѣ розьюшени и розвѣчени вѣрѣ, що то послѣдними лѣтами противъ добрѣ, противъ цастю нашон спольной отчины, противъ Австрій былиса розлихотѣли, есть то:

Іосифъ графъ Радецкій зъ Радець, рыцарь ордина золотого рѣна, кавалеръ великого креста войскового ордина Маріи Терісін, святаго Стефана и ордина Леополда, рыцарь ордина желѣзной корѣны 1. кл., посѣдатель войскового креста за заслѣги, — Кавалеръ росейского ордина святаго Андрея въ брилантахъ, святаго Александра нексского, святаго Георгія и сватон Инны, (всѣхъ тухъ 1. кл.), рыцарь росейского ордина вѣлого орла, — рыцарь прѣского ордина чорного орла въ брилантахъ и чрвоного ор-

ла 1. кл. (en sotoirъ съ мечами), — кавалеръ французского ордина святаго Людовика, — рыцарь дѣньского ордина слона, — кавалеръ сцилійского ордина святаго Фердинанда и за заслѣги — рыцарь сардиньского ордина Пиннѣилады, кавалеръ сардиньского ордина Маврікія и Лазара, — рыцарь каварского ордина святаго Гвѣрта, кавалеръ каварского войскового ордина Марса Іосифа, — рыцарь сакского ордина рѣтлон Корѣны, — кавалеръ гановѣрского додомовою ордина святаго Георгія и ордина Гвѣлфобѣт, — кавалеръ вюртемберского войскового ордина за заслѣги и цивильного ордина корѣны за заслѣги, — кавалеръ тосканьского ордина святаго Іосифа, — кавалеръ ваденьского ордина цѣриньского льва, — кавалеръ гессенского (великокняжеского) ордина Людовика, — сѣнаторъ — кавалеръ парманьского ордина Константина, кавалеръ парманьского войскового ордина святаго Георгія и ордина Людовика, — кавалеръ папского ордина святаго Григорія и папского ордина Піа, — три посѣдани въ брилантахъ, — посѣдатель цѣсарскѣ росейского почестного меча въ брилантахъ за храбробѣт, тайный совѣтникъ Его Императорского Высочества Цѣсара, маршалъ польный, генеральный цивильный и войсковый гвѣрниаторъ Ломбардско-вѣнцского королевства, властелинъ патого полка гвѣсаробѣт маршалокъ цѣсарскоросейскихъ армій, властелинъ одного цѣсарско-росейского полка Гвѣсаробѣт, панъ Радча въ Чехлахъ и Наммарктѣ въ Корѣтаніи, почестный обыватель

многнхъ столичныхъ мѣстъ и проч: и проч:

До такои высоты историчнои славы закине може гдѣкто, дошли и недавно помершии енисалоге Свѣтъ и Беллингтонъ; неперечъ — але высоты его индивидуальности, въ котрой са всякии честноты и человекка и вонна и политика совокѹпляютъ, никто неперевышшае. Мужи тыми честнотами сѣе знова, гей то зѳрничка, особливша скромнѳсть, котра еще заедно естъ причиною, же еще и по нынѣ немалемъ обширною и докладною его животописи, а такъ и тѣтъ подобный Радичкѣи овѳи горѣ, въ котрой внѣтрѣ мѣстатъ са найбогатшии поклады найдорожшого металла, до котрыхъ са але лишь черезъ оузонькии щелины та штольны може дѳстатн. —

(Продолженіе слѣдѳе.)

Ж О Р Ж А Н Н А.

Начеркъ изъ свѣчи Индіанѳвъ Флориды.

(Въ нѣмецкого.)

При березѣ одного чистого озера въ Флоридѣ жила кѳлька лѣтъ передъ выѣхома въѳны, начальникъ Семиполобѣ — Оцеола. Лишь мыслнествомъ и рыболовствомъ са затрѣднючи, выставила собѣ хатникѳ въ затѣню великолѣпного дуба, непосредственно на березѣ озера. Тѣтъ лижала стрѣла и оудка, его едине средство до набыта поживленн. Мало коли посѣщала ѳнъ селеннѣ бѣлыхъ; лишь, сли мѳ стрѣлила нестало, тогда наложнвшн плечи свои кожами изъ медведа, оленн або пантарѳбѣ, приноснмаъ тнн до найближшого селеннѣ, бы тое за пороухъ и олово замѣнати.

Оцеола привластнла собѣ не малый степень еурпейского воспитаннѣ, а же въ чинѣ начальника одного селеннѣ бѣлыхъ смежного племени, часто въ состоаннѣ прихѳдилъ, спорн, между ними, а дикими краа-

нами лагодити, набучила са доволно ишпанскон и ангѣльскон вѣсѣды, що оуже за доброго толмача вправленый была. — Въ свонхъ молодшихъ лѣтахъ посѣщала школы на колонн, где не мало изъ исторнн и любоумдрнѣ понала. Ровлено мѳ предложеннѣ, абы дикое жнтѣ своего родѣ залишила, во са сподѣвано, що прикладъ началника здѳбено на прочнн индіанн перейде; однакъ позѳстала Оцеола при своемъ питомѳмъ жнтю.

Онъ была щастливѣ при воцѣ своей Жоржанны, содрѳги своей жизни. Исно и संबѳдно какъ озеро, надъ котрымъ жила, сплывали ен дни. Она незнала жаднон жѳрвы о прокормленнѣ, незнала жаднон ненавнстн, словомъ, ничъ не огорчало ей вѣтннстн.

Жоржанна не похѳдила изъ правденно индіанского родѣ. Мати была индіанка, а отца мала ишпанского родѣ. — Тое естоательство взаан собѣ потѳмъ вѣлнн за предметъ до осанннн свонхъ шкарадныхъ цѣлнн, и вѣверган Оцеолою въ нещастѣ. —

Много лѣтъ жила таа пара мнло въ сгодѣ на берегахъ озера, въ гаю, состоячѳмъ зѣ маннлѣбѣ, днкнхъ помаранчъ и великолѣпныхъ дубѳбѣ. Кождаго дня посѣщала началникъ лѣсы и дѣвы, шовы вынайтн поживленнѣ на день настѣпнѳщнн. — На оленнхъ и такъ званныхъ тѳрцкнхъ кѳркахъ незѣвало, а въ озерѣ было полно рыбѣ.

Незавагомъ малъ ѳнъ той мирной и природной спѳбѣ жнтѣ въ полоухнвшн станѣ въѳны замѣнати.

Флоридѣ закѣпнло тогда ѳтъ Ишпаннн правнтельство соединныхъ статѳбѣ Америкн. Надъ шѣсть тысячѣ Индіанѳбѣ мншкало еще въ вѣзконечныхъ лѣсахъ пѳлаострова. И що тнн сѣ бѣлыми населенннками, котрнн изъ соединныхъ статѳбѣ

приходили, въ мирѣ жити нѣмогли, нема-
 цю са дивовати, снн позримо на способѣ
 жита, шкое тѣн два рода провадили. Бѣйки
 и оубѣйства не разѣ сбѣчались. Поводомъ
 до тон сѣчи было; цю Индіане кождого оу-
 вѣгшого нѣвольника — мѣрина — дръжеско
 въ своихъ мѣстилицяхъ охороняли, и его
 противъ властителя охороняли. Насвѣтники
 малл очевидно на томъ стратѣ. Сан са ѳт-
 важали нѣвольника вооръживною силою на-
 задъ ѳтѣрати, тогда имъ Индіане за тоѳ
 въ десатѣро вынагеродили. Жалено са про-
 тоѳ до правительства и прошно о охоро-
 нѣ; тоѳ предпринимало рѣзнѣ средства до
 призвычаена Индіанъ къ правеннѣ жизни,
 и наклонна нхъ до помирнаса съ вѣ-
 лыми. Я колл тоѳ ничъ не помагало, ро-
 споражено наконецъ червоныхъ цѣблѣмъ
 изъ Флориды выгнати, и имъ край Ир-
 канзасъ, на западѣ рѣки Грандъ, на вхъ
 вѣдѣчное селеніѳ признашти.

(Продолжитѣ сѣдѣе.)

ПЕРЕМЫШЛЯНИНЪ
на рѣкѣ 1853.

Оужѣ четвертый годъ, тископечатна
 всѣхъ капитѣлъ рѣской Перемыскон подае ро-
 димцамъ „коладаръ“, котрый не толькѣ
 снарадѣмъ, шкѣе звычаино до коладара
 или мѣсацослова незвытно належитъ, ѳт-
 повѣдае практичнымъ потребамъ домѣ и
 господарства, шкымъ зарадити воѳбщи ко-
 ладарл вѣсть призначимъ, но также по
 при тѣн, же такъ скажемъ, еднѣдиннѣ
 цѣтѣкн, приносятъ, и подае любнтѣламъ
 отчѣственнаго слова и домѣ коснчкѣ цѣт-
 тѣвъ, котрыхъ краса на много перетреас
 охорѣтъ еднѣлѣтннѣи змѣлѣ около сонца.
 Мужѣ тнмн найперше занимае читатѣла
 „ѳтповѣдъ на рѣцензіѣ оумѣшениѣ въ Пе-
 ремышляницѣ д. 1852.“ въ вѣдомѣстн нѣстрѣ-

рѣсскою о Перемышли,“ черезъ сочиннтѣла
 тѣнкѣ „вѣдомѣстн“ вѣ. Отца Питѣюла До-
 ернѣнскогѣ. Извѣнннмъ выловѣ трудѣмъ
 запѣскатиса въ розенрѣнне тон „ѳтповѣди,
 и похвалѣ талантѣ би сочиннтѣла, котрый
 оужѣ дѣллми своими на полн словѣсности
 въ оѳци а рѣскою личнѣ, оусталитъ соѳтѣ
 нѣ ѳтъ тѣнрѣ оужѣ почѣстнѣ имѣ, и ещѣ
 закѣдѣмъ нѣбѣтомнѣмо трудѣтиса, авѣ скѣдѣмъ
 на тѣнрѣ оѳци садѣнѣ нашѣн лѣчшѣн слѣ-
 висности, зѣогатити плодѣосннмн сѣвоѣ-
 скнми дрѣвцѣлѣтн. Но хотѣ намъ не зѣбѣде
 и на тѣнкѣхъ, цю однѣмѣ махомъ хотѣ-
 лнѣмъ тѣю снѣдѣстѣ перелосннти на вѣгач-
 стѣкѣ и вѣслѣжѣ въ чѣжннѣ розѣвѣвшѣ сѣ
 дрѣвннѣ, и вѣслѣжѣ цѣтѣткѣ, цю гдѣсѣ тамъ
 гнѣлѣ даино за стнлѣмн вѣдѣ нншнмъ клѣ-
 матѣмъ розценлѣ са, тѣлѣмомъ кѣпѣлѣтъ
 са садити жнѣщѣмъ на градѣкѣхъ нашнхъ,
 ннштѣмнчн, цн прѣймѣтъ са на нашѣѳ зѣман-
 авѣ нѣ — хотѣ оуѳнлнжѣмъ нхъ радо хо-
 чѣмъ прнзнати цнрѣнѣ и правѣднѣно народѣ-
 лнѣннѣи намъкрнѣмъ — еднѣкѣмъ радѣ-
 нѣшнѣмъ ннгалѣмъ слово, котрѣ нѣсходитъ нѣзъ
 оуѣстѣ Рѣсннѣнѣи чѣвѣстѣючѣгѣо самѣстоѣтелъ-
 нѣстѣ авѣнна сѣбѣгѣ и знѣючѣгѣо прнродннѣн
 тогѣмъ сѣвоѣстѣа и красѣ, — котрѣ прѣтовѣ
 до сѣрдѣа кождѣгѣ чѣвѣстѣючѣгѣо са ещѣн
 Рѣсннѣмъ корнѣ траѣлаѣ. Тѣмѣ то и „Пе-
 ремышлянннѣн“ внтѣлѣмъ шнѣ мнлѣгѣо вѣвоѣ-
 ка, котрнѣи, хотѣ не зѣкравѣе на вѣлкнѣ,
 ннѣтѣ то егѣ рѣвѣснннѣи оу дрѣгнхъ народѣвѣн-
 дѣютъ, котрѣн сѣвоѣ лнѣратѣрннѣи магазннѣн
 нѣшннѣн вѣслѣкѣю пѣшннѣю, а котрнхъ на-
 жѣранѣсѣстѣа про тоѳ не мѣда чнлѣмъ оуѳтолнті
 мѣжнѣ, вѣкѣснѣ даѣ намъ колладѣ. Изъ тон
 „ѳтповѣди“ довѣдѣтн са можѣ кождѣи,
 малѣ са заннмѣючѣи чнтаннѣмъ повѣрѣн-
 ннхъ пнсьмѣ ннѣозвѣчннхъ, цю не малѣ
 вѣгѣ прнзнѣютъ сосѣдѣмъ нашнѣ томѣ хотѣ:
 такъ ннѣпоказнѣмѣ члѣѣѣчѣковн, шкнмъ вѣстѣ:
 „Перемышлянннѣн“, колл оуѳнлнжѣ сѣвоѣчннѣ

годнымъ літературной критикѣ. Но стаа критика выпала троха дуринивато. Малешкій „Перемышлянинъ“ поставилъ се юрмо до вальки и по мнѣнію нашомъ додержалъ боевица. Боже помогай! Показалъ, що мы на отвѣтъ не зведемъ, рѣсно такъ и на вѣрѣ въ оружіи літературномъ. Чинить шашки тов. отъхъ, що весаны звыла; вбольшеніи и порѣсъ аѣши вѣдѣрѣ, не соудадъ ем са и вѣдѣншю шваремъ за правдѣншю своею властности, не оскорбляюи чужом. Идетъ болко на самверѣдѣ о тов, ажи задрспичити емъ сѣщютованье и на дилъ, а амы насом мнѣвемъ са анѣ дрыхты, що вѣт наро долющѣ радо прицилать са до того, и не вѣдѣтъ скѣпичити са цѣлюю. 20 пр. спроща дити до домъ такъ гарного притѣлани старыхъ и младыхъ.

Не сомнѣваемъ са, що весаны сродно съ нами съ малымъ замѣтивать вѣдѣчитати вѣдомости историческіи Брископахъ рѣскихъ Перемыскихъ” связемъ намъ на лѣд ставѣ приаѣжнхъ мислѣ дошнѣи етъ самыхъ же источникахъ тмаже самымъ чистымъ Гочинителемъ „отповѣди“ — Находимъ тамъ хѣта въ малюкомъ обьемѣ, но великомъ ваги вѣдомостя; за котри и въ томъ Г. сочинителемъ не толко кождай епархіанинъ Перемыскій, но и всякій лювитель рѣском отчиственномъ исторіи до испрошѣншю благодарности понѣждѣннѣмъ кыти чѣствовать са мѣсѣтъ. А вса насъ сканзаніа изъ давнѣйшю эпоки исторіи томъ и пархін, съ которою на теперъ Г. сочинитель повѣствованіе свое прервалъ, такъ замалн то тѣмъ большого судовольствіа сподѣемъ са изъ повѣствованіа новѣйшю эпоки; для котромъ безъ сомнѣніа и источники омианѣйшми повинныеса показати, но котри насъ больше охѣдитъ, во великшю насъ сагае. То въ цѣлого сердца желаемъ, що

мы Богъ додалъ Г. Гочинителемъ житіа и здоровья, шовъ шобъ такъ шыкнать пришеціалъ, съ мамомъ томъ, „люзднѣише повѣсѣ довати“.

Не мало также замѣтиющимъ естъ сказка до введенію музыкальнаго пѣніа въ Перемышан списана Г. Юсефомъ Лѣвницкимъ „отъ давня хвалемъ знанымъ дѣлѣтмакъ и на инѣ словесности отчиственномъ. Но тѣи краснѣмъ хѣта не дошлимъ радомъ швѣота са дрѣчи артикѣлы, съ домежи котрыхъ „Парашка“ и „Виргисъ“ знатиѣише занимають мѣстца.

Желамъ вѣрѣвно оусердно, шыкн съ Гочинителемъ „отповѣди“ подѣлѣемъ надѣю, шо найдѣтса и въ дрѣнхъ округгахъ Галичины мужѣ, котри подобнымъ до Перемышлянина годанымъ и вѣвѣствамъ о значѣйшнхъ мѣстхъ ихъ околлицѣ приложитъ са до положеніа основаніа для правдиво рѣском нашомъ отчиственномъ исторіи,

В. Ш к ѣ .

ЛОГОГРИФЪ.
 А П И В Е Л Ъ П О С Л Ѣ Д У Е Т Ъ

Свѣбѣй вѣрѣ а послѣднѣ
 Има мов; ци знашь?

Камъ ма аганишь, еси схочышь,
 За спрѣбъ ма мавышь.
 (Розвязанье послѣдуе.)

В П Г Я Д Е Й
 VI.
 Крыла мае, и лѣтае,
 Но то не естъ птакъ,
 Трѣбнѣтъ, гѣдѣ, тенко травъ,
 Но дѣтъ, не гѣдакъ, не гѣдѣтъ,
 Тѣмъ, маака, ночь, аѣсъ, гѣстыи корчъ,
 Анѣта мѣ покровъ,
 Вѣвѣтъ не мае, кѣсае,
 Шыкн оларъ пѣе крѣкъ,
 (Розвязанье послѣдуе.)

РОЗВЯЗАНЬЕ

Логогрифа 4. въ Ч. 7 Сборника: **НАПОЛЕОНЪ.**
 - Загадки V. въ Ч. 7 Сборника: **ИГЛА.**

ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ СБОРНИКЪ

повѣстокъ, сказокъ, историческихъ воспоминаній, господарскихъ и иныхъ
общеполезныхъ вѣстій и пр. и пр.

Ч. 10.

Вѣдень субота 28 Февраля. (12. Марша.)

1853.

ПРОМОВА

ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНЬСТВА

КВРЪ ВАСИЛІЯ ПОПОВИЧА

епископа Мукачевекого, держана въ собранію членовъ П. В. Консистоіи, по сметри В. П. кривошанина Балудяньского.

Достопочтенная Консистоіе!

„Междѣ несчастливими мимошедшихъ дней произшествіями, отъ которыхъ и самое притѣвленное чѣство человѣческое со отращеніемъ гнѣшается, и намъ единъ значительный оударъ прискорбно почѣствовати слѣчилось; — нево всепожинающая смерть или лучше глаголюще, животъ нашемъ непростѣпимый предѣлъ положившее опредѣленіе божіе Превеленѣйшаго иногда Каноника Андреа Балуданского ни два годы въ каноничествѣ не выполнившего, по долговременномъ недѣзѣ, и примѣрномъ на вѣчность приготовленіи, изъ круга нашего вырвало; и такъ Превеленѣйшю оубо Капитлаъ единаго юнаго, но многонадежднаго члена, достопочтиннѣю же Консистоію трудолюбиваго Присѣдателя а богословскихъ Оучителей сословіе многозаслуженнаго Соучителя навсѣгда лишило. — Оумолкаъ той азыкъ, который въ дѣписаніи и Правѣ Церковномъ приполезное наставленіе юномъ причетничествѣ такъ долго и охотно приподавалъ, и сокрѣшилось тое перо, которое для слышателей богословіа такъ нѣждное дѣписаніе церковное писало; — изъ сего оубо взора несомнѣнно вліа есть таа оу-

трага, юже оумертвѣе покойнаго Каноника причинило, нево ктолибо его изблизка спознавалъ, той емѣ достойнѣю признательность никакоже отрицати, но паче его память заслужившими хвалами поддерживать вѣдетъ. — Еси мы изъ благодати божіа ещи здѣ сосѣдаціи свидѣтелиа есмь тоа нестомимыа ревности, съ которою онъ союзъ малженскій предъ Консистоіалнымъ сѣданищемъ защищати не переставалъ, всемъ намъ такожде вѣдомо есть, съ какою прилѣжностію вса, къ Церковномъ дѣписанію относящаяся вещьца, на подобіе трудолюбивыа пчелы собиралъ, и тоа на великѣ оучениковъ своихъ пользѣ, и полготѣ переѣе латински типомъ издалъ. Но сямъ довольствоватиса, и отъ дальша работы отпочивати ещи не восхотѣлъ трудолюбивый дѣхъ его; нево тоа самое обширнѣе передѣланное дѣписаніе не токмо мадарски, но и рѣски, для общаго чтеніа издалъ, и наипаче нашего въ Оугорщинѣ набоженства касающимиса примѣчаніями тако обогатилъ, шко сямъ подобное насѣ дотыкающихся вещей дѣписное собраніе въ нѣкоторомъ иномъ сочинителіи не легко обращетса. Единѣмъ словомъ, на каждомъ поприщи дѣятельныа жизни своей, званію своимъ соответствовати домогавшиса, но и ползнымъ дѣланіемъ истощившиса, не токмо приличное оубаженіе, но и общю любовью себѣ притажалъ. И зато Епархіа сіа, которая его въ нѣдрѣ своемъ породила и воспитала, съ колѣзнію матернаго сердца своего сѣтветъ о преставаіи такъ полз-

наго сына своего, отъ котораго она и особливо дѣлписаніа своего изданія ожидала; ниже можетъ въ сей скорби своей иначе оутѣшиться, но токмо крѣпкою тою надеждою, яко оумертвѣе его потомъ такъ скоро савчилося, даемъ онъ тѣмъ скорѣе вкѣснѣти сподобилса оногo блаженства, котороу всюдобротанвѣй Богъ отъ вѣка предуготовилъ всѣмъ любящимъ Его. — Но понеже благоволилося Господу живота и смерти, его на иной свѣтъ, въ немже вѣчность престола свой оутвердила, присланти; должность наша есть, не скорѣти, но происходившимъ изъ живыхъ вѣры оутѣшеніемъ оупоконтиса, о немъ съ любовію, и благодареніемъ всегда память имѣти, о спасеніи его часто, найпаче же во святыхъ Службахъ Бога молити, и не самими оустами, но и сердцемъ глаголати: блаженъ пѣтъ, въ оныже пошла вси дѣши, оуготовано ти есть мѣсто покойно. Яминь.”

МАРШАЛЪ Гр. РАДЕЦКІЙ.

(Продолженіе.)

Нашъ славою окрытый богатырь оудналъ са дна 2го Листопада 1766, въ Тривинни, мѣстечкѣ въ Лѣтомѣрицкѣмъ окрѣзѣ въ Чухахъ. Оуже въ дитиначихъ лѣтахъ можъ было провидѣти его цаслившѣ вѣдучиность, проповѣсти его пѣзднѣйшій станъ. Бѣ хвиллахъ, въ котрыхъ нынѣ дѣти бавлатъ са лалкками, бавилъ са хлопчикъ Радецкій раднѣйшѣ маленькою пѣкою, герцовалъ та оуганалъ своимъ дриваными конниками, або мѣйштровалъ своихъ побратимчикѣвъ та ровесникѣвъ. Дарзкій гѣссаръ, звинный оуланъ, сажинстмѣй гранатырь, грѣмъ пѣшокъ, або гдѣ шкин маневры, — были то предметы, котри его наибольшѣ займали, найлѣпши развѣсалили. Оуже въ тихъ дѣтинячихъ лѣтахъ

ничомъ са бнѣ такъ радо, съ такою ревною оубагою неприслѣховалъ, якъ розказыванамъ о великихъ богатыряхъ та о славыхъ герояхъ. Дѣла Кнѣзя Евгеніа, генерала Лавдона, Маральбора и иныхъ зналъ Радецкій вѣдучи еще маленькимъ хлопчикомъ, а молоденька его дѣша, его жива и бѣйна фантазіа бѣвала найрадше по твердинахъ та по боямъ, дѣмала лише о воинствѣ, о таборахъ, о битвахъ та о военныхъ походахъ. Дѣмки тѣмъ росли разомъ съ дитатемъ, оукрѣпали са въ отроцѣ, а въ дарзкѣмъ юноши взросли до такъ вѣликии, такъ горячи жажды, же годѣ са было славолюбномъ молодци съ ними разстати. Млѣчи такъ оуже отъ природы пристрастнѣ замилуваннѣ до войскового стану, вѣтѣпилъ 18 лѣтннй Радецкій, котороу сердце лише военномъ славы бажало, полнѣ здоровья и крѣпкости, оуже дна 1 Герпня 1784 рокѣ, яко кадетъ до 2 полка Кирассерѣвъ, нынѣ „Генствинахъ.” — Геній, той найдорожшій даръ небесъ оуносилъ са надъ его молодостию, и обивилъ са въ его богатѣмъ талантѣ. Малъ бнѣ надзвычайно выстрѣ память и великѣ притомности дѣха, пѣвнѣ довѣрїе въ самого себе и непоколебимѣ волю до дѣла великихъ; малъ бнѣ кромѣ того шкѣюса дѣшевнѣ перевагѣ надъ иными, а особливо отличалъ са надъ всѣми даромъ вѣликии и шдерномъ вымовы. Справедливнй и чѣловѣколюбннй къ своимъ пѣделаднымъ, прїазнннй и оуслѣжнннй даа своимъ ровесннхъ позыскалъ собѣ Радецкій оуже на найнижшнхъ достоинствѣ стѣпнлахъ прїазннн и поважаннѣ оу своей старшнны, сердчноу довѣрїе оу воинствѣ, а товаришѣ такъ его были полюбили, же его омаало на рѣкахъ не носили. —

При такихъ обстоятельствѣхъ, при такихъ власностѣхъ и здатностѣхъ не мѣгъ

Радцкій ниспосѣвати са въ одного достоинства степеня на двѣгій, не дѣйти до чон высоты историческои славы, не доевнтиса того имени, котре са нынѣ по цѣлоѣ Европѣ, ва и по заморскихъ краяхъ развншло. —

Дня 3 Лютого 1786 збсталъ днѣ именованный порѣчникѣмъ, а въ рѣкъ пѣзднѣйше въ началѣ тѣрецкои вѣины видимо его оуже надпорѣчникомъ гдѣ са неѣстрашнымъ мѣжиствомъ и военною огладностію такъ чрезвычайно ѣтъзначилъ, що Его Величество тогдашній Цѣсарь оуже 9 Серпня 1794 ротмистромъ его именовати благоволил. Дня 29 Мая 1796 посвнѣлъ са Радцкій на степень майора, въ котрѣмъ то достинствѣ перенесенный збсталъ до вышешого италянскаго корнѣса пѣннрѣвѣ. И тѣтъ было поле, тѣтъ было мѣстце, гдѣ въ походѣ 1799 по первый разъ показала са ова неѣстрашная его ѣтвага, розвннѣлася ова твердость въ намѣреніяхъ, помѣвила са ова выстра догаданѣва огладнѣсть, ова ничимъ неѣтомнма дѣлательнѣсть, що то ажъ по нынѣшнѣ доѣв ѣсталася его ѣтъзначающими признаками, що то ажъ по нынѣшнѣи дѣнѣ характеризнѣють его военное жнтѣе. — Въ три рокн пѣзднѣйше збсталъ Радцкій пѣдполковникомъ при великѣмъ генеральнѣмъ штабѣ; незавакн генералъ-адютантомъ, и ещѣ того самого рокѣ т. е. дня 1 Мая 1799 полковникомъ кирассерѣвѣ нынѣ полка Баскаго Корола. Полкомъ тимъ доводилъ Радцкій въ витеѣ пѣдъ Гогнлиндинѣ, гдѣ са такъ чрезвычайно ѣтъзначилъ, же по оукѣнченѣи вѣинѣ рокѣ 1801 капитѣла ордина Марн Терссн, оузнавшн его заслѣгѣ, назначила емѣ рнцарскій крестъ тогожѣ ордина. — Дня 1 Января 1805 посвнѣлъ са днѣ на степенѣ Генералъ-Майора.

Рѣкъ 1809 была дѣла Радцкога ода нмаъ изъ майславнѣйшнхъ его военного

жнтѣ. Платѣ пригадовати тѣтъ оѣн страшнѣи времена, описовати оѣн слаеннѣи походы, котрѣ са тогда были пѣдъ доводнтелѣствомъ слаеннаго Густрн Ироа, Фрхнкн-ва Карола, описовати оѣн лютнѣи найстрашнѣйшнѣи и найпогвѣнѣйшнѣи витеѣ Французскон вѣины пѣдъ Испарнѣ и Велннгенѣ дня 21 и 22 Мая 1809, гдѣ въ оѣохъ сторонѣхъ болѣше 12000 мѣжа, и 7 генералѣвѣ на мѣстцы тѣрпомъ лаглар, а до 53000 ранно а мѣжи нншн 18 генералѣвѣ — описовати не мнншѣи страшнѣи лютѣ витеѣ кола Баграма, гдѣ Фрхнкн-ва Карола шнѣ двѣгій Ноннофѣнѣ оуствѣляющн паревалѣ оѣнѣ знакомымъ слаеннымъ ѣтверотомъ вѣрхъ своей безмерной славы осафнѣлъ, — гдѣ Радцкій доводнчн заднюю стражню ѣтверотѣ дѣлнн кореннѣмъ, явнчавшѣи неѣдолнмымъ перомъ слаѣѣ оуѣважати. —

(Продажнѣе слѣдѣе.)

Ж О Р Ж А Н Н А.

Начертѣ изъ свѣчн Индннѣвѣ Флоридѣ.

(Въ нѣмножкога.)

(Продажнѣе.)

Дѣмъ нѣкого огндного средства оуѣтѣдѣ-елнѣо изъ стороны вѣлнхъ, до наклонннѣа Индннѣ до оѣщннн свога роднмаго краѣ, то перевншнлаѣ всѣ понатнѣ. Было тѣ рѣдкѣяленнѣи пѣдпоснѣе тнужѣ началннѣвѣ.

Глубокнѣи жалѣ прошнѣе Оѣцѣла, скѣро оуѣчѣлъ о огндѣ свонхъ братнѣ; днѣ самѣ не мѣгѣ оуже ставшѣе са прнннчнтн. — Слѣбѣ на вѣроломннхъ началннѣвѣ, котрѣ са вѣлнмъ пѣдплатнтн далн, такъ са розшнрнла, що старшннѣа рѣзннхъ ѣт-радѣвѣ началннѣвѣ свонхъ повѣрнѣвншнхъ изъ оуѣговорѣ съ прѣнтельствѣомъ статѣвѣ собаднннннхъ, повннѣла. До спѣанннѣа оуѣговорѣ не показѣвали са долго жадннѣи прнчнннѣ, во мнрѣ почалѣ вѣрхъ братнѣ, хотѣи нѣпрннзннѣи пѣствѣпн въ гдннѣкотрнхъ

мѣстцахъ повелѣли са; ажъ поки надзем-
чайный случай той таѣючій огонь не пере-
мѣнилъ въ пожаръ страшный.

Помежи комиссією, заключающею тѣтъ
оуже поманутый оговоръ съ Индіанами
въ Миканопѣ, сѣдѣльщи старшого нача-
лика тогожь имени, находилъ са единъ по-
селенникъ сѣдѣнаго статъ Георгіи. Мешка-
ны Оццола было може о единъ день дороги
отъ Миканопы. Населенцы и авитъ соеди-
ненныхъ статѣвъ по оконченыхъ переспра-
вахъ съ слѣгою вѣдчи на поворотѣ, сталъ
ночаагомъ въ хѣторѣ Оццола. Перено-
чалаъ его гостинный начальникъ Оццола,
дѣлачи съ ними свою простѣ постѣлю и
мѣрне поживѣны. Но огидно было тоѣ
вынагорожено. — Краса и прелесть вѣрнат-
нон Жоржаны розпламенили похоть наса-
ленника. Онъ хотѣлъ ю посѣдати. Замѣръ
его мѣгль быти доконаный, — сказалаъ вы
лишь, „що она его невѣльница, оутѣкала
оуже давно изъ его селенія, а охоронена
теперь черезъ червоныхъ — ви темна барва
выдавала вы ю за Квадронъ *) — може
она и тою есть — кто зможе противорѣ-
чити? Шо Индіане оутѣкшихъ мѣринѣвъ
пріймають, есть всюда вѣдомо, а каждый
сѣдѣм оувѣритъ монимъ словамъ безъ до-
казъ и дальшихъ доводѣвъ.”

Оповѣлъ своѣй замыслъ слѣзѣ, шо бнѣ
Жоржаны насиліемъ изъ мешкана начальни-
ка взати, а потѣмъ ю пѣдъ защитѣю за-
кона шко невѣльницу затримати хоче; на
шо слѣга за приовѣцаніемъ великон наго-
роды легко са намовити далѣ. —

* Квадроны сѣтъ дѣти четвертого поколѣня мѣринока
оурожныхъ въ Имерицѣ макинхъ европейчика аѣо Ин-
діана за отца; они сѣтъ розманто мѣшанѣи паремъ:
темнон, чорилкон аѣо чорночиреонакон. Тнхъ, шкъ и
нишихъ мѣринока оуживають властитѣлѣ до робѣтъ
домовыхъ и господарскихъ.

Настѣвнющаго дня посѣдали чѣжесто-
ронцѣ на свои конѣ. Оццола выхѣднени
по своемъ звычайу шо дня до лѣса, сопро-
водилъ своихъ гостей парѣ миль на нхъ
дорозѣ, потѣмъ попрощавшиса ѣтъншолъ
въ своѣй пѣтъ.

(Продолженіе слѣдѣ.)

П О В Ъ С Т Ъ

Слѣпый, и хромый.

Срѣтнлнса слѣпый съ хромымъ;

Стали розговлати,

Кимъ способомъ собѣ въ свѣтъ

Можноѣ помагати?

И вдрѣгъ заклаюнаса советъ:

Взлаъ слѣпый безнога,

А хромый мѣ показовалъ

Куда есть дорога;

Сего оун, того ноги

Купно са слагають,

Такъ то вѣднѣ собѣ въ нуждѣ

Мудро помагають.

А. Д.

Л О Г О Г Р И Ф Ъ.

В.

Какъ на передѣ, такъ на задѣ,
Смотритъ къ костокѣ и западѣ.

(Розвязанье послѣдуѣ.)

З Я Г Я Д К Я.

VII.

Кто четверокононѣ хѣлаъ,
Но жаднаго коня не мааъ?

(Розвязанье послѣдуѣ.)

Р О З В Я З А Н Ё

Логогрифа Ч. въ Ч. 9 Сборника: Карвара.
Загадки V. въ Ч. 9 Сборника: Комаръ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ СБОРНИКЪ

повѣстокъ, сказокъ, историческихъ воспоминаній, господарскихъ и иныхъ
общеполезныхъ вѣстій и пр. и пр.

Ч. 11.

Вѣдень субота 7. (19.) Марша.

1853.

Листъ Пастырскій ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНЬСТВА КНЯЗЯ АРХІЕПИСКОПА ВѢДЕНЬСКОГО.

(послѣдній перидъ Его смерти.)

Хвалѣть и превозносѣтъ Господа неба и землѣ, которымъ Царіе царствуютъ и вельможи величаютъ ся (Притч. 8, 15, 16) Онъ бо всѣхъ насъ освободилъ нынѣ отъ нещастя, въ котровъ насъ злоба втрунута грозила. —

Житіе Его ц. к. Апостольскаго Величества нашего наймилостивѣйшаго Цѣсара есть основною крѣпостію мира и сѣпокою благосостояніа и щастя такъ всѣхъ въ особенностіи шкъ и цѣлон Державы. Житіе Его есть порѣкою для терпѣвшности а жереломъ надѣи про лучшю вѣдѣчнѣсть. Если на житіе Монарха словеншй человекъ настае, не есть онъ ворогомъ лишь сѣщиннаго Монарха но ворогомъ такожь и тихъ 37 милліонѣвъ людей, котрыхъ щастя отъ житіа того есть зависимо. Такии бо не только сѣе все короткое житіе, сѣю лишь позорнѣ тѣземнѣю долю Монарха але и миръ, сѣпокой, благополѣчїе, долю цѣлаго народа розорилеви. Такъ оужаснѣ мысль, такъ словеное рѣшенїе, належаюви для оума и сердца каждого человека за невозможнѣсть держати, но къ сожалѣнію стало сѣе тое прецѣнь!

Его Величество обнали сѣи по всегда тажкїи, въ терпѣвшныхъ же обстоятельствѣхъ можѣ сказати негносншй тагаръ правлена державою, сѣпокой та невиннїи оутѣхи попередныхъ, иначе вѣзжѣрншхъ

лѣтъ житя человеческого пожертвовали про благо народа. Мѣежь жертва тамъ еще личными оугроженїаии и невиспечнѣстваии возвышенною, неблагоприятнѣстію огорченною быти? — Его Величество посвѣтили всѣ дни и всѣ силы свои ажѣ до изчерпѣ напращнїа державншмъ дѣламъ. Мѣе ли житїе, котре Онъ самъ напращнїемъ скоротити грозитъ, еще огидншмъ наснлїемъ скоротити сѣ? — Онъ дае народови довѣрїе Свое, ходитъ самъ и безъ стражи междѣ нимъ. Мѣежь штлѣтъ скрытовѣйща нагородою быти Его довѣрїа? — Чижь мѣе житїе Его посредѣ такъ многихъ милліонѣвъ, о котрыхъ благо Онъ щедротно старе сѣ, безъсмію одинокого злочинца пожертвоване быти? Історїа Австрїи была по нынѣ чистою отъ ганеиной пламы оувїйства своего Владѣтеля. Чи народъ Австрїи не мѣе надалѣ заслѣговати на нма вѣрного? —

Тое далекимъ вѣди отъ всѣхъ насъ! Мы хочемо любовь любовію, довѣрїе вѣрнѣстію, пожертвоване сѣе благодарнѣстію вынагороджати. Мы хочемо до Господа Бога, иже силенъ есть съ невисе всѣмъ дати Дѣуха свѣтаго (Лѣк. 11. 13) воскликати, абы Онъ тимъ дѣухомъ любви и вѣрности всѣхъ тихъ натхнѣлъ, котрыии Владѣти покланкани сѣтъ Его Величество! Но понеже посередѣ такъ чрезвычѣайно великаго числа жителей Австрїи побди нокїи находитисѣ могѣтъ, котринъ въ побѣдѣ ввѣденїи ложными повѣчїаии, обманнїи огидншми похотѣми нхъ зѣпсованаго сѣрдѣ

ца або черезъ чужіи особи насѣньне недовольствіа розсѣвають а насиліемъ сѣпокой и щастыя народа збѣрити хотять, то кромѣ охороны и помочи Божои нѣжнимъ есть содѣйствованье всѣхъ добромыслачихъ, абы намѣренія словы ѳтѣстрашити, притѣмити або оунничтожити.

И съ всѣмъ есмь пересвѣдченный, що число зломыслачихъ есть малое и незнатное. Ближе мимо того тое маленькое число посередѣ цѣлого вѣрного народа зѣхвало голову свою поѣноситъ, и штилетъ закрвавленный огиднымъ оубійствомъ вѣрныхъ слѣгъ Цѣсара, навѣтъ въ сердце освѣщеннаго Монарха оупхнѣти вознамѣрае, то тое тимъ лишь изъясненіе быти може, що добромыслачин не подаютъ совѣтъ рѣкъ, абы зтоптати такіи намѣренія, и ожидаютъ, абы статскіи оурады зарадили томъ безъ ихъ содѣйствія. —

Икъ долго добромыслачин припѣскати бѣдѣтъ словѣ въ жилища свои не смотрячи, що она предпринимаетъ; икъ долго найогиднѣйшимъ бесѣдамъ, злохочѣванамъ на публичныхъ мѣстцахъ хотѣ ихъ непохваллѣемъ, тишкомъ прислѣхувати сѣ бѣдемъ, поѣжигателнїи письма або слотолки державныхъ заведенїи бѣдѣтовы розвѣселяючи остроблннїи шѣтки розширати, ка навѣтъ молодежи въ рѣки давати не перестанемъ; такъ долго немогутъ тїи, котріи сѣ добромыслачими зовѣтъ, сказати: „Що донстно оусердно любовью, вѣрнѣсть и преданнѣсть чѣвствѣють.“ —

Статскіи оурады не могутъ кождомъ слѣ заповѣгчи, кождое нещастье спинити. Ихъ око, ихъ оухо, ихъ рѣка сѣтъ обмеженнїи. Они требѣють содѣйствованя добромыслачихъ, понеже ѳтъ тихъ толькы поѣкрѣпленнїи могутъ они слѣсть ѳтстрашити и въ мѣжахъ оудержати.

За для того промовляю до всѣхъ насъ, въ котрыхъ отечестволюбїе, вѣрнѣсть къ Цѣсарю Нашомъ, смысла правды и не правды не оубѣмерли, и кличѣ ѳтцевскою любовью:

Соединѣтѣ сѣ и докажѣтъ, же вы яко Хрістіане благодарно исповѣдѣте, що Господь Богъ есть, ѳтъ которого дана власть Царѣви нашомъ (Іоан. 19, 11.) Бѣйте слова: „Бога бѣйте сѣ, Царя почитайте“ (1. Петр. 2, 13) незрѣшимо въ сердца ваши и сѣлайте ихъ правиломъ жита Нашого. Соединѣтѣ сѣ, абы притѣмити насѣньне, котрое слѣсть поединокихъ не многихъ сѣкти слабе сѣ. Стѣрежѣтѣ сѣ сообщати сѣ съ такими людьми, читати такіи письма, котріи огидными перекрѣчованями, мечтательными обѣтницами, Наше оудовольствїе ослабити, Наше послѣшанїе и вѣрнѣсть Нашѣ розорати стараютъ сѣ. Чѣвайте надѣ поѣчиненными Намъ, особенно надѣ дѣтьми вашими, понеже молодѣжь недосвѣдченна легко звести дае сѣ и став сѣ, но за дѣже часто, черезъ огиднѣю слѣсть ордїемъ найогиднѣйшимъ слодѣланїи, котрыхъ виновники оукрѣтити сѣ оумѣють.

Но понеже веда слѣвъ св. пис.: „Ище не Господь сохранитъ домъ, всѣе вѣдѣ стрѣгїи (Псал. 126, 1.) Безъ помочи Божои сло ѳтвернѣти намъ невозможно, для того вознесѣтъ рѣки и сердца ваша до Господа Бога и молѣтъ сѣ съ мною до того, въ которого рѣкахъ жите всѣхъ людїи:

Всемогѣчїи милостивнїи Боже! Ты покликать всѣ въ днахъ крайнои нѣжды и опасности слѣгъ Твоего Цѣсара нашего Францъ Іосифа владѣти Ілустрією. Сохранай и оудержвай жите Его, щобы продолжалъ и щастливо докѣнчалъ, що всеславно началъ. Наполни его дѣхомъ мудро-сти и силы, щобы все поѣзнавалъ и довершалъ, що Твоей славі и тѣзїиномъ и вѣч-

номъ спасенію народа Твоего прислужае. Дай емъ вѣрнѣхъ и совѣстныхъ совѣтниковъ и исполнителей Его доброй волѣ, абы таа кривошиною неоставалася. Слагчи емъ великій тагаръ задачи его потѣхою изъ щастливого оупѣхъ, и вынагороди Емъ любовь Его огладаніемъ вѣрности и приданности народа Его, доки колись не полѣчитъ вѣчнои нагороды за дѣла свои на сій земли. О Христѣ Исусѣ Господѣ нашомъ. Аминь.”

Зъ моєи архієпископскои резиденциі въ Бѣдни 20 Лютого 1853.

ВИНКЕНТІЙ ЕДУАРДЪ
Архієпископъ.

МАРШАЛЪ Гр. РАДЕЦКІЙ.

(Продолженіе.)

Тогда то неперечѣвали нашии отцы, жи ихъ сынове пѣдъ доводителствомъ того самого мѣжа, котрый ов.го часѣ до оурагована славы аустрійскои арміи такъ ѡтлично причинилъ са, розвнѣтъ колись свои знамена, абы не лишъ славы арміи, но паче самъ отчинъ ѡтъ роздрѣблена охоронити. —

Еъ нагородѣ тихъ его заслѣгъ именовано его дна 1. Червца 1809, въ патъ днѣ по битвѣ пѣдъ Испарнѣ, польнымъ маршаллѣ - порѣчникомъ а заразомъ и властителѣмъ патого полка гвссарѣвъ, котрый по нынѣ величае са его славнымъ именемъ; а по битвѣ пѣдъ Баграмѣ шэфомъ генерального штабѣ и ѡтлично его командорскимъ крестомъ ордина Маріи Терсїи.

Еъ часѣ вѣины 1813 — 1815 придѣлно его яко шѣфа генерального штабѣ верховномъ начальникови аустрійскои арміи Князю Каролѣви Шварценберговн. Тѣтъ треба было розвзати тысячи помотаныхъ дипломатичныхъ и военныхъ вопросѣвъ, при котрыхъ не такъ острѣ меча якъ желѣзна вытравлѣсть дѣха рѣшае. Коло Квламъ

и Липска, и на воевици коло Брїєнны приобертѣлъ совѣтъ Радецкїи новѣ славы, а заслѣги Его въ тихъ походахъ доказѣють многин ординъ, котрин въ той часѣ его рицарскѣ грѣды обкрыли. Рицарскїи Крестъ росс: ордина Александра Невского, прѣсскїи ордина червоного орла 1 розр., — великїи крестъ еаварского ордина Макса-Іосифа, великїи крестъ сардиньского ордина Маврикіа и. пр. сѣтъ доказани, же тогданин заслѣги Радецког о около привернѣна Европѣ спокою и за границую оузнано. —

По заключеню спокою, повернѣлъ Радецкїи съ армією назадъ до Инстрїи, збсталъ рокѣ 1829 генераломъ кавалерїи и комендѣющимъ генераломъ крѣпости Голомѣца, гдѣ однакожь не долго збставалъ, понижѣ оуже 1831 перенесенимъ збсталъ до Італїи яко комендѣючи генералъ ломбардско - венецского королевства, гдѣ 17 Червца 1836 найвышшїи степенъ войскового достоннства, степенъ Польного Маршалка осажнѣлъ.

(Продолженіе слѣдѣе.)

ЖОРЖАННА.

Начеркъ изъ свѣчи Индианѣвъ Флориды.

(Зъ нѣмецкого.)

(Продолженіе.)

Що ино скрyli сосны высокѣ поетать начальника, звернѣли оуже оба вѣлин конѣ свои назадъ къ мѣшканю Оцсолѣ, абы вѣзъ охороны дома оставшѣ Жоржанинѣ съ совою взати. — Непогода, помѣвлюча са на воздѣсѣ, приспѣшала ихъ стѣпы.

Короткими словами оживилъ невсѣрдный властитель невольникѣвъ естоляѣлѣй Жоржанинѣ, що она мѣ послѣдовати мае. Тѣ не помогли нѣ просьбѣмъ нѣ плачѣ. Еъ плачѣмъ оупала тримаючи днѣ на рѣкахъ тирановн до нѣгъ, но дармо молила его о милосердіе, — ѡнѣ того незналъ.

Будетъ ей дитя насиліемъ. Но не такъ легко можна ю было оуати. Отчаянно боронилъ са Індіанка; — настала безприродна бореа двоухъ мѣжъ съ одною безоружною женщиною, — коли небо грозъ селижающею са непогодю оказовало. Долго са боронилъ — наконецъ зъмѣвши поддалася чрезмѣрнои силѣ. Связанъ высадили на коня.

Тимчасомъ пострѣгъ Оцеола селижаючи са хмары, а помысливши советъ, що въ такѣи зымеѣ малѣ довычѣ зрѣнѣти, повернулъ назадъ. Объяшолъ въ своемъ походѣ озеро такъ, що збѣстала теперь на противномъ березѣ отъ своего жилища. Тѣтъ нахуодилъ са малый човинъ зъ коры, на котромъ онъ до дрѣгого берега дѣстати са хотѣлъ.

Хмары висѣли оуже надъ озеромъ, и оуже лѣла са дошъ потоками; влыскавицѣ мигали просвѣтляючи темнотѣ, коли онъ певною рѣкою лодю черезъ шѣмачѣи волны провадилъ. Приплывши може до середины озера, оучѣлъ голосный крикъ о помѣчь. Задрожалъ цѣлымъ тѣломъ. Позналъ голось свои найдорожшон Жоржанны. Болзливо обернулъ очи свои въ знаеме мѣстце своего жилища, но темнота была за велика, чѣлъ лишь кликъ помочи. Его неспокойство взмогло са страшино. Озеро са волнами гонило; треба было великон осторожности до проваженя тон славои лодѣ. На дармо продвѣлалъ очи, що бы въ сторонѣ своего жилища мѣгъ шо оузрѣти, зъ ѣтки часто кликъ о помѣчь его свѣрѣги дохуодилъ, ажъ наразъ первѣи гдѣсь оударившѣи тое сумное зрѣлище освѣтилъ. Съ оужасомъ оузрѣлъ связанъ Жоржанны сѣдлачѣ на кони передъ вѣлымъ, котрый са спѣшио съ своею довычию ѣдалалъ. Стѣмило са

потѣмъ, — чѣлъ лишь шо разѣ дальше и тихше кликанье о помѣчь свои оулюбяиной.

Нечаянна тоска обѣла начальника; его досель певна рѣка трасла са, коли легко лодю водѣ поролъ. Переплывалъ онъ тое озеро часто, и въ нагѣршѣи зымеѣ и мрацѣ — зналъ кождѣ точкѣ на немъ, а теперь кождѣ са, шовы ѣтъ пристанища близко своих хуаты неселѣднѣлъ.

(Продолженіе слѣдѣе.)

Р О З В Ѣ З А Н Ь Е

Логогрифа в. въ Ч. 10 Сборника: ОКО.

Загадки VII. въ Ч. 10 Сборника: БО ВСѢ УЕТИРЕ БЫЛИ КЛАУН.

ПОСМЕРТНОЕ ВОСПОМИНАНІЕ.

Дня 21. Февраля 1853 преставилъ са въ жизнь вѣчную Божественнѣишій

ГЕОРГІЙ КУЩИКЕВИЧЪ

приходникъ въ Страшвенчахъ, высѣжженный Намѣстникъ и поетъ. шк. нар. надзиратель Намѣстничества Старосамебрского въ 73 роцѣ жизни своей, а въ 48. священничества. — Покойный, много заслуженный мѣжъ, посвѣщенный р. 1805 въ чинъ священничества Прюск. Епископомъ Инт. Янглоичемъ, въ томъ самѣи годѣ ѣтъ реченного Епископа, ико Патрона, поставилъ зѣсталъ на приходника въ Страшвенчахъ, гдѣ ажъ до конца тѣмискон своей жизни тѣдилъ са вѣрно и несыпно около поѣрѣнного советъ стада. — Его ревность, трудолюбие и сѣтлѣи оумъ, зѣрѣдан оубагѣ елаж. пам: Прюсвѣщенного Епископа Енѣгѣрского, котрый го 1821 мѣсто-намѣстникомъ, р. 1831 надзирателѣи школъ, а р. 1837. намѣстникомъ Старосамебрского намѣстничества поставилъ. Тѣи оурады въ пользѣ подчиненныхъ, и къ задоволенію Емс. Пр. Консисторѣи, ажъ до 1845 года оуправлалъ. —

Осталла вдова, 2 сыны священники, 2 дѣтки свѣрѣги, одна священника а втора оурадика окрѣжного ц. к. оурады, и 7. сирѣтъ по найстарѣи дѣнцѣ оставшѣи оплакуютъ вразѣ съ парафианами, котрыхъ всѣхъ вѣнчалъ. и по большѣи части крѣстнѣлъ, смѣрть покойного ѣтца и добрѣдѣтелъ. — Бѣди емѣ вѣчнаа паматъ! —

К. Т.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ СБОРНИКЪ

повѣстокъ, сказокъ, историческихъ воспоминаній, господарскихъ и иныхъ
общеполезныхъ вѣстій и пр. и пр.

Ч. 12.

Въ день суббота 14. (26.) Марша.

1853.

ЛИСТЪ ПАСТЫРСКІЙ

Его Преосвящ. епископа Перемыскаго

ЖУРНАЛЪ ГРИГОРІЯ.

*Преподобному Пресвистерству и всѣмъ
Вѣрнымъ епархіи Нашою мира о Господѣ
и благословенія отъ Бога!*

Безсмыслительно дошла Вася, возлюбленнн, оуже смнаа вѣсть о огиднѣйшомъ замахѣ на житея Его Величества милостивѣйшого нашего Цѣсара ФРАНЦЪ ЮСИФА, сіа во вѣсть скоростію молніи розъишлася по цѣлѣй державѣ, рознесла повсюд оужасъ и трепетъ, и наполнила сердце каждого отчннъ любашого жителя горестію, которъ тѣлько заразомъ оудѣлннное извѣстіе оуменшало, що Богъ всемогшій оуничтожилъ намѣреніе пагѣбного оувійца, сохранилъ житіе помазанного своего и отвернѣлъ напраснью смертъ отъ возлюбленного Императора нашего.

Дла отстороненія ложныхъ снадь розпросторонитиса могвчнхъ о семъ колзнѣйшомъ приключенію погелосокъ, оповѣсть дѣшъ пастырь не тѣлько на едннѣ вопрошающимъ, но и собранымъ парафіанамъ тое же приключеніе, котрое по содержанію оурядового донесенія въ слѣдшій способъ са совершило: Дна 1/18 т. м. перѣхожѣвалиса Его Величество, нашъ возлюбленннй Цѣсарь, около полудна на вастіонахъ. Въ поблизкости корѣтанской брамы кннѣлъ

са лютый скрытовѣійца нмннмъ Іоаннъ Лнвнн родомъ зъ Бѣлггорода (Stuhlweissenburg) въ Оугоршннѣ, съ ножемъ на Цѣсара, и задалъ на тыльнѣй части головы Его Величества ранѣ, котра однакожа на шасты не засагнѣла жадныхъ частій грозначнхъ ннезпечннствомъ. Слоспростѣпннка поймао на мѣстціи и отдано въ рѣки справедлнвостн. Его Величество оудалнса по приключнвшѣмъ са нщастію до поблнзкон палаты Его цѣс. Высочества Духннказа Альбрехта, гдѣ тимчасово ранѣ завязано, по чѣмъ Его Величество въ поковѣ до своего двора отѣѣхали. Теперѣшннй станъ здоровла есть хвала Богаъ заспокоающій.

Донстно ледво, виднть са, въ мысли припѣстнтнвы можна, шобы здоровомыслачій человекъ, а тимъ болѣше хрнстннннъ здѣбнннй вылъ до совершенія такого проклатого злочннства, которе въ столчѣй отъ вѣковъ Имперіи Австрійской еше не приключнлоса, и ажъ современннхъ достнгнѣла нщастнаа доля болѣти надъ выродинымъ сыномъ, воорѣженнью рѣкъ на Отца отчнны поднестн дерзнѣвшнмъ. До такого чннѣ тѣлько оумъ страстію ослѣплень и закаменѣлое сердце прнвестн моглобы, во тѣлько, шкъ сватое писаніе голоснть: „развращенно сердце“, сердце безъ сознанія реангійного, сердце занѣрено лнше въ тѣзнмности „кѣетъ злаа: „на всакое время таковыи матежн составлаеть градъ; (прнтч. гла. 6.) Такъ дѣлающій человекъ отдалае са отъ Бога, отметае заповѣдн его, не слѣхаетъ ревногю оупомннанія своен ма-

тери с. католическою церкви, табуиють въ совѣ отъзываючиіи самі некогда голосъ власнои совѣсти, а Богъ отнимаетъ отъ него свою благодать, аишае го по́дшептамаъ ложныхъ дръгбѣвъ, насилю похотій плотскихъ, которыхъ слѣдствіе есть пагѣва кѣчнаа. О таковыхъ мовить Пророкъ Давидъ (Псал. 54. ст. 20): Нѣсть имъ измѣненіа, яко неубоашася Бога. Незважають они на страшный судъ первомъ братовѣицѣ Каинъ Богомъ самимъ оголошенный (Быт. гл. 4. ст. 10.) Уто сотворилъ еси сіе, гласъ крове брата твоего вопіетъ къ мнѣ отъ земли. Иныи прокляты на земли, аже разверзе оуста своа, пріати кровь брата твоего отъ рѣки своа. — На даримно быловы прикони таковымъ нашій обовязки къ Владѣющимъ, и оутверждати ихъ доказательствами зъ розѣмъ и письма св. взатыми, ко имъ все тое добре вѣдомымъ есть, во не темнота розѣмъ, але слова волѣ есть причиною ихъ дѣланіа, они радѣють са о всѣхъ, ихъ же ненавидитъ Богъ (Притч. гл. 6. ст. 16). Яле Богъ силенъ есть и каменная змагчати сердца, томъ подобаетъ намъ оусердно Его благати, дабы гнѣвъ своій отъ насъ отъратити, непримирительная сердца свѣрообразныхъ людіи къ братолюбію и оумиренію преложити, зависти, рвеніа, гнѣвы и братоненавидѣніа искоринити, миръ и тишииъ, любовь и скорое примиреніе людемъ чистною своею кровію искѣпленнымъ подати благовозволаъ. Его милосердіе надъ нами и въ теперѣшномъ нищастанкѣмъ приключенію скѣтло возсіало, во Онъ чѣваючи надъ своимъ Помазанникомъ недопѣстилъ совершити злочиньства. Онъ охоронилъ дорогоценнѣшое житыи возлюбленного нашего Цѣсара. Ктожь зъ вѣрныхъ отечества сынѣкъ не вѣде тронѣтый чѣствомъ благодарности ко Всевыш-

нѣмъ за отдаленіе такъ великого нищаста не то́лько нашего отечества, но даже цѣлон Европы? Житыи ко его Величеству, милостивѣйшого Цѣсара есть основаніемъ спокую и благополучіа не лише поединкиихъ, но и цѣлон державы. Оно есть залогомъ теперѣшности и жерломъ надѣи лучшои вѣдучности. Говорюпѣмъ томъ нашій молитвы до Всевышнѣго, который своею благодатию очевидно надъ благомъ общого отечества чѣвае, о дорогоценнѣшое здорovy и долгодіствіе милостивѣйшого Монарха и Отца. —

Возлюбленніи во Христѣ брата Не оусомнѣваемоса, що однокіи зъ природного чѣства непоколебимой вѣрности и искреннои преданности къ Его Величеству Цѣсарю, та изъ становиска свого званя палмагачи на слова великого Апостола 1. Тимодій 2. 1. прежде всѣхъ молю, теорити молитвы, моленіа, прошеніа, благодареніа за Царя и за вса ниже въ власти сѣтъ, не залишилесте заразъ по получению си смѣтнои вѣсти благодарственное богослуженіе за щастливи отдаленіе того великого небеспеченьства отъправити.

Слѣбы однакожь такое благодарственное богослуженіе гдѣ оуже и совершилось, то препорѣчаемо пр. Духовнѣствѣ по отриманю сего, въ настѣпуючю Недѣлю Слѣжѣвъ благодареніа съ прибавленіемъ касателнои ектеніи отъправити. По замовнои молитвѣ слѣдовати мае „Слава въ вышнихъ Богъ“. По совершениомъ благодаренію мае священникъ съ всѣми присутствуючими падаше на колѣна отъмовити три разы Отче нашъ, три разы Богородице Дѣво, благачи всемогущого Бога, дабы возлюбленного Императора нашего ФРАНЦЪ ЮСИФЪ отъ одра волѣзни скоро воздвигнулъ, и намъ здравіемъ и долгодіствіемъ Его постоянно тѣшитиса благовозволаъ.

Да вѣдѣть съ вами благодать, милость, миръ, отъ Бога Отца и отъ Господа Исуса Христа, Сына Отца, въ истинѣ и любви, Аминь (2. Юан. гл. 1. ст. 3.)

Перемышль дня 11 (23). Лютого 1853.
Григорій Епископъ.

МОЛИТВА ЗА

ЦЪСАРЕМЪ

надъслана до Сборника въ Кошиць подъ знакомъ А

Позвольте допись мою належачу до политическои части Бѣстника довершити молениемъ: „Боже, иже отъ грознои смерти сохранилъ и спаслъ еси намъ Цѣсара, въ немже миллионы австрійскаго народа рѣскаго попечительнаго своего Отца, а кадолич. рѣска апостольскаа церковь почитаетъ благосклоннаго всевысочайшаго зашитника и покровителя Твоего, Твѣ въ первыхъ да вѣдѣть слава и честь изъ оустъ нашихъ смиренно принесенна. Предъ Твоею приклоняючи колѣна, сердца нашихъ рѣскално проливаемъ моление наше, да скоро совершиши здорова и цѣла сотвориши намъ Цѣсара и на весь вѣкъ Его сохраниши отъ сѣти, юже составленны беззаконники Емъ. Дажь Емъ Господи благодѣнствіе въ многалѣтѣ и мирное царство, да и мы въ мирѣ съ Нимъ живемъ. Окровжи ангелами хранителями весь цѣсарскій Дѣмъ, да членѣвъ Его родины стерегутъ они по всѣхъ стезахъ ихъ. Оутѣли колѣзнь и оукрѣпи силы всевысочайшѣи Матери Цѣсара, еа во колѣзнь колѣзню есть миллионѣвъ вѣрныхъ рѣскаихъ сердець, на которыхъ има „Гофѣн“шко има всѣдражайшѣи матери и покровительницы народа рѣскаго гавекоже написанно есть. Розсѣчи мечемъ всемогучѣи десницы Твоей

всѣ нечестивѣи полки ворогобѣи и сѣпостатѣвъ Австрійи, да би дѣвно почтѣнный прапоръ славно и побѣдоносно всегда повѣвае на счастье, благополучіе и спасеніе миллионѣвъ народа. Помири сердца всѣхъ австрійскихъ народѣвъ, дабы всѣ внутрѣнній раздоры и вражды изъ предѣловъ нашего краснаго и великаго австрійскаго всеобщаго отечества оустѣпили и всѣ народы однимъ оузломъ любви соплѣченни съ совою „соединенными силами“ на своихъ сердцахъ двигали „вѣру, Цѣсара, Его престолъ и отечество“ и най такъ вѣде прославленно Имя Твое Господи! всегда ныне и присно и во вѣки вѣковъ. —

ЖОРЖАННА.

Начеркъ изъ свѣи Индианѣвъ Флориды.
(Въ нѣмецкои.)

(Продолженіе.)

Лѣта полетѣла шкъ стрѣла, оударила концемъ о пень оупавшій зъ берега на воду, отъ чего са перевернула. Крѣпкими рамъ нами дѣлалъ онъ волны, вѣжши стрѣла въ зѣбу; такимъ способомъ дѣсталъ са до берега по пороухъ и стрѣла замекли и стали са издалями.

Наибѣ въ очеланіи вѣтѣннѣ въ свою свѣтѣшнѣ хату; его дѣла вытѣвляючи рѣчината къ нему плачи на земли. Поднѣвъ его, положилъ на постелю. Мѣи издали оуживѣтъ съ такою силою, що ажъ оубра са сѣгнула, а вѣупнѣши тажкій топѣръ шлѣтае изъ хаты.

Шкъ лѣвица, которѣи молодѣи вѣвранѣ, скочила, въ розѣбѣнникѣмъ вѣхъ дѣвѣвъ отъврати. Страшино, мѣвъ громѣмъ нѣва загѣдѣла онъ гавло сѣчи, коли топѣромъ подобно ялысавици выдѣлаа. Шкъ оомѣ перѣкае черѣвъ лиѣ, репы и потоки, тажъ онъ гналъ на перѣдъ — вѣвѣрѣтѣннѣ гавлѣ сѣючи той дѣкѣи спѣвъ.

Затимчасомъ бѣли значительнаго вы-
передили мячи доброй конѣ, хотай и той
хосинъ дальшой пространи дороги зъ вы-
трвалостію Індіана рѣвнати сѧ немѡгъ, одна-
кожь тоб обстоятельство, що найближше се-
леніе бѣлыхъ лишь 12 англійскихъ миль
отдалене было, не дозволило, бы тѣды згань-
бленого начальника вынагородити, абы прі-
стѣпникѡвъ поймати возмогалъ.

Хищники доспѣли невакомъ до того
селища и дѣстали отъ тамошней мѣстце-
вом старшины вооруженый спроводъ ажъ до
границѣ Георгіи. Жалѣючого сѧ передъ тою
старшиною Оцеолою, отпращено съ зневагою
откланѣючи сѧ на слова населенника, що там
Жоржана есть его давно оутѣкшою не-
вольницею. — Непомогли жаднй представи-
ніа, — то все было надаренно, — все ажа
и подѣстѣ въ нѣхъ очѣхъ. —

Вернувши назадъ до своего вигѣамѣ,
записавъ лютѣ мѣста бѣлымъ. — Жор-
жана, повернула оуже николи въ обла-
тиа своего мѣжа назадъ — вѣдѣчи теперь
невольницею бѣлого населенника; оуволь-
ниаа ю скороа смѣрть отъ безчестного раб-
ства. —

Індіане Флориды завѣніемъ, ва злодою
своихъ начальникѡвъ розлащеніи, потребова-
ли лишь искры, бы оумысли до боревы
розпламентити; тою искрою стало сѧ не-
годна дѣла тогожь населенника. Бѣсть о
тѡмъ дѣлѣ розметѣла сѧ въ короткомъ
времени по цѣломъ полѣостровѣ. Бѣ гамо-
каухъ и вигѣмаухъ говорено лишь о Оцеоли
и Жоржаниѣ.

Начальники рѣзныхъ племенъ собрали
сѧ въ Миканопѣ; сѣдѣлици своего стар-
шого — а осьмнадцатъ съвоказали сѧ
тѣтъ до не оумолити сѣчи противъ блѣ-
дымъ лицамъ.

Иле старшій Миканопы былъ за старшій
и за слабой, и зѣ тон причины пристѣпан-
но до выворѣ иного.

Межи спѣлѣбѣггаталами, котрин сѧ
въ жилици старого начальника, до осажениа
того достонства собрали, былъ и Оцеола,
котрый въ бѣганю, плаваню и фѣхтованю
всѣхъ советѣггатеѣвъ выпередналъ; для чо-
го одноголосно го за начальника всѣхъ обрано.

Двѣ недѣлѣ по сѣдѣланіемъ насиліи на-
селенникомъ Георгіанскимъ, вывѣхала сѣчь
въ всѣхъ частехъ Флориды. Мѣсти шѣкаю-
чин Індіане забывали рѣзали, рѣвали, сѣкли
бѣлыхъ поселеникѡвъ, палили нѣхъ селища
и города.

(Конца сѣдѣб.)

З П Г Я Д К Я.

VIII.

Лихій ранды мнѣ живнѣ ддан
Люди оустраняи,
Мѣдрость и честь мнѣ надади,
Блакою даряи,
Премѣдой оупотребляють,
Царя и Бѣльможя,
Тайны на мени складдиють
Мѣка на пѣскѣ кожя;
Многоразъ ма и порѣжѣтъ,
Коли оукрашають,
Иле многоразъ полжѣтъ,
Коли обертаятъ,
И подамъ ти и мѣдрости
Хоть самъ ничѣ не зная
И закоми дамъ и власти
Хоть чинѡвъ не маю,
И покерно принимаю
Отъ мѣдрыхъ и глѣпыхъ
И лихій падаъ раздаваю
Дѣрныхъ и нескыхъ. —
Первымъ дѣти та вѣтають,
Дрѣгнѣмъ гоино оугоцають.
(Розвязанье послѣдѣв.)

ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ СБОРНИКЪ

повѣстокъ, сказокъ, историческихъ воспоминаній, господарскихъ и иныхъ
общеполезныхъ вѣстій и пр. и пр.

Ч. 13.

Въ день субота 21. Марша (2. Априля).

1853.

МАРШАЛЪ Гр. РАДЕЦКІИ.

(Продолженіе.)

Черезъ цѣлый часъ своего тѣтъ повѣтъ размышлялъ Радецкій заедно о выдосконаленію и управленію войска до вѣины. Его оскѣніи маневры, котры са шо рокъ повторали, вславили са въ Пустри такъ, шкъ то колисъ ривин Фридриха великого въ Пруссакъ. На овыхъ ковнирахъ, на котрыхъ колисъ Прухикназь Кароль, Бурмсиръ, Бѣена, князь Ергеній, Наполонъ и инни, свон велитніи вѣтвы сточѣвали, ѳтѣывали са его маневры. — Каждый офицеръ мѳгъ са тѣтъ легко перенести дѳхомъ въ овин часы; легко мѳ тѣтъ выло подывати всакіи повелѣдніа и ошики, переконати са о шастанвухъ помыслахъ тогдашнихъ военныхъ планѳвъ, а заравомъ и привычнса, шкъ тѳ немалы кож-дѳ стопѳ землѳ оупотреблати подобав. Стратигичніи линіи Ломбардин переходили одна дрѳгою такъ долго, ажъ доки итаіланска арміа свѳй практичный кѳрсъ до ненадѣй-нои, а однакожь до такъ близкон вѳины не перировнала. Шо рокъ собирало са до тихъ маневрѳ много заграничныхъ офицерѳвъ. Всѳ войска Нѣмеччины, Франція, Англіа, Россіа, Італіа мали тѣтъ свонхъ застѳп-никѳвъ. Радецкомѳ приписовано цѣлкомъ новый системъ маневрована, а всѳ хотѣли мѳ го ѳтѳвчннса. Были тѣтъ и Сардинцѳ, а были дѳже оубажными оучениками, о котрыхъ отицъ Радецкій, шкъ го простый воикъ звычайно именѳе, али не погадалъ, же колисъ мѳ са съ ними на тихъ самыхъ

полахъ, гдѳ мѳ са такъ оубажно приди-елали, потыкати та стирати прийдѳ.

Такъ надѣншоаъ рѳкъ заѳврина 1848, и принѣсъ Радецкомѳ задачѳ, котрой вы кромѳ него жаднѳ старецъ въ его лѳтахъ не выаъ подолѣаъ. Быворъ Радецкого на верховного начальника итаіланскон арміи не мѳгъ шастанвше выпасти, во шкъ са по-казѳе, алише его талантови возможно выло, край той такъ долго въ спокон оудѳржа-ти, котрый мѳвъ то вѳлканъ во вѳстрѳ заедно варилъ са та кнѳааъ. —

Знана есть зрада мѳстъ Медіолана и Венецин, знаніи сѳтъ овин тѳснн остоатиль-ства, въ котрыхъ са маршалъ Радецкій въ овѳй довѳ съ свою численною армією изъ всѳхъ сторонѳ ѳтталый нахѳдилъ, во ѳнъ покориаъ шастанво всѳ перипены и грозніи невѳпечннства. Дня 17. Марта вы-вѳхла въ Медіоланѳ революція, а заравомъ перестѳпнлѳ и сардинскіи король ломбардскѳ границу. По патидневнѳмъ оуличнѳмъ вою въ Медіоланѳ, не гнѳвы те непріятелен оустѳпннн, но паче авы тов красне и богаты мѳсто ѳтъ заглады оухоронити и свѳму Цѳ-саревн и Панѳ оудѳржати, а заравомъ и армію свою пощадити, споводовало Радец-кого тов мѳсто оѳстити, и ажъ до Бароны ѳттагнѳти са. Али дѳставѳши са шастанво до тон тѳрдинѳ оухоронилъ ю Радецкій жѳлѳз-ною рѳкою. Помимо того, же передъ нимѳ тричи силнѳйшій непріятель столѳаъ, же въ плѳчѳхъ и зѳ лѳвого боку римскіи, тоскан-скіи и неаполтанскіи войска и оухотники были го оесадили, а по правѳй сторонѳ

цѣлый край въ забѣримо загонъ свои ажъ по горѣ Бреннеръ въ Тиролю былъ запущенъ. Радичкій стоалъ тѣтъ непоколебимо а посланнши армію яко тако, обозначилъ сардинскихъ оучениковъ своихъ, що то са емъ колись такъ оубажно прислѣхования, и съ практикою своего нового системѣ маневрована. Якъ скоро маршалъ - порѣчникъ Бельденъ съ ремочию надѣшиоль, обирѣла са за рывъ, и картинца его тѣсныхъ обстоятелствѣ. Цистерійскій богатырь лишь посевіа ожидалъ.

(Продолжитѣ слѣдѣ.)

Ж О Р Ж А Н Н А.

Начеркъ изъ свѣчи Індіанъ Флориды.

(Въ нѣмецкого.)

(Конецъ.)

Отъ Капу Саваль ажъ до С. Августина гримѣла стрѣла, и емщалиса топоры вывѣсали. Описувати всѣ тѣ оужасы, котри томѣ ообщомѣ возстаню товаришши, жадне пире невозможно, бо то перевышше всаго описаны. Не щадяше нѣ матери нѣ дитины. Розбавоненъ Індіане металы ихъ въ полемѣны завалыныхъ домѣвъ, танцюючи сами въ околѣ съ дикимъ крикомъ сѣчи. Жадного помилваня, жаднои пощады не видя, бо ихъ такожь не жаловано. Лишь чорныхъ невольникѣвъ, котри са тысячами на тихъ сѣльняхъ находили, выключено изъ того ообщого кровопролитія. Оубѣдливнн мѣрци помножали значительно індіанъ смѣхъ, и множили о двѣс той оужастъ сѣчи. —

Прпичиенемъ Оццола было въ своемъ новомъ чинѣ еднѣсть и сподѣ межн роздѣльчыми племенами впроваднши, котрии недостатокъ побздѣйши, по смѣрти тогожь начадника, оупадокъ всеѣмъ принѣсалъ.

Правительство соединеныхъ статѣвъ пирѣрѣло хѣтко, що въ случаяю, слены Оццола, свѣс памѣрннѣ, розличнн племена до

оццолю обороны противъ вѣлымъ соединити, доконати змѣгъ, емѣ твердый орѣхъ гризти бы прійшло. — Для того постановлено непокоѣ въ дорожѣ переговоровъ залогодити, запрошено про тое Оццолю до конференціи, лемъ мирный оуговоръ съ тѣмже заключити. Оццола жадалъ лишь оустѣпана вѣлыхъ изъ краю. Провокано всякого средства, шобѣ Індіанъ нарѣзѣмити, но дармо. Оголошино его про тое за розѣйника и канивада, забвено на вѣрнѣсть и право нарѣдѣтъ — иаложено мѣ оковы. — „Індіане невяють права нарѣдѣтъ и для того не вѣтъ потребно на тое въ смѣнннн са съ нмѣ оубажати” — такъ мѣвлено при томѣ случаяю. —

Оццола иемѣлъ долго закованнн; переломалъ оковы, впалъ съ острымъ ножемъ до комнаты лентѣвъ переговоровъ, и затопилъ его въ притомности двадцати офицеровъ и оурядникѣвъ соединеныхъ статѣвъ въ сердце вѣрѣломного посредника. Тоо такъ са нагло и борзо стало, що жаденъ изъ притомныхъ нѣмѣгъ мѣ перешкодити; такъ са швидко звиндѣлъ, що оужѣ и оутѣкъ, закнмѣ са дѣмыслено, кто тоо оучинилъ. —

Пента обалаа кровь, бо го Оццола въ самѣ сердце доправилъ. Присѣтствѣющимъ погладавшимъ безвѣсѣдно еднѣтъ на дрѣгого задвало са, якобы слый дѣхъ помежи ихъ са зѣвнлѣ и только зла нарѣбилъ.

Напоследокѣ крикнулъ еднѣтъ зѣ офицеровѣвъ, котромѣ смѣхъ рѣгательный Оццола въ оухахъ вѣши шѣмѣлъ; „Стража! Стража! есть ли Оццола еще въ своей вѣзнице?” Бо хотай кождый видѣлъ и чѣлъ, орецѣ сомнѣвано са о возможности дѣла. Такъ звинно и нечаянно емѣло совершенно, що имѣ са тоо всѣ привѣдѣннѣмѣ быти выдѣвало.

„Оццола“ было то доего страшнѣе слово въ американскомъ войскѣ. Лишь той начальникъ былъ за прудерскій; — ревмѣлный тимъ оупѣхомъ, который его въ першихъ шестн жѣсцахъ сѣян вѣнчалъ — была равнѣе въ одномъ сраженіи, положенный, и мѣсѣлъ свои послѣдній дни въ одной темниці въ среднѣ статѣ Георгин закончити. В. Зав.

І О В І А Н Ъ.

Казка изняша изъ староу руськоу рукописи и въ исправленой по части бесѣдъ сѣбшу подана. —

Въ одномъ великомъ царствѣ пановалъ можный царь именемъ Іовіанъ. Тойже одного разѣ лежачи на ложн своемъ размышлялъ надъ своею великою властію и могѣществомъ, и поднеслоа сердце его въ безмѣрнѣю гордѣсть, и сказала самъ до себе: Нѣ — и самъ Богъ не есть сильнѣйшій отъ мене! Такъ размышляючи заснѣлъ, а вставши рано, розказала велможамъ своимъ и дворанамъ, цювы са готовилн на лѣблю съ нимъ ѣхати. И собралнса велможн и дворане численно и ѣхали съ нимъ на лѣблю, а колн оуже были на дорожѣ, такъ зрелоса царевн горачо, цю мѣ видѣлоса, же оумре, слн не скѣпавса въ студеной водѣ. И оузрѣвшн недалекѣ воду, рекъ къ панамъ и рицарамъ сопровождающимъ его: „Останьтеса осьзде на хеналкѣ, ажъ я скѣпаюса.“ И отъѣхала отъ нѣхъ. Прншовши до воды и н привлазавши коня своего, зложилъ одѣланіе свое царское и кѣпалса. Коли онъ въ кѣпалн сидѣлъ, прншолъ нкійсь человекъ, до него зъ лица, всѣды, та ходѣ съ всѣмъ подобный, а облекннса въ одѣланіе его и сѣвшн на коня его, поѣхала къ дворанамъ недалеко на цара ждѣннмъ. Дворане же оувидѣвшн особеу царскѣ, развѣкли, же то

есть нхъ царь, прнмнлн го съ рабскоу почтѣннмъ и поѣхали съ нимъ на лѣблю — а нашего Іовіана лншнли въ водѣ. По лѣбли оудалса оный царь до палаты съ паннми и рицарамн. Тимъ часомъ царь Іовіанъ скѣпавшнса и вышовшн зъ воды, а не найшовшн лнн одѣланія своего, лнн коня, захѣриласа дѣши, во вѣдѣчн царемъ осталса нагнѣ. И стала размышлатн самъ въ собѣ и мокала: „Цю лнлю чнннтн, же такъ отъ своихъ всѣхъ оупѣшнмъ — алл оуже знаю, цю оупѣшнн; ото недалеко зъ отты жнв одинъ человекъ, которого рицаремъ зрелнла сама, отже пойдѣ до него и одѣланіе и коня возьмѣ собѣ, и такъ до моей поѣды палаты, а за тое легкомысліе и нѣзлнкѣ мнѣ сдѣланѣ отнщѣса на моихъ двораныхъ.“ Такъ собѣ постановнвшн, ншолъ Іовіанъ нагнѣ до замкѣ своего рицара. Прншовшн тамъ, столъ подъ воротамн и колталъ, цювы мѣ отворно. Воротаръ оупѣвшн колтанѣ пыталъ го: „Кто ты еса? и чога хочншь?“ И отповѣлъ мѣ Іовіанъ: „Отчннн лншн ворота, а оувндншь, кто я есма!“ Воротаръ, отворнвшн вранѣ и оувндѣвшн человекѣа нагого, захѣделаса дѣши и промовнла до него: „Кто ты еса? скажн мн!“ И отповѣлъ Іовіанъ: „Я есма Іовіанъ, царь твоѣ, ндн до твоего пана и скажн мѣ, дабы мн далѣ одѣланіе и коня, во тое еса ктось мнѣ забрала, колн кѣпалъ емьса, а дворане мѣн такоже мнѣ отъѣхали.“ Я сказала мѣ воротаръ: „Безумный и вожебальный хлопъ! чомѣ ты неправдѣ говорншь? царь нашъ Іовіанъ поѣхала оуже давно до своей палаты съ двораннн своимн, а панъ мѣн сопровожала го тѣда и вернѣлса домѣтъ, алл же ты осмѣлнла еса са нмнѣватнса царемъ, отже пойдѣ и повѣмъ тое панѣ момѣ.“ Прншовшн воротаръ до одного рицара оповѣла мѣ всю рѣчь о Іовіанѣ. Оупѣвшн са панъ, всѣла, дабы го привнлн

Передъ него, а коли Іовіанъ прийшовъ, не познавъ го рицаря, хотѣи го переше довери зналъ, и запыталса го мовачи: „Кто ты еси, и шкъ тебе дозвѣтъ?“ И отвѣталъ мѣ: „Я есмь царь Іовіанъ, который оучинилъ емь тебе рицаремъ того а того часѣ.“ И сказалъ мѣ, коли тое было. На тое рекъ мѣ рицарь съ гнѣвомъ: „Хаме проклатый, шкимъ оупоромъ поважилъ еси са именоватиса царемъ! царь бо панъ нашъ, оуже давно въ палатѣ своей естъ, а и допроездеши го тѣда, вернѣлъ емьса оуже по хвилѣ. И же ты смѣлъ еси назватиса царемъ, то везъ кары не бѣдшь!“ И казалъ го заравъ взати сабгамъ и бити. Такъ повнтый горько плакалъ Іовіанъ, мовачи: „О Боже всемогущій, що то естъ, же той рицарь не хоче ма знати, а еще казалъ мене такъ люто повнти!“ И зачалъ въ тѣи своей недоли зновъ самъ еъ собѣ розмышлати мовачи: „Есть недалеко отсы другій князь и совѣтникъ мой, пойдѣ до него и оповѣмъ мѣ всю мою пригору, шовымъ отъ него мѣгъ бѣти придѣтый и до палаты моеи привернѣтый. Потомъ прийшовши до замкѣ оного князя толкнѣлъ, давы мѣ отворили. —

(Продолженіе слѣдѣе.)

Особлившій звѣчай жителѣи Австральскихъ описѣе Капитанъ Коппелсъ въ своихъ запискахъ зъ подорожи по Австраліи. Есть тамъ звѣчай, же старцѣ женатъ са съ найкращими молодыми дѣвчатами. Звѣчайно зарѣчае са 50 — 60 лѣтний мѣжъ съ 7 лѣтною дѣвчиною и женить са съ нею скоро лише въ 11 рѣкъ вѣидѣ. Цѣлакомъ натѣрально, же такіи молоденькіи молодѣцѣ не бѣвають примѣрами сѣпрѣжескон вѣрности, а тимъ способомъ сѣтъ причиною частыхъ сѣмныхъ приключеній. Зъ тон

причинны выкрадають тамъ такіи молодѣцѣ дѣже часто. Такъ то оу дѣвчухъ шкъ и оу цѣкѣлизованныхъ народѣвъ были, сѣтъ, и зде са позѣстанѣтъ женщины причиною сѣарокъ и дотканевухъ испрѣзаній. —

ПАДРОБИНОЕ

руской душию умершѣи

ВЪ ВѢДНИ.

О любый, милый гостю зъ родиннои
зіман,

Молю тѣе, погланъ на памятникъ
колистный:

Тѣтъ матирь и отецъ надеждѣ погребли,
Тѣтъ и покоюса, цѣтточокъ нхъ
прѣлестный.

— — Имъ скажи отъ мене: не сѣмѣйте,
больно;

Моя завидна скоротѣчнѣсть:

Не знала и жизни довольно,
Но знаю вѣчнѣсть! —

✠

З П Г Л Д К Л.

ІХ.

Днѣмъ и нѣчью летить, еѣжитъ,
Но еси еъ одномъ мѣстци стоить,
Чѣмъ вѣльши са оуммѣеа,
Тѣмъ еси чорнѣйше емѣеа.

Ж.

Несчастными зѣбали
Колоды погумѣеа,
Несытными кѣсальями
Ожирствѣ не оутѣеа,
Ео что глаже, постѣи,
Еси доравъ и ешмичѣ.
(Розвязанье послѣдуе.)

Р О З В А З А Н Ё

Загадки VIII. въ Ч. 12 Сборника: П а п ѳ р ѳ .

Отвѣчательный издаватель и редакторъ Василій Зборовскій. — Типошъ ОО. Мехитаристовъ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ СБОРНИКЪ

повѣстокъ, сказокъ, историческихъ воспоминаній, государскихъ и иныхъ
общеполезныхъ вѣстій и пр. и пр.

Ч. 14.

Въ день суббота 28. Марша (9. Априля).

1853.

МАРШАЛЪ Гр. РАДЕЦКІЙ.

(Продолженіе.)

Армію одшвеливалъ наилучшій духъ; каждый вождь, выдачи са такъ оупокореннымъ, ждалъ съ тѣжливостію овод хвилѣ, гдѣ бы са мбгъ отплатити. Радецкого шановалъ и поважалъ каждый шкъ отца; а въ найкравашой битвѣ стоялъ каждый весело и дерзко, скоро са лишь отиць Радецкий повивалъ, и переходачи пѣшки рады промовалъ сладкими словами до наймѣжественнѣйшихъ, приздоблаючи гвѣды ихъ вадсною рѣкою то золотыми то сѣбрыными медалями. Тогдашни часописи заховали намъ одно красне приключеніе при такѣмъ роздаканю медалѣвъ. Переходачи одного разѣ помежи лавы баталіона охотниковѣв стирійскихъ, припинае Радецкий одномѣ молодомѣ вождови медалю, тай пытае: „Не жичишь ли совѣ мой сынѣ, еще що болѣше?“ „Радъ вымъ са такъ съ медалю на гвѣдомѣ отцѣ показати,“ отповѣдае дерзній молодець. Отиць Радецкий кивнѣлъ призволаючи, — охотникъ жинѣ до Градца, представлае са рѣдномѣ отцѣ, — и въ кѣлька день пѣзднѣйше передъ битвою стонтъ снова въ радѣ, гдѣ го Отиць Радецкий всей часѣ пѣзнае и совѣ властивою пріятностію поздоровае. — Всѣ голоса, котри са въ попередъ противѣ Радечкомѣ были пѣднесли, занѣмѣли наразѣ, скоро са периконали, съ шкимъ дерзкимъ юношискимъ запаломъ битъ всѣ невыгоды войны зносли, шкъ са на низнихъ передъ битвою коло Мантии безъ слабжеы, лишь гденицю живности та шмата

въ торѣнитѣ, передъ цѣлою арміею оуказалъ. Такъ то дѣлалъ Радецкий всѣ твѣды простого вонна, послалаючи са наразѣ разомъ съ ними зѣ ихъ мыски мизирною стравою, шкъ го за тое вожди любили, шкъ мѣ са за подѣланые ихъ твѣдовѣ и невыгодѣ выведчили, доказѣе битва коло Квстоцца. Въ той то рѣшающей битвѣ, виднтъ наразѣ Радецкий, шкъ аустрійскій полкъ, котромѣ повѣрина была одна невѣличка гора, за тое аде дѣже важне становище, по долгомѣ кравѣдомѣ бою становищи тое наразѣ оуѣскае, а на томѣсть Гардинички его занимаютъ. Отъ оудержана того становища залежало рѣшение битвы. Радецкий отпавлае тѣда своего адъютанта съ розказомъ до полка, авы становище тое до конца назадъ отѣерати. Приѣгае адъютантъ, виднтъ цѣлый мѣжестевный полкъ оуже оупадаючи подъ тагаромъ палачон спикоты и жрѣчого зною, и каже цѣакомѣ засѣмованный: „Ш енжу, же вы оуже ницо сдѣлати неможете; пропалисьмо, всам Гардинички оудержатъ са на той горѣ, але высьте оуже съ всемъ знѣжини, треба сюда ниний полкъ послати. На тин слова пѣдноситъ са одинъ гранатиръ оуже цѣакомѣ на силахъ оупавшій: „Кѣли отиць Радецкий каже“, отзывае са дѣже слабымъ голосомъ, „то не треба ниного полка, мы сами еудемъ шѣформовати доты, доки намъ лишь дѣха стане.“ На тин слова порывае са цѣлый полкъ, а въ десѣть минѣтъ оувидѣлъ отиць Радецкий свой мѣжестевный полкъ оуже на горѣ. —

(Продолженіе слѣдѣе.)

І О В І А Н Ъ.

Казка изнята изъ староу руськомъ рукописи и съ исправленой по часши бесѣдѣ сѣвшу по дана. —

(Продолженіе.)

Оучѣвши воротаря калатаны отворилъ мѣ, а зобачивши передъ собою челоуѣка на-гого задивовалса, и запыталъ го мовачи: „Кто ты еси, и по цю прійшоу еси тѣ едѣчи нагій?“ И отповѣлъ мѣ: „И есмь царь Іовіанъ, а пригодною стратилъ емь одѣаніе и коня, протое прійшоу емь до князя, дабы ми вспомогъ въ томъ мовемъ неправоу вланкомъ“. Оуслышавши се воротаря дивовалса томъ, а поишовши до пана своего повѣлъ мѣ о томъ. И рекъ князь воротаревн: „Приведи го сюда.“ Приведимаго жадимъ не пѣзналъ. Тогда сталъ го князь пытать: „Кто ты еси?“ Онъ отповѣлъ: „И есмь царь Іовіанъ, который та оучинилъ емь княземъ и советникомъ мовимъ“. Князь же рекъ мѣ: „Безумный челоуѣче! таже и недавно съ мовимъ паномъ и царемъ ѣздилъ емь до палаты, и цю ино повирѣвалъ емь. Пас же ты советъ достоинство царское смѣлъ передъ мною присконтн, вѣдишь за то строго каранный“. И заразъ велѣлъ го всадити до темницѣ и тамъ только хлѣба трохи и воды дати. Потомъ казалъ го вывести и бити — а побивши изъ двора вонъ выгнати. Оденъ однакже слѣга князѣвъ оумилосердилса надъ нимъ и далъ мѣ плахтѣ, цюбы са приодѣлъ. Тогда почалъ царь Іовіанъ плакати и нарѣкати на свою недому мовачи: „Бѣда мнѣ вѣжданномъ челоуѣкѣ! Цюжъ маю чинити, же такъ есмь взгордѣнный межн людьми“. И сталъ зновъ размышлати самъ въ советѣ и прійшоу на тѣю гадкѣ: „Ото пойдѣ и до мовей палаты, чейже тамъ мени мени пѣзнаютъ, а особливо царица спѣзнае мени по пехныхъ знакахъ, который только

оное можимо знати“. И такъ вставши ишоу въ одной плахтѣ на замокъ царский, а прійшовши тамо запѣкалъ въ ворота, дабы го пѣцино. Воротаря отворилъ мѣ, а оувидѣвши челоуѣка въ плахтѣ замыталса: „Кто ты еси?“ Отповѣлъ мѣ Іовіанъ: „Дивно ми, же мени не знаешь, кото рый оу мени черезъ такъ долгій часъ служилъ еси?“ Разгнѣвалъ са на тое воротаря и мовилъ: „Цю ты говоришь? И служу царевн отъ давныхъ лѣтъ, а не тоетъ, которого первый разъ въ житю вачѣ!“ И рекъ мѣ Іовіанъ: „И есмь царь и панъ твоѣ Іовіанъ, а си не вѣрбешь мнѣ, то иди прошѣ та до Царицѣ, и повѣжь ей знаки, который са тоетъ скажѣ, а о тихъ никто не знае, только она, а чей томъ вѣрнн едѣ. И мовѣ ей вразѣ, дабы мнѣ черезъ тебѣ одѣаніе мое прислала, бо случаемъ нечастнымъ еси потратилъ емь“. На тое сказала мѣ воротаря: „Ты, виджѣ, еси изъ оума сшедшій, таже царь и царица сидатъ теперъ за столомъ, а ты са мнишь бити царемъ — но коли хочешь, то пойдѣ до царицѣ и повѣмъ ей тѣю справѣ, однакже знай, же вѣдишь за се дѣло люто каранный!“ Оучѣвши воротаря знаки отъ Іовіана прійшоу до царицѣ и повѣлъ ей все, цю ино чѣлъ. На тое дѣжѣ зажѣриласа царица, а обернѣвшиса къ царевн а панѣ своему, рекла: „Пане мой милый, послухай давныхъ рѣчій; — ото знаки, особливо, за которн только мы оное знаемъ, челоуѣкѣ шкнсь передъ брамою ставчій черезъ воротаря мнѣ оповѣдае и каже, же еси царемъ и паномъ мовимъ, при томъ проситъ одѣаніа отъ мени“. И заразъ повелѣлъ царь воротаревн, цюбы того челоуѣка передъ лице его и всехъ собраниыхъ приведино. И коли Іовіанъ сталъ передъ лицемъ царици и всехъ собраниыхъ гостей, вѣргъ са на него вѣсь, который до него пе-

роднѣйши даже была привязанный и вѣрный, съ такою лютостію, що была въ го оукѣсилъ, есливы го слѣги не были оборонили, такожь и соколъ рвалъса зъ жерди, шобы са на него кинѣти. Оувидѣвши тото царь и Ювіана передъ совою столчого рекъ до всѣхъ, которін были въ палаткѣ: „Присмотрѣтъса възвѣмію сего хлота!“ И сталъ го пытати: „Скажи мнѣ, кто ты есь?“ Отповѣлъ Ювіанъ: „Пане мой, отповѣдь моя нехай ти не бѣде днѣна, бо есть истинна, и есмь Ювіанъ царь краю сего. Оучѣвши тое царь запыталъ всѣхъ около столчухъ, мовачи: „Скажѣтъ мнѣ всѣ, который зъ насъ двоухъ есть царь елшъ?“ И отповѣли всѣ рицарѣ одноголосно: „Милостивый Господине, силою присаги, которою тоеѣ на вѣрнѣсть присаганьсмо, исповѣдѣемъ тебе Царемъ и паномъ нашимъ, которого отъ молодости знаемъ. И протое всѣ одномыслино просимо, шобы сій хлотъ былъ оукаранный, дабы са и нишіи зъ него покаали и такои смѣлости не мали!“ Потомъ обернулася царь къ царицѣ и рекъ: „Пане моя, черизъ вѣрность, котрѣ мнѣ присаглась, повѣжь мнѣ, знаешь ли сего человекъ, который повѣдася быти царемъ и паномъ твоимъ?“ На тое сказала царица: „Пане мой, о шожъ то ма пытаешь? Оуже вбольши шкъ тридцать лѣтъ жию съ тобою и дѣти маемъ, однакожь днѣюса томъ, шкимъ свѣтомъ знае сѣсъ человекъ наши таемницѣ, которін мѣжи нами дѣалиса.“ И розгнѣвавшиса царь рекъ къ Ювіану: „Пониже важилъ есь са передъ нами именоватиса царемъ, протое повелѣваю, шобы та днѣсь оуказавши конечи до хвоста волочино — а вѣдишь ли — са ещи потомъ смѣлъ назвати царемъ, тогды смерти соромнои не оудѣшк.“ И призавши слѣгъ, далъ го имъ, шобы оучинили съ нимъ вѣдала приказѣ. Тогды взявши слѣги Ювіана, оучинили съ

нимъ, шкъ имъ было приказано, и выкинулъ го полумертвого за мѣсто. Пришовши до себе Ювіанъ почалъ гбрько плакати и до роспѣки нарѣкати: „О нищастный той днѣ, въ который народилъемса! Горѣ мнѣ вѣдномъ человекѣви, шо на такѣ нѣждѣ пришоулемъ. — Есѣ други мои отствѣпили мене; — о ковымса на сій свѣтъ не была родилъ!“ И коли такъ нарѣкаючи плакалъ, нагадаалъ соеѣ, же въ недалекѣй пѣстыни перебѣвас чернецъ, его Отець дѣхувный. И зачалъ дѣмати самъ въ соеѣ: „Пойдѣ ещи къ томъ пѣстынникови, а чейже онъ мене спбзнае, бо часто сватон сповѣди мене слѣхалъ.“ Вставши пошолъ ко ономъ чернеци, а пришовши тамъ запѣкалъ въ оконце. Оучѣвши чернецъ пѣканы запыталъ са: „Кто тамъ?“ „И есмь Ювіанъ,“ вѣла отповѣдь, „отчини оконце, шобымы мѣгъ съ тобою поговорити.“ Оуслышавши Чернецъ голосъ его отворилъ оконце, а оувидѣвши не пбзналъ его — скоро протое замкнѣлъ вновеъ оконци востракикнѣлъ: „Отъиди отъ мене дѣхъ проклатый, бо не есь ты царь, но самы дѣхъ въ осеѣ человекѣѣи.“

(Конецъ слѣдѣе.)

Зерна для учителѣвъ и ученикѣвъ.

1.

Блаженъ, кто сердцемъ о Господѣ свободный отъ всякон печали житейскон владого и милосерднаго Бога единою возлюбитъ.

2.

Блаженъ застѣвая добродѣтели, и шко плодоноснаа нива призовильный плодъ жизни о Господѣ приносай.

3.

Блаженъ, кто есть насадителемъ доверымъ благопорѣкѣ, насажающимъ виноградъ дѣхувный, и житницѣ свои наполнае оврамами житіа о Господѣ.

4.

Блаженъ, кто покрѣпленъ соотвѣдн-
кѣвъ своихъ духовною радостію, отъ пло-
дѣвъ благопріятія, що трудолюбиво наса-
дилъ, дабы плодъ живота принести о Го-
сподѣ. —

5.

Блаженъ, кто при Богослуженію и мо-
литвѣ стоитъ яко ангелъ небесный, соблю-
дая ежедневно въ чистотѣ мысли себя, и
любомъ помыслѣ входа недозволяющій, дабы
душѣ свою Богъ и Спасъ своимъ, исполнен-
нью чистою любовію принести.

6.

Блаженъ, кто благоразумно плачъ по-
жаде, и въ сокрѣщеніи слезы на землю
проливаетъ, яко дорогоценнѣйшіе висеры предъ
Господемъ. —

7.

Блаженъ, кто освещеніе душевное лю-
битъ, яко солнце, и тѣло свое мрачными
дѣлами беззаконній не оскверняетъ предъ
Господемъ. —

8.

Блаженъ, кто плоть свою въ святости
Спасъ соблюдаетъ, а душѣ свою безбожны-
ми дѣлами не казнить; но Господъ благо-
сгоденъ пребываетъ. —

9.

Блаженъ, кто соропливое исполненіе сло-
го ненавидитъ, и секи Господеви яко живѣю
благогоднью жертвѣ являетъ.

10.

Блаженъ, кто всегда о Божѣ памят-
стве, понеже цѣлъ пребываетъ яко ангелъ не-
бесный на земли, и въ страхѣ Господомъ
и любви Господеви служить вѣде. —

И. Н.

Князь Беллингтонъ сѣдѣлъ одного ра-
за при работѣ, занятый даже важными
писаньями; ажь тѣтъ наразъ отвораютъ
са двери и видятъ чловека незнакомаго,
котромъ оуже въ позоръ не можъ было до-
вѣривати. Беллингтонъ притомно-
сти отъывавса до него, а то, шкъ то оуже
его звычаемъ было даже коротко: „Кто
тѣтъ?“ „И, Иполліонъ,“ отповѣдае незна-
комый. „Чего жадаетъ?“ „Прислано ма
тѣтъ, аемъ та званъ. Не иначе, —
я называю са Иполліонъ и мѣшъ та зван-
ти.“ „Икто, еще нынѣ?“ „Часъ и година не
естъ менѣ вызначена, отколѣкати однакожъ
не могъ.“ — „То правда, ажежъ бо я нынѣ
не маю часъ — маю еще даже много ли-
стѣвъ писати! — Приди иннымъ часомъ,
отъ на примѣръ завтра.“ И тѣтъ началъ
Беллингтонъ цѣлакомъ спокойнѣо даши пи-
сати. Варіатъ тимъ часомъ, zapewно оу-
дивленый тою притомностію, началъ са по-
коли назадъ отстѣпати, тай такъ тихонько
выснѣлъ са за двери, — а въ полъ годи-
ны сѣдѣлъ оуже въ бедламѣ въ домѣ
варіатѣвъ. —

З П Г П Д К Я.

XI.

Два брата, оба каманнй
На хлѣбъ са смагаютъ,
Одинъ лежитъ, дрѣгій бѣжитъ,
Еси въ кѣспѣ остаются.

XII.

Тонкій, легкій водный прахъ,
И безъ крыль лѣтаетъ,
Ютъ емъ головный врагъ,
Створъ го питаетъ,
Онъ природѣ оукрашаетъ,
Болны кустро оумножаетъ.

(Розвѣзанье послѣдуе.)

Р О З К А З А Н Ё

Загадки IX. въ Ч. 12 Сборника: МАНЬСКОЕ КОЛЕСО.
Загадки X въ Ч. 13 Сборника: СѢБЪГЪ.

СБОРНИКЪ

**ПОВѢСТОКЪ, СКАЗОКЪ, ИСТОРИЧЕСКИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ, ГОСПОДАРСКИХЪ
И ИНЫХЪ ОБЩЕПОЛЕЗНЫХЪ ВѢСТІЙ И ПР. И ПР.**

Ч. 15.

Вѣдень, субота 4. (16.) Априля.

1853.**Историческое состояніе**

Намѣстничества Мушынскаго

въ взглядѣ фгзично-полищичнѣмъ, моральнѣмъ и религійнѣмъ бѣмъ основанія 54хъ шущь существующихъ чисто-рускихъ сѣлъ и двоихъ городкѣвъ: Мушына и Тыличь, списанновъ Михаиломъ Крыницкимъ приходникомъ рускимъ въ Тыличь, въ окружѣ Сандецкѣмъ 1852 года. —

Намѣстничество Мшынское въ округѣ Сандецкѣмъ, въ Епархіи рѣской Перемыской складася изъ 54хъ чисто-рѣскихъ сѣлъ и зъ 2хъ менше ебольше латинского округа вѣтронсповѣдниками помѣшаныхъ городкѣвъ Тыличь и Мшына. Рѣсини въ поменшѣмъ числѣ мшкуютъ тѣ такожь по селахъ и городкахъ межн Мазбрами, но тѣи свонхъ мѣстцевыхъ рѣскихъ дшпастырей немають. —

Намѣстничество Мшынское числитъ теперь до 30,000 дшшъ, має дшпастырствъ 26 священникѣвъ 28, церквей 41. Кромѣ того двѣ каплицѣ въ Флорницѣ и Моуначцѣ. Межн церквами мшрваныхъ есть 5, въ Крыници (дшже маленька, стара и волгга) въ Жгѣстовѣ, въ Швѣоркахъ (1798), въ Лавовѣ и въ Бѣланчѣ; прочіи церкви всѣ дереванн. — Дереванн але дшже хорошо и искѣсно зевдованн церкви сѣтъ въ Мацѣевѣ 1832, въ Берѣстѣ 1842, въ Брвнарахъ 1830, въ Цавникъ 1834, въ Дзвнѣмъ 1841, въ Моуначцѣ 1846. —

Старин и съ всѣмъ къ оупотриванню оуже непридатнн церквей сѣтъ въ Лавовѣ, въ Золоцкѣмъ и Флорницѣ 1626, котрин то церкви намажаловы запечатати. Есѣ остальные церкви въ Намѣстничествѣ Мшынскѣмъ оверѣтають са въ довыт доврѣмъ состоанн. Церкви Намѣстничества Мшынскаго, кромѣ гдкотрыхъ подѣчинныхъ Брѣвъ Ксрн Римской на отпѣствы, вакъ то на примѣръ въ Крыници на сѣлтыхъ верховныхъ Апостолѣвъ Петра и Павла; въ Бѣтхромли и въ Мшынцѣ на сѣлтыю Бавварѣ, и кромѣ грамотъ пришедныхъ на приходскнн грѣнта, на манны и фольшѣтѣ и тамъ нахѣдачнса, — ебольше жадныхъ старыхъ, важныхъ документѣвъ не посѣдуютъ. —

Метрики старн, вакн са при гдкотрыхъ церквахъ Намѣстничества Мшынскаго оверѣтають н. п. въ Тыличь, въ Крыници, въ Поврозникъ, въ Мшынцѣ, въ Лавовѣ, сѣтъ лишь оуламки. — Старыхъ метрикъ порадно и непрерывно писавыхъ въ Мшынскѣмъ Намѣстничествѣ, за кѣлько извѣстно, нема жадныхъ. — Такожь о рѣскихъ написахъ по звонахъ кромѣ Пидрѣвки, Швѣоркѣ и Берѣста ебольше незвѣстно.

Завѣдованн приходскнн хорошо и искѣсно ставленн; мшрванн сѣтъ въ Лавовѣ, въ Извахъ, въ Бѣтхромли и въ Мшынцѣ. Такъ прѣхороша яваннн въ Лавовѣ по встала трудоложнѣтъ и вѣтомнннн прѣ-

лѣжностію приходника Г. Діонісія Парыло-вича, а въ Извахъ попеченіемъ Г. Дуркота пароха тамже. — Дереванін, но искѣсно вѣдованін обиталища священникѣвъ сѣтъ изъ XVIII столѣтія въ Крыници и въ Тиличи, которыхъ состояніе и искѣство завѣдѣвса тамже временнымъ тнхъ сѣлъ парохамъ; и такъ въ Крыници Іер. Антонію Крыницкомъ, а въ Тиличи Іер. Іоаннъ Крыницкомъ; оба тін мужѣ были совѣ совремники, и на цѣлый Гандецкій окръгъ найзнаменитшій священники рѣскіи. — Въ кождѣмъ сѣлѣ того Намѣстничества, гдѣ всть церковь, чи то приходска, чи дочерна, всть такожь до кождѣи принадлежній грѣнтъ.

Больша половина Намѣстничества Мѣшынскаго, во 33 села и 2 городки Тиличъ и Мѣшныи, належала за часѣвъ поласкаго правительствѣ до такъ зовымыхъ столовыхъ мѣстностей князій Епископѣвъ Кривобескихъ; — теперь тін села и городки, въ числѣ тридцать пять громадъ, становлатъ ключъ камеральный Мѣшынскій и належатъ до фондъ религіиного; — село же Бѣрхумамъ вьанка всть властностію приходства лат. обр. въ Мѣшынѣ, а Бѣлчица всть властностію прих. обр. лат. въ Тиличи. — Оба тоты послѣдніи села колісь такожь до столовыхъ мѣстностей князій Епископѣвъ Кривобескихъ належали, а съ временемъ на оупосаженіе приходникѣвъ латинскихъ въ Мѣшынѣ и въ Тиличи ѳтѣтѣвлении зѣстали.

Населенниками Бескида въ окръзѣ Гандецкѣмъ и Шселскѣмъ, зачавши ѳтъ Коростѣнка яко пограничя гералѣвъ, такожь Цавниць вышнихъ и нижнихъ ажъ въ самѣю гавениъ червонои Рѣси — хривѣтъ Карпатъ замышкѣючими по одній и дрѣгѣи сторонѣ Бескида были первожителѣ Рѣсини. — Костелы латинскіи на тѣи цѣлѣи пространіи Бескида въ числѣ пяти, въ Цавницахъ, Цавничиѣи, въ Мѣшынѣ, въ Тиличи и въ

Шселскахъ оуже въ много пѣзднѣишихъ временахъ тѣ сѣществовати почали; на що (икъ то що до костела латинскаго Тилицкаго) акта парафіалнии рѣскіи, и латинскіи въ Тиличи, оурадовіи доказательствѣ сохрѣнають. —

А що до Цавниць слѣдѣвъ всть много; а) образы рѣскіи старіи зѣ попереднихъ вѣкѣвъ вще по нынѣ задержѣють са пѣдъ звѣнницею;

б) певный грѣнтъ колісь до рѣсинихъ священникѣвъ належавшій по днѣшній дѣнь называвсѣ „Попѣска гора.“ Въ Громоуцахъ въ церкви дочернѣи до Цавниць цѣлый стрѣи всть рѣскій. —

Тѣю вѣсть о Цавницахъ и Громоуцахъ подаль менѣ Теодоръ Мѣхнацкій вывшій 30 лѣтний приходникъ въ Іѣвѣркахъ въ сѣвѣдствѣ Цавниць. — Жителѣ рѣскіи Бескида въ окръзѣ Гандецкѣмъ и Шселскѣмъ, а именно въ ключи Мѣшынскѣмъ были що до фѣзическо-поантическаго состояніа своего тѣтъ дѣже щастливіи. — Початково данины и панщина тнхъ сѣлъ была дѣже оумѣркована, тѣлко знакъ свѣзи пѣдданчѣи носила. —

(Продолженіе слѣдѣв.)

І О В І А Н Ъ.

Казка изнята изъ старои руськои рукописи и въ исправленѣи по части бесѣдъ свѣшу подана. —

(Конць.)

Тѣе икъ оучѣлъ Іовіанъ оупалъ зѣ великаго жалю и горести на землю, и сталъ зѣ роспѣки рвати си волоса мѣвачи: „О Боже всемогѣщій! чѣмъжесѣ на мене допѣстимъ такі пониженіе, во оуже не знаю, що менѣ дѣлати?! Рѣкши тѣе пригадалъ совѣ, икъ разъ лѣжачи на ложѣ пѣднѣслѣса сердце вѣго въ великѣи гордость дѣумаючи, же и Богъ не всть сильнѣишій надъ него. Я пригадавши совѣ

той такъ тажкій грѣхъ запѣлаа зновѣ до
 ѡконца оногo пѣстынника, мовачи: „Человѣ-
 че Божій, молю тa на милость за насъ
 грѣшныхъ на крестѣ распятого, высасуй
 мене ключогоса с. сповѣди, а хотайбы и
 при затворинѣмъ ѡконци;” — и сповѣдалса
 съ слезами и сокрѣщеннымъ сердцемъ всѣхъ
 грѣхѡвъ своихъ, а осоване оногo грѣха,
 же пѡднѣсь са въ гордость напротивъ Го-
 спода Бога, дѣлаючи, же не есть Богъ силь-
 нѣйшій него. Я коли Ювіанъ высповѣдавшиса
 розрѣшеніе одержалъ и покрѣтѣ пріймалъ,
 тогда черниця ѡтчинивши ѡконце заразъ
 го пѡзнала и рикъ: „Свѣдѣса Господемъ
 Богомъ, же и не пѡзнала Тебе, Царю ми-
 лостивый, але теперь вѡзнаю тa; маю тѣтъ
 одѣланіе, хотай оубоги, то прійми ѡтъ ме-
 не и выери собѣ шо лѣпше, и иди до твоей
 палаты, а надѣюся, шо всѣ тебе пѡзна-
 ютъ”. —

Царь Ювіанъ облекшиса въ его одѣ-
 ніе пѡйшола на замокъ, а столчи оу бра-
 мы толкнѣла, дабы мѡ ѡтвориши. Коро-
 тарь ѡтчинилъ врата, а оувидѣвши царя
 пріймалъ го съ великою радостію и нижай-
 шимъ почтеніемъ. И запыталса го Ювіанъ:
 „Ты мене певно не пѡзнаешь?” И ѡтповѣла
 мѡ: „Наймощнѣйшій Царю! шже быма не
 малъ знати пана мого; тѡлько ми тое дне-
 но, же тѣтъ столѣлемъ цѣлымъ днѣмъ и
 нигде не ходила, а не видѣлаемъ, ко-
 ли Ваше Высочество выишан.” И когда Юві-
 анъ вѣишола въ замокъ, кланалса емѡ
 низко всѣ, шо го ино оувидѣан. Дрѡгій
 же царь выла въ палатѣ; а выишов-
 ши одинъ рицарь зъ палаты оузрѣла
 Ювіана и пѡйшола скоро до дрѡгѡго царя,
 мовачи: „Милостивый Господине! есть тѣ
 предъ палатою шкійсь человекъ, котормѡ
 всѣ кланяютса и котормый въ всѣмъ есть
 подобный Нашой Милости такъ, шо не зна-
 ти, котормый вы зъ васъ выла царемъ.” Оу-

слышавши тое царь еказала до царицы:
 „Выйди и зовачи, знаешь ли того человекъ?”
 Выйшовши царица предъ палатѡ, а оу-
 видѣвши Ювіана зачѡдовалса дѡже, а вер-
 нѣвши чина скорше до царя, рила: „Пани
 мѡй, донстно повѣдаю тобѣ? же не знаю,
 котормый зъ васъ есть паномъ момъ.” Тог-
 ды рикъ царь: „Такъ ли тое есть, оже
 пѡйдѡ тамъ и передъ всѣми вызнаю исти-
 мѡ.” И выишовши передъ палатѡ и оувидѣ-
 ши Ювіана, екала го за рѡкъ, а созвав-
 ши всѣхъ панѡвъ и рицарей вопросила нхъ;
 „На клатѣ царю нашемъ оучиниши скажѣтъ
 менѣ: Кто зъ насъ двоухъ есть царемъ
 вашимъ?” На тое ѡтѣктила мѡ царица мо-
 вачи: „Пани мѡй милый, и маю прако въ
 тѡмъ найлѡвше ѡтповѣсти; но свѣдѣса Го-
 сподемъ Богомъ, же по истинѣ не знаю,
 котормый зъ васъ двоухъ есть паномъ мо-
 имъ.” То потвердил и всѣ притомни.
 Тогда рикъ царь: „Слѡхайтеже мене! ото
 сѣй словѣтъ есть царемъ и паномъ ва-
 шимъ, але одного разѡ пѡдмисела выла сердце
 его въ гордость напротивъ Господа Бога,
 для которого грѣха Господа Бога го ска-
 рала, ѡтнавши знакомость людскѡ ѡтъ не-
 го, такъ долго, доки за тотъ грѣхъ не
 покалса и Господъ Богъ не оудовлатво-
 рила. И и всма Ангелъ Божій и хранитель
 дѡши его, котормый такъ дѡлго стѡрѣга
 емъ державы его и краю, шжѡ долго ѡнъ
 на покрѣтъ выла, но понижѡ оужѡ за той
 тажкій грѣхъ ѡтповѣтовала и остѣланіе
 тогожѡ полѣчила, для того повелѣлаю
 вамъ, шобѡ есте ѡтъ теперь опать емѡ
 выли пѡддаными, шко царев и панѡ вашимъ;
 — теперь же порѡчаю васъ всѣхъ благода-
 ти Божѡй“! Се рикши — зникъ зъ очѡй
 нхъ. Потомъ Ювіанъ царь, вѣдѡчи назадъ
 приверннши скомъ царствѡ и на престолѡ
 своѡ, дѡказала Господѡ Богѡ, а потѡпѡчи
 передъ Нимъ правѣдно и исполняючи за-

похвѣди его, жиять еще долго творачи до-
вѣри дѣла и докональ житыя свое въ мирѣ
и ласкѣ Божій. —

Богочестіе и Богослуженіе.

Богочестіе есть сѣма небесной жизни
въ сердци нашѣмъ. Богослуженіе есть дождь
орошающій тоє сѣма и производчій изъ
него плодъ нетлѣніа. Бѣра есть золото, а
обрадъ церковный есть сосѣдъ сочиненный
изъ того золота. Апостоли отворили свѣтъ
покладъ неизгнѣимый енисрѣвъ честныхъ,
а свѣтин Отцы, оучителѣ, и пѣснотворцѣ
Церковниіи сковали изъ золота вѣры обрадъ
церковный, и прикрасили го енисрами лѣ-
поты кожеітвеннон. — Н.

ПѢСНЬ БЛАГОДАРСТВЕННА ЗА СПАСЕНІЕ

СВО АПОСТ. ВЪЛЧЕСТВА НАЙМИЛОСТИВѢЙШОГО ЦѢСАРЯ ФРАНЦЪ ІОСИФА

отъ грозячого небеспеченьства
въ дню 18. Лютого 1853

(повмая по мелодіи знавои пѣсни: Пречистая
Дѣво Мати руского краю.)

Прѣдъ Токію на колѣна, Боже! падаемъ,
Благодаривъ Царю неба пѣснь возсылаемъ
Жисъ ласкаво насъ потѣшилаъ
Дорогій животъ сохранилаъ
Франца Іосифа.

Бсаке творѣніе Твое най восхваллае
Ликъ небесный славити Теа най помагае
Що середъ волиъ грознон тѣчи
Сіають намъ исни лѣчи.
Твоеи милости.

Наказано са намъ зъ неба чѣдо ціліе,
Претворило оужасъ оцїи на веселіе;

Лютъ ворога посрамлена
И Австріа оутѣшена
Здравьемъ Монарха.

За благодать превѣликуъ всещедрыи Боже!
Жертвѣ хвала Ти приносимъ, коль кто
возможе.

Милости твою мы всѣмъ людемъ
Повѣдати всегда вѣдемъ.
Въ память храмъ зиждемъ.

Къ Тобѣ Боже гласъ подносатъ вѣрниіи люди;
Благослови Францъ Іосифа и Его тѣды.
Храни престолъ и державѣ
Австріи по́дданымъ въ славу
И веселіе.

Заблавай отчини отъ вси вѣрѣ и тревоги;
Лютіи вороги покори Царю по́дъ ноги;
Повѣдъ дай смѣ въ брани
Миромъ оградн всѣ страны
Кръга земного.

Бесели Царя нашего всѣ дни живота
Най прокѣвае съ нимъ гараздъ, мѣдрость,
лѣпота

Нехай въ радость всего свѣта
Здоровъ царитъ многа лѣта
Цѣсарь Францъ Іосифъ!

З Я Г Л А К Я. XIII.

И съ того створинный
Нѣтъ чго была Ядамъ,
Слажѣ ти, пейіса
Вѣсти, вѣсти ти дамъ.
Но коль разсыплюса
И жизнь ма поминеть,
Богъ дѣшѣ, а тѣло
Земла оужѣ не прийметъ.
(Розвязанье послѣдує.)

Р О З В Я З А Н Ъ Е

Загадки XI. въ Ч. 14 Сборника: Млинскіи каменн.
Загадки XII въ Ч. 14 Сборника: Снѣгъ.

Исправленіе друкарской ошибки.
Въ Ч. 14 Сборника на послѣдній
сторонѣ, въ розвязаню загадки X. повинно
стояти замѣсть: Снѣгъ — „Пнла.“

СВОРИКЪ

повѣстокъ, сказокъ, историческихъ воспоминаній, господарскихъ и иныхъ общепользныхъ вѣстей и пр. и пр.

Ч. 16.

Въ день, субота 11. (23.) Априля.

1853.

Историческое состояніе

Намѣстничества Мушынскаго

въ взглядѣ физично-политичномъ, моральномъ и религіозномъ ось основанія 54хъ шухъ существующихъ чисто-рускихъ сѣлъ и двохъ городковъ: Мушына и Тыличь, списанное Михаиломъ Крыницкимъ приходникомъ рускимъ въ Тыличь, въ округѣ Сандецкомъ 1852 года. —

(Продолженіе.)

Различіе межн селами съ правомъ тѣтонскимъ, Магдєвѣрскимъ, иначе нѣмецкимъ заложеными, и селами правомъ руско-волоскимъ оузаконенными есть лишь тов очевидное, що села первого радѣ повѣдованіи сѣть крѣгло якъ городки, всѣ дома въ кѣпѣ, а грѣнта такихъ сѣлъ сѣть ътъ одного кѣнца до дрѣгого, на кѣлька-надсать вѣгѣвъ подѣленіи. — Таков село состоитъ изъ вѣльше рѣль, а до каждо рѣль въ таковомъ сѣлѣ, два, три, четыре, пять и шѣсть вѣгѣвъ, ба въ дакотрыхъ сѣлахъ навѣтъ и дѣвать вѣгѣвъ находитъса, котори вѣги оденъ ътъ дрѣгого часто чвѣрть, аю и полъ милѣ ътстоать. —

Въ тухъ сѣлахъ господарство сѣвчине есть съ много трѣдностью, невыгодами, протое господарѣ въ тухъ сѣлахъ сѣть дѣже оубогин, въ причины, що гноѣека, адро господарства сѣльскаго, вѣзпожиточно стѣкае до потока черѣзъ село текѣчого, и що ро-

вѣтникъ много часѣ марнѣе, переходачи изъ одного кѣсна на дрѣгій. —

Сѣла же на правѣ руско-волоскомъ основаніи сѣть долгин, повѣдованіи вздолжъ шкового потока, часто и на милю тагнѣтъ сѣ. — Пола въ тухъ сѣлахъ подѣленіи сѣть на рѣль, и кожда така рѣль вѣсь свой грѣнтъ мае въ кѣпѣ разомъ. —

Грѣнтъ такий тагне сѣ въ однѣ и дрѣгѣ сторонѣ сѣла ажъ до повлизиныхъ границъ. — Господарѣ въ такихъ сѣлахъ на цѣлыхъ рѣлахъ (якихъ тѣтъ дѣже мало) пѣлрѣлькахъ, чвѣтерѣлькахъ, и осминахъ сѣществіючин мають дома свои повѣдованіи посредѣ своихъ власныхъ грѣнтѣвъ, для тогожъ то оуправа грѣнтѣ въ такихъ сѣлахъ есть о много лѣкса, корыстнѣйша; — отже и господарѣ въ такихъ сѣлахъ сѣть о много маетнѣйшии. —

Все, що въ населеніяхъ нашихъ руско-Бескидскихъ округѣ Сандецкого и Шсѣльскаго одномыслинѣ пожаданнымъ бы было, есть — полиція полевѣ; — така оустанова сѣществіючаа въ нашихъ горахъ причинилаеы сѣ значительно до полѣпшѣна вѣществениого бытѣ здѣшныхъ житѣлей.

Лѣсы и пасовиска въ здѣшныхъ горскихъ лѣсахъ належали давно до оупосажена громадѣ. — Громады тѣтошніи, а именно Болтыси заложитѣль, аю осадники сѣлъ имѣли грамотами, примѣществами наданѣ со вѣ властнѣю пропинацію, власніи свои малы-

ны, фолушѣ, тартаки, имѣли также вѣлны ловаю звѣрныи и ршеѣ. —

Громады тѣтошнин за польского правительства самыя советѣ окрѣжныхъ вѣйтѣвъ обирали, словомъ, громады здѣшнин въ въ взглядѣ фѣзично-политическомъ подобно на цѣлѣ Галичинѣ наибольшѣ преимѣвствами оупосаженин были, шкъ тоѣ все грамоты здѣшныхъ гѣрскихъ сѣлѣ потвержаютъ. Иначе навѣтъ то быти не могло; во само фѣзическое положеніе тѣтошныхъ зимныхъ гѣрѣ ничѣ приманчивого для осадителѣ сѣлѣ немало, кромѣ одноѣ шавы (квасноѣ воды), котрин здѣшнин Гандицкин горы изъобнаіе имѣютъ; каждое село, по къльканадсатѣ источникѣвъ въ своей окрестности числнтѣ. —

Отже тѣтейшихъ осадникѣвъ въ тѣстороннин зимнин и неплодоноснин горы, на самѣ хрѣветѣ Бескида лишь грамотами вѣльности наданныи сѣламъ и житѣламъ звѣвали. —

Въ первшихъ початкахъ грѣнта зѣ лѣсѣвъ повыкорчованіи были досытѣ оупрожайнин; теперь же ътъ 1813 года, шко ътъ великон оещон поводѣ, грѣнта въ здѣшныхъ горахъ черезъ частіи оулицы, черезъ напраснин дожжѣ, лѣпшон землѣ позвакленнин шю гѣдѣ невѣрожайнѣйшими сѣ стаютъ. —

Населеніе здѣшныхъ гѣрѣ тимѣ порядкомъ стало: Городокъ Мѣшына мае быти первшій въ здѣшнѣй рѣско-надкарпатскѣй околицѣ заложиншй. Гѣдѣ заложина Мѣшыны сѣ певнѣстію опредѣлнтѣ сѣ не дастъ; сѣ всемъ однакожѣ правдоподювіемъ заложиніе Мѣшыны до первоѣ половинны XIV столѣтіа належитѣ або еше и дальше. — Мѣшына, шкъ оустне преданіе несѣ, шкъ старін люде, котрыхъ самѣ вѣдѣчи еше малымъ хлопцемъ слѣхалѣ емѣ, говорили — мала сѣ первоначально

называти Ричивѣлѣ, а тоѣ для того, шю городокъ тоѣ, въ такѣвѣй тѣснѣтѣ межѣ двѣма гѣрами на вѣстѣкъ и западѣ лежитѣ, гдѣ лишь небо и землю видно; на югѣ городокъ тоѣ опираѣсѣ о рѣкъ Попрадѣ, котраѣ рѣка зѣ помежѣ двѣохъ гѣрѣ глѣвокимѣ корытомѣ тѣснѣнько сѣ надзѣвчѣй великимѣ шѣмомѣ до рыкѣ вола подобнымѣ къ Мѣшынѣ слижаѣсѣ. Отже тоѣ надзѣвчѣйный шѣмъ Попрадѣ малѣ початокѣ Мѣшынѣ назѣвѣ „Рычикола“ надати. —

Въ часописѣ „Przyjacieli ludu, rocznik III число 42 стор: 329“ стоитѣ о Мѣшынѣ повѣдѣно: же Мѣшына сѣ замкомѣ на гѣрѣ надѣ Попрадѣмъ 1391 года ътъ Царѣ Владислава Ингайла и Царицѣ Шадѣнѣ Епископомъ Краковскимъ надана была. „Przyjacieli ludu“ нечислаѣ села: Кѣщѣва, Стахѣнова, Бола княжна, Мѣкова, Долгоѣва, Индрѣѣва, Шавникъ, Лѣмницѣ, Пивенична, Флоріанѣва и Поврозникъ, котрин такожѣ мали быти наданныи 1391 года Епископомъ Краковскимъ. Но о сѣлахъ зѣ 1391 года нема межѣ тѣтейшимъ людомъ жадного преданіа. Индрѣѣва, сли естѣ нынѣшня Индрѣѣвка, то оуже 1352 года основанна была; — пѣдѣ именімъ Мѣкова, свѣстѣѣе теперь поле коло Мѣшыны при Попрадѣ, и належитѣ до камѣры; но нынѣшншй Поврозникъ ажѣ 1565 года основанъ естѣ, а Шѣвникъ 1575 года. — Замокъ въ Мѣшынѣ на гѣрѣ надѣ Попрадѣмъ колѣсѣ былѣ влаѣннѣстію, шкъ оустне преданіе несѣ, шкогосѣ рѣссина Палоха, но замокъ тоѣ вразѣ сѣ замкомѣ въ Рытрѣ коло Старѣго-Ганча мали рѣзѣврѣнти Татари. —

Тоѣ изъяснаѣ животѣписѣ свѣтон Кѣнигѣнды фѣндаторки монастыря въ Старѣмъ Ганчи. —

По оустномѣ преданію современно сѣ Мѣшыною, иначе Рычиколомѣ або може еше вчаснѣйше свѣствовало тѣ село „Ор-

нава," котра по томъже преданію есть даже давное заселеніе рѣсков въ тѣтійшихъ Гандицкихъ верховинахъ; видить ся, що Орнава своій првобытъ и назвѣ завдаче окомѣ историчномѣ приклученію, 1262 года, коли то царь Данило отправиши-са изъ Галича на Оугры дорогою ѳтъ Кракова на Гандиць къ Бардіевѣ тѣ на томъ самѳмъ мѣстци, гдѣ теперѣшний Тыличъ лежитъ, былъ послами брата своего Басналя догнавъ; и тѣ почтеніе послѳвъ ѳтъбралъ. — (Порѣвнай „Зора Галицка" 1852 ч. 90).
(Продолженіе сѣдѣе.)

Гризольда.

Повѣсть изъ Боккачиа.

(Перекладъ.)

Давныхъ времени остался старшимъ въ родѣ Маркизѳвъ Салвцкихъ, по смерти отца и братіи своихъ, молодой Бальтиръ. Цѣли дни проводилъ бѣтъ на ловли и инной охотѣ, былъ нежнатѣ; и даже не подѣмалъ о супружествѣ. Впрочемъ, былъ бѣтъ довольно благороднымъ, и особенно оуходилъ за такого оу жищииъ. Но тѳв благородіе не подѳвалося его пѳдданымъ: они часто просили его, абы вѣтѣпилъ въ союзъ врачный. — „Вамъ триа наследника а намъ пана", говорили добрии люди. Многи изъ нихъ хотѣли занати са вышканыемъ невѣсты чистного отца и матери, невѣсты, котра бы подавала о со-вѣ лестнѳю надеждѳ и съ временемъ сдѣ-лала его найшастлившимъ сврѣгомъ. — „Притѣлѣ мон", ѳтвѣчалъ имъ Бальтиръ, „вы силѳте мене пристѣпити къ томѣ, що мнѣ никогда са не неподѳвало, на що и николи не хотѣлъ рѣшити. И знаю, шкъ трѣ-дно найти жищияѳ намъ по срдцю и свой-ствами и дѣшию; знаю, що самы выѳбѳръ дѣласть непрасты цѣлон жизни. Вы гово-рите, що можно свѣстити са на добротѣ

родителѣ и по чистотѣ ихъ вѣдѣти о чистотѣ дѳчери; — вы ошлѣстѣса, дрѣз-мон! Шкъ пѳзнати совершени оуца? шкъ пѳзнати тайни постѣпки матери? И, если вы оуца и мать были люди совершенио чистии, то кто, скажетъ мнѣ, порѣчитъ са, що дѣти ихъ вѣдѣтъ на нихъ похожи? Если же жѣлаете конче, абы и непрасти-но носилъ оузы врачнии и выли доволни мѳимъ состоаниемъ (по крайной мѣрѣ на себе самого жалѳвалса, въ слѣчию неудачи) то оставте мнѣ самому сдѣлати выѳбѳръ. Если сврѣга моя не вѣде достѳйна вашою любѣи и оуважицѣ, то и сама терпѣти вѣ-дѣ." — Пѳдданни ѳтвѣтали, що ма все со-гласни; тѳлько абы бѣтъ не замѣшалъ вѣтѣпити въ сврѣжство.

Зѣ давного времени спѳдѳвала сѣ была Маркизѳ дѣвчино даже бѣдана. Она жили въ сосѣдствѣ его замкѣ, въ совершениѳмъ оуединѣни; была довольно милѳндна, и дневномѣ Маркизѳ здавалося, що бѣтъ найде съ нею шастѣ. ѳтложивши все пошѣибѣ-на и попыти, рѣшилася бѣтъ вѣзъ дальшихъ размышланиіи подати ей свою рѣшѣ. Приз-валъ оуца си — оувогого бѣданака — и съ нимъ коротко оумовилъ са.

(Продолженіе сѣдѣе.)

Послѣднѣ

ЖИТЯ ТОСКА.

Спѣшено трыа, спѣшено походитъ;
Запухато корѳта везоднѣ,
Отдохнулъ грѳбарѣ, пѳишли домѳкъ милѣ,
Однѣ аниѣ старѳцѣ осталъ при морнѣ.
И все замолкло, моантѣ и зонкн;
На грѳбахъ сѣла вкругъ тишина мѳрна,
Аниѣ зѣ оуїи старѳцѣ, шкъ роса вѣтѣрна,
Дрѳбни, тоскови, капали слѣзоньки.

„Последный зъ другѣкъ! — Вся мѧ полишанъ;
 Вся поѣшанъ спати
 Дъ вѣунонъ комнаты.
 Я ещѣсь скитаю!
 Стрѣженъ, ослаблѣнъ, середъ вѣръ наваламъ
 Я ещѣ волоухъсь по недолгъ краю.
 И плаухъ“ — — — —

„О, какже тихо въ тихъ хижакъ спокою!
 По земныхъ трѣдахъ и зною,
 Анжето мнѣмъ такій спѣуникъ!
 Какъ вѣино росте рѣта, и барвникъ,
 Подъ крестомъ на свѣжѣи могилѣ!“ —
 „Святый спокою!
 Колижь въ сконъ крилахъ
 Ты мене прѣймешь, осѣнишь ми костнъ?
 Оусмирнись магкою рѣкою,
 Увѣствъ монхъ враждѣ,
 Души жаждѣ?“

„Менѣ такъ сумно, такъ грѣстно на свѣтъ!
 Посередъ ликѣвъ оутѣхи, радости,
 Съ порожнымъ сердцемъ влѣкхъсь одинокии;
 Цвѣтка надѣи увѣжа мнѣ на вѣки,
 Земля менѣ грѣбъ широкѣи. —
 Для мене солнце не свѣтитъ, не грѣе,
 Мръ холодоухомъ мнѣмъ не вѣе;
 Одна лишь болѣзнь ходитъ въ слѣдъ за
 мною,
 Стелитъ ми ложе, клѣдѣсь била мене,
 Съ мною оусыпае, бѣдитъ са съ мною,
 Въ день коло мене, въ ноуи коло мене.“

„Я пѣстыи урѣпъ, розбитый, сгорѣлый,
 Самъ собѣ не радъ, нѣкомѣ не мнѣи;
 Сдревнѣли ноги, рѣки сцепенѣли,
 Скорунѣлись грѣди, оуи спѣсѣли,
 Память загнѣла, высохъ оумъ поволи;
 Я тагаръ, звезда, пытомѣи родниа,
 Вѣтры мною гонатъ мовѣ былинкою въ
 полн

Дѣти глумлатса старцѣви дѣтннѣ?
 Вся тѣла составы,

И души ирлѣвы,
 Дакѣютъ за дружѣвъ,
 Выповѣши слѣжѣвъ,
 Жебраютъ спѣуникъ.“ —

„Боже! колижь Ты пришлѣшь ми тѣ днннѣ?
 Я, плѣвецъ на морю,
 Отъ жита порланка
 Бѣю са безъ оустанка,
 О кѣлько силъ стане,
 Ко тихѣи пристани;
 Но всегда дармо, но всегда бездѣлно.
 Скоро са добору
 Дъ мирнонъ затоки,
 Пока мѧ опать вѣра прѣ на морѣ,
 И меуе сильно,
 Въ облаки высоки,
 И зновѣ въ безоднѣ розтворы;
 Щобы на ново боротнѣсь, скитати,
 На ново дармо пристани шѣкати.
 Бо свѣтъ пристани не мае,
 Сынъ свѣтъ спѣуникъ не знае,
 Хнѣа какъ сложитъ рѣки на собѣ,
 И лаже въ грѣбъ.“ —

Боже! колижь Ты пришлѣшь ми тѣ днннѣ? —
 Гланъ! лѣда мѣа розента, зогнѣла,
 Плѣтьемъ закладаю шпары,
 Керма зломлена, роздѣртѣи вѣтрѣла,
 Въ около на мене звѣкаютъ мары;
 Отуе! прѣйми въ пристанъ свою дѣтннѣ,
 Спѣуникъ, Боже! спѣуникъ !!!
 Мн.

З П Г Д К Я.

XLV.

Чѣтыри мѣа роги,
 Лѣа все безъ ноги,
 Стѣнтѣ, — лае ходитѣ,
 До хѣти тѣа вѣодитѣ.
 (Розвязанье послѣдуе.)

Р о з к а з а н ь е

Загадки XIII. къ Ч. 15 Сборника: Горнецъ.

СБОРНИКЪ

ПОВѢСТОКЪ, СКАЗОКЪ, ИСТОРИЧЕСКИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ, ГОСПОДАРСКИХЪ
И ИНЫХЪ ОБЩЕПОЛЕЗНЫХЪ ВѢСТІЙ И ПР. И ПР.

Ч. 17.

Вѣдень, субота 18. (30.) Априля.

1853.

О пѣнію церковномъ.

Пѣсня есть дѣшю жизни челоѣческон. Сумный той челоѣкъ, который безъ пѣсни жие. Смѣ нестаетъ росы божественнон для житийскихъ трудовъ. Жнецъ трудолюбемый спѣваючи свою пѣсню не чувствуетъ тяжести полудна, — пѣсня покрѣпляетъ змачаннїи члвны часомъ больши якъ пища и сначнннхъ. —

Но щоже есть пѣсня повседневного чвства въ срѣнанью съ пѣснью божественнон, церковнон? Перваа изъвѣлае въ поетическѣн красотѣ чвства земскїи — послѣдна свлжлае земнороднон къ ангеламъ, и притагае дѣшв въ предѣлы нивечернон свѣтла. — Описють землннскѣ, що до Рима стонтъ труда и выдатковъ зъ ѳтдалнннн Франціи пѣтншествовати, абы насолодитиса толькѣ черезъ одинъ дѣнь пѣнїемъ церковнымъ, которое не дастъ са изречи, ни перомъ описати. Комъ не извѣстнїи слова нашего лѣтописца описуючого изъвѣленїе пословъ рѣскихъ въ Цариградѣ, где въ цѣли изпытанїа Богослуженїа греческого приспѣли? Нигде они не обрѣли той красоты, такомъ земскѣн божественности Богослуженїа, якъ въ ови часы въ храмѣ Софїискѣмъ. Нигде пѣнїа такогѣ не члвн, такъ греческого изъ живыхъ грѣдїи ѳтъ сердца. О нашихъ людехъ, примѣчае справедливо Гофманъ, що наилучше мають образованнїи

свѣхъ, такъ якъ съ природы оуже найслабшое зрѣнїе. Тое потверждае са тѣмъ, що народъ нашъ наилучше любитъ свлщенника, который добре и красно спѣвае, и цѣла вартѣста свлщенника по пѣнїю цѣнїти. Пѣсню толькѣ разъ провести и переспѣвати юношнствѣ, а оуже перейме, и скоро толькѣ одна дѣвчнна оумѣе шо спѣвати, то оуже и цѣла село оумѣе. — На сѣпротивъ зрѣнїе необразованнїе швствѣ изъ врдннхъ вогомазѣвъ, которїи сѣтъ по церквахъ и хатахъ въ нашихъ сторонахъ, и котрїи оу народа за дѣже краснїи оуходатъ. Про тое справедлива рѣчь, да въ въ пѣнїю старанно обѣзчати и образовати до чего сама природа помочешвствѣ. Цѣла село повинно спѣвати въ церквѣ оуже по смыслу томъ, шо всѣ вѣрнїи „единѣми оусты и единѣмъ сердцемъ” Богъ хвалатъ ~~отдавая доклады~~, а въ прочимъ не ма въ томъ великои трудности. Въ оучнлнцїи всѣми силами оучити хлопцѣвъ письменныхъ, а въ церквѣ неписьменныхъ, неделами и свѣтами по катнхнзаціи. Где свлщенникъ не може на неделамъ вавкѣ притагнѣти парафїанъ, най толькѣ начне по катнхнсмѣ оучити спѣвати, а число катнхнменѣвъ побольшнтса. Тое зъ досвѣденїа пишемо, бо оу насъ теперъ церковъ катнхнменѣвъ ледво шо помѣститъ, ѳтъ колн въ пѣнїю церковномъ началнсмѣ обѣзчати. Способъ обѣзчанїа такїи наилучшїи,

щобы найперше навчити слова голоснымъ и выраженнымъ повтореніемъ по кілька разбѣ одного сти́ха, и шкъ оуже всѣ повторатъ слова, тогда арію потагнути. Начинати найлучше ѳтъ катихисмовыхъ пѣсній, которіи къ сожалѣнію не весьма сѣтъ рѣскимъ слогомъ, щобы много причиннаоса до сообщенія, есланы они далиса исправити. — Изъ навки такои двѳйнаа польза; первая, що въ такихъ пѣснахъ цѣла хрістіанска навка содържитса, а втораа що время попольденное въ дни недѣльній и праздничній, въ котрыхъ тѳлько спосебности народъ до грѣха мае, оупотреблаеса къ хвалѣ Божѳи и дѣховномѳ образованію безъ оутрѣженія. Епрочема и въ домѳ при кѳжеллахъ, на поли при товарѣ, мѣстце пѣсноты и есѣдъ грѣховныхъ займе побожнаа пѣснь, котора перейде зъ хаты, и въ короткомъ времени станеса власностію цѣлого села. Навчивши тымъ образомъ пѣсній катихисмовыхъ и походныхъ можна пристѣпнати къ літѣргіическимъ, которіи оуже изъясненія словного и бѳльше времени вымагають для розличности мелодіи. Ішкъ восхитительно тое есть, присѣтствовати Богослѣженію, въ которѳмъ цѣлый народъ оустами и сердцемъ оучастѣе! —

И. Н.

Историческое состояніе

Намѣстничества Мушынского

въ взглядѣ фризично-полищичнѳмъ, моральнѳмъ и религійнѳмъ ѳшь основанія ѳхъ шушь существующихъ чисто-рускихъ сѣль и двоихъ городкѳвъ: Мушына и Тыличъ, списанное Михаиломъ Крыницкимъ приходникомъ рускимъ въ Тыличѳ, въ оурузѣ Сандецкомъ 1852 года. —

(Продолженіе.)

Отже приключеніе історическое послѣвъ Басилька съ Даниломъ, для которого приа-

тіа привѣрашенна была сѣнь, по латинско-мѳ Ornamentum, Отнatus звана, дала заселенію мѣсца того имя Орнава. — Томѳ то заселенію Орнавѣ надалъ Король Казимиръ Беланкій 1368 года права городскіи и въ грамотѣ своей тотъ же городокъ, „Мѣстко“ (Miastko) назвалаъ, цѣхи на видѣ шкъ въ Мѳшынѣ запровадилъ, и цѣлый городокъ той мѳромъ обвести розказалаъ а князь Епископъ Краковскій именемъ Тылицкій 1612 ѳтъ своего имени Тыличемъ прозвалаъ.

Король Казимиръ Беланкій вперѣдъ, нежели село Орнава на городокъ прѣтворилаъ, заложилъ въ задѣшныхъ сторонахъ, заразы по ѳтнесенію поѣды надъ Русинами, три рѣскіи села, а то:

- Ишковѳ 1343
- Яндрѣкѳвъ 1352
- Мѳшынкѳ, радше малѳю Мѳшынѳ. 1356

Еск тіи три села сѣтъ ѳтъ Корола Казимира Беланкого заложини и его грамота ми снабденіи. —

Мѳшынѳ, Орнава, Ишковѳ, Яндрѣкѳвъ и Мѳшынкѳ початково замешкали саміи рѣского вѣронсповѣданія люди. — Доперва съ початкомъ XVI столѣтіа, шкъ задѣшніи гѳрскіи землѣ досталися въ число тримана метностіи Князій Епископѳвъ Краковскихъ, началаъ са латинскій обрадъ вводити на самъ перѣдъ до Мѳшыны, где оурадники Княжеско-Епископскіи мешкали, а пѳзднѣе, шкъ обывателѣ Орнавы аѳ ѳтъ 1363 года Мѣстка трикротъ на жѳмѳ вымерли, а дома въ томѳ городкѳ погорѣли, шкъ князь Епископъ Краковскій именемъ Тылицкій грамотою своею въ Боженицинѣ дна 26 Юніа полатиньскомѳ мѣсцесловѳ 1612 года Орнава, иначе городокъ „Мѣстко“ погорѣли зъ людій оголочене ѳтновилъ, и ѳтъ своего имени Тыличемъ на-

звалъ, — обрадъ латинскій и до Тылича вводити са началъ. —

Слова въ речинѣмъ приехали:

„Nayprzod, aby farny kosciol katolicki Rzymski obywatele tameczni na tymże miejscu, gdzie starodawnych znakow gruntu, po dziś dzień zostaja, wybudowali” видать са быти положеными лишь за дла якогось оузасадина давнѣйшого сществованія тамже обрадъ лат., понеже на мѣстци, где теперъ лат. костелъ въ Тыличи стонтъ, ніякихъ старыхъ слѣдѣвъ костела не было и нема. —

Сподьне то обывалище овоухъ христіанскихъ обрадѣвъ греческорѣсского и латинского дотрва 1612 года въ Тыличи своѣ початокъ взяло, а костелъ латинскій въ Тыличи, который зъ повелѣніа князій Епископѣвъ Краковскимъ все окрестніи жители ключа Мѣшынського ставали, — доверва 1641 года дня 25 Лютопада, посвяченымъ zostалъ; где на супротивъ церковь рѣска тѣтъ оуже ѳтъ кѣлкохсотъ лѣтъ сществовавши, икъ акта парафіальнимъ рѣскімъ и латинскимъ тое скѣдчатъ выразомъ: „ѳтвѣчна”, 1636 года зѣврѣма zostала. *)

(Продолженіе слѣдѣв.)

Гризельда.

Повѣсть изъ Боккачиа.

(Переводъ.)

(Продолженіе.)

Все дѣло приведено скоро въ порядокъ и Бальтиръ созываетъ пріятелей своихъ и поѣданныхъ, сказалъ имъ: Друзи! вы желали, цюбы и жиннаса; отъ исполняю

желаніе ваше, ебольше цюбъ оугодити вамъ, нежелан советъ. Бы обѣщалисте почитати сѣпрѣгѣ мою, икнижъ еѣде вы былъ мѣой выеборъ: — и дотрималъ моего слова — дотримайтежъ и вы ваши. Обѣщавая вамъ, цю вѣдѣса, въ сосѣдствѣ, найшольеамъ советъ неѣвѣстѣ, оебѣчѣса съ нею неѣвакомъ и вѣвѣдѣ ю еѣ мѣой замокъ. Бы съ своей стороны приготевети богатый пиръ свадѣбный; придѣлмайте, икъ вы лучши и достойнѣйши примати сѣпрѣгѣ вашего владѣтеля: однимъ словомъ, оустройте все такъ, цюбы и выль доволитъ вами, икъ вы мѣилимъ выеборомъ. — Ескъ въ одинъ голосъ ѳтповѣли, цю выеборъ ѳго еѣде имъ по сердци, цю они еѣдѣтъ любити и оуважати его сѣпрѣгѣ, икогѣ еѣда вы она была профсхожденія. — И все дѣмъ забралъ са до дѣла: начали виготевлати великолѣпный пиръ свадѣбный. Бальтиръ спросилъ множество пріятелей, сосѣдъ и родственникѣвъ: оу богатыхъ за другами жѣрѣвѣ нема. Наконци пріикликѣе сѣвѣжациѣ дѣвчиникѣ, зрѣстѣ однакого съ вѣдѣчною сѣпрѣгою, и розпоражае робити на ѳи мѣрѣ богатин строе и великолѣпнин одежи. Кромѣ того виготевлено всего достаткомъ и вѣнцѣв брачный; однимъ словомъ, все, цю пѣтрева дла молодон. Насталъ оуслованный день, и Маркизъ зрѣвннши порадокъ, сѣлъ на коня и сказалъ пріиклишымъ: „Гостѣ мой, пора намъ ѳтправитиса за панною. И все пѣгнали веселымъ чваломъ въ тое селеніе, гдѣ жинлъ отицъ оебѣчнницѣ. Она стоимла оу колодеза и спѣшилла вытагнѣти коневкѣ съ водою, бо хотѣла съ подѣвѣгами своими ити на срѣтъ свадѣбѣ Маркиза, котра пріиклижалася ближше и ближше къ селѣ. Бальтиръ зове ю по имени, Гризельдою, потѣмъ пытае са: „гдѣ отицъ твоѣй?” — „Дѣла” — ѳтповѣлла и зарѣманиласа икъ червоный макъ. Бальтиръ злѣзѣе зъ коня, приказѣе тол-

*) Въ розпораженіи Школа Жадѣка княза епископа Краковского выданого до старостѣвъ Мѣшынскихъ подъ д. 13. Лютого 1638 стоимтъ слѣдѣвочи слова: „Дѣтчино пѣщина имъ (Рѣсннамъ) церквѣ ѳтсрочавмъ тое до порѣзѣмѣніа са съ елѣбною капитлаю Краковскою, а межн тѣмъ най ѳтправляють когѣсажнѣе свое въ костелъ нашѣмъ кадеолничѣкомъ”.

иѣ ждати на севѣ; и силѣ надъ врамо въ
 нивкю хижинѣ вѣднаго Іанникола. — „И
 пріѣхавъ за Гривальдою, но предъ всемъ
 хочѣ поговорити съ нѣю въ твоемъ при-
 сѣствіи. Чи сподобавъ са на ѡй? Если такъ,
 то чи вѣде она во всю жизнь оубождат-
 ри мѣжъ своимъ, николи не огорчатися по-
 стѣнками его и повновачиса всакѡй волѣ
 его?“ — Гривальда, слытивши головоникѣ
 ѡтповѣла: „Бѣдѣ безъ сомнѣнія!“ — Бал-
 тиръ, довольный ѡтвѣтомъ, бере ю за рѣку и
 приняи толпѣ сопроводникѣвъ и челади своей,
 стронъ ю въ великолѣпнии брачнн одежи, а
 на колесѣ, которе до снхъ поръ одна приро-
 да оубирала, торжественно наложили вѣнцѣ
 брачннн. Всѣ задивовалиса. — „Дрѣзи,“
 ѡтповѣла ѡнъ, „то есѣ ти дѣвица, ко-
 торѣю желаю взати за сврѣтѣ, та, которая
 согласна жити и оумирати съ мною“. Потѣмъ
 оверивши са къ Гривальдѣ, (котра ѡтъ
 отыда и радости свѣта Божого не видѣла):
 „правдѣ ли я говорю, Гривальдо! желавши
 ли ты быти моею женою?“ — „Желю, Па-
 не“. — Дѣло сдѣлано и исподѣланка сѣбн-
 чила са. — По выходѣ изъ церкви посади-
 ли ю (по тогдашнему звычайю) на богачого
 нона и съ великою честию проводили въ за-
 мокъ. Царъ былъ истинно великолѣпный,
 мѣжъ вѣдѣто въ Мюринѣ живилса съ до-
 черью Короля Французского; а новобрачнал,
 къ оудивленію всѣхъ, съ перемѣною потра-
 цо ино ѡтвѣла са, перемѣнила норовъ, пос-
 тѣвннѣ и дѣшѣ.

(Продолженіе слѣдѣе.)

Молодецъ надъ поточкомъ.

(Переводъ изъ Шиллера.)

Надъ поточкомъ сѣлъ молодецъ,
 Зѣ цвѣткѡвъ совѣ сплѣталъ вѣнцѣ,
 И обачилъ мѣжъ нхъ врала
 Шведна стрѣла въ ирѣтнн танцѣ.

Такъ и дни мои сплывають,
 Икъ та стрѣла, що не стане,
 И такъ вѣднн моя юнѡсть
 Икъ вѣнокъ той ворово званн.

Не пытайте: чомъ плачѣ
 Въ житѣ много цвѣтнѡмъ часѣ?
 Все са тѣшитъ и надѣе,
 Скоро зглани весны красѣ.
 Но тѣ тысячнии голоса
 Встаючи природы зѣ снѣ
 Бѣдѣтъ въ сердци моемъ вѣрнѡмъ
 Только жалѣ и тяжкѣ тѣгѣ.

На цоже здѣсть ми са оутѣха,
 Шо дае ми красна весна?
 Лишь одна есть сердцю мила
 Близка — но далека она.
 Простирю и желанно
 Къ мнломъ призраку рѣни,
 Дхъ, и его не досагнѣ...
 Сердце не зѣдѣла мѣки.

Зѣиди къ мнѣ красна, мила;
 Покинь пиний замки твои;
 Цвѣтки, цѣо весна зродилъ,
 На колѣна ссыплю товѣ.
 Забѣхай! мѣжъ въ гаю спѣви!
 И керничка чисто бринитъ,
 Я щастаневхъ любокѡвъ двѡс
 И наймилѣи хѣтѣмъ вѣтитъ.

кѣ.

З И Г И Д К Я.

ХV.

Кто мене породилъ
 Еъ непрямно врала
 И того прикрою
 И вѣдѣ мѣ врала,
 Дай Боже тѣла дождати,
 И вѣдѣ мамѣшки Мати.

(Розвязанье послѣдуе.)

Р О З К А З А Н Ё

Загадки XIV. въ Ч. 16 Сборника: Двери.

СБОРНИКЪ

повѣстокъ, сказокъ, историческихъ воспоминаній, господарскихъ
и иныхъ общеполезныхъ вѣстей и пр. и пр.

Ч. 18.

Вѣдень, субота 25. Априля. (7. Мая.)

1853.

МАРШАЛЪ Гр. РАДЕЦКІЙ.

(Продолженіе до Ч. 14)

Дни, начавши отъ 22. Аппца до 6 Сепна 1848, суть наилучшими и наилучшими въ житіи Радецкого. Радецкий, мовѣ то дръгій Фавій, держачиса ажъ по теперѣ въ своихъ засѣчахъ та окопахъ лишь отпорно, выстѣпае наразѣ дня 23 Аппца десекта зацепно, опѣскае свое недоступне станице коло Вероны. О осмой годникъ рано стали ова войска коло Соны и Гоммакампантѣ на противѣ себе о¹/₂ 10 годникѣ, отъже по полторагодинной витекѣ, займали окричаніи и недоступнии засѣчи Півмонтчикобѣ рѣзеклини по горахъ по надѣ ричеными селами оуже аустрійскій войска. И тѣтъ то начала са ова триднева кирава витева (23—25 Аппца), котра са ажъ подѣ Болтъ и Квстоццѣ протажла, а гдѣ аустрійкин свою давнѣ слакѣ снова оправдали. Ко всѣхъ витевахъ коло Соны, Гоммакампантѣ, Виллафранки, Квстоццы, Гойта, Болты и иныхъ поменшихъ бывѣ повѣдатель переברה са Радецкий коло Салионча черезъ рѣкѣ Минчіо, стае 4 Сепна повѣдоносно подѣ гердымъ Мидіоланомъ, дня 6. Сепна въѣздитъ торжественно до мѣста, а дня 7 Сепна настала оуже анѣ нога непристельска на аустрійскій земан. —

На той дорозѣ сопровождали Радецкого лишь милосердіе и чловѣколюбіе. Пристельска мстала са надѣ ранеными, котри мѣ

са вѣли въ рѣки попали; — съ півмонтскими ранеными обхожено са шкъ наилучгѣднѣше, понеже аустрійскій вождѣ видѣлъ, шкъ его любимый отецъ Радецкий несчастливыхъ посѣщаль, та и сердечными словами потѣшалъ, а листы ихъ до родичѣвъ та кровныхъ и знакомыхъ вѣзѣ отколки перислалти наказалъ.

Пла не лишь противѣ тимъ раненымъ, оказалъ са Радецкий милосердымъ и чловѣколюбнымъ; его великодѣшнѣе розтагало са и на овыхъ, що то всѣхъ тыхъ несчастій были причиною, шкъ то намъ слѣдѣюча, оуже при переправѣ черезъ рѣкѣ Минчіо выдана отовка доказѣ: „Ломбардове! На чолѣ моего хороброго и повѣдоносного войска встѣпаю на ломбардскѣ земан, авѣ вѣсѣ отъ революційного, тиранского правительсва оскокодити. Многи зѣ вѣсѣ дали са лестнымъ подшиптамъ оувести, и завѣли на сватіи повинности ко своему Монархѣ и Панови. Повернѣтъ назадѣ до подданчихъ вашихъ повинностей подѣ ласкавый скипетръ Цесарѣ и Короля. Подлю вѣмъ рѣкѣ до циррон и правдикон сгоды. — Ломбардове! оуслѣхайте мѣси циррон и доbron рады. Приймѣте съ довѣріемъ мѣе хоробрѣ войско. Спокойнымъ жителямъ запорѣчае оно безпичельство особы и мавтѣ; але противѣ тимъ, котри въ своемъ злобнобѣ заслѣплению рады мѣени оуслѣхаютъ постѣпнѣ съ цѣлою строгостію военного

права. Выбериайте! — оу мене лишь една дорога, а то — непоколебиме додержанье данного слова.” —

Звѣстно, якъ его въ тотъ часъ кожде патриотичне сердце благо словило, якъ немалъ всѣ столичнй мѣста поспѣшили до него съ подаяками, якъ его кождый край подивлялъ и величалъ, якъ его Цѣсарь Его и Панъ а потѣмъ и Царь російскій найвышшым и своим и ординами обдарили; для того то было бы излишно разводить са тѣтъ надъ предметомъ, котрый еще въ такъ свѣжѣй и живѣй памяти жие. — Неможемо але ненавести, же бѣи овй свои безсмертнй дѣла, тимъ найкраще оувѣнчалъ, же тое, що мечемъ знова заналъ, заразомъ и оудержалъ, а черезъ тое забезпечилъ тронови овый край, котрый еще и по нынѣ того цаста помати не хоче, яке скиптръ австрийскій непрестанно на его области зливае. —

(Конецъ слѣдше.)

Историческое состояніе

Намѣстничества Мушынского

въ взглядѣ фризично-полишичнѣмъ, моральнѣмъ и религійнѣмъ бѣшъ основанія 54хъ шуть существующихъ чисто-рускихъ сѣль и двоухъ городкѣвъ: Мушына и Тыличь, списанное Михаиломъ Крыницкимъ приходникомъ рускимъ въ Тыличи, въ окружѣ Сандецкѣмъ 1852 года. —

(Продолженіе слѣдше.)

Зъ рокѣ 1633 находятъ са въ архивѣ костела Тылицкого обр. лат. акта комисіи, въ мѣстечкѣ Тыличи д. 29. Серпна бѣтывшом са, которіи взглядомъ Рѣсинѣвъ важніи содержатъ декреты. (См. такожъ книгѣ люстраціи маєтностей вискѣпства Краковско-го зъ р. 1668 дотычно мѣстечка Тыличь.

— Бытагъ оурадовый находить са въ рѣкахъ громады Бѣлична и въ актахъ приходскихъ ок. лат. Тылицкихъ).

Р. 1638 костелъ лат. былъ лишь благословеннымъ, а доперва р. 1541 посвященнымъ. Въ тѣмже самѣмъ распораженіи Якова Жадѣка стоитъ выразно: „а же оурадъ въ Тыличи есть весь богослуженія греческого съ Св. Церквою римскою соединенного, а ніякого нема на оурадѣ кадолника богослуженія нашего . . . то постановляемъ законъ, цюбы въ будучное завѣгдам двоухъ польскихъ людіи а двоухъ рѣскихъ на оурадъ поставлювано.” (aże urząd w Tyliczu jest wszystkie nabożeństwa greckiego zjednoczonego z kościołem s. Rzymskim, a żadnego niemasz na urzędzie Katolika na bożenstwa Naszego tedy postanawiamy, aby na potym zawsze dwóch polskich a dwóch ruskich ludzi na urząd obierano).

Частицѣ святѣйшихъ Тинъ Христо-выхъ до Мшынки о полѣ милѣ далеко перенесено, и Рѣсинѣвъ Тылицкихъ приходникови въ Мшынцѣ придѣлено. — Грѣнта приходскій рѣскій, придѣленіи до инвентаря латинского, повернено 1737 года приходствѣ рѣскомѣ. —

Нынѣшнй Тыличь, гдѣ сѣтъ три четверти жителства Рѣсинѣвъ, а четверта часть сожителій Полжкѣвъ латинского обрада, може послужити за при мѣркѣ соединенія въ вѣркѣ. — Межи защитителями рѣскихъ справъ прославилъ са наибѣльше благороднй Стефанъ Гарбера Мошнацкій, котрый былъ постановленъ полновластникомъ бѣтъ Епископѣвъ Галицкорѣскихъ до проваженія sprawy рѣской Тылицкой въ сѣдахъ Консистоіалныхъ княжеско-епископскихъ Краковскихъ. Стефанъ Гарбера Мошнацкій, закимъ зѣсталъ поставленъ на пароха рѣского въ Тыличи, былъ Проквраторомъ емералнымъ въ Епархіи Пе-

ремышской и Самебурской, и яко такия збстала именованый Полновластникомъ Архiepископа Львовскаго Яданаcиa на Шиптицахъ Шиптицкого и Иеронима Оустрицкого Еп. Перемышского до оубкнченiя sprawy Църкки рвскои Тылицон. —

По выграной справкѣ 1737 года збстала тойже самъ дна 18 Цвѣтна 1738 года презентованый на пареха въ Тылицы, которомъ 1764 года его сынъ Юаннъ Гарвера Моунацкiй за сотрвднина въ дѣшпастырствѣ доданный былъ, и црвомъ наследствiа парухомъ въ Тылицы стала. —

Остальнии села ключа Мшынського, шкъ то акта двбрскин и грамоты приенлиини сѣла ствржають, котрини частiю въ бѣтписухъ видимованыхъ або простыхъ видѣлѣемъ, симъ радомъ настали:

Зверыкъ 1545 —, Крыница 1547 —, Брнарны вышнiй 1547 —, Извы 1547 —, Чирна 1547 —, Поворожникъ 1565 —, Берестъ 1574 —, Баница 1574 —, Флорынка 1574 —, Поланы 1574 —, Ставиша 1574 —, Кафка 1574 —, Чорна 1575 —, Миликъ 1575 —, Шавникъ 1575 —, Живестовъ 1575 —, Брнарны нижнiй 1577 —, Штрѣвикъ 1577 —, Каманна 1577 —, Золоцки 1580 —, Лелюховъ 1583 —, Чертижне 1589 —, Моуначка вышна 1589 —, Солотвинны 1595 —, Бойкова 1595 —, Снѣтница 1596 —, Дзене 1603 —, Бѣрхомла мала 1603 —, Первнка 1648 —, Моуначка нижна 1648 —.

1613 года находилася тѣтъ надъ Моуначкою вышною стекланна гѣта, але теперь въ томъ мѣстци только три корчмы стоятъ; одна принадлежить панѣ Стадницкомъ, а двѣ Камерѣ Мшынської. Мѣстце тое до нынѣ зовиса „Гѣта“ або иначе Крижѣвна для крижевой дороги. —

(Продолженiе слѣдѣе.)

Гризельда.

Повѣсть изъ Боккачиа.

(Продолженiе.)

Сказалисьмо оуже, що она была статного зростѣ, гожа и миловидна; а дорогин оубрана придали еще больше блескъ ей красотѣ. Она такъ оумѣла плѣнити каждого оубождениемъ, оучтивостiю, сердечною добротою, що все забыли въ ней дочерь оубогого Иникола, пастырку овчокъ, и оубажали шкъ дочь шкого значного князя. Все, котри знали ю въ первовытнѣмъ ей состоиню, не могли надивоватиса. Доброта ангельская, послѣшность чудесна, дѣлали мѣжа ей найчастлившимъ изъ всехъ мѣжей.

Однимъ словомъ, съ подчиненными и подданными оубождилася она такъ ласково, тихо, милостиво и привѣтливо, що каждый полюбилъ ю, шкъ свою дѣш. Все говорило о одномъ, навѣтъ, и ти; котрини сн выборъ сперва осбждали; — що Вальтиерь постѣпилъ дѣже благорозумно, що онъ есть чрезвычайно пронциательнымъ человекомъ: во могъ открыти подъ сельскимъ, бѣднымъ рвнцемъ только доброты, только прелестныхъ свойствъ! И не только въ Маркиозетѣ Салвцкомъ, но повсюду оправдала Гризельда оумомъ и поведениемъ дневный постѣпокъ своего мѣжа. Въ теченiю первого року обрадовала она го рождениемъ прелестной дочки. По томъ случая былъ въ дворѣ праздникъ великолѣпный.

Но Маркизъ захотѣло съ испытати ангельскѣ добротѣ и терпѣнiе сврбги найтравднѣйшими, жестокими провами. Сперва началъ онъ оскорбляти Гризельду рѣчьми, потомъ принялъ на себе видъ печальный; сказалъ ей одного разѣ, вѣдѣто подданныи его начинаютъ непокойства за тое, що онъ

избрала за сѣпрѣгѣ вѣднѣю дѣвчинкѣ, низкого станѣ — а вѣднѣ еще за тебѣ, що она родила дочѣ, а не сына. Не змѣнивши са ни на лицѣ, ни въ голосѣ, отвѣтѣла оскорблена: „дѣлай шо хочешь, Пани мѣй — дѣлай те, чего тебе честь, польза и слава имени твоего. Я всемѣ вѣдѣ довольна: бо не забываю, шо быламѣ послѣдною изъ слѣгѣ твоихѣ; не забываю того, шо ты для мене сдѣлала все — для мене, вѣднѣю дѣвчинкѣ!” — Такой отвѣтъ дѣжѣ подобалса Маркизѣ. Но, по короткомѣ часѣ, объявила онѣ ей зновѣ, шо пѣдданнѣ его не могѣтъ вѣднѣше терпѣти его дочери . . . и ѳтдаллса. Невакомѣ приходитѣ еденѣ изъ вѣрнѣйшихѣ слѣгѣ его, и съ слезами въ очехѣ начинае говорити: „Извинѣтъ милостива Пани . . . но я пѣдѣ карю смерти маю исполнити тебѣ, шо мнѣ приказалъ сѣпрѣгѣ вашѣ. . . Онѣ велѣлъ мнѣ взати дѣтинкѣ вашѣ, и. . .”

И не могѣтъ сказати вѣднѣше. — Нечастлива матерѣ оучѣвши тѣмъ несказаннѣ рѣчи, составляючи ихѣ съ тѣмѣ, шо говорила Маркизѣ, прочитала вмигѣ на мрачномѣ лицѣ слѣги сѣдѣвѣ невинного дитяти — вергласа къ колыбели, поцѣловала дочѣ свою, благословила цѣлымѣ сердцемѣ, наполнившимѣ жесточайшою горестію, и ѳтмѣвляючи тихонько молитѣвѣ, вручила дѣтинкѣ слѣзѣ — „Исполнай тебѣ, шо повелѣлъ тебе Пани и Владѣтель нашѣ; но молю тебе, не ѳтдавай невинатко на жертѣвѣ дикимѣ звѣрамѣ . . . и въ обще стережи го ѳтъ пагубы!” — Слѣжитѣль взялѣ на рѣки и скрыласа. Бальтиерѣ, до вѣдавши са ѳтъ него, шкимѣ образомѣ Гривельда исполнила строгій приказѣ, дѣвовалса би твердости дѣши, но намѣ-

рениа своего не ѳтложила. Съ вѣрнымѣ слѣгою немедленно ѳтправила дочѣ свою въ Пологию, до свѣчки наиблизшонъ зѣ родины, котрѣю оумоляла, абы для би воспитаніе шкъ найстараннѣйше, но абы никомѣ и пѣдѣ жаднымѣ вѣдомѣ не объявила о би рожденію.

Въ скорѣмѣ времени Гривельда снова стала са матерѣю и дарила жизнью прекрасного хлопчика. Отецѣ принимавѣ на рѣки новорожденного, былѣ полный радости; но, не довольствѣючи са первымѣ опытомѣ, рѣшиласа снова испытати сердце нещастномѣ сѣпрѣги своей тажѣнькимѣ способомѣ. — „Пѣдданнѣ мой,” сказалѣ онѣ одного вечера, „ещѣ вѣднѣше раздраженнѣи зѣ тебѣ перѣ, шкъ ты оутѣшила мене сыномѣ: они съ оужасомѣ помышляютѣ ѳ томѣ, шо вѣднѣ вѣдного пастѣха — отца твоего — вѣдѣ ихѣ Панимѣ. Если я не ѳтдаю тебе и не возьмѣ дрѣгой жены, то они выжнѣтъ мене изъ областѣи моихѣ.” —

(Продолженіе слѣдѣе.)

З П Г Я Д К Я.

XVI.

Не величій дикій звѣрѣ,
Дѣмѣ его множество дѣрѣ,
Отчистѣе есть весь мирѣ,
Палата, и пѣстыи чирѣ,
Брашно: пабѣ, лѣи, сало, сырѣ,
Многоразѣ и лихѣи чирѣ,
Все смѣ дастѣ гойный чирѣ.

(Розвязанье послѣдуе.)

А О Г О Г Р И Ф Ѣ.

II.

Перѣ есть сырѣ, но посаѣдла
Вѣдѣ дѣрѣ до рта,
Коль мамѣшцѣ заперласа
До хнѣи корѣта.

(Розвязанье послѣдуе.)

Р О З В Я З А Н Ё

Загадки XV. къ Ч. 17 Сборника: Ледѣ.

СБОРНИКЪ

ПОВѢСТОКЪ, СКАЗОКЪ, ИСТОРИЧЕСКИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ, ГОСПОДАРСКИХЪ
И ИНЫХЪ ОБЩЕПОЛЕЗНЫХЪ ВѢСТІЙ И ПР. И ПР.

Ч. 19.

Вѣдень, субота 2. (14.) Мая.

1853.

МАРШАЛЪ Гр. РАДЕЦКІЙ.

(Конца.)

Новый выеѣхъ вѣины меже Пиемонтомъ и Австрією не можъ соеѣ иначе толковати, какъ же фантазія Италійска выпередила и перемогла розумъ. Нове выданье вѣины, до чого Карола Альберта скорше обстоательства какъ ненависть къ Нѣмцамъ спсводовали, настѣпило дна 12 Марта 1849. Выданье тое приняли політики съ подивленьемъ; але не мужественна цѣсарска армія, котра тое лише съ восуищеньемъ повитала. Маршалъ Радецкій опѣскаючи дна 17 Марта Медіоланъ обвѣстилъ три прокламаціи, одну до житетелей въ Ломбардіи, а двѣ до своей арміи, котрой шко взорцѣ гѣднии пера Лівія, подивлати треба. Отъ най намъ свобѣдно бѣде навести одну, а то до войска, выданъ зъ головнои кватиры въ Медіоланѣ дна 12 Марта 1849. „Воины! Вашій горячій желаніа исполнили са; неприятель выповѣлъ намъ спокѣй. — Еще разъ посажнѣтъ онъ по корѣнѣ Италиі; але переконѣе са, же шѣсть мѣсѣцѣвъ спокѣю неподѣлѣи змѣннити вашѣ ширость, вашѣ вѣрнѣсть; ваще мужество такъ шѣтъ и вашѣ любовь къ Вашомѣ Цѣсаревнѣ и Королеви. —

Икъ есте минѣвшого рокѣ, опѣтивши Биронѣ, много крѣвавыхъ битѣвъ сточили, а выходячи зъ каждой побѣдоносно неприят-

тѣла изъ границы нашои отчины Австріи выперли, позволилисте емѣ въ вашѣмъ великодѣшю перемиріа до залагожена спокѣю; але онъ мѣсто того способенѣ са лише до вѣины. Спокѣй, котрый есте емѣ въ вашѣмъ великодѣшю на волю давали, вынѣдимо въ его столичнѣмъ мѣстѣ.” —

„Воины! нашъ похѣдъ бѣде короткій, есте то той самъ неприятель, котрегосте коло С. Лѣциі коло Сомма. Кампаніѣ, коло Квстоцы, коло Болъты и пѣдъ брамами Медіолана побѣдили. Съ нами Богъ! Справа наша справедлива!” —

„Воины! за мною, Вашимъ старымъ вождомъ; поведѣ насъ до бою але и до побѣды; бѣдѣ свѣдкомъ вашого мужества, а бѣде то послѣднимъ а для мене приѣмнымъ дѣломъ моего военного житія, сли возмогѣ въ столичнѣмъ мѣстѣ вѣроломного неприятеля оукрашати и приздоблати знаками отличія за мужество, грѣди монѣхъ мужественныхъ товаришей.”

„Гѣра! Воины! до Тѣррина! — наше гасло; — тамъ найдемъ спокѣй!” —

И такъ са и стало. Маршалъ оудлючи май бы то хотѣлъ свою головнои кватиру перенести до Кремъ, а зъ ѣтсы еще дальше на востокъ ажъ за рѣкѣ Минчіо и Ядигѣ, перевирае са наразѣ коло Павин черезъ рѣкѣ Падѣ и переходить, — а дѣло са тое власнѣ въ день его илѣвниѣ — на трѣхъ розличныхъ мѣстѣхъ черезъ Ти-

чинъ, ненадыбавши нигде ни то найменшого споръ або икон иннои перепоны.

Ижъ 21. Марта розгорѣла са кербава битва коло Мортары, котра для нашего героя съ совершенною повѣдою выпала. По тѣй настѣпила дня 23 Марта кербави рѣшительна битва коло Олена передъ мѣстомъ Новара, котра са ътъ год. 10. зъ рана ажъ до пѣздной ночи протагла, а двогодинный похѣдъ оукѣнчила, котрому нѣтъ примѣра въ исторіи, а котрый Отцъ Радѣцкому памятникъ выставила, котрый долше трвати вѣде, якъ камень и желѣзо. Въ своемъ справозданіи отѣй выправѣ пише ътъ такъ: „Лише съ розчѣвственнымъ сердцемъ спѣмнѣти могъ о преданности къ Еашому Величеству, о возхищеніи и о мужестве мориухъ енералѣвъ, дерзкихъ офицерѣвъ и воинѣвъ мори мужественной арміи, зъ котрыхъ каждый былъ героемъ. Отъбралисмо 12 пѣшокъ, однѣ хорѣговъ, взалисмо до 3000 плѣнникѣвъ: неприятель оутратилъ 2 енералѣвъ, 16 падшыхъ и раненыхъ штабовыхъ офицерѣвъ и до 4000 мужъ, але и наша страта доткнела, оутратилисмо близко 3000 падшихъ и раненыхъ.“ — Кароль Явѣртъ зрѣкъ са тронѣ такой заразы на боевици ещѣ изъ крови неостыглома и здалъ корѣнѣ на своего сына Кнѣзѣ Савойского, котрый попередъ слалъ министра Кадорна и енерала Соссата до голсевои кватиры Маршалка до Весполата, а ъттакъ такой и особенсто до Новары оудалъ са просачи перемиріа, по котрѣмъ непосредно и оугворъ о спокой оуложено, до котрого то дѣла жадне чѣже правительсто не мѣшало са. — Помежи многими отличіями, подарѣнками и дипломами, котрыми вновѣ прославленного богатыра такъ его Цѣсаръ якъ и чѣжин Монархѣвы обсыпали, спѣмнемо лише, же емѣ Е го Е л и ч е с т в о Ц ѣ с а р ѣ Францъ Иосифъ переслани черезъ архи-

кнѣзѣ Вилгелма ординъ золотого рѣна. — Папа Піи, великій Крестъ ордина Піа въ брилантахъ, Король Баварскій ординъ сватого Гѣвѣрта, великин кнѣзъ тосканскій, ординъ Сватого Иосифа, Царъ Николай именовалъ го властителемъ гѣсарского полка а заразомъ и Маршалломъ всѣхъ російскихъ арміи съ рочною платою 80,000 рѣблей сребр. Маршалска вѣлава, котрѣ емѣ Царъ черезъ молодого Пашкевича, сына кнѣзѣ Баршавского переслалъ, естъ 1½ стопы долга, має 1½ цала въ поперечцѣ, цѣла изъ широго золота, оубрана въ емайловане лаврове и дѣвовѣ листѣ, и верхомъ и сподомъ 2 цалѣ высоко выкладана найчистшими брилантами, — красной и искѣснои работы дѣло — истинно цѣсарскій подарѣнокъ. — Его Величество нашъ Цѣсаръ покланкали го до Вѣднѣ, до великихъ нарадѣ, котри са вправѣ оукончительного оуспокоена Оугорщины ѣтевали. Маршалъ прибылъ дня 13 Керсна разомъ съ баномъ Слачичомъ до Вѣднѣ. Въѣздъ его былъ истинно трѣмфальный; его пребываніе въ Вѣднѣ, пѣдчасъ котрого мешкалъ въ цѣсарскомъ дворѣ, было непрерывнымъ торжествомъ. —

Такое естъ житѣ, и такін сѣтъ дѣла мужа, котрого нынѣ цѣла аустрійска арміа яко отца чтитъ и величае, котрого всѣ заграничники, навѣтъ неприятѣлѣ поважаютъ, свѣтъ цѣлый подивлае, а котрого память поты, поки свѣта! —

К . . . кѣ.

Историческое состояніе

Намѣстничества Мушынского
въ взглядѣ физично-полищичномъ, моральномъ и религійномъ башъ основанія 54хъ тушъ существующихъ чисто-русскихъ сѣлъ и двоухъ городкѣвъ: Мушына и Тылицъ,

списанное Михаиломъ Крыницкимъ приходникомъ рускимъ въ Тыличу, въ округѣ Сандецкомъ 1852 года. —

(Продолженіе.)

Що са дотычить норевстенного и религійного бытѣ Рѣсинѣвъ въ Намѣстничествѣ Мѣшынскѣмъ, то дастъ са тѣтъ сказати, що Рѣсини, жителѣ Намѣстничества того, подѣ правительствомъ австрійскимъ отъ р. 1772 ажъ гдѣсь до р. 1817 богобожнѣйшии и обычайнѣйшии были, нежели новѣйшими часами. Поврежденіа нашего здѣшного народа назначаю въ роцѣ 1827, коли то пропинаціа камерална Мѣшынска досталася въ рѣски жидѣвъ. До рокѣ 1827 ключъ Мѣшынскій токмо двоухъ жидѣвъ, въ Мѣшынѣи въ Тыличу, мѣстнахъ, котори тѣ мѣсткѣ пропинацію держали закупомъ.

О томъ, шобы жидови въ сѣлѣ дѣмъ лево грѣнтъ продати, до 1827 года анѣ гадки небыло межн тѣтійшимъ народомъ, теперь же жиди оуже богато посѣлахъ имѣють домы и грѣнты. — Отъ 1827 года помножилоса число жидѣвъ дѣже значно; а нынѣ оуже ихъ до 300 дѣшъ въ панствѣ камер: Мѣшынскѣмъ числѣти можъ, котори и всю торговлю въ своихъ рѣскахъ держатъ; такъ и. п. горѣкаю только жиди шинкѣють. —

Давнѣйше въ Мѣшынскѣмъ панствѣ были солтыси дѣже богатѣишии, были просвѣщеннии, честнии, въ громадѣ высокое значѣнне и достоинство имѣють; нынѣ солтыса по наибѣлѣйшій частн оубоити челоувѣкъ — Являть великое нужжество — недостатокъ. — Заразы по отворѣ королевствъ Галиціи и Володомирои некуда прѣвѣ въ деканатѣ Мѣшынскѣмъ школѣ народныхъ многочисленнѣ; въ Тыличу прѣвѣдѣи и Берестѣ заведеніи стали тривіальнии школы, въ Крыницѣ же и Поврозникѣ сѣществовали

парафальнии, гдѣ и тожь само 1806. года обѣчальемьса. —

Протое же солтыси и иншии сѣлѣне Деканатѣ Мѣшынского своихъ до Подолинца; на Спичѣ въ Оуграхъ подѣ О. О. Піарѣвъ для обѣченія до школѣ гѣм-назіальныхъ многочисленнѣ выслали. —

Нынѣ въ деканатѣ Мѣшынскѣмъ обрѣтають са школы въ числѣ 26, а межн ними 10 тривіальныхъ, въ тихже было р. 1851 оучениковъ съ прекраснымъ оупѣхомъ нащѣ отдававшихъ са значительне число 1931. —

Санъ дѣховный рѣскій въ деканатѣ Мѣшынскѣмъ такожь оуже за правительстве полького просвѣщеннй былъ бѣльше иакъ въ иныхъ сторонахъ; понеже школы 00: Піарѣвъ въ Подолинци для здѣшныхъ Рѣсинѣвъ были пристѣпни, шо сѣ-ладо же деканатѣ Мѣшынскѣмъ дѣже мало малѣ неѣтъ въ санѣ свѣщенническомъ.*)

Въ дѣховномъ рѣскѣмъ дѣже рѣснѣтъ наберѣше поше-данн-са школы 00: Піарѣвъ на Спичѣ въ Оугорщинѣ въ городѣ Подолинци, — где за правителства Польского сѣществовали школы гѣм-назіальнии и свѣщенни-каго дѣшного сѣстѣи. Въ Школы, ти неѣтъ ни единой въ Рѣсинахъ, гдѣ много и бѣдѣи много своихъ рѣскихъ солтыскихъ и сѣлѣскихъ съ великимъ оупѣхомъ обѣ-чалоса и до санѣ свѣщеннического прихѣли. Въ Мѣшынѣи на Спичѣ въ тыличу оубоити сѣдѣнадцать по-ходили отъи замѣни въ Любоднѣи въ Подолинци, такожь съ сѣлами и инними принадлежностями Цѣсарь римскій и царь оугорскій Енгисмендъ 1412 года ставилъ Владислава короля Польского за тридцать

числа чѣско оубоити и прѣвѣдѣи даги (triginta septem milia scelebarum in totum grossorum novae monetae, numeri Bohemicalis, boni ac justi ponderis). — Анѣтъ заставнии король и царь оугорскій Енгисмендъ Императоръ Австрійскій Фердинандъ Стефанъ Катѣа Вудѣ 1784 едіа та Tomo II. pag. II pag. 209. — Такожъ смотри Schematismum V. Cleri Dicesseos Episcopatus sis de Anno 1848 pag. 103 in Nota — где рѣскии сѣла на Спичѣ по той часѣ чрезъ 360 лѣтъ, со ажъ до 1772 года, до блаженъ рѣскон Пермьскон належачи — (застѣтъ дѣже до 1772 года до рѣскии неѣтъ ни однаго нѣчислѣють са) — Застѣтъ той дѣперѣ блж. пам. Марѣ Берестѣ 1772. гдѣ бѣлѣшчѣи на Спичѣ гдѣнѣи до короны оугорскон прѣвѣдѣи, дѣже школы въ Подолинци

Межи духовными тѣтейшими были оубѣдичный ритористы, ба навѣтъ оубѣдичный филозофи, а найславнѣйшии межи теми Стефанъ Гарвера Моунацкій, колисъ приходникъ въ Тыличы, ревный покровитель справы народнои рѣскои и неѣтомимый защититель правъ рѣскихъ въ Тыличы, поановластникъ Ессевѣтлѣйшихъ Еладыкъ рѣскихъ; възглядомъ вновполучена правъ и маестностей для церкви Тылицкон, тѣйже забраныхъ.

Прославивъ тожсамо была запольско-го правительства въ тѣтейшихъ сторонахъ Іер. Деканъ Петро Шавинскій (взрѣкій) прих. въ Извахъ, которомъ въ часѣ конфедерации варскои проходачомъ дорогомъ черезъ Баболтѣвъ 1769 года на Оугерщинѣ рѣска стала ѡттата ѡтъ гѣсарѣвъ мадаркихъ. — По ѡтворѣ королевствъ Галицин и Болодимирин славныхъ была тѣтъ Деканомъ Іер. Бислоцкій, Прих. въ Лавовѣ. —

Зѣ ѡтѣмъ что прожходитъ, що взавши на розвагъ довини времина заѣшныхъ Рѣснѣвъ ѡтъ 1820 года въ заѣтъ даже до 1772 въ продолженіи тухъ 50 лѣтъ, видишь два рѣское село ненадѣса въ Мшаньскомъ повѣтѣ котореи одного, двоухъ, троухъ и чтырѣхъ сымѣвъ солтыскихъ дво сѣланскихъ въ санѣ свѣщениничскомъ немъ вло.

В С Я Ч И Н А

Ашша свобѡднѣше са чѣрствѣе, если часомъ чини вѣснѣлшии мыслими естѣ заплата; по добнѣ шкъ грѣды, они вѡвдѣхомъ чистымъ и здоровымъ ѡтдѣхѣе. Про тое теперь бѣше болаше шкъ давно Рѣснини Гандецкин и Шеласкин, а именни сымѣвъ солтысовѣ и сѣланѣ постѣцали, и Богѣ въ санѣ свѣщениничскомъ сѣлжани. —

Отпѣвательный издаватель и редакторъ Василій

и слѣдуюй забавный вопросъ Вашимъ Бесчестнымъ читателямъ предлагаю:

Ишолъ певный человекъ на торгъ, выпало му нти кладкою чрезъ выстрѣ глѣбокѣ водѣ положиною. Нѣтъ онъ на продажѣ волка, барана и капѣств.

Иле же кладка была оузка, про тое мѡгль тѡлько по одному предметѣ черезъ ню периносити. Пытаюса про тое, що на сампередъ перинесе? — Ели возме волка, то баранъ зѣѣсть капѣств, сли возме капѣств, то волкъ зѣѣсть барана; сли перинесе барана на дрѣгѣ сторонѣ то должнъ зновѣ шѡсь нести або волка або капѣств: Елиев волка замисль, тоев той зѣѣль барана; сли капѣств, тоев баранъ зѣѣль капѣств. Шкъ са дастъ тое сѣѣлати, шѡев жаднѣ изъ тухъ предметѡвъ не былъ поврежденный и выше поманутый человекъ перейшовши черезъ кладкѣ съ вѣсемн трѣма товарамн мѡгль на торзѣ выти? —

ОТВѢТЪ.

Насампередъ перинесе барана; потомѣ капѣств, пертаючи возмн назаѣтъ барана, аншас го на перинѡмъ мѣстци; потомѣ возме волка, а на концѣ перинесе барана.

Юліа.

Ипіграмма.

На скушого Меценаша.

Ты ма красно похвалаешъ
 За всякое дѣло,
 Но издрѣжки не даваешъ,
 И платишь оуныло; —
 И шѣхвалоу та охотно,
 Кошь ма похвалаешъ,
 Но не хвалоу, коль холодно
 Мнѣ мѣздѣ подаваешъ.

A. Д.

РОЗВАЗАНЬЕ

Загадки XVI. въ Ч. 18 Сборника: Мышь.

Асторифа II. въ Ч. 18' Сборника: Сироты.

Зборовскій. — Типомъ ОО. Мехитаристѡвъ.

СБОРНИКЪ

повѣстокъ, сказокъ, историческихъ воспоминаній, господарскихъ
и иныхъ общепользныхъ вѣстій и пр. и пр.

Ч. 20.

Въ день, субота 9. (21.) Мая.

1853.

С Л О В О

при благодарственнѣмъ богослуженію за со-
вершенне выздоровленіе Его ц. к. Апо-
шольскаго Величества Всемило-
сшивѣйшаго Цѣсаря

Ф Р А Н Ц Ъ І О С И Ф А.

Возвѣстите Господа съ мною и вознесемъ имя
его въ вѣкѣ. Взыскахъ Господа и оуслыша мѣ.
— Воспойте Господи пѣснь новѣ, яко днеа
сотвори Господь, спасе Царя десница Его. —
Псаломъ 33, 4, и 97, 1. —

Есть вѣрніи пѣдданіи австріи не давно
заносили оусердніи молитвы предъ престолѣ
Бсѣвышнѣго, авы какъ найскорше исцѣлалъ
волѣзнь помазаннаго своего, и всѣхъ воз-
веселалъ возжеланнымъ совершеннымъ здо-
ровіемъ возлюбленнѣйшаго Бѣнциноса. Въ
всѣхъ городахъ и селахъ великои австріи-
ской Державы оускорали люди всякаго со-
словіа до храмѣвъ Божиихъ, гдѣ очи Го-
сподніи отверсти и оуши Его по-
слышніи къ моленію вѣрныхъ. (2 Па-
раліпом. 7, 15). — Богоговѣйнымъ наро-
домъ исполненіи были свѣтъи, въ ко-
трыхъ самъ Господь Богъ взыскающимъ
его дав се приобрѣсти, и оумильно къ Его
милосердію притѣкающихъ благоустроено оу-
слышати обѣщанъ: И аще посрамлени
будѣтъ людіе мои, и помолатъ се
и възвышѣтъ лица моегѣ, и азъ оу-
слышѣ съ небесе (2 Параліп. 7, 14.) —
Е оуже исполненне обѣщаніе Господне, оу-

слышанна молитва вѣрныхъ! — Спасе
Царя десница его! — Невесный врачъ
исцѣлалъ извѣ сердца нашихъ, воздвиг-
налъ ътъ одра волѣзни всеалагого Отца
нашого, подалъ дорогоценне здоровіе все-
милостивѣйшомъ Монархѣ Австріи. —

Богохранимомъ Покровителю Церкви
Католическои, богочестіа и истиннои добро-
дѣтели, наукъ, художества и промышленно-
сти, дорогоценномъ залогѣ возжеланнаго ми-
ра, порядка, беспеченства, гараздѣ и щаста
всѣхъ племенъ въ державѣ Австріиской иквы
розличныхъ цѣтѣвъ въ пространнѣмъ и
прекестнѣмъ огородѣ обрѣтающихъ се, Оу-
крѣпителю европійскаго сѣпокою, многона-
дѣйномъ Цѣсарю нашомъ Францъ Іоси-
фѣ, благоизволилъ Царь Невесный въ пользу и
веселіе всѣхъ скиптрѣ Его пѣдданныхъ въ
совершеннѣмъ здоровію, правосѣдіемъ и кро-
тостію засіати на Царскѣмъ своемъ прі-
столѣ. —

„Коль многое множество бла-
гости Твоя Господи содѣлалъ еси
оуповающимъ на Тя! (Псаломъ 30,
20) Домъ Твоемъ подобаетъ свѣ-
тъна въ долготѣ дней. (Псаломъ 92, 5)
— Въ храмѣ семъ заносились съ слѣзами
молитѣвъ за здоровіе возлюбленнаго нашего
Цѣсаря, въ Храмѣ семъ оукорѣмъ се
днесь предъ непостижимымъ Величествомъ
Божимъ, предъ пѣдножіемъ жертвенника
скатого, зашлѣмъ ътъ всего сердца нашего

благодареніє и словословіє, якъ оуслыша Господь моленіє наше, (Псаломъ 6 10) и спасе Царя десница его. —

Да исполнятъ са оуста наша хваленіа твоегѡ Господи, (Псаломъ 70, 8) якъ силою твоею возвеселилъ са Царь, и о спасеніи Твоемъ возрадовалася сѣла. Псаломъ (20, 1) —

Боспоємъ Господеви благодарѣвшемъ намъ; и поємъ имени Господа вышнѡгѡ, (Псаломъ 12, 7) да испривитса молитва наша яко кадило (Псаломъ 140, 2), принесѣмъ на олтарь Господень сердце наше, привознесѣмъ промысль Его, прославляймо имя Его, а свѣтилище Церкви наполнѣмъ моленіемъ и пѣніемъ благодарственнымъ.

(Конецъ сѣдѣв.)

Князь Кауницъ и Жиди.

Казка изъ осмого десяшка минушого столѣшя.

(Пѣдала нѣмецкого.)

1.

Палата князя Кауница при оулици Марія Гильфъ въ Вѣднн была одного красного Червцевого ранкѡ въ початкахъ самодержавіа славнопаматного Цѣсара Юсифа II. зрѣлищемъ дневснот сцены. На едномъ оустороннѡмъ малѡмъ подебрю обшырном палаты на низкѡмъ пѡдсѣнью, кѡда милоконнн запахи изъ близкон кѡхнѣ протгаллнса, и въ ѡтки ѡкна черезъ гѣстін огорода генъ ажъ до „Прахи пѡдъ крестомъ“) давали прозѡръ, столъ съѣ хоросій крѣпкоросый молодець. Писателѣ романсѡвъ выводятъ передъ читателя въ тойже спосѡбѣ обычно свонхъ богатырѡвъ, котрыхъ потомѡ пѡзднѣйше возводятъ на степенѣ генералѡвъ, маршалѡвъ и. т. д. и женатъ

съ найкрашшнми и найбогатшнми паннами; оуже заразы гдѣсь въ першѡмъ ѡтдѣлѣ кажѣтъ имъ доконати яко дневное богатырское дѣло, абы оуже на разѡ читателя съ всѣмъ на нхъ сторонѡ переклонити.

Мыже съ стыдомъ признати са мѡсимъ, що отнюдѣ о жаднѡмъ богатырскѡмъ дѣлѣ ового гарного молодца на пѡдсѣнью коло кѡхнѣ сказати не можѣмъ. Противно, подыелемъ его при дѡже прозанчнѡмъ оупражненіи; — отъ, сирота, чиститъ чоботы и плаче при тѡмъ гѡрѣнько, при чѣмъ гдѣколи слѣзы грѣвостн горохѡ якъбы на слѡбѣ падали саме на оуже мсно вычернене мѣстце чобота, такъ, що пѡдвоеного оусиліа потреба было, абы тимъ мѣстцамъ нхъ першій блискъ шѣткою назадъ привернѣти.

И шоже то томѡ вѣдолацѣ такъ на серденькѡ тажѣло? Писателямъ романсѡвъ зновѣ и въ тѡмъ не вѣда; они кажѣтъ свонмъ богатырамъ на середѣ дороги держати на цѣлѡ сторонѡ листа долгін самоговоры, такъ, що читатель изъ тнхъ самоговорѡвъ мало по малѡ довѣдае са всего, що мѡ знати потреба. Яке же той чоботочистительный хлопакъ не оумѣлъ добре вѣсѣдовати, навѣтъ гдѣ ишло, абы поговорити съ кимъ дѡвгнмъ о вѣщѣхъ найпотрѣвнѣйшнхъ, а ещѣже, гдѣ са находилъ на самотнѡмъ пѡдсѣнью, кѡда залѣтала изъ кѡхнѣ вонъ смачного снѣдана, то просимъ нашего читателя, абы изволилъ, коли тимчасѡмъ нашъ хлопакъ, котрый, мимоходомъ сказавши, называлъ са Ядранъ Балдабъ, заплаканными очима погладае къ „Прасѣ пѡдъ крестомъ,“ послѣдовати намъ на иное мѣстце палаты кн. Кауница, гдѣ може що ближшого о немъ довѣдаемъ са.

Не далекій тѡда пѣтъ; черезъ кѡлька коридорѡкъ, гдѣ заспалін гайдѣки, затабаченіи слѣги, валовитін наймички, и недо-

*) Spinnerin am Kreutze, паматникъ дѡже давннй на поли въ южнѡй сторонѣ ѡтѣ Вѣднн.

спалин покоѣвки шламдали сюда тѣда, сходами то въ горѣ то въ долині, приходимъ непостыжно ажъ до вѣздной брамы и на право ѡтъ тон до маленькихъ дверцій ведѣчихъ въ комнатѣ воротара, або шкъ тогда звано, до ложи швайцара.

Тогда еще немогли советъ люди вывѣти изъ головы, що каждый воротарь оу великого пана мѣситъ выти швайцаромъ, шкъ колимъ и инни народы не могли доставити долгихъ, запитыхъ, грѣванскихъ дракѡвъ.

Швайцаръ въ воротарскѡй ложи Кашницкой палаты былъ то истый велитъ; въ своемъ червонѡмъ кабатѣ, въ перѣцѣ Алонге, въ маленькѡмъ капелюшникѣ, въ штанахъ по колѣна съ сѣрными пражками на черивкахъ, такъ шкъ и съ сѣрною галкою на испанскѡй тростинѣ выглядалъ советъ поважно и замашисто, котрѣ то полагѣ помножалъ значно замашистый червонный нѡсъ, подавающій издалика на мѣданѣ грѣшкѣ наибольшого вида. Шкмы противность того велита, сѣдѣла въ позадию комнаты коло ѡконца выглядающего на огородѣ гарна, тонкоросла дѣвочка, похнаивши милѣ головкѣ надъ ровотѣ, на котрѣ погдеколн горачи капали слѣзки.

(Продолженіе сѣдѣе.)

Гризельда.

(Продолженіе.)

Въ короткѡмъ времени пѡслалъ Бальтиеръ за новорожденнымъ сыномъ и велѣлъ сказати матери що емѣ готовится подѣбна сѣдѣла, шкъ прежнѡй дѣтинѣ; а самъ, тайно ѡтправилъ го въ Болонію до поманѣтон свомчки. Белнокѡшна Гризельда перенесла тѣю стратѣ съ прежнюю тирпанкостію, безъ мѣного проливана слезъ и роптаніа, и въ глѣвинѣ сердца своего оутанна несказаннѣю горестъ матери. — Бальтиеръ не мѡгъ над-

ковати са. — „Нѣтъ!“ повторилъ онъ самъ до себе, „и одна женщина не може сѣбнатиса съ нею!“

Пѡдданін дѣмали, що Маркизъ велѣлъ стратити дѣти свои: всѣ нарѣкали на его постѣпокъ, называли го жестокимъ отцемъ, и безъ жалости не могли поглядати на вѣднѣю мать. Женщины, окрѣжаючи ю плакали часто при ней, споминаючи о сѣдѣвѣ невинныхъ малютокъ, а она всегда говорила до нихъ: „не плачѣте, милін дѣргинѣ; пригадайте советъ, що такъ оугодно было ихъ отцѣ.“ —

Перишло кѡлька годѡвъ ѡтъ времени рожена дочери. Маркизъ постановилъ сѣдѣлати послѣдній опытъ и обѣявилъ своимъ дворанамъ, що не хоче, авы Гризельда збстала надалѣ сѣпрѣгою его, що онъ въ молодости лѣтъ подрѣжилъ са съ нею; наконецъ пѡзналъ, що постѣпилъ дѣже безрозѣдно; а цѡвы загладити престѣпокъ свѡй, рѣшлеса просити Папу о розвѣдѣ и позволеніи подрѣжитиса съ иною. Всѣ противили са намѣрнію Маркиза, но онъ былъ непоколебимый въ оуданѡмъ постановленію своемъ.

Гризельда невакомъ довѣдала са о томъ. — Былато хвала чрезвычайно гѣрка. — Повѣрити въ вѣднѣй дѡмъ отца своего, выти своѣ пастѣшкою овцѣ, видѣтѣ сѣпрѣга своего, до сихъ поръ страстно любленного, въ обѣятіяхъ дрѣгон жены... все то тирзало, роздирало би дѣшѣ. Но она рѣшилася перенести послѣдніи оудары сѣдѣвы съ прежнюю твердостію, съ прежнимъ великодѣшіемъ. — Ескорѣ прибыло изъ Рима зрѣшеніе (оно было пѡдложное), и Маркизъ его обнародовалъ. Призываютъ Гризельдѣ и въ присутствіи многочисленной толпы говоритъ ей жестокосердый Бальтиеръ: „И мѣшѣ ѡтдалити тебе. Ты знаешь що многін зѣ пѡдданныхъ монахъ дворанъ сѣтъ знатніи и сильніи вла-

дѣтелѣ и мають сами своихъ по́дданныхъ;
а твои родители всегда были земледѣльцами...
Твѣ неможь быть надалѣ спрѣгою
Маркиза Салъцкаго! Отдаю посагъ твоѣ и
тѣбѣ — отца твою: и во сврѣтѣемъ совѣ
ннѣю спрѣгъ.

(Продолженіе слѣдѣ.)

А н а х р о н и с м ы .

1.

Бѣ одно́мъ слѣ прислѣхуокался и пѣ
нѣмъ одного лѣриика, который о богачи
и Лазари такъ спѣвалъ:

„Богачь шодень мясо, пироги ѣдалъ,
Тай пиво, горѣлкѣ совѣ попивалъ,
И Лазарь голодный та въ гною лежалъ.

Богачь въ корчмѣ, и дома разпѣстно гѣлалъ
Икфистовѣ, парастасовѣ николи не наймалъ.

2.

Недавно видѣлисьмо анахронисмъ пред-
ставленный на образѣ, на которомъ Ав-
раамъ жертвуетъ сына Исаака. Послѣдний
оуже клачить съ завязанными очима, а
Авраамъ держитъ рѣчницю вымѣрениѣ въ
его грѣди. Ангель зѣ неба гаситъ чимъсь
порохъ занимающійся на пановцѣ. Н.

В е ч е р ъ .

Зайшло солнце по за герѣ

И ходѣвка на оборѣ —

Замолкъ голосъ гѣщавины

Згомонѣла грѣдь дѣвчины:

„Красна, мила, люба динно!

Борзо стекли твои хвѣлк...

Ци они са въ лѣскѣ скрыли,

Ибо въ мори оутопили,

Ци за солнцемъ полетѣли?

Красна, мила, люба динно!

Вернись, вернись на единкѣ

Лишь для мене ще часинкѣ —

Бо всѣхъ сердца всчасанѣлась,
Лишь на мое позабылась!...

Красна, мила, люба динно!

За тобою и ванѣю,

За токою и тоскѣю,

За тобою и поплачѣ,

Чѣй та ещѣ гдѣ обачѣ?

Красна, мила, люба динно!

Чомъ надѣи ма лишѣлась?

Чомъ сердцю не поликшилась?

Такъ пращалась зновѣ ма нынкѣ,

Икъ звѣчайно въ слѣбѣ годинѣ!

Красна, мила, люба динно!

Ци все вѣдѣшь такъ сѣодити,

И такъ само заходити,

Икъ до нынкѣ миѣ сѣодилась,

Икъ до нынкѣ заходилась?

Красна, мила, люба динно!

Такъ и тѣбѣ называю,

Хоть гора всего дознаю;

Прото во снѣ потѣши ма

И въ надѣю оукрѣпи ма...

Красна, мила, люба динно!

Бѣ твоѣй тѣни и лагаю,

Обѣрѣчь та обѣнимаю,

Тѣбѣ вижю за горами,

Долинами, за хмарами!"

В. К.

З Я Г Я Д К Я .

ХVII.

Родилась въ лѣскѣ

Въ городѣ оубрана

Безъ главы, безъ оудогѣ

Крѣпко показана;

Черко надѣто,

Зракъ мой подогѣ,

Коль го не напоишь,

Гѣчитъ, но безъ злого;

Догѣ напоенѣ

Бсади ма въ темницѣ

Придай миѣ на стражѣ

Славногѣ паницѣ.

(Розвязанье послѣдуѣ.)

СБОРНИКЪ

повѣстокъ, сказокъ, историческихъ воспоминаній, господарскихъ
и иныхъ общеполезныхъ вѣстій и пр. и пр.

Ч. 21.

Въ день, субота 16. (28.) Мая.

1853.

Историческое состояніе

Намѣстничества Мушынскаго

*въ взглядѣ физично-полициномъ, морально-
но и религіозномъ ошъ основанія бѣхъ
шущъ существующихъ чисто-русскихъ сѣль
и двохъ городковъ: Мушына и Тыличъ,
списанное Михаиломъ Крыницкимъ
приходникомъ рускимъ въ Тыличѣ, въ
окружѣ Сандецкомъ 1852 года. —*

(Конца.)

Древними временимъ здѣшніи солтыски
зоставши матерями, своихъ сыновъ еще
въ колысцѣ Господѣ Богѣ на оуслугѣ въ санѣ
свѣщенническомъ жертвовали, — гдѣкатора
такоже богоговѣйна здѣшна невѣста при-
сѣтствуючи жертвѣ свѣтѣйшой Літѣрѣи
своего сродника, або свожка, слѣхуючи его
наукѣ христіанскихъ, съ невѣстою бран-
галичскою промовала: „Благословенное чре-
во носивше тѣ, и сосца, ажѣ вси ссалѣ.“ —
Древними часы здѣшнымъ Русинамъ не-
браковало тежсамо на просвѣщенныхъ лю-
дѣхъ въ мірскомъ санѣ, кромѣ сего знаю,
шо ледво не каждое здѣшне село имѣло
кѣлькохъ глѣбоко оучиныхъ солтысовъ
Русиновъ, шкъ на примѣръ: Зверницкихъ,
Жигѣтовскихъ, Злоцкихъ, Шавинскихъ,
Парыловичевъ, Крыницкихъ, Бенгринови-
чевъ, Поланскихъ, Бархолоковъ, Олесне-
вичевъ, Мѣйскихъ, Гроканичевъ, Шѣпий-
скихъ, Свѣтковскихъ, Тыханскихъ, Кос-

тишакевъ, Цолковичевъ, Потоцкихъ, и
проч. и проч.

Рокъ 1821 жило совремнно въ Галич-
чинѣ 64 свѣщенниковъ, котрыхъ родствен-
нымъ гнѣздомъ было намѣстничество
Мушынское. Но и въ мірскомъ санѣ мно-
го изъ солтысовъ и сѣланъ тонжѣ стороны
видѣло сыновъ своихъ на высокихъ оура-
дахъ, на профессорскихъ кафедрахъ, въ
войсковости не тѣлько въ отчистѣхъ но и
за границу. Приточѣ лишь на пр. Брылин-
скаго кѣнца гѣртѣвника въ Варшавѣ, ко-
трого рѣдѣ въ Извахъ, Кислѣвскихъ зѣ
Брынарѣ славныхъ кѣпцевъ въ Пѣтровѣ,
Мацѣевского зѣ Богѣши проф. правѣ въ
Варшавѣ и пр., такъ шо въ 35 различ-
ныхъ мѣстцекостехъ здѣшней стороны до
80 названскъ различныхъ начислти можно,
котрыхъ близко 160 носителей получивши
вышное изобразованье зѣ низкомъ вѣрствѣ
санѣ солтыскаго постѣпили на вышніи чины
въ санѣ свѣщенническомъ и свѣтскомъ.
Самого имени Крыницкихъ есть до 17 а
Кислоцкихъ до 8, котринъ въ повышшомъ
числѣ содержатъ сѣ. —

Бѣкъ тѣи оучини дѣховніи и свѣтскіи
сѣтъ зѣ дѣда прадѣда Русини сѣланскаго
солтыскаго родѣ. — Свѣтскіи нѣкотеріи
покинувши рускій обрядъ перешли на латин-
скій; инни прѣзвища свои на вичѣ або
скій продолжали, але богато междѣ ними,
такихъ, шо на бѣдныхъ своихъ кривныхъ

до своен смерти тамилн, нхъ вспомагали, и дѣти ѳтъ братій або сестръ завравшн къ собѣ значнымн людьмн зренилн, — такъ Лавова мае теперъ кѳлькохъ сынѳвъ въ Ченстоховѣ, — Брунары въ Пѣтровокѣ, — Изевъ въ Баршавѣ, и т. д.

Новѣйшымн врѣмннамн норовственнѳста народа въ ключн Мѳшынскѳмъ поврежденна зостала; люде зѣубожѣлн, — понеже до горѣлки безмѣрно взалнса; жидокство тѣтъ по слахъ многочисленнѣ поменлоса, и замшкало, шынкн обналло, и на молодѣжъ взало вредно влѣмтн. Сынове наипочтившнхъ родителѣй сталнса блѳднымн сынамн, челаде сѳбжнена невѣрною, а много господрѣй пѣакамн. —

Оусплѣл рѣвнхъ дѳшпастырѣй, цѳевъ тѳй цѳо разъ больше розширяющѳй са мораланѳй жѣмѣ положнтн перебѣй, не нахѳднлн тамъ, ѳткнелъ са посѳвѣл сподѣвати выло налжалло, тогоже въ полной мѣрѣ. Бланкнн прежде дѣланса словпотрѣвлѣннл даннон свѣше власти, которнн по части ажъ р. 1846 и 1848 его Бискоковлагеродѣ Баронъ Канне, опредѣленннй до Мѳшыны ц. к. окрѳжннй комѣсаръ снелса, котѳромъ тѣтншо-гѳрскѣй рѣскѣй народъ Гандецкого окрѳга безсмертною благодарностѣю вѣстъ одолжнѣ.

Князь Кауницъ и Жида.

Кавка ивъ осмого десяшка минувшого шолѳшнл.

(Пѳдалл нѣмецкого.)

1.

(Продолженѣ.)

Былъ то икакѳ днѣ плачѣ въ палатѣ кн. Кауницл.

„То и ты повѣдаю,” крнкнѣла швейцаръ, стѣкнѣвшн люто палицю въ земаю, „то и ты повѣдаю, слн вѣще разъ того молоднка по за тебе присѣваючого са постерѣ-

гѣ, то мѣрѣкн и ногн обломлю, хнелавымъ не звалса Лоренцомъ Дѳдельгамеръ и небылъ мого ѳтца сыномъ.”

„Адрѣанъ не присѣвалса за мною; бнѣ икъ почтнвал людска днтнна чнстно ходнлъ за мною” ѳтперала дѣвѳчка, шнелѣвшн красною головкою въ горѳ такъ рѣзко, икъ ем са того по вн нѣжнѳстн не можѣ выло сподѣвати.

„Чнстно ходнлъ! чѳботѳхарннкъ! вырѣчнтель дочерн воротара! Кенемѣнцѣл топче са ногамн; не страхѣвшъ лн са такого мислѣансѣ, икъ ем то Его Сѣмтѣльство сказалн.”

Бндно, цѳо п. Лоренцъ Дѳдельгамеръ въ сѣбжеѣ наиперкшого дипломата свого врѣмѣнѣ и самъ прнобрѣла полнѳтѣ дипломатичного выразѣ.

„Адрѣанъ менѣ спрѣме, а и Адрѣановн” перла дальше неѳстрашенна дѣвѣнца.

Швейцаръ изъ гѳрѣ Гернальсѣ *) по-траѣсь головою, цѳо ажъ кѣдалата перѣка лѣтала сюда тѣда, икъ грнѣва льѣва лютого, колн тимчасомъ грѣшковѣй нѳсѣ завѣгъ крѣвою гѣйкѣ грѣкѣнъ икон ѣдозлобной потѳоры.

„Спрѣме! Чѣвалъ то кто? impossible, икъ Его Сѣмтѣльство мѳвлатъ; чн тѣѣ чѳртѣ постѣла, Идѣнснѳ? Ты, котра можншь вывѣрати межн наикрашнмн партѣамн, икъ ѳтъ сѣтъ н. п. кѣчеръ княза Кннско-го, п. Лафлеръ поковѣцъ Его Сѣмтѣльства княза Лнхтенштайна, або п. Тнмѳдѣй Пѳрцѣл ц. к. грѣботѳпннкъ и братъ панѣ Рожн Пѳрцѣл першѳн помѣшннкѣ сѣрѣберъ Енцѣсарского Бисѳчѣства Госп. Прухнкнлгннѣ —

„А колнѳо и изъ всѣхъ тнхъ малп-носѳвѣ жадного не хочѣ!” клнкнѣла дѣвѣчнна и оѳдарила дрѳбеннѣкнмъ кѣлакомъ въ стѳлаъ, цѳо ажъ велнтъ спѣжнѣннй кѳлька крокѳвъ назадъ ѳтстѣпнл са.

*) Negalis, село пѳдъ Еѣднмнѣ въ западнѳй стѳорѣ.

„Малпоносы! impossible!“ отвѣталъ имъ кто нѣкъ не смѣло. „Ты говоришь о высокопоставленныхъ особахъ съ такимъ пренебрежениемъ, котораго достоинство есть odieuse, и къ которымъ то Его Величество сказали. И цюж ты можешь протнѣть нимъ закинуть?“

„Що и маю закинуть?“ отвѣтила Идвиса чѣдно звоннымъ азыкомъ право Ефденъки, „pro primo, и къ Его Величеству кажѣтъ, що нхъ не люблю, pro secundo, що нхъ терпѣти не могъ, pro tertio, що вымы имъ очи выдрала. Кучеръ князя Кинского есть главный мочиморда, п. Лафлеръ надѣтый, французскій, высокодѣмный дворакъ, п. Тимодей Пурцель ц. к. грѣботопникъ, старый, вридикій, зажалкмый, горбатый цмокачь а его паня сестра, переша помыйница срѣверъ злѣбтна вогохулана лапа!“

(Продолженіе слѣдств.)

Гризельда.

(Продолженіе.)

Гризельда превозмогла всю горестъ оскорбленіи женщины; и снѣдючи са оудержати слезы и рыданія, сказала голосомъ лагѣднымъ: „Я паматаю на мое низке происхожденіе, неприличіе Вашому знаменитому роду; помню, що по милости Бога и Вашей, и была возведена на той высокой степені, и що все мое счастье было временно! Мое дѣло повиноватиса слѣпо воли господина моего. Тутъ складаю Вамъ обрѣчку слюевъ, возамѣтъ ю; но позвольте мнѣ повернѣти къ отцу моему въ той одежи, въ которой приехала до Васъ въ замокъ. Вы не маєте отдавати мнѣ ни золота, ни срѣвера, ни ижнѣхъ сокровищъ; и не принисла посагъ; Вы взалисте мене нагью, и, есан матеръ дѣтій вашихъ мае нага повернѣти къ постарѣвшому са отцу своему, — то она

исполнитъ волю Вашу. Но, именитъ любви и непорочности заклинаю Васъ, дайте, ахъ! дайте мнѣ хотя одно покрывало...! послѣднюю защитѣ стыдливости.“

Еальтѣръ, тронутый до слезъ, старалса оудевати сѣровый и строгій видъ. „Боглашаю са на покрывало“ — сказалъ онъ — „но... ебольше ничего!“ — Ескъ приближеніи оумоллан го дати ей принаймнѣй одно одѣны. „Икъ то?“ говорили они, „срѣвга Маркиза Галвцкого, наша давна госпожа, ивнитса мае полубовнаженна на оулицы, икъ преступница, икъ сама послѣдняя изъ женщинъ!“... Надаримнѣ просьбы! — Полубовнаженна, восо, везъ покрове на головѣ, съ розпущеннымъ волосемъ, заливаючи са горькими слезами, вышла она изъ замка и сопровождаема рыданіями слѣгъ и женщинъ, съ запухлымъ отъ слезъ очима, шивалса передъ несчастнымъ отцемъ! Ианколо николи не хотѣлъ вѣрити, що дочь его останиса Маркизою; онъ съ козвнѣю ожданлъ ей сѣдѣны, и свато сохранилъ ей рѣвнища, оставленіи въ еѣдномъ его жилищи. Съ слезами вѣртае нхъ дочери. Она, великодѣшна до кобца, презираючи сѣдѣвъ несправедливѣю и жестокую; спокойно принималса до пражныхъ тѣдѣвъ сельскихъ, въ домъ отцѣвскѣмъ.

(Продолженіе слѣдств.)

Горничка.

„Чи такъ оу васъ икъ оу насъ
Есюда пола рѣвно,

Чи такъ оу васъ икъ оу насъ
Лювити са еольно?“ *)

„Лювити са оу насъ еольно,
Хота оу насъ горы,

*) Першіи четыре строчки сѣкають въ Коломыйскѣмъ и въ Станьславѣскѣмъ. — Еъ продолженіи того стиха отвѣтае Горничка Подоланиновъ.

Хота вѣтеръ дѣе сильно
Черезъ тѣмнй боры;

Но любити треба шире
Сердца не дражнити,
Не пестити днесь за надго
Я завтра гадити!

Нужь зѣ Подбѣла мѣй сокола
Оудари крилами,
Перелети чисте поле
Спѣчни надъ скалами.

Зѣ бтсы поглань оченьками:
Всюда краснй горы,
Я межь тыми гороньками
Текуть сѣбернй норы —

По надъ тѣм зновъ пороньки
Зеленй сѣть нивы,
Я изъ кождои нивоньки
Цѣкть смирають дѣвы. —

Цѣкть смирають и спѣтають
Бъ краснѣю китицю,
Потѣмъ въ тѣюжь оуѣирають
Рѣсавѣ косицю.

Тамъ, гдѣ рѣчка долиною
Котить свои воды,
Тамъ всѣ они съ чередою
Шѣкають холоды.

Я шкъ найдуть, то ставають
Бскъ въ одинъ кружочокъ
И лво шось заспѣвають,
Ако тнѣть таночокъ.

Такъ весело дни зѣвають
Бъ горахъ всѣ дѣвочки,
И о жѣрѣкѣ ничъ не знаютъ
Гѣйвы Рѣсалочки."

В. К.

З Я Г Л А Д К Я.

XVIII.

Кто роднаѣ ма, самъ безъ мене
Родитися неможегъ,
Мѣсто кады при рождистѣхъ
Вѣтеръ ми рѣможегъ,
Аншъ роднаса, оужь до неба
Простесь домагаю,
По воздѣхамъ, и вѣрами
Бси са розганяю;
М тѣѣ, хотъ самъ не хочѣ,
Низъ ока слезы выточѣ.
(Розвѣзванье послѣдуѣ.)

Л О Г О Г Р И Ф ъ.

18.

По вершинѣ высокѣхъ горъ
М стою, а за мною боръ,
Займають ма листами
Широкии, не плодами.

(Розвѣзванье послѣдуѣ.)

Бібліографическіи извѣстія.

Сими днями вышла изъ Старопрингій-
ском типографіи въ Львовѣ хороша и по-
читальна книжочка для малыхъ дѣтей, подъ
заглавіемъ „Начала главнѣйшихъ
свидѣній человѣческихъ“, составилъ
Владиміръ Федоровичъ. Она пред-
ставляетъ первую часть вознамѣренного боль-
шого, собирательного дѣла подъ заглавіемъ
Бібліотека благополезнаго чтенія
для дѣтей, которе въ неопредѣленныхъ
сѣшитахъ стараніемъ многихъ и различ-
ныхъ силъ продолжати са маѣ. Бскъ отцѣ
и ривнителѣ наскъ, особенно тѣм, котри
своимъ дѣтемъ хороше домашное воспитаніе
подати желають, постарають са скорѣйше
о сію книжочкѣ, котра черезъ вло-
жиннии образки вельми занимательна бста
для всѣхъ дѣточокъ. —

Р О З К А З А Н Ь Е

Загадки XVII. къ Ч. 20 Сборника: П о ч к а.

СВОРНИКЪ

повѣстокъ, сказокъ, историческихъ воспоминаній, господарскихъ
и иныхъ общепользныхъ вѣстій и пр. и пр.

Ч. 21.

Вѣдень, субота 23. Мая. (4. Юня.)

1853.

С Л О В О

при благодарственнѣмъ богослуженію за со-
вершенне выздоровленіе Его ц. к. Апо-
стольскаго Величества Всемило-
сшивѣйшаго Цѣсаря

Ф Р А Н Ц Ъ І О С И Ф А.

(Конць.)

Днесь съ восторгомъ сердца восклик-
немъ: Да живетъ Основатель и первый соз-
датель храма и дому руско-народного, Пред-
теча лучшюи нашюи вѣдѣчности, Отець от-
чества, возъобновитель европейскаго мира,
сладость, надежда и веселіе Австрій. Да
живетъ здоровъ въ многая лѣта Его ц.
к. Апостольскаго Величества, всеми-
лостивѣйшій нашъ Цѣсарь Франць
Іосифъ I! Най живе всекѣтлѣйшій Дѣмъ
Австрійскій! —

Радѣймося и ликѣймо всеъ совершеннымъ
здоровіемъ свѣщеннѣйшаго ц. к. Величества
правосѣднаго и человеколюбнаго Монарха.
— Радѣсть нашѣ къ дѣлахъ обывалти
подобаеть, сооткѣтствѣючи въ всемъ все-
высочайшѣи воли и намѣреніямъ Его ц.
к. Апостольскаго Величества къ все-
общюму благу отчества заведно стремля-
чимъ. — Непрерывне тшаніе возлюбленнѣй-
шаго нашего Монарха есть то, абы бого-
говѣніе, добродѣтель, спокойіи и честность па-
че всехъ почитаеми были, и въ сердцахъ
пѣдданныхъ всегда царствовали, оже и намъ

надлежитъ, „блнка сѣть истинна, блн-
ка честна, блнка праведна, аще каа
добродѣтель, сіа помышлати, и сіа
творити“ (къ Філіппс. 4, 8). — Точно
исполнаймо должности свѣтин къ Богу,
Цѣсарю и Отчеству, най дѣла наши о
насъ свѣдѣтельствѣють, що весьма истин-
нии Богопоклонницы, вѣрніи Цѣсарю пѣдда-
ніи, и человеколюбивіи сочелны отчества.
Почитаніемъ всякои ѡтъ Бога даннои намъ
власти (Рим. 13, 1. Притч. 8, 15. 2 Петр.
2, 13) и дѣйствительнымъ послушаніемъ,
котре есть призвѣщѣйшою славою хрѣсти-
анина,“ (С. Бонавентѣра) най „просвѣтит-
са свѣтъ нашъ предъ человеки,
иже да видать наши добрин дѣ-
ла, и прославлять Отца нашего,
иже на небесѣхъ“, (Мад. 5, 16) абысмы
и тихъ, которіи еще владять, честнымъ
нашимъ житіемъ на пѣть истинны при-
влан. (С. Іоаннъ Златовѣтъ оміліа 7 на 1
главѣ Бытіа.) — Есѣ составляемъ одно
тѣло единственнои блнкѣи и славнои Ав-
стрій, отложѣмъ же всякѣ страсть и само-
любіе, иже оуди единаго тѣла, ошце бла-
госостояніе положѣмъ собѣ за предметъ
нашихъ оуслий, всеъ везъ различіа племе-
не и сословіа съ найтѣснѣйшѣмъ союзѣ
преданности и любви съ престоломъ всеми-
лостивѣйшаго нашего Монарха соединены-
ми силами сѣи цѣли споспѣшествоваймо; —
а божественнымъ писаніемъ и оуставомъ

свѣтлаго Богочестія нашего довольно просвѣщенніи не переставаймо „творити молитвы и моленія, прошенія и благодаренія за всѣ человекки, — за Царя и за всѣхъ, иже въ власти сѣтъ.“ (1 Тимод. 1 — 3.) —

Что денна молитва наша най вѣде: „Всемогущій Господи! изывай всегда на помазанного Твоего небесного благословенія дары, обрадуй Его ц. к. Апостольскіи Величество видѣти церковь благоучрежденнѣ, отчество внѣтрѣ мирно, выѣ предѣла же славно, оукрѣпи силы Его, и въ преимногін лѣта продолжай дорогоценнѣю жизнь есмилостивѣйшого Цѣсара нашего Францъ Іосифа. — Вышнимъ твоимъ благословіемъ оскнай голову Церкви Кадолическои, Отца и Оучителя всѣхъ хрістіанъ (Св. Флор.) Свѣтѣйшого вселенского Архіерея Піа Папѣ Римского, Его Превосходительство пресвѣщеннаго Первенствѣющаго возлюбленѣйшого нашего Митрополита Куръ Міхана, пресвѣщенныхъ и боголюбивыхъ Епископовѣ нашихъ, всякое кадолическое Епископство право правачое слово твоеи истинны, и всякъ дѣховнѣ, и мірскѣ власть. Дажь всѣмъ людемъ сердце довери, страхъ сѣдѣвъ Твоихъ, вѣрность къ Царю, любовь дѣругъ къ дѣругъ, согласіе въ благихъ намѣреніяхъ и въ добродѣтеляхъ приспѣваніе, да приносаше наше словословіе: Слава въ вышнихъ Богѣ, и на земли миръ въ человекѣцѣхъ благоволеніе, — истинно прославимъ има Твое въ вѣки. Аминь.“ — Ю. Г.

Князь Кауницъ и Жида.

Казка изъ осмого десятка минушого сшолдшія.

(Подана нѣмецкого.)

1.

(Продолженіе.)

„Цѣсарска помышница сѣверъ — лапа! impossible!“ застогнала п. Лоренцъ

Дудлавагальеръ, котрый мимо своего влакнества подѣ оударами такихъ оуприкъ икъ троца скрѣшинаса.

„Адрианъ же есть почтивѣ дѣтина, вѣрный хлопакъ, и хотѣа тѣмъра есть еще лишь човотохарникомъ, то прѣцѣ съ временемъ колнсь своею пильностію и честностію чогось дохрѣпати са може, а и молада — могѣ еще ждати — на слабѣсть всѣмъ оупертымъ вѣткамъ.“

„Бѣнтъ! революція!“ загѣдѣла велнтъ, котрый той на его оѣцѣвскѣ повагѣ прямо вымѣранный замахъ мѣскалъ оѣтѣти, если ю не хотѣлъ цѣлкомъ потерати; „ты на слабѣсть менѣ хочешь на Адриана ждати? а икъ и тѣе присналю.“ —

„То и побѣдѣ до Его Сіательства и до Цѣсара!“ кликнула дѣчина желево такъ, що велнтъ ажъ повелѣдѣ, „и расповѣмъ Имъ всю тиранию. О! Его Сіательство есть добрый, и Цѣраръ добрый и справедливый!“

Велнтъ сталъ икъ той полкъ, що са далеко загнаалъ, и наразѣ въ огнѣ издоѣвѣтнои ватеріи попалса; оѣзрѣлъ са, къ даемъ съ честію можѣ назадъ оѣвѣстнса, во вѣдалъ довери, що анѣ Цѣсаръ анѣ князь просьѣтѣ ладнои дѣчини не звыжан выан оѣтрѣчи, осованіѣ если би справа была такъ справедлива, икъ справа воротарскои Шавнскѣ и княжеско - Кабинцкого човотохарника.

„Никтожь бо и не гдаде о тѣмъ, шовы тѣе силовати“ казалъ съ оѣнимъ набожниковатымъ добродушіемъ, ике звыкли привѣрати люди, если видѣтъ, що силою ничѣ не скѣрають. „Мы, богѣ даковати, жиѣмъ въ просвѣщенномъ столѣтїи, гдѣ сносительность на всачнѣ. Оѣи барбарскіи звычаѣ давныхъ временъ, котріи опиралиса на силованю, мѣчаницахъ, колесѣ, шывеници и иныхъ средствахъ принѣды,

мнѣнїи, а людскость и свободныя чувствїи ево лѣ сътъ правилами новаго челоуѣчества.”

Если читатель може изъумѣлѣ са, слышачи коротара Герналсчика такїи фразы произносачого, то намѣ тое изъоумѣніе его не дивнї; думаемъ однакожь быти нашнмъ окованкомъ дати о томъ потрібное овыснїніе. Панъ Лоренцъ Двдальгамеръ малъ тое пристрастіе, оудавати са за дипломата и фїлософа. Чужїи слова зарванїи то тѣ то тамъ, котрымъ прїебавкою „икъ еы то Его Сїатїельство казалн” наддалъ здобеность салоноеъ, наддалн его вїсѣдѣ подоеъ дипломатичеъ; опрїчь того кѣповалъ онъ ескѣ оулетнїи письма оковременныхъ висателїеъ, котрымъ оуже давно и слыхѣ загнуваъ, вышѣвалъ са въ сеонхъ самотнмхъ годннхъ, въ котрыхъ въ ложн ждѣчи сѣдѣлѣ, на памать найкраснѣйшнхъ т. е. еамъ найнзрозѣмѣлшнхъ положенїи съ желѣзною терпелнвостїю, и пописовалъ са съ тнмъ вчоромъ въ корчмѣ пѣдъ „чернымъ арѣвомъ” такъ, що собранымъ тамъ гонорациорамъ краецкого и шекского мїра не толькы выдвласа быти велнтомъ, но оуходнлѣ за фїлософа перого степеня, о котрого оучности еггала чѣтка „отъ конецъ до конецъ вселннн” т. е. отъ оулицѣ малон прїцеркѣ ажъ по оулицю смальцевѣ на граници далекон оукраины Гѣмпендорфѣ.*)

Панъ Лоренцъ Двдальгамеръ рѣкѣ прїсеї прїключѣ такѣ челоуѣколювнїе слово о сноснтелнности лншь для того, во не потребовалъ прї томъ ннчѣ мысантї, и мѣгъ са похупати, икѣы замахѣ Шдвнскѣ отпѣрти.

„Однакожь” продолжалъ по не велнкѣи прїстанцѣ, „мае отцѣ завѣдѣды право до себон дѣтнны, а же по вѣчнномъ законѣ прїроды отцѣ завѣдѣды вїрїдѣ дѣтн-

ми на сеѣтъ прїходатѣ, то естѣ сашина и сарададана рѣчь, цокомъ отцѣ вїрїдѣ дѣтнми сеѣи розѣмъ въ хосанѣ дѣтнї розенвалн и оупотребаванн, о мплѣю валац, икѣ Его Сїатїельство говоратѣ.” Панна Шдвнса оусмѣхнла са скрѣзь слѣзы.

„Томъ тѣ и въ прїдлѣжачѣмъ случачю отцѣвскѣ мнѣніе мае са сабухати и почитати. Отже и товѣ скажѣ и овынїю тое мое отцѣвское мнѣніе: Добра; для мое прїзволнїе на марїажѣ съ Адрианомъ” —

„Бїжн!” крїкнїла розрадована дѣвчнна.

„Стѣи! повоам!” отрѣкѣ велнть падїтнше, „а же жннтѣл мажн чѣеотѣхарннкомъ и мою дочерю вылавы для мннї нечнстїю — ансгемфрѣ, икѣ Его Сїатїельство мовалѣ, то жадам, цокомъ Адрианѣ Балдафѣ, выказалъ са зѣ посѣдана прїнаймнѣе 2000 зол. рнн., цокомъ мѣгъ распечатн икѣ пораднї дѣло вїрїше, за кнмъ тѣе посватав.”

(Продолженїе слѣдѣе.)

Тѣлеснїи вправы.

Бѣдѣчи съ дѣтнми въ знмовѣи порѣвнѣдѣамъ и чѣествоваламъ потребѣ, авн тнхъ вѣднмхъ малнннхъ наклонїати до рѣхѣ, до котрого чѣрѣзъ лѣте навнклн. Протое подѣмаламъ, икѣмъ тое сѣдѣлатн не выпѣскаючн нхъ на знмннй воздухѣ. Пожїртоваламъ однѣ годннѣ шо дннь правнльнымъ нхъ тѣлесннмъ вправамъ и, икѣ са мнѣ тое повело, до овыон вѣдомостн подаю. — Еъ ообенѣи пѣсномъ выкнпаной сеѣтлнцн ескѣ са дѣало бавачнмъ спосовомъ; авн застерїгаламъ порадокѣ, посабннншество, не допѣскаламъ дражннїи, высмѣвана са однѣ дрѣгѣро. Оу дѣвчатѣ зважаламъ прїнїмншественнно на прїзвонтоствѣ въ найвышншѣмъ стїпеннї и на одїжѣ; а то дѣлаламъ въ слѣдѣючїи спосѣбѣ:

Прїдпрннмаламъ вправы;

*) Gumpendorf, крайнїи прїамѣстїе Вѣднн.

1) Бѣ сѣданію: Должны были вставати и сѣдати ведала такѣ по скоро сѣдѣющома порядкѣ; мѣсѣли клжкати на лѣвѣ и повертати назадъ до сѣжня, вставати зъ гладкон пѣдлоги за помочию лео безъ помочи рѣкѣ.

2) Бѣ столню: Мѣсѣли выпростовати са, головѣ то на право то на лѣво звертати; то на пальцахъ то на патяхъ столати и пр.; обертати са на пѣль, цѣакомѣ; на право и пр.; — на одной нозѣ обертати са на право на лѣво, на передъ, на бѣкъ другѣ мяочи выпрѣженѣ лео рѣшаючи.

3) Бѣ дѣланію рѣками: Мѣсѣли ровенти пастѣкѣ, плоскѣ рѣкѣ, пальцѣ выпрѣжати, на пр. великій палецъ лѣвон, мѣзынний правон рѣки, пальцѣ одинѣ на другѣмѣ положити. На столѣ: пальцѣ положити, поставити, — поединокѣи пальцѣ пѣднести, ебенити; крѣпко держати на пр. линеѣ, жердѣ и т. п. — Пѣзналама, що тимѣ способомъ оудалла са звычайна оспалбѣсть, — а дѣти были всеаѣйшій, звиннѣйшій и здоровшій икѣ прежда. —

Пѣзднѣйше напишѣ продолженіе.
Юлія.

В С Я Ч И Н А

Що можетъ быти бѣльше чѣвствительнѣйшимѣ, икѣ благословеніе молодатѣ предѣ бракомѣ: „Ябѣмѣе были щастанвѣи и богатѣи икѣ землянка сватѣа“.

Человѣкѣ, котормѣи величессѣ, що много мае прѣителѣи, показѣе, що легко дае отѣманитисѣ!!!

Природа не естѣ нашимѣи ворогомѣи, но человекѣи природы. Бѣднѣи тотѣ человекѣи, котормѣи вѣ Галиччинѣи выхованныи естѣ дла італянскогѣи некоскона, и стѣдѣнь и волгкѣсть его страшнымѣи ворогамѣи. Роднѣи паматайтѣ на тое!

Дѣва обманена.

Стоитѣи ивѣорѣ при дорожѣ,
Я дѣвонька на порожѣ
Рѣченьки загнѣла
Тажинько востѣхнѣла:

„Повѣи вѣтре, повѣи тихѣ
„Листѣмѣи иворонька,
„Скажи емѣ, чи не лихѣ
„Найшло соколонька?
„Где бнѣ дѣла са, где бнѣ крѣжитѣ,
„Що бнѣ поровале?
„Чи бнѣ вѣрнѣи, чи бнѣ тѣжитѣ,
„Чи о мнѣ гадае?”

„Ихѣ иворе, иворонькѣ,
„Ты дѣревѣе краснѣ,
„Скажи все мнѣ по тихонькѣ:
„Веселе — оужаснѣ!
„Скажи, скажи тебе молю,
„Най и все разѣ знаю,
„Най и знаю мою долю,
„Бо и такѣ оумираю!”

Подѣла вѣтерѣ тай листочки
Ескѣи зашелестѣли,
Я оу бѣднѣи дѣвочки
Слезыѣи покотили ...
Зѣ жалѣи сохнѣи и марнѣе
Все чогось ванѣе,
Сѣи кождѣи хвѣлеѣи но нидѣе
За одно сѣмѣе:

„Бодай тебе и не знала
„Икѣ твѣи родѣ,
„Ты невѣрнѣи! и пропала
„Икѣ камѣи оу водѣи!!!

В. К.

Р О З В А З А Н Ё

Загадки XVIII. вѣ 4. 21 Сборника: Дѣиѣи ѣ.
Лѣгѣириѣа 12. вѣ 4. 21 Сборника: Яворѣи ѣ.

СБОРНИКЪ

повѣстокъ, сказокъ, историческихъ воспоминаній, господарскихъ
и иныхъ общепользныхъ вѣстей и пр. и пр.

Ч. 23.

Въденъ, субота 30. Мая. (.11. Юня.)

1853.

Князь Кауницъ и Жиди.

Кавка изъ осмого десятка мину-
шого шолѣшя.

(Пѣлла нѣмецкого.)

1.

(Продолженье.)

„Мажько“ — хотѣла панна Идвиса
щось замѣтити.

„Ша! нема але!“ крикнула велитъ съ
цѣлымъ напругомъ своего запасъ голосъ,
леы паннинѣ папланѣ загукати, „на тѣмъ
стало, и такъ вѣде! шіх! шкъ то тамъ
въ канцеларіи кажѣтъ. Нема апелациі анѣ
капитѣлациі! сакъ, такъ, лео — лео!
Годѣ! ша!“ Пѣдчасъ тон навала чужинец-
кихъ словъ пѣстнася велитъ на отвѣдъ,
шкъ колнемъ лажалъ са повтореного нападѣ
отъ зѣхуватон дѣвичины. Шкъ рѣкъ слово
зникала кѣдлати перѣка и сѣберомъ нована
вѣлака изъ комнаты, леы са незавлаки
швигти на протинѣ черезъ оулицю въ окри-
мѣй свѣтлицѣ пѣдѣ „чорнымъ арѣзомъ“,
гдѣ велитъ свѣдѣданья на нѣлькохъ зайдѣ-
лахъ вина и въ розличныхъ філософическихъ
и дипломатическихъ вѣсѣдахъ отправалять.

Но ледво велитъ пожевалъ са на дворѣ,
шкъ панна Идвиса мѣтила свою роботѣ въ
кѣтъ, и черезъ визчисленіи коридоры и за-
кѣтки повѣгла на пѣдсѣнѣ коло нѣхитѣ, гдѣ
Идрианъ Балдакъ завѣды еще плакалъ
и чѣботы шѣрѣвалъ.

Шкъ стѣй распѣла Идвиса своимъ
хорошомъ, молчаливомъ миломъ, всю рѣчь,
при тѣмъ завѣдомла его о нѣбстѣпномъ
оусловію отца, чимъ бѣдний Идрианъ такъ
овѣзтамилъ са, що еще далеко бѣльше
зарыдалъ а далеко меньше чѣботы чистнаъ.

„2000 зол. реньскихъ!“ завываъ чѣхлю-
чи са позабшъ.

„И такъ, 2000 зол. реньскихъ!“ по-
вторила Идвиса.

„И гдѣжъ ихъ взати?“

„Но, гдѣ хочешъ.“

„Прецѣ немогъ ихъ оукрасти.“

„Нѣтъ, но заробити.“

„И шажжъ?“

„Шкосъ аѣ въ рѣдѣмѣль.“

„И еще николиничъ нинадѣмалъ“, при-
мѣтила Идрианъ покрбно.

„Но за тобъ и бѣлши“, каикнула Идвиса
са съ обычною рѣшительностію.

„Ба, ты, — ты маешь розѣмъ!“

„Щѣвы зѣ того было, шкѣвмымъ и
просила княза о приватнѣ послѣдѣнѣ.“

„Нѣ, нѣ, нѣ!“ закричала ладный
чѣботаръ съ такимъ поспѣхомъ, шкого
по немъ нишими часами невидати было,
но изъ которого внимаючій-смотритѣль мѣт-
вы былъ постергчи, шо дѣрноватый И-
дрианъ нивылъ такъ крѣгомъ дѣракъ, шкѣ
вы кто съѣтъ дѣмалъ.

„Поставмо на лотерію“ сказала по
ухвали. —

„Въ гдѣжъ тамъ; комъ счастье въ любви, томъ несчастіе въ игръ.“

„Также намъ самѣ любовь несчаститъ са,“ завываъ Адріанъ.

„Что? ты зовещъ тое несчастіемъ, если и тебе люблю?“ крикнула оуражена Идвиса.

„Нѣтъ — и — и — хотѣла — сказать“ —

„Ты хотѣла ось сказать, що габпакамъ наибольше счастье спроче, но — то ставъ въ нма Боже на лотирію,“ засмѣлась Идвиса, оухопила своего несмѣлаго любчика за голову и цмокнула съ притискомъ его въ губы, потѣмъ оутѣкла и оставила вѣдного Адріана въ солодкій задумкѣ о томъ поцѣлованіи и съ его недочищенными чоботами самого. Адріанъ трошка ещи совѣ поплакалаъ и дочистилаъ чобѣтъ.

Затимчасомъ вѣантъ пѣдъ „чорнымъ дребзѣомъ“ свое снѣданье закончивши повернулася въ собесѣднїи свои дипломатичной и фїлософской великости, икъ и свои ѡтцѣвском поваги до свои ложи назадъ.

(Продолженіе снѣдв.)

Гризольда.

(Продолженіе.)

Междѣ тѣмъ оубывалае Маркизъ, шо сватае дочерь славного Графа Панагского, приготовлае велике торжество и — посыллае за Гризольдою. — „Скоро вѣде въ замкъ моя невѣста,“ говоритъ ей Бальтиеръ, „и желаю принати ю съ великою почестію. Ты знаешь, шо въ замкъ ни одна женщина, кромѣ тебе, не оумѣе оувирати покои и оустрои ти порадокъ, прилично великомъ торжествѣ. На тебе вкладаютъю оубазанность. Распоряди шо потреба вѣемъ: прикличь благовременно женщины, икихъ тобѣ оугодно, оугощай, принимай ихъ, икъ господина а потомъ — можешь повернѣти въ свою хижинѣ.“ Каждое слово, икъ остраа

игла, крѣсло чубствительное сердце Гризольды: во она не представала оеожати ни благодарного спрѣга. — „И на все готова,“ ѡтповѣла страдалница; и, въ сельскомъ рѣбнищи, прежна памѣ замкъ, начала оувирати покоѣ, розставлати по покодахъ крѣсла, розстилати коверы, приготовлати столъ и все, шо было потребно — икъ вѣдато бы она была простаа сѣбжинца или вѣлючница. Однимъ словомъ, она рѣкъ не оубстила, поки все не было оубкончено и роспорожено ѡтъ важной вещи до послѣдней подростности. Гостѣ позаподшѣвацо: все готсво, въ ожиданіи вѣселаго пира. И такъ настав днѣ свадьбы. Гризольда въ рѣбнищи, но съ лицемъ сколь можно веселымъ и привѣтливымъ, оугощав маѣхавшихъ женъ и дѣвицъ воарскихъ, икъ добра, домовита господина. Бальтиеръ тайно посыллае въ Болонію къ спрѣгѣ сврѣчки Графиръ Панагскон, оу которого въ домѣ воспитовалса его дѣти; призывае его въ замкъ свой съ тѣмъ, шобы ѡнъ и Графиня привезли съ собою дѣти его и множество гостей почетныхъ, но никомъ не оубывдали о его намѣрнію. Дочери Маркиза минѣло вылар дванадцать лѣтъ: она была красоты чубдисной, а шестилѣтний братъ ви походила на ню совиршенно. —

Графъ Панагскій, окрѣжанный величавною толпою гостей почетныхъ, съ силами прекрасными дѣтлами пѣстмаса въ пѣтъ и за кодыка днѣи привѣлаъ шастливо въ Главицо, гдѣ соврѣдилса вѣкъ жителѣ селъ и городѣвъ сосѣднихъ: вѣкъ оуждали съ нетерпѣніемъ нарѣчицион невѣсты.

Пріемна сала откромласа и невѣсты срѣтили съ чрезвычайными почестями и церемоніями. Гризольда вышла на срѣтъ и покланяючи са ей низко промовлаа: „Бытаемъ Васъ, Панѣ! „Иск гостѣ оупрашдали Маркиза, дабы оуалилаъ прежию женѣ, или,

по крайнѣй мѣрѣ, далъ ей приличное пла-
ты: Маркизъ не согласился.

Еъ сани погладали всѣ на невѣстѣ:
всѣ перевознесен ю пѣдъ небеса, а инни
шептали другъ другъ: Маркизъ нашъ сдѣ-
лалъ добрый замѣнъ! Бама Гривельда сто-
ла, шкъ очарована, и мимовольно при-
днелалася красеткѣ дѣвнцѣи малолѣтнего
брата, съ шкоюсь задѣмчивостію.

Наконецъ желаніа Маркиза были оу-
довлетвореніи въ полнѣй мѣрѣ. Онъ испы-
талъ всю силъ терпѣніа Гривельды; пе-
ресвѣдчилася, що нѣшкое испытаніе
не може поколебати сен великои дѣши; що
теперь може покладати въ ней всю надѣю
свою. Онъ рѣшилася облегчити тѣжки вре-
мя печали, которъ она силалася танти въ
глубинѣ сердца своего. Но проникательный
спрѣгъ легко ѡтгадѣвалъ ен терпѣніа на
ен лицн, и въ самѣмъ ен голосѣ. При всѣмъ
свераніи гостей велнтъ онъ ен приближи-
тиса и съ розчѣственннмъ сердцемъ по-
вторас: „Подсвѣлалася ли товѣ моя невѣ-
ста?“ — „Яхъ, шкъ не мае подобатиса,“
ѡтповѣла Гривельда, „и если она толькоже
благорозумна, кѣлько гожа, то бы въ-
дѣте найшастлишнмъ спрѣгомъ! Но . . .
оумолаю васъ, Пане, не оудрѣчайте ю
такъ шкъ прежню Башѣ жннъ: она не перенесъ
такнхъ мѣкъ. Прежня спрѣга Баша ѡтъ са-
мон юности была познакомаена съ терпѣніа-
ми, горѣмъ и трѣдами, а ты, бы сами видите,
шкъ еще молода и шкъ нѣжно выхувана.

(Конецъ сѣдѣе.)

С М Ъ Ш Н О С.

1.

Одинъ хрїстіанинъ идѣчи до словѣ-
ди завсѣгда вналъ свою спрѣгъ. На вопросъ,
чимъ тое дѣлае, ѡтповѣла: „Мнѣ много
трѣда столаебы овчисантн совѣсть за цѣ-

лнй рѣкъ, а вынвшн жннъ, она мнѣ при-
гадае всѣ мои беззаконіа“.

2.

Одинъ катихитъ не дѣже трудолюбннн
дѣбалъ тѣлько о похвалѣ, а не о пользѣ на-
внки для юностиа. Предъ испытѣмъ вы-
значилъ каждому оучнннкову едннъ во-
просъ, давы са хорошо навчнлъ; междѣ
ннннми подѣлалъ. „Исповѣданіе вѣры“
такъ, що каждый ннннн едннъ статію и-
мѣла на испытѣ оумѣтн. — Слѣчайно
пріѣхалъ тамъ Схоліархъ, и самъ желалъ
пересвѣдчнтн са о оупѣскѣ юностиа. При-
стѣпнвшн къ едному хлѣпцнву запытѣе го:
„Котора перваа статіа вѣры?“ Оучнннкъ
отповѣдае: „Свѣта ѡтъ свѣта и пр.“ Схѣ-
ліархъ каже съ начала говоритн „вѣрѣю;“
но оучнннкъ пальцемъ показѣе на другѣго,
и каже, що тамтой мае „вѣрѣю.“ — „Я ты
не вѣрншь въ Бога?“ вопрошае Схѣліархъ.
„Нѣтъ, то мѣнъ братъ — я „свѣта ѡтъ
свѣта“, отповѣла оучнннкъ. —

И. Н.

ЛЮБОВЬ.

Ой тамъ въ гаю,
Еъ жнта маю
Дѣвчннѣнка,
Ластѣвѣнѣнка
Очннѣками,
Зѣрннчкани
Засвнтала,
Промовалала:

„Гдѣ ты милннн,
„Чорнобрнвннн?
„Чомъ гайнѣшѣ
„Часъ марнѣшѣ?
„Покажн са,
„Окъзвн са
„Головѣю,
„Лнвѣдѣю!“

Зашумѣло,

Загудѣло,

Щось болкивало

И ширило:

„Дѣвичинько,

„Голубинько!

„Твоѣй миленькій

„Солодненькій

„Оужа въ неволѣ;

„И некрои

„Го не збачишь,

„Хоть заплачешь!”

„О неволѣ,

„Чорна долѣ!

„Ты свобода

„И выгода!!

„Коеъ ще нынѣ

„Въ сѣй годинѣ

„Можь влетѣти

„Въ твоѣи сѣты!

„Бо съ голубкомъ

„Моимъ любомъ

„Минѣ жити

„Яко гнити! ! !”

ЗЯГДАКЯ,

XIX.

Одна мати породила
Безъ есакомъ водовы,
И добгаа ма споднаа
Не зъ власнои оутробы,
Чежа мамка ма питасть
И власна и нелознасть.

(Розвѣдывае послѣдуе.)

Надгробное воспоминаніе.

Благородный Господинъ
ВИНКЕНТІЙ СЕРСАВІЙ.

Директора нескѣного пѣнія рѣскомъ престольнои Церкви
Перемыскон, Членъ товарищества мѣдичного Львовскаго, Оу-
читель пѣнія нескѣного при ц. к. вѣтшѣй Гумназин, при кѣр-
сѣ приготоваечо-оучительскѣомъ и въ заведенію оучительнѣи и

пѣнцѣкъ церковныхъ въ Перемышн; прѣстаниа еа отъ ед-
минныхъ въ вѣчнаа по недогѣи по тажкои недѣвѣ (тифѣсѣ)
принявши всѣ приготоваеніа ко вѣчнои жизни, которыми
надѣлае вѣрныхъ чадъ своихъ свѣтлаа Церковь, дна 12. Маа
1853 въ 52 рокѣ житя своего. — Родома ебѣа оупоконешиса
зъ Канницъ близъ Берна въ Морави и справокаа чинъ Ди-
рктора хѣовъ при Церквѣ Перемыскѣи 24 лѣтъ въ оудовола-
стѣю всѣхъ; на помноженіе хѣлаа Божѣи, создданіе вѣр-
ныхъ и поднесеніе ограда нашего. Томѣ многозаслуженомъ, отъ
всѣхъ любленомъ, отъ любительнѣи мѣзники и нескѣного пѣнія
почитаемомъ мѣзники и въ Христѣ Братѣ ебѣа:

Вѣчнаа Память!

Бібліографическіи извѣстія.

Галицка рѣска Матица въ Льво-
вѣ выдала подъ нисломъ 17 многополез-
нѣю книгъ: Житіе св. Великомучени-
ка Евстадіа, сочиненое Михаиломъ
Бородайквичемъ, оучителемъ школы
тривіаалнои въ селѣ Краснѣомъ на мѣстни-
чества Калѣскаго. Прочитавши тѣе дѣло
изъ 88 сторѣнъ въ 8 сѣстоацѣ, не можѣмъ
замѣчати нашѣи великою радѣсти, що Га-
лицка рѣска Матица, вѣрна своимъ
прѣстановленію позѣстаючи, оуспѣае са въ
чисто народнѣомъ лзыцѣ такѣи вакла-
дати славоисности влодѣ неврѣи оулаъ про-
свѣтити и сердце оублагородити воз-
могѣтъ. Мы крѣпко оуповаемъ, що по-
манѣтое дѣло шкѣ основателеи Матицѣ
въ полни задоволенѣи и ихъ до посрѣдочного
давана обѣтованныхъ датковѣ повѣдѣтъ,
такъ и многихъ нашихъ родимцѣвъ за-
хотѣтъ къ томѣ, абы чинѣннѣишимъ
прѣствлениемъ къ многонадѣнномъ за-
веденію Матицѣ еи средства оумножали и
тѣмъ подавали ей спѣсѣвнѣсть для народ-
ного просвѣщеніа чимъ разѣ болѣше дѣла-
ти прѣслѣтъ.

В. К.

БОРИКЪ

повѣстокъ, сказокъ, историческихъ воспоминаній, господарскихъ
и иныхъ общепользныхъ вѣстій и пр. и пр.

Ч. 24.

Вѣдень, субота 6. (18.) Юнія.

1853.

С. Іоаннъ ЕВАНГЕЛИСТЪ.

Галаилей море своѣмъ хребетъ сгинае,
Тамъ Сынъ Маріинъ берегомъ иде,
Рыбарей вѣдннхъ къ собѣ приканкае,
И сътъ небеснхъ въ рѣки подае.

Са Первозваннымъ и Петромъ въ покорѣ
Молодецъ красннй, якъ юна зора,
Съ Іаковомъ вратомъ оставль лодю въ мори
Срякалесь свѣта, — бере крестъ на са.

Знакомъ - ли вамъ сей Ангелъ въ людскѣмъ
тѣлѣ,
Послѣднюю Хрїстовымъ стопама? ...
Сосудъ избранный въ божественномъ дѣлѣ
Сынъ Себадеевъ, знакомый - ли вамъ? ...

Скала незломна подъ крестъ похлелена,
Бисеръ Хрїстовый, радость небесамъ,
Прїютъ, отрада матери аншена,
Бенъаминъ Маріинъ, — знакомый - ли вамъ?

Евїоннты Хрїста роздѣлають,
Колнеца церкви горознтъ-роздоръ;
До страстовидца старца засылають,
О грьдъ скатю ломае са оупоръ. —

Вѣтїи Исуса съ небесными крыла
Взлетѣвнй духомъ надъ земный обшаръ,
Минувнй облакъ и мешкана умаръ,
Свѣзды и солнце и ангелскн слмы,
Взвншїйсъ къ наудалъ и къ Слово въ наудалъ
Посланнхъ падшнмъ Адама сынама;

Орель, гнзденншїй на третнннѣи скалѣ,
Вѣстнтель Бога, — знакомый - ли вамъ? ..

Домїтіана вѣсмуе са гроза,
Олѣнхъ кипель готѣе сватыма;
Мхуеникъ зѣ вамъ, мовъ содица подоса,
Выходитъ свѣтлый, оудивлае Римъ. —

Солото унсте топлеме въ горннлѣ,
Нетлннна зора, незгаснма лубъ,
Рѣка прїемша тайны вѣкѣвъ каюуъ,
Отвораюуа вѣднннны крыла,

Огень топнѣшїй неугати зветѣта,
Страшннй сынъ грожа грозуїи вѣкамъ,
Трѣба послѣдннхъ, пророкъ судьбы свѣта,
Сказатель въ Патмѣ, — знакомый - ли вамъ?

Сацнла Церковь въ Азіи широко,
Въ тмѣ первовѣка згнелѣ їдолъ,
Истиннн зора взвнелѣе высока
Нетлнннои правды взноснтъ са престолъ.

Около Церкви тнхїи ангелъ ходнтъ,
То Хрїстовъ пастыръ стада стереже,
Любовъ стопами его опроводнтъ,
Любовъ му зѣ сердца, любовъ зѣ оустъ
плмне.

Въ старѣмъ Ефесѣ пастыръ зисмагае,
Но ещесъ нести велнтъ къ оуцѣма,
„Любѣтъ другъ друга!“ рекъ — и оумирае,
А любовъ сіа — знакома - ли вамъ? ...

.....ъ.

Князь Кауницъ и Жиди.

*Кавка изъ осмого десяшка мину-
шого сшолѣшя.*

(Подаа нѣмецкого.)

В.

(Продолженіе.)

Минѣло три дни. Было то зновѣ зъ рана, а гожиѣ Ядрианъ почистилъ свои чоботы. Четыри пары нхъ занѣсъ дѣже сокотанко на горѣ въ сватин притворы, гдѣ князь обиталъ. Князь во перемешкивалъ черезъ лѣто въ еднѣмъ воскетѣ въ огородѣ, который былъ вимелѣпно пристроенный, и которого бкна были дѣже старанно позапирани, во князь воалса свободного воздѣха такъ дѣже, що наветѣ идѣчи изъ статскон канцеларин малимъ огородцемъ минѣшион Белларин до Цѣсаревон, звыкъ былъ согѣ оуста затыкати хѣвстиною. Такъ само мѣскли и дѣри завѣды стоати запертї, шобы нигдѣ ани найменшого продѣвѣ не почѣтити, прото Ядрианъ вѣтѣпалъ шкъ помежи шйца въ воскетѣ, кождѣ дѣверъ за собою сокотанко запираючи, и по бкнахъ остро погладаючи, ци гдѣ котре не стоало отворомъ. —

Завѣлисьмо спѣмнѣти еднѣ важнѣ рѣчь, а то, шо изъ тихъ четырёхъ паръ чобѣтъ, котрин Ядрианъ нѣсъ, было три пары черевикѣвъ, назначеныхъ до всевѣтѣйшого оужиткѣ Его Сїательства самого.

Ядрианъ понѣсъ тако свои черевики и чоботы черезъ многїи свѣтлицѣ, ажъ пришолъ до одныхъ дѣверїи, въ котрин скромненько толкнѣлъ.

Дѣри сѣ отчинили - доусмѣхливое, хитров лице старого Францѣза поменялса.

Былъ то Монсье Жанъ, поковецъ княза. Чоботохарникъ склонилъ сѣ низинько передъ всеможнимъ старѣйшиною народа слѣжацкого. —

„Понжѣръ!“ мрѣкнѣлъ носомъ поковецъ, „приносишь оуже черевики?“

„Принѣшъ!“ промовилъ несмѣло Ядрианъ склонивши сѣ повторно.

„Добрыѣ зъ тебе хлопакъ, Ядрианъ.“

Ядрианъ глнпнѣлъ на него оудивленный; така промова ѣтъ всеможного была очевидно вѣтѣпомъ до чогось важнѣйшого.

„Иѣ знаю, ты бышь ми радо зрѣвилъ прислѣвѣ“, продолжалъ Монсье Жанъ.

Ядрианъ вытрѣщилъ очи кѣлько лишь мѣгъ; во то перевышшало его понѣтливѣсть, чогось то всеможнѣ камердинеръ ѣтъ него, вѣдного чоботохарника, мѣгъ желати. На хѣвлю блыскѣла мѣ гадка черезъ лѣвѣ, шо може старѣй французскїи грѣшникъ зажадае ѣтъ него формального ѣтѣтѣвѣ его любки, и рѣшилса былъ въ тѣмъ емѣ тѣрѣдо ѣтрѣчи, хочѣ бы мѣ приншло и посадѣ чоботохарника потерати.

На шастѣе не приншло до того.

„Но, зрѣвишь?“ запыталъ Францѣзъ дальше. —

„Зрѣвлю“, шепнѣлъ Ядрианъ зновѣ.

„Слѣхай же; мы вѣчера троха пѣстаковалисьмо“ — (монсье Жанъ говорилъ, шкъ потѣтати, о согѣ въ числѣ множественнѣмъ) сѣповалисьмо оу спѣвачки мадмозелѣ Фриканъ; были тамъ прѣхорошин дѣмозельки зѣ балетѣ, — хорошин дамы, — хорошин шампаны, — хороша конверсациа!“ —

Францѣзъ цмокалъ при тѣмъ оустами, Ядрианъ вѣдивилъ сѣ въ него; ѣнѣ, ѣтколн живѣ, анѣ дамѣ не видѣлъ, анѣ шампана не пилъ, анѣ конверсацин нечѣлъ.

„Mais (но),“ лепѣталъ Францѣзъ дальше, „змѣчилъема сѣ забавою, и чѣю шось mal à la tête, голова болитъ; вѣцѣмъ то ш троха за много пилъ лѣо за много — говорилъ. Сїательство оуже вѣтали, сѣтъ оуѣранї; сѣдатъ въ своемъ фотѣли и

позѣваютъ, може читають гдѣщо, може подрѣмбуютъ собѣ еще потрошки. До одинадсатон години не кличутъ николи, мѡгкымъ зрѡбити собѣ un peu sommeil, трошки са проспати ажъ до трѣхъ чвѣртій на одинадсатѣ. Повѣмъ — ли тоѣ комѣ, то за пѡлъ години будѣ знати о тѡмъ весь готель. *Plais-tu, mon petit Adrien,* зъ тебе добрый хлопецъ, ты мало шо знаешь — „Всѣма ничъ,” втрѣтилъ Адрианъ.

„*Tant mieux,* тѣмъ лѣпше, оусадишь собѣ тѣтъ, и посѣдишь, ажъ поки я не прийдѣ. Лишь тихонько заховайса. Егѡ часѣ никто неприходитъ; Егѡ Сіатильство о сій порѣ не дають послѣхана никомѣ, *mais,* слезы кто приншолъ то закличишь ма изъ мѡви шамберы *excepté,* хибавы приншолъ шкій жидъ; того можышь заразъ вытрѣтити. Сіатильство не трѡпати жидѡвъ; сѣтъ влѣзаней, хотатъ еманципаціи, всѣхъ прѣжинъ оупотребляють, разъ вразъ лазятъ до князя, томѣ то далъ великіе жадного оуже бѡльше не влѣстити. — Понмалъ?” —

„Понмалъ,” сказалъ Адрианъ.

„*Eh bien,* знаешь тепѣрь шо дѣлати мавшь. Справнишь ли са добре, полѡчишь таллара.

Адрианови очи са засвѣтили. Талларъ — была то оуже тысячна часть жаданон ѡтъ воротаря сѣммы — тожь оуже початкомъ до его щаста.

„*Adieu mon enfant,*” сказалъ покобвиць, попласкалъ егѡ по лицу и выншолъ пласачкомъ за двери.

Адрианъ осталъ са самъ. —

Шкосъ днено мѣ са дѣмало коло сердца. Онъ, вѣдныи чоботохарникъ, столмъ въ передѣстикѣ князя, шкъ егѡ вѣспосредствинна прибочна стражь — лайнегарда — а тамъ дальше вѣнтрѣ сѣдѣлъ овый сильномочникъ, на которого смѡтрѣли очи цѣлон Еуропы, предводитель дѣламъ стат-

скимъ; лишь одни двери перѣгородѡю были мѣжи нимъ а тимъ мѣжемъ историческон славы.

И нѣжь, шкъ бы тин двери отворилса и князь вѣстѣналъ?

Кровь стала са емѣ въ жилахъ на тѣю мысль. —

На щастѣ двери са не отворили, а шкъ то человекъ мало по малѣ до всего привкаб, такъ и чоботохарникъ освоилъ са съ своимъ положеньемъ. Зъ разѣ столмъ шкъ бы прилѣпленный до паркетѡвъ, потомъ осмѣаналъ са постѣпити зъ мѣстца и пристѣпити до крѣсла обѣного бархатомъ (аксамитомъ), въ конецъ ѡтжажнл са навѣтъ на тоѣ крѣсло сѣсти и цѣкаво тажкимъ опонамъ и величѣпнымъ образамъ передпокою пригладати са.

Гризельда.

(Конецъ.)

Кальтиеръ оузналъ съ радостію, шо Гризельда находилса въ обманѣ и незмѣнила са въ добротѣ сердца анѣ крѡхты, посѣнлв крѣсло и посадилъ ю была себе. Она затрепетала.

„Гризельдо” — сказалъ Маркизь, по короткомъ молчанію, „пора тоѣ обратити плоды терпѣнїа твоего; пора ѡткрыти очи тѣмъ, котрин дѣмали, шо я жестокий и несправедливъ. И достигъ мѡви цѣли; я навчилъ тебе носити тажкий крѣстъ свѣрѣжества и выти во всемъ примѣрною женою: пѡдданныхъ монухъ навчилъ я поважати твои рѣдкїи свойства, и ненарѡшати нашѡго спокою. То все цѣль монухъ испытанїи. Въ нагородѣ за любовь твою, котрѡю ты мнѣ доказала и словомъ и дѣломъ, неощѣнннмъ Гризельдо! въ нагородѣ за щастливѡе, котрого ты была и будишь единственною причинного, я ѡтдаю все, шомъ тоѣ забрала, и всѣ раны сердца однимъ словомъ исцѣлаю на вѣки. Ердчаю тѣ; ко-

торю ты называла моею невѣстою, врѣчаю брата си... они твои — они дѣти наши, а ты снова твой сѣпрѣгъ, найщастливѣшій изъ смертныхъ!"

Маркизъ, обналъ ю съ восхрищеніемъ цѣловалъ съ необыкновенною нѣжностію, и розчѣственнѣю, оутопляющю въ слезахъ, повелъ къ оудивленнѣй дочери: всѣ были въ задѣманю неописаннѣмъ. Женщины въ радости подѣхвятили Гризельдѣ подѣ рѣки и повели въ осовеннѣ комнатѣ, смали рѣвище, надѣли великолѣпнѣи одѣнѣи и торжественно впроваднѣи въ салю.

Началса пиръ веселѣи всѣ были въ радости, каждый выхвалалъ Маркиза, называлъ го мудрымъ, проницательнымъ, а Гризельдѣ надѣ некеса превозносили. Наконецъ и гостѣ розѣхуалиса. Послали за бѣднымъ Іѣнникомъ. Онъ былъ принатъ въ замкъ съ почестями и оубажніемъ, шкъ тестъ богатого владѣтеля, и въ обѣтѣиахъ дочери своени кончнаѣ шастливѣю старѣсть. Маркизъ не переставалъ обожати свою Гризельдѣ и былъ найщастливѣшій сѣпрѣгъ и отецъ во всей Італіи.

Теперь вы согласитесали съ мною, дрѣзи мои, що въ хижинѣ мы частше срѣтаемъ невеснѣи дарованіа, то есть: добродѣтели, честнѣсть и терпѣливѣсть, нежели въ палатахъ и теремахъ великолѣпныхъ. Часто въ сердцахъ тантса той, кто бы достоинѣ былъ сіати въ бласкѣ и повелѣвати людемъ; а въ палатахъ — — — но оставмо тое! Запытѣю толькѣ, кто срѣвналса въ терпѣнню съ Гризельдою? Кто, подѣбно ей, перенесъ съ лицемъ спокойнымъ, ба веселымъ, жесточайшѣи, неслышаннѣи испытаніа, шкимъ поддалалъ ю недовѣрчивѣи сѣпрѣгъ Балтиеръ? —

Надъ колыскою.

Засвѣтала намъ зоренька,
Лѣпнѣтъ са до снѣ оченъка —
Заснижь, заснижь дѣтинѣонъко
Заснижь, заснижь ластѣвонъко...

Бо обачитѣ та зоренька
Краснѣи, шснѣи тѣ оченъка —
Заснижь, заснижь

И оукраде та зоренька
Краснѣи, шснѣи тѣ оченъка —
Заснижь, заснижь

Поки свѣтитѣ та зоренька
Най не бластатѣ тѣ оченъка —
Заснижь, заснижь

Іѣкъ яогаснѣ та зоренька
Най засвѣтатѣ тѣ оченъка —
Заснижь, заснижь

И най свѣтатѣ тѣ оченъка
Ще краснѣише шкъ зоренька —
Заснижь, заснижь дѣтинѣонъко,
Заснижь, заснижь ластѣвонъко.

* * *
Оужа заснѣла дѣтинѣонъка,
Найже спитѣ си голѣвонъка —
Най са ей снитѣ все краснѣнъке,
Най са ей снитѣ солодѣнъке.

Іѣ ты зоре и мѣсачкѣ
Не ездѣтъ се пеленаткѣ,
Най спитѣ оно совѣ мило,
Ковѣ все добре мѣ са снѣло.

В. К.

З Я Г Я Д К Я.

XX.

Въ которомъ мѣсаци наимѣнше люди и скоты ѣдятъ?
(Розвяванъе послѣдуе.)

Р О З В А З Д А Н Ё

Загадки XIX. въ Ч. 23 Георгинка: Кура изъ чужаго яйца

СБОРНИКЪ

повѣстокъ, сказокъ, историческихъ воспоминаній, господарскихъ
и иныхъ общепользныхъ вѣстій и пр. и пр.

Ч. 25.

Вѣдень, субота 13. (25.) Юнія.

1853.

С Л О В О

держане до сельскихъ прихожанъ
при завозваню до складокъ на велико-
лбный Храмъ Божій будоваша ся маю-
чий въ Вѣдни, яко памятникъ чудесного
спасенія Всемилоствивѣйшого
Цѣсаря нашего.

Велики, мръзке и не слышани злочинство, на которого сгадкѣ оужасъ перенмае, стало сѣ въ Австрій.

Невѣспеченство дороцѣнного житія найдобротливѣшого Отца Отчества нашего, всемилоствивѣйшого Цѣсаря Францъ Иосифа намъ грозило, невѣспеченство и нищастыя велики для 37 милліонѣвъ вѣрныхъ пѣдданныхъ австрійскихъ, згѣбени нищастыя тое для цѣлого отчества нашего, для всен Австрій и для сѣсѣдныхъ державъ, нищастыя для всен Европы не далеко насъ было.

Но Богъ богатъ смъ въ милости (Ефес. 2, 4) вѣдшій надъ своимъ помазаннымъ, надъ вогохраненнымъ Цѣсаремъ нашимъ, надъ отчествомъ, надъ нами всѣми въ общи, и надъ каждымъ зъ насъ въ особености, открывалъ ътъ всѣхъ насъ тое велики нищастыя, сохранилъ намъ найдорожше житіе нашего вселюбезнѣйшого Монарха, и возвеселилъ насъ совершеннымъ здоровіемъ вселюбезнѣйшого Владѣтеля и всемилоствивѣйшого Цѣсаря нашего Францъ Иосифа. —

Въ церквахъ благословите Господа, (Псал. 67, 27), вѣди имѣ Господне благословенно ътъ нынѣ и до вѣка, (Псал. 112, 2), яко спасла Царя и отчество десница Его, и ътъ оужасного нищаста сохранила. —

Незабываймо Бога спасающего насъ, сѣтворивѣшого велика (Псал. 105, 21), найниколи не вѣде забвѣни причѣдне спасеніе возлюбленнѣйшого нашего Цѣсаря, передаймо е благодарнѣй памяти ътъ рода въ родъ. — ътъ первоцѣкѣвъ въ хвалѣ и благодареніе Бога за великии благодаренія Его, ставили памятники, столпы, кресты, олтарѣ и храмы Божіи. Найдостойнѣйшимъ памятникомъ предивной милости Божон въ спасенію Цѣсаря нашего вѣде храмъ великолѣпный и величественный, воздвигнѣти сѣ маючий въ первопрестольномъ городѣ спѣльного нашего отчества, въ Вѣдни!

Оже то, що доистно сѣрдце каждого отчестволюбного, престолѣ Его ц. к. Апостольского Величества вѣрного и преданного жителя Австрійской Державы желало, въ житіе приводитъ Его ц. к. Высочество пресвѣтлѣйшій Господинъ Архикназь Фердинандъ Максъ, — братъ Его ц. к. Апостольского Величества, изъясляючи намъ свою великодѣшнѣ и благороднѣ мысль, авы въ знакъ общон радости и благодарности за цѣстливѣ спасеніе дороцѣнной жизни всемилоствивѣйшого Цѣсаря

нашого, создати паматникъ свѣдѣтельствующій о нашомъ богоговѣнію, приклонности къ Цѣсарю и истинномъ отечестволюбію, абы въ вѣдніи создати величественнѣйшій и прекраснѣйшій храмъ имени Господа.

Дѣло то велике, занеже не человекъ, но Богъ творится зданіе, (1 Параліп. 29, 1) великого тревѣвѣ иждивенія, але и благодарности, богоговѣніе, любовь, почтеніе и приданность къ престолу и отечестволюбію велики по́дданныхъ австрійскихъ, есть порокою, що соединеными силами всѣхъ отечестволюбныхъ богоговѣнна сіа мысль засіае свѣтлымъ блескомъ причѣдно великолѣпного храма Божого. Кожда хотъ бы наименша о́фѣра къ той цѣли на жертвенникъ отечества принесена мило бѣде пріата, а такъ кождый при доброй воли може имѣти оучастіе въ томъ великомъ спасительномъ дѣлѣ, всегда бо знайдѣ шо подати той, которомъ добре хотѣніе не оскѣдѣваетъ, (повѣдавъ С. Левъ въ бесѣдѣ о явленію Господномъ.) —

Не опѣскайможь поводъ того до изъясненія дѣйствительно нашон благодарности къ Богъ за спасеніе Цѣсара нашего, не опѣскаймо поводъ до изъясненія нашон сердечной о́тданности и любви къ всемлостивѣйшомъ нашомъ Цѣсарю, о́тъ праведныхъ нашихъ трудѣвъ почитѣмъ Господа, (Притч 3, 9); не скѣпѣмъ нашихъ возданій на дѣло благоползие, на сватый храмъ, где непрестанно молитвы и жертвы за спасеніе Цѣсара и людій его приносяти са бѣдѣтъ, а бѣдіа праведнѣйшій, предъ которого престоломъ и чаша стѣденои воды не погубитъ мзды своеа, (Матѣ, 10, 42) иже, воздасть комѣждо по дѣнію его, (Матѣ. 16, 27) доброухотнн нашнн приносяти нагородитъ сторицею. Очи Господни на любящихъ его, (Мал. 3, 16) милость и благодать Кожда бѣде всегда съ чадми

любящими Отца своего, съ по́дданными приклонными Цѣсарю своему, благословящн Господа и любящн благолѣпіе дому Его не постыдѣтъ са во вѣки, за подданія довременнаа воспріймѣтъ вѣчнаа. —

Призри Господи на молитвы и благодаренія нашнн за предивне спасеніе и совершенне здоровіе Цѣсара нашего, прійми жертвы нашнн въ коню благоуханія духовного, сохрани всемлостивѣйшого Цѣсара нашего Францъ Иосифа въ здоровію и благоползчію въ многамъ лѣтѣ, и поблагослови намѣренію нашомъ, создати Твое вѣ храмъ, въ немже превозносити са бѣде имя Твое въ вѣки! Яминь. —

Ю. Г.

Князь Кауницъ и Жида.

Казка изъ осмого десяшка минушого столѣтія.

(Пѣданъ нѣмецкого.)

Ж.

(Продолженіе.)

Тихонькій шестѣть сполошилъ его такъ по оупамѣкъ четверти години. Адрианъ князь са и оузрѣлъ двѣрми, кѣда вышшеаъ Моисе Жанъ, входолаго мѣжчннн, которого величнность показовала быти приналежникомъ ового влѣзавого племени, противъ котромъ князь выдалъ такъ тверднн влѣкннн.

Мѣжчнна той малъ такъ коло патъ-десати лѣтъ, его чорный шкъ оугола волосъ сѣрѣлъ са оуже мѣстцями, его оубѣръ былъ чорный, хороній, но безъ вымысла. Голова покрывала маленька вѣрхатна шмѣрка, во капелюхъ держалъ скромненько по́дъ лахою. Тѣпъ голозы самон былъ то овъ красный восточный, который людъ вожій задержалъ о́тъ своего скитанія са по пѣстынахъ Еврійскихъ. Долга, чорна борода, жарне око, истрѣвачій нѣсъ,

жолтоцвѣтѣ лицѣ вѣстриан жидѣ; а же той жидѣ былъ богатый, давали доказъ бриллантовн спинки въ жавотѣ, сребернн пражки на червникахъ и блыстаючн перстнѣ на палцахъ. —

Паматаючи на даный мѣ отъ Монса Жана приказъ, пристѣпилъ Адрианъ до Жидѣ, вытагнѣлъ са въ горѣ шкъ долгнн и зашептааъ грозно: „Вонъ!“

По той мѣрѣ, шкъ любчикъ Идвисѣ тагнѣлъ са въ горѣ, жидѣ все що разъ бѣльше са кѣлнлъ, и такъ нязко похнлнла са, що ледво головою землѣ не досагалъ, прнтѣмъ говорнлъ тихнмъ лагѣднымъ голосомъ: „Ий, гѣрстѣ, паничѣ, що Басъ нагрѣло, казати „вонъ“ вѣдномъ старѣшковн; который богомъ а правдою мѣгевы выти вашнмъ отцамъ?“

„Махай! вонъ!“ повторнлъ Адрианъ шпрнмъ оупоромъ чоботохарника.

„Махай! чомѣ махай? що то вонъ? На що мнѣ вонъ, коли и хочѣ сюда.“

„Не бѣльно жадномъ жидовн до Его Снмтельства“. —

„Ий! Таже бо и не хочѣ до Его Снмтельства, хочѣ лншь до пана Камердннера Его Снмтельства, Монса Жана, мого сѣрдечного прнмтѣла.“

„А то що иншого“ сказалаъ Адрианъ чѣхуючн са позавшъ, „камердннеръ не запретнлъ, жидѣвъ до него впѣскати, но ѡнъ спнтъ, маюжь его зѣднтн?“

„Нѣ, на що? недѣлайте того, паничѣ, малн дѣтн и великн паны не дають собѣ ничъ говоритн, скоро нхъ са зѣднтъ изъ снѣ. Отъ мы собѣ лѣпше трошка повѣстѣдѣемъ, если паничева ласка. Не маю чѣстн Басъ знати; певно новнй камердннеръ?“

„Нѣтъ“, отрѣкъ Адрианъ самосѣдѣомъ, „и есмь лншь княжескнмъ чоботохарнкомъ, и застѣпаю на теперь лншь мѣстце покоевца. —

„Ига!“ оусмѣхнѣлъ са жидѣ, „а и есмь Пронъ Снсгаймѣръ гѣртѣвннкъ“.

„Мнллонеръ“, процѣднлъ Адрианъ скрѣзь сѣвы и склоннлъ са нвачкн, бо то тажеко оувѣрнтн, шкъ то человекн чннтъ крчнлымъ, скороса той оувнднтъ передъ мнллонеромъ, навѣтъ хочѣ бы са было княжескнмъ чоботохарнкомъ и мѣстодержцемъ княжеского камердннера.

„А такъ, Богъ ѡтцѣвъ моухъ подарнлъ менѣ такъ кѣлькома мнллонкамн.“

„Кѣлькома мнллонкамн!“ процѣднлъ Адрианъ опать, „кѣлька мнллонѣвъ! а и былъ былъ шастанѣвъ двома тысячамн рннскнхъ.“

Жидѣ нацѣрнлъ оуха, шкъ кѣнь въ радѣ военнѣмъ на зѣвкъ тѣшѣ.

„Гм!“ сказалаъ, „2000 рннскнхъ, великн грошн, дѣже великн; но сан нде ѡ тебе, абы сдѣлатн шастанѣвымъ кого, та чомѣжа вымъ не малъ нхъ дати; дѣже радо.“ —

„Икъ? що?“ прогнкнѣлъ Адрианъ трнцнцю. —

„Лншь той самыи человекъ мѣскѣль бы мнѣ зновъ навзаннмъ зрѣвнтн прнслѣжкѣ.“ —

Адрианъ зжасъ са; прншли бо мѣ на гадкѣ ѡвн розповѣдки ѡ хрнстнанскѣй кровн, которон нѣвы то жидн на своѣй пайсахъ потребвють, и емѣ доистно вндѣло са, що панъ Паронъ забавъ червонон краскн плывнчон въ его жилахъ; но вѣдѣчн готовымъ за свою Идвнсю дати всю кровь своего сѣрдца, рѣшнла са такожь зъ кѣлька сайдѣкѣвъ тон ѡтстѣпнтн жидовн, и сказалаъ дѣже несмѣло:

„А въ чѣмъ же состоитъ тотѣ прнслѣга, которого жадалобьса ѡтъ того человекѣ?“ —

„Той самыи человекѣчокъ“, ѡтрѣкъ жидѣ, „малъ бы шѣсь дѣже легкого сдѣлатн; емѣ

лишь вкннн тамъ до Его Сіятельства кня-
за Кавница, и звѣстити до послухана
банкіра Парона Снсгаймера.”

Адрианъ перепѣдалъ са такъ дѣже, що
цѣлымъ тѣломъ попалъ въ дрожь; е мѣ
бы тамъ входити, емѣ съ княземъ го-
ворити! Онъ бы малъ протнѣвъ выразного
заказѣ емѣ жнда звѣстити! Паднѣйше бы
было емѣ, снмѣ панъ Паронъ зажадалъ былъ
всн его крвн. Но зъ дрѣгон стороны мѣгъ
одннмъ разомъ заревнтн 2000 зр. а
тнмъ дѣстатн н Пдвнсю! Цнжъ не треба
тѣ было цѣлакомъ одѣрѣтн, особнлнѣ сн
н такъ, шо до востровнмъ, ѳтъ природы
было са такъ скѣдо обдаренымъ, шкъ чо-
ботохарннкъ н мѣстодржцѣ камердннера
кнза Кавннца.

„Не може вытн тое отнюдъ,” выдо-
вѣлъ на концѣ изъ грѣдн съ велнкнмъ на-
пращннѣмъ.

„Я чомѣжъ нѣ?” промовнлъ жндъ пѣд-
лнзно намовлаючи. „Чомѣ нѣ? Цнжъ то
вѣтъ рѣчь такъ дѣже велнка, чога желая?
Послуханнѣ оу Кнза, которнй шо тыжд-
на дае нхъ по патъдсатъ, по сто, небѣль-
ше. И цожъ бы зъ того было? цн то н
хочѣ его Сіятельство спннатн? Нѣтъ —
воронн Боже! Нѣтъ, н емѣ лншь хочѣ
сказатн однѣ сѣнковѣ слѣвцѣ, не бѣль-
ше! Я за тое одно слово, даю н Вамъ 2000
рѣнскнхъ”. —

„Не можно!” застогналъ Адрианъ, шк-
вы прндѣшннй. —

(Продолженіе слѣдѣе.)

П р о сь б а.

Розвндѣтъ са чорнн тѣчн
Та най бѣде красно,
Заблнстайте лѣннн лѣчн
Та най бѣде шсно;

Явы въ ночн мѣй млнлннкнй
Малъ добрѣ дорогѣ,
Яжъ не дѣнде солодѣннкнй
Къ моемѣ порогѣ. . . .

Потѣмъ гѣдѣтъ, потѣмъ грайтѣ
Кѣлькѣ снлъ вамъ стане,

Мон хаты не мннйтѣ

Яжъ сонце загланѣ;

Бы раненькѣ мѣй млнлннкнй

Малъ добрѣ дорогѣ,

Шкъ зновѣ выйдѣ солодѣннкнй

Изъ мого порогѣ. . . .

Я н бѣдѣ вамъ до смертн

Тое памататн,

Шкъ пойдѣте въ перевѣрты

Бѣдѣ вамъ спѣватн:

Гѣдѣтъ тѣчн чорноокнй,

Беснло нграйтѣ,

Шѣмѣтъ совѣ на вѣѣ боки,

До кола гѣлайтѣ.

В. К.

З И Г Л А Д К Я.

XXI.

Есн всмѣдъ а дома

Хотѣ гдѣ покернѣса,

Бо дѣмъ мой со мною

Безъ него не гнѣса,

(Розвязаннѣ послѣдуѣ.)

Л О Г О Г Р И Ф Ъ.

13.

Ова то вѣтъ втораа часть,

Раздѣан на перѣ

Нѣчто цѣло, хотѣ н одно

Бѣдѣтъ матн мѣрѣѣ

Можнш ю кропомъ парнтн,

Ходѣѣ нню кормнтн.

(Розвязаннѣ послѣдуѣ.)

Р о з в я з а н ь е

Загадки XX. къ Ч. 24 Сборника: Въ Фѣбруарѣ; бо
онъ лншь 28 днѣн числнтѣ.

СБОРНИКЪ

повѣстокъ, сказокъ, историческихъ воспоминаній, господарскихъ
и иныхъ общепользныхъ вѣстій и пр. и пр.

Ч. 26.

Вѣдень, субота 20. Юня. (2. Юля.)

1853.

За душу помершого въ Вѣднѣ
Франца С. Гр. Стадіона,

*бывшого Губернашора Галичины и пр. бшправлено дня 17 Червця въ Церковъ Штавро-
пигійской въ Львовѣ жалобное богослуженіе и роздавано слѣдующій стихъ во память
усопшого сочиненій:*

Сѣмню надъ Днѣстромъ и надъ Днѣпромъ,

Мѣтно протекаеть Гань и Бѣгъ,

Оудеглась печаль надъ нашимъ краемъ:

Ихъ, во Рѣсѣ искреннѣйшій Дрѣгъ

Не живеть оуже — тамъ надъ Днѣпромъ!

Онъ переселился въ жизнь дрѣгью,

Претерпѣвши долголѣтній боль,

Съ трудомъ прошедши пѣть земнью;

Отъигравши многоважнѣ роль,

Онъ переселился въ жизнь дрѣгью!

Ихъ, мы знаемъ, братья! сколь прилѣжно

Для добра людей онъ работалъ,

И сколь пламенно любилъ, сколь нѣжно

Иустрїи единства идеалъ,

Сколь трудился онъ для шїи прилѣжно!

И се знаемъ, что за жертвованье

Силъ своихъ отчизнѣ тѣземной

Подачилъ въ награду здѣсь: страданье,

Нѣмошь, — клеветѣ толпы слѣпон —

За всѣхъ силъ своихъ пожертвованье!

Но оу благородныхъ и достойныхъ

Бѣ всѣхъ пребдетъ память дѣла его,

Слава имени и многознойныхъ

Предпрїатїи житїа всего

Бѣ вѣкъ пребдетъ оу племянь достойныхъ!

Паче всѣхъ оу Рѣсїновъ останеть

Имя славное его сватымъ,

Хоть одно, дрѣговъ памяа сванеть,

Хоть и мы въ свой часъ пойдѣмъ за шїю

Но въ правнѣкахъ нашихъ онъ оставеть!

Я оу Бога онъ нашель оуже нынѣ

Бѣчнѣ жизнь, блаженство и прїютїе

Во небеномъ краѣ, во сватынкѣ,

Гдѣ избранни Вышняго живеть:

Тамъ и онъ за насъ молитса нынѣ!

Богданъ А. Д.

Князь Кауницъ и Жидъ.

*Кавка изъ осмого десяшка минуво-
шого шолѣшія.*

(Пѣдла нѣмѣцкаго.)

Ф.

(Продолженіе.)

„Подумайте - но Башецъ, 2000
рѣнскихъ лишь за одно слово!”

„О Божежь мѣй, Боже!” кликнулъ Ад-
рианъ на голосъ, забывшиса, гдѣ былъ.
„2000 рѣнскихъ лишь за одно слово! И
моя Идвиса моглабысьмо быти щастли-
выми! Но колижь бо то не можно, ай не
можно!” —

Послѣдніи слова выкричалъ Адрианъ въ
помѣшаню такъ голосно, що навѣтъ не чѣлъ,
икъ за нимъ двери ѡтъ кабинетѣ князя
отворилъ са, и князь самъ сталъ на по-
розѣ. —

Кауницъ малъ оуже тогда коло сѣмь-
дсати лѣтъ, былъ середного, вѣльшичко-
ватого зростѣ, дѣже жиластый и дѣже хѣ-
дый, его барва тѣла бѣла, и такъ мало
прирѣманена, икъ того при цѣлаковитѣмъ
оуклопеню са ѡтъ свободного вѣдѣуха и
невѣжаню частѣйшого движеня са лишь
ожидати належало. Чоло его было мало лѣ-
ковате, очи красніи, голубѣи, кабѣлковатый
нѣсъ, и сорозмѣрно оукложеній гѣвы. Пѣдбо-
родокъ выставалъ троуха на передѣ, всѣ
черты лица были подолговатіи, были одна-
кожь дѣже выдатніи а око полное выразѣ,
если на икѣмъ предметѣ спочило съ совѣчас-
тѣвмъ, що однакожь рѣдко са случало, бо
ѡнъ погладалъ, икъ Карль V., наибѣльше
недвижимо передѣ себе лево въ горѣ.

Его одѣжаніе было дѣже простого крою
и безъ вымысла, носилъ — и то постоли-
но, чорніи ногавицѣ и панчохи, и золотіи
пращки на черевикахъ. Его верхнимъ одѣ-
жаніемъ въ тѣй хвилѣ былъ богатый широ-
кій халатъ; чѣдна была его перѣка, котра

то сюда то тѣда висѣла черезъ чоло, лѣвы
старанно покрыти всакій морщокъ. Ген хвилѣ
перѣка не была ещѣ пѣдрована, бо ажъ тогда,
икъ малъ выѣздити, звыкъ былъ по ком-
натѣ наполненѣй цѣлакомъ пыломъ пѣдро-
вымъ прохѣжѣвати са, шобы са пѣдѣръ на
всѣхъ частѣхъ перѣки рѣвно остѣлъ.

Адрианъ князя ещѣ николи невидалъ,
но изъ неслышанно глѣбокого поклона жид
пѣзналъ, шо ктось за плечима его мѣситъ
стоати. Овернулъ са прѣто, а оузрѣвши
князя тихѣ и поважно въ дверѣхъ сто-
чогр, прѣлъ на крѣна, и похиланши голо-
вѣ, дрожачи на цѣлѣмъ тѣлѣ лежалъ на
колѣнкахъ полѣмертвѣй.

Жидъ постѣпилъ въ задѣ до дверѣй
входовыхъ, и столѣ тамъ согнѣвшиса
икъбы складаній ножикъ, который тѣй тѣй
мѣ въ черенка клапнѣти.

Напрѣтивъ тихъ обохъ покорныхъ
фѣйѣръ столѣ князь выпрѣстованій икъ
поставникъ, и чѣхалъ оуказательнымъ
пальцемъ лѣвое ноздрѣ.

Стала тишина.

„Но!” кликнулъ на конецъ князь.

На тое „Но” возрѣлъ Адрианъ не смѣло
въ горѣ и оувидѣлъ, икъ емѣ князь рѣ-
кою манѣлъ ити за нимъ до кабинетѣ.

Адрианъ выдивилъ са на него икъ на
чѣдовици. —

„Но, то ходи Башецъ сюда. крѣтине!”
кликнулъ князь негодѣла.

Адрианъ почѣлъ, хотѣ лѣдово не омѣ-
валъ, шо томѣ велѣнію треба конче повин-
вати са; лишь забѣлъ встати, и сѣнулъ
са, такъ икъ былъ на колѣнкахъ, за кня-
земъ до кабинетѣ, который на жидѣ анѣ
главѣвши до кабинетѣ назадѣ встѣпилъ.

„Запри дверь,” повелѣлъ князь, и ле-
жачи на колѣнкахъ сѣгнулъ Адрианъ поза
себе, и исполнилъ велѣніе.

Глади, цювы въ пнахъ завсѣгда мно-
го мѹху было. —

Шко тростинною са не подъпрешь, такъ
съ анхнами оуліамн не далеко зайдшь.

Старайса о оулікѣ тепай и до числа мѹ-
хн отвѣтном великости. —

Оубажай пильно на полеть пѹль, да-
вись скоро оузналъ, чи матка не згинѹла,
аво чи чѹжа мѹха не нападае.

Въ пасѣцѣ най бѹде чисто, выстрога-
но, и пѣскомъ насыпано.

Шкъ дашь на зимѹвалю ячолѹ, те лѹч-
ше съ вѹльшимъ бакъ съ меншимъ коли-
чествомъ медѹ. —

И на веснѣ пѹдавай пчѹламъ медѹ,
цювъ са лѣпше фонан. —

Если хочешь мѹхѹ освонти, постѹжай
ю часто. —

Не занежай и до середины пна пильно
заглядати. —

Не хѹжай въ серединѹ въ пенѹ.

Не есть тѹй господарь, кто цѣкомъ
мѹхѹ гвентъ. —

Шкъ подкѹрвешь, смотри добре на о-
гнѹ. —

Не розкедай ни медѹ, ни вошинѹ по па-
сѣцѣ. —

Рѣпакъ а бѣла комоница сѹтъ дѹже
доверн для пчѹль. —

На веснѣ и въ осени повъоузѹй очка.

Безъматочныхъ ячѹль не терпи въ
пасѣцѣ. —

О оулікѣ старайса завчасѹ.

На первакн глади, во часомъ ненадѣй-
но выромтса. —

Глади, цювъ много трѹта не выводн-
ло са. —

Слабн роѣ подкѹрѣти вошиню, черва-
комъ, медомъ, а бѹдешь имѣти совершен-
ный янѹ. —

Гдѣ есть паша, тамъ и мѹхѹ поза-
носи, особливо тое слабыхъ роѣвъ са касает.

Въ кепскн роки не зважай на количе-
ство, но на качество пннѹ.

Нѣмъ занесешь въ пашѹ пенѹ, то дай
мѹ перевше достѹ вошиннѹ.

Бѣлѹ вошинѹ не топн николи, но сѹ-
вай до оужиткѹ запомогн слабыхъ роѣвъ.

Шкъ годѹвешь въ осени, то давай мно-
го наразѹ; найбѹчше слабн роѣ цѣлыми
пластрами на зимѹ выпосажити, но тое въ
слыхъ оуліахъ не дастѹ са такъ легко
сдѣлати. —

Не гадай, же въ зимѣ не треба до
мѹхн зазирати; однакже изъ легка, бы мѹ-
хѹ не непоконти. —

Наибѹльше искѹство въ пасѣцѣ есть
тое, цювы добре мѹхѹ перезимовати.

Пластры съ медомъ най долго не сто-
ятѹ, а медѹ добре сѹвай.

Мѣдѹ май въ запасѣ, цювись въ по-
трѣбѣ легко си помѹгнѹ. —

Чѹжимъ медомъ не радимъ годовати;
може са гниль (Faulbrutt) легко кнѹти.

При сѹнѣтѣ погадай на пчѹлы. Тр.

С О Д Е Р Ж А Н И Е

Сельскн дѣвы не гладѣти

Мѣщаньского сына;

Бо бнѹ оумѣ насѹ любити,

Поки цн дитина.

Лишь подроствѣ, оуже спышнѣ,

На паню днентѹ са,

Зѹ бѣднон селанки са смѣ,

О ню не жѹритѹ са.

Нема такой надѹ хѹпчинѹ,

Цю въ силѣ роднѹ са,

Лѣво полюбитѹ дѣвчинѹ,

Шкъ стѹй ожениѹ са. В. К.

Р О З В А З А Н Ё

Загадки XXI. въ Ч. 23 Сборника: Слнмакѹ.

Логогрнфа 15. въ Ч. 25 Сборника: Полова.

ЕВРОПЕЙСКИЙ

повѣстокъ, сказокъ, историческихъ воспоминаній, господарскихъ
и иныхъ общепользныхъ вѣстій и пр. и пр.

Ч. 27.

Вѣдень, субота 27. Юнля. (9. Юля.)

1853.

Князь Кауницъ и Жида.

Кавка изъ осмогодесяшка минуе-
шого столѣтїа.

(Подаа нѣмецкого.)

2.

(Продолженїе.)

„Гм! та то не есть такъ дѣже вели-
кимъ прѣстѣпкомъ”, промовилъ потѣмъ; „и
знаю кавалерѣвъ, котрин подобного же злочинь-
ства са допѣстили. Не почвелешь ли са
бѣльше до ничего?”

„Яхъ такъ!”

„Но?”

„Завѣстїалъ емь са съ жидамъ въ
переговоры!”

„То дѣже высока статска канцеларїа на
теперь такожь”, сказалъ князь бѣльше советъ,
икъ въ отвѣтѣ Адрианови. „Но и”, про-
должалъ дальше къ чоботаревн, „зачѣлъ-
емь щось о 2000 реньскихъ; ци такъ? по
дано ли тобѣ ихъ?”

„Яхъ, на раны Христови, такъ есть,
Ваше Сїательство.”

„Искѣшаютъ подкупити моухъ чобото-
харникѣвъ, — с'est piquant!” замор-
коталъ Кавницъ. „На щожь ты потрібешъ
тихъ 2000 реньскихъ?”

„Яхъ, Боже мой! тогда емь мѣгъ
посватати Идвисю!”

„Яга! и емь высь тогда щастли-
вымъ?”

„О Боже! емь емь найщастливѣмъ
человѣкомъ на свѣтѣ.”

„И щожь за тихъ 2000 реньскихъ малъ
емь сдѣлати?”

„Яхъ, Ваше Сїательство, — не — не
смѣю тобѣ повѣсти,” —

„Но, живо!”

„И — малъ емь Ваше Сїательство
просити, позволити жидови, щобы мѣ бѣль-
но емь речн Вашомъ Сїательствѣ лишь о-
дно слово.”

Кавницъ изъвѣмѣлъ са.

„Одно слово,” повторилъ советъ, са
devient de plus en plus piquant;
гм! Однимъ словомъ ачейже еврей выркого
дипломата Европы не зъсладитъ зъ кома.
То щось забавного, а при тѣмъ можно о-
дного хѣдака сдѣлати щастливѣмъ, кото-
рый мон черевичи хорѣшо чиститъ. Ей,
parbleu,” додалъ въ голосъ, „вѣдени ма-
ти коротарѣвн.”

Адрианъ о мале що икъ долгнїи не по-
вѣлилъ са. —

„Иди, скажи жидови, щобы тобѣ тѣтъ
заразъ далъ наказѣ на 2000 реньскихъ,
потѣмъ вѣбсти его сюда, но прикажи емь
остро, щобы не дѣрзѣлъ бѣльше говорити,
икъ лишь одно слово. Скоро рече два
слова, забвоню, а ты вытѣбтиши жида на
сходы. Теперь иди.”

Адрианъ всталъ колеблючими са колѣ-
нами, хотѣлъ икъ пощѣблати князя

въ рѣкѣ, що са цѣлкомъ не оудало, во выносила са задомъ за двери такъ низрѣчно, шобы князь былъ на голосъ розсмѣлал са, слезы смѣати са на голосъ приличнымъ было для дипломата.

Лиде поменяла са за дверьми, змѣнила Адрианъ свое поведѣнѣе. Икъ коленемъ близость дипломата дѣлала на него магнетично, стала са чоботохарникъ отъ развѣ и сама дипломатомъ, и постѣпала передъ жидомъ, который еще завсѣды скромно подъ входовыми дверьми стодалъ, съ такимъ самосвѣдѣнѣемъ, шкого набѣвае са лишь въ обхоженю са съ великими панами.

„Моспане,” сказала, „послуханѣе Вамъ позволене.” —

Жидъ нащѣрилъ недоверчико оуши.

„Но подъ слѣдѣющимъ оусловіемъ,” про должала чоботаръ, „въ первыхъ, не скажете болши шкъ одно слово, иначе маю Касъ на велѣнѣе Его Сѣятельства вытрѣтити на сходы.”

„Добре, добре, мой сынкъ,” оусмѣхивал са жидъ. —

„По вторе, масте мнѣ подла Башонъ обѣтницѣ дати наказкѣ на 2000 зол. реньскихъ, — выплатно завтра.”

Тое „выплатно завтра” былъ то оуже дипломатичный постѣпъ, котрый дѣлалъ доказъ, що чоботохарникъ малъ званѣе на дипломата. —

Не роздѣмбючи анѣ секунды, выдеръ жидъ изъ своеи лнстомошны карткѣ паперѣ, и написалъ на ней сѣи важкин слова:

„Стонтъ за 2000 реньскихъ; выплатно дна 27. Маа 1784.”

Ааронъ Сисгаймеръ.

Отдалъ карткѣ новобпеченомъ дипломатови дрожачомъ отъ возни, радости и помѣшина. —

„Могъ-ли оуже теперъ внити?” спыталъ са банкиръ.

„Можно,” шепнулъ Адрианъ, котромъ все тое шомъ видѣлоса, и котрый волаъ са, шобы голосно выречени слоко могло цѣле тое краси видѣнѣе розѣгнати. Отворилъ дверь, а жидъ посѣвѣлъ въ легонька, шкъбы тѣна, до кабинетѣ княза.

Кабинетъ сѣдѣлъ завсѣды еще въ своемъ фотели, но зверилъ са лицемъ къ вюрѣ, а плечима къ сѣпликантѣ, котрый похиливши са низенько стодалъ коло дверей, котрин Адрианъ за нимъ зачинилъ.

Настала хвилла тишины; жидъ не рѣшалъ са; на конецъ мѣстѣло са князеви такъ оукѣчтити, сверилъ до половины головѣ и рекъ: —

„Но?”

Жидъ склонилъ са нѣмъ.

„Я знаеше Башце, що, если болши речеш шкъ одно слово, роскажѣ та извергнѣти изъ сходы?”

Жидъ зновъ склонилъ са нѣмъ.

„Покинь но Башце поклоны и скѣлогорбы, — тимъ са оу мене ничъ нескѣрае.

И знаю Башца; Башце есте банкирѣ Паронъ Сисгаймеръ одинъ изъ головѣишнихъ поджигателей жидѣвства. Хотите еманципацин, — гм! такъ то вы оуже есте, вы жиди; законъ толеранцин есте для васъ за мало, вамъ лишь дати палець — ого, оуже цѣлон рѣки ждаете.”

И зновъ жидъ поклонилъ са низко.

(Продолженѣе слѣдѣе.)

Церковь Хлѣвцака.

(Конецъ.)

Така внѣшна лѣпота потагае и вавитъ каждого мимоходца, дабы ен внѣтрѣе зовачити, а цѣлин родины благороднѣишнихъ домѣвъ, достойнин чиновники — мирскин и войсковин нарочно не разъ прѣежаютъ, дабысь приднѣити красотѣ тон небесной шгѣдки, выплѣканон ревнымъ серд-

цямъ въ Бозѣ почившего благородного Іосифа Оудрицкого, та насладитися пѣніи церковныхъ, що то въ оустахъ выранныхъ пѣвцѣвъ и невинныхъ ангелѣвъ дѣточокъ Хлѣвцкихъ — мають въ собѣ цюсь божественного. — Бѣтѣявши въ Церковь оударить та найпервші свѣтлаа просто-та окрасы цѣлого храма. Мати Божя — въ великомъ олтари — носача предѣчно-го Сына на рѣкахъ сватыхъ велить милѣсть Бога и его хвалу всемъ мірѣ — а на тоє почѣвши пѣніа чюдесного хора — ливановѣ вою кадила возносачого са къ горному Сіонѣ — и пр . . . — не зчѣешь са — и долго такъ солодко - мертвыи стоати бѣдишь, поки та полная слеза божественного чѣства спавляюча по лицю не провѣдять, и не прогани подробѣно все оглянѣти. — Слаба моя рѣка, а оубоги оуста, дабы хотѣ где ницо общѣи радости гѣдно оудѣлити. Тамъ бо, где тысячи людѣи съ ревностію и сватымъ огнемъ дѣлаа, где вѣдѣтъ надѣ дробѣно са показатися, где найславнѣйшии нашего времени и нашихъ сторонѣ теслѣ, столарѣ, малларѣ, съ всѣми своими вышечеными помѣчниками, всѣ свои силы совокѣпали, — где въ сердци и подѣ рѣками дѣло горѣло, — тамъ все слово, не оупѣвши малювати, слакымъ и гавхумъ ѳтгомомъ быти мѣснть; треба почѣти тимъ сердцемъ, которымъ са превозносило, видѣти тими очима, которими все совираючій мірѣ дивляса — дабы хотѣ слабо где цю описати. — Цѣлае оустроєніе Церкви есть по оєрадѣ нашомѣ точно ѳтдане. — Іконостасъ съ образами Прхієрѣа Спасителя, св. апостолѣвъ, празникѣвъ нарочитыхъ и пророкѣвъ, въ низѣ предѣ великимъ олтаремъ царскіи врата, съ всѣмъ богато позолоченіи, межю двома намѣстными Престолами Хрїста Спаса и Пресв. Богородицѣ. Великій Олтарь

Преч. Богоматери съ заслоною Благовѣщеніа — и два побѣчній олтарѣ Воскресенія Господня и Святила Нїколаа съ заслонами св. Оєрѣчника Іосифа и Сошествія св. Духа; всѣ малювила и позолоченіа сѣтъ работы славного малларѣ Максиміліана Шелоньского, который всѣ свои силы общѣ знаного таланта совокѣпиль; дабы ѳтповѣсти своимѣ званію и оудостонтиса кѣрнымъ быти ѳтдателемъ великои гадки и жертвы принесенои Бископопочетенымъ ктиторомъ. На великомъ престолѣ стоить пречѣдсеній богато золоченной работы въ снѣжнѣмъ оєлацѣ и иснозолотыхъ лучахъ сіючаа скініа сватаа сватыхъ на подставѣ зерцалѣ съ клѣцашыи при бокахъ хрѣвнєвами. Хоры ѳтъ притѣора (блєвинца) надѣвно начинаючиса, — широко и здѣвно приѣкрашенніи, — цю разѣ вышше по при стѣны вѣдѣтъ въ середній предѣлѣ (человѣчникѣ), где окрестѣ ажѣ до іконостаса на шести точеныхъ столпахъ основаніи, по при котрыхъ цѣтнныи адамашковіи хорѣгвы поставленіи не мало красы причиняють, и пр. . . Словомъ всюда, где поглянемо, зовачкимо вкѣсь и богатство; на престолахъ всѣхъ: новіи богатіи оєрѣсы, свѣщники, кресты дорогонной работы, чєтыри ѳгангєліа аксамитомъ повлєчєніи и богато приѣкрашеніи, особанєо великовъ въ срѣєро окованое и богато окрашено ѳгангєліє Почаєвское заслугѣ на вниманіє кождого. Посредѣ церкви низвєснть великій кристалєвій свѣтильникъ съ двома меншими передѣ побѣчными олтарями; — а до скарєца сакрїстїи заглянѣвши не оувѣрншь, цю все въ Церкви галиційскѣи — а тимъ менше на сєлѣ, — красота надѣ красотѣ, — дороговѣ цѣннѣсть єдна надѣ дробѣ: — срѣєромъ, золотомъ тканіи фєлоны, пречѣдсенной работы сосѣды церковніи — а надѣ все тѣю цѣнѣ оумножає порядокъ въ оустроєнію и оуставленію всего, там славыиа хлѣднѣсть и чи-

стость, котора тѣ въ каждомъ мѣстци обрѣтаеся, такъ шо знателѣ искѣствъ посѣтившіи тѣю святиню Божью, не ласкались похлѣбствомъ, коли ю зеркаломъ богатон и ревностн дѣши назвали. — Такови оусерднн оустроениа, розвиваннн и оживленнн дѣхомъ ревностнн чвства, — трѣбовали не малого накладѣ, кромѣ стола дла зодчихъ, бѣдовничихъ, живописцей, и пр. . . изобилно подаваного, кромѣ нннихъ составленнн шкъ протоколы, въ котрнн колнсь нмѣлнсьмо слѣчай вглннствн, посѣдчаютъ, выдано на столартѣ, тнслѣ надѣ 2000, на блнхѣ не менше, маларамѣ 2000, на самое золото надѣ 1000 зол. рейн срмон. . и пр. и пр. . . такъ, же по выразнелмѣ нзреченю невожжннка Ктитора весь накладѣ переходнть сѣмнмѣ 20,000 т. е. Двадѣать тысячъ з. р. ср. мон. готового гроша.

Богданъ.

В Я Г И Д К И.

XXII.

Глава вѣхъ горѣ емѣ, и вѣдѣтъ
 Бисокій, тырдай мой родѣ,
 Нынѣ стаася непрѣмѣнно
 Главою глѣвокихъ водѣ,
 Надъ, вѣжѣ, вѣжѣ, несѣ,
 Хотя мнѣ рѣкѣ, и ногѣ вѣтъ,
 Не посѣдншь мон стопы
 Поездѣ та вѣ чѣжнн сѣтъ.

(Розвязанье послѣдуе.)

ЛОГОГРИФЪ.

14.

Мн на передѣ, за мною ловца
 По верхамъ, по берегамъ,
 Кѣда пасѣтъ стадо овцѣ
 Но хѣба нѣ много тамъ,
 Черный горохъ хѣднн паодѣ мой,
 Остра дѣтка поколе,
 Все велино лѣтомъ, зимой
 Подѣ ннмѣ пѣстос поле.

15.

Пера въ паотѣ непрѣмѣнно
 Мѣсто заннмаетъ,
 Дѣвою Грнкн стнхотворнцѣ
 Пѣснн назнмаетъ:
 Цѣлѣ гннѣ, и безплоднѣ
 На Бескнндѣ нѣднщѣ,
 Коля далеко, и глѣвоно
 До гѣшамъ зайдншь.

(Розвязанье послѣдуе.)

ЗЛЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Если въ красный день на шри
 Розсвнть сѣ гѣстн хмары,
 Солнце блнсне и прнгрѣе
 Вся природа зекслѣе —

Бсюда стрѣлнть вѣйна травка
 И замантѣ сѣ дѣрѣвка,
 Бона полемѣ сѣ розлнѣ
 И пташина пѣснѣ запѣе —

Тай веселн скачѣтъ дѣтн —
 То н вѣднмѣ хочесѣ жнтн,
 На все лнхо забѣвѣе,
 Хвнлю красно оужнвѣе

Лише злого челоѣка,
 Котрнн тѣжко, мовѣ калѣка,
 Лишь сѣ мѣчнтѣ н нѣждае, —
 Всѣ то нерозвеснлае.

Вѣ его дѣшн шкъ вѣ нѣчь темно,
 Онѣ не глнжн на ннчѣ чѣмно;
 Пѣснѣ весела го нѣ взрѣшнтѣ,
 Нѣ плачь гѣркнн го не скрѣшнтѣ;

Его сердце нзѣ камѣна;
 Оно пѣстѣ, вѣзѣ сѣмѣна,
 На все холодно взнрае,
 Ласкѣ Бога запѣзнае. В. К.

СБОРНИКЪ

повѣстокъ, сказокъ, историческихъ воспоминаній, господарскихъ
и иныхъ общепользныхъ вѣстій и пр. и пр.

Ч. 28.

Вѣдень, субота 4. (16.) Юлія.

1853.

Князь Кауницъ и Жидь.

Кавка изъ осмого десяшка минув-
шого столѣшя.

(Подана нѣмецкого.)

3.

(Продолженіе.)

„Знаю такожь, що есте подали числен-
ніи прошенія до статскон канцелларіи, и
перстагнутасти на свою сторону гдешкихъ
пановъ статскихъ совѣтниківъ; мѣсто
то вась ладного гроша стоить?“

Кауницъ прервалъ; но симъ разомъ
жидъ не склонилъ са; онъ малъ досыть
розвѣтъ, цюмъ не потверднати поклономъ
и не противорѣчити.

„Но и, князь Кауницъ, есмь томъ
противникъ,“ продолжалъ дипломатъ, „изъ
становиска релігін и политикн есмь томъ
противникъ. Изъ становиска релігін было бы
то оскорвити церковь краевъ, еслиемъ вась
зрѣвалося иъ правохъ съ Христіанами, а
зъ политичного становиска трелюа опас-
ти, що вы, старши еманциповані, ес-
дете совѣтъ перевагати, икъ есте то есюды
дѣлали, гдѣ вамъ такія позволенія дано.
Мене же вашими грѣшными не ослѣпятъ;
и, старый Кауницъ, и томъ противникъ.“

И зночь низкій поклобнѣ.

„Ва справа принде позавѣрѣ въ Со-
вѣтѣ статскомъ подѣ нарадѣ, вы есте
тоо заблан; но еддате на тоо готокіи, цю
и томъ противнати еманцидѣ.“

Новый поклобнѣ.

Кауницъ зачалъ быти нетерпеливымъ.

„Не маєшь-ли Башецъ менѣ ничѣ боль-
ше сказати, то можешь совѣтъ понти.“

Жидъ зиркнѣлъ на него молвенно.

„Алежь мѣой боже“, рикъ дипломатъ,
„прецѣнь не можешь того вымагати, цюбымъ
воззванный ѡтъ Цѣсара до бесѣды, для не-
го ѡтрѣкъ са монухъ засадѣ, и говорилъ
за справою, которѣ оузнаю быти слою.“

Жидъ потрясъ жалостно головою.

„Отже дармо Башецъ сюда трѣдилъ
есть са. Екѣнчи. Словомъ, цю мають зна-
чити тін гадпін поклоны? И есмь проти-
вникъ еманципаціи, то есъ Башецъ чѣлъ.
Чогожь ещѣ больше ѡтъ мене хочешь? Цюжь
и маю при тѣой справѣ чинити?“

„Молчати,“ сказала Паронъ Сисгай-
меръ, и оугнувши найнижшій, икій гдѣ
колн былъ, поклобнѣ, постѣпилъ са, есъ
задомъ идѣчи, къ дверѣмъ, и счезъ такъ,
икъ приншола, гѣнбы ика мара.

Кауницъ сталъ икъ периполошенный.

Жидъ рикъ одно слово — а было сло-
во то многосказѣюче.

На хвалю вытагнѣлъ Кауницъ рѣкъ,
икъ колнѣы хотѣлъ зазвонити и цю вѣлѣти.

Но рѣздѣмалъ совѣтъ иначе.

Овыи дипломатичный оуемѣхъ, кото-
рый его блѣдое, старцков лице такъ оу-
кривалъ, пролетѣла по его чертахъ. Но-
такнѣлъ мимовѣжно головою; Исторъ иро-

нейскою дипломатию была дипломатическимъ зворотомъ банкира Парона Сигаймера оудоволеннымъ. —

Кавниці была за много дѣхобиланый, цобы не малъ почитати дѣху и тогда, где бы то была и дѣхъ жидѣ. —

з.

Еъ кабинетѣ Цѣсара ѳтеывала са статска рада.

Предсѣдательствовала самъ Беланкій Иосифъ. Онъ не была оуже больше тымъ, чимъ была изъ за молодѣ. Неблагодарность людска, доистно фанатична вѣшенность, съ якою на многыхъ мѣстцахъ противлено са его идеамъ перемѣнъ, совѣдѣнїе, цо запѳзнавано его найблагороднѣйшїи и найлѣпшїи оусилїа, загрязли его сердце, а же сердце было найлѣпшою частїю его тѣла, то и проче тѣло много черїзъ тое оутерпѣло, Выгладалъ хоровито, и шкъвы потребовала шкон пѳдпоры, оперъ са лѳктемъ о стѳлѣ, покрытый тажкимъ бархатнымъ ковромъ, на котрѳмъ лежало множество писемъ, актѳвъ и грамотъ. На право коло Цѣсара сѣдѣла Кавниці, на лѣво адъютантъ Цѣсара исполняючїи службѣ тайника. Кавниці оуложилъ шкъ мѳгъ наибольше по дипломатичномъ свое лице, во днесь шшло о оусамоправненїе (еманципацию) жидѳвъ, а жиди были, шкъ звыкъ была на салонахъ выразати са, его бѣте поїге, дикїи безрогїи. Но иначе понимали тѣю рѣчь инїи панове статскїи совѣтники. Дѣхъ Бальтеровскїи вѣкала въ тѳмъ столѣтїи и видѣло са, шкъ колѣны ѳсмынадсатое столѣтїе мало вынагородити жидамъ за тое, цо ѳтъ фанатисма давнѣйшїихъ столѣтїи оутерпѣли.

Панове статскїи совѣтники были больше менше, зъ тон ако ови причины за рѳвноправненїемъ жидѳвъ.

Иосифъ Бторый обывала засѣданїе выти отворенымъ :

„Мои панове,“ рѣкъ, „маемъ днесь персправѣ о предметѣ особлившой ваги, котрый потребае: Башого всего княжана. Шкъ Еламъ вѣдомо, подалемъ едиктомъ толеранцию оуже козможность, цобы въ мнїхъ земляхъ некадолики мирно по при кадсликѳвъ проживали, везъ опасана са, цобы овыи дѣхъ темиси несгоды, котрый давнѣйшїи столѣтїа наполнала мѣщастами, на ново мѳгъ роспростирати свою сила. Еъ своей молитвенници молитъ са протестантъ, въ своей вожници жидъ, кождый по своему. Много на мене вороговано зъ причины того едикта, но на тѳмъ ничъ не залежитъ; оуже са навыкъ дознавати неблагодарности. Днесь же о цо много рѣчь иде. Религїйна сносительность дастъ са съ теперѣшнымъ состоянїемъ може ворше погодити, шкъ горожанске и политичне рѳвнопоставленїе жидѳвъ, которїи при своей зманїи пильности и запѳвѣгливости въ всѣхъ дѣлахъ хрїстїанъ въ многоракнїхъ вырѳвахъ, справнїкахъ и т. д. може ворзо перестигнѣтъ. Много того однакожь Бѣднѣскїи жиди именїемъ всѣхъ своихъ собратїи въ провинцилахъ подали прошенїе Намъ, где привѳдаты такъ важнїи причины неѳклонимой потребности политичного рѳвноуравнина, цомъ са видѣла выти спѳведованымъ пѳддати той копрѳсь окрадамъ моеи статскѳи радѣ. Вываю прото Васъ, панове, рѣчь оуважно и огладио выслухати, и мнѣ потѳмъ свое рѣчь и цирѣ мнѣнїе de hac causa quaestionis обывити.“

Настала глѣвока тишина, пѳдъ часть которон лишь чѣти было скрипѳтъ пера, котрымъ адъютантъ слова Иосифа написовала.

Присѣтѣвѳючїи видѣлиса ождати ѳтъ Кавница малон шкон црѳиворѣчїеи вѣсѣды,

но той согнулъ совѣтъ четверткѣ листа наперѣ въ осмеро и перерѣзавала ю потѣмъ ножикомъ на самыя четверограны, котрыхъ совершенна правилность видѣла са быти предметомъ особеннѣшю его старанности.

(Продолженіе сѣдѣв.)

Индійская сказка.

(Въ нѣмецкомъ.)

Бельскіи казки знаютъ и оу насъ много чюдныхъ рѣчій о дощи и погодѣ, о чарахъ, заклатіяхъ и изахъ розказывати, послушайте, що една индійска байка оповѣдае, що предприняла една царѣвна, въ дощѣ достати. —

Въ едномъ великомъ лѣсѣ жилъ старшій пѣстынникъ съ своимъ сыномъ. Бѣли оба дѣже повожніи люди; жили са лишъ корѣнемъ та водою, ходили въ волосанѣмъ платю и столли много дней на одной нозѣ, постоянно на нѣсѣ очин звернѣвши, авы ничимъ въ своихъ глубокихъ раздумованіяхъ не были перешкоженіи. Ихъ покѣта и вычована мали на цѣли оублаганіе советѣ неба; тимъ приобрѣли советѣ славы святыхъ, а кого въ Индіи за сватого почитаютъ, того тамъ держатъ за можнѣйшого нежеланіево. До ихнихъ пріятныхъ скѣтѣвъ тое держаніе за сватого привело, оузримо невакомъ въ сѣи казцѣ. —

Въ томъ времени опанѣвала свѣданный край страшна посуха. Голлице парило зъ дня на день горячѣйше, нево посинѣло ковѣ сталь, а на высѣшенѣ землю неспала лиѣ капла оживляющого дощѣ. Трава и колосья посухли, растѣніе изсакло, люди и свѣрѣ измориніи — нарѣканіе не изречиме. Бинѣ того нещастіа скадано на царя, що бнѣ найстаршомъ жрецѣви нагоредѣ за оучиненѣ жертвѣ не выплатилъ а розсраденіи жрецѣ опѣстали всѣ обилный край. Миѣніемъ народа шло, що коли жадныхъ жертвѣ не

приношено, тое за оучиненѣ жрецамъ зневагѣ замкнуло ворота свои. Бѣ иже замѣшательство нещастный царь попалъ и икнѣ жалобы ѳтъ своихъ пѣдданныхъ слухати мѣстѣль, легко понати можно. Трималъ тайнѣ нарадѣ еднѣ по дрѣгѣи, лишъ не знайшли жадной рады.

Скланкаль всѣхъ мѣдрицѣвъ краю; тин покнеавши головою минмали, „найбы былъ не дражнилъ жрецѣвъ, не былъ бы осѣль на сѣхѣмъ.” —

Едного ранка сѣдѣль отчальный царь въ комнатѣ, и никого при нѣмъ не было, кромѣ его дочери, котрой любезность и дитинача любовь емѣ вѣдѣ теперѣшности и страхъ бѣдѣчности знесити помагали. Пристѣпилъ еднѣ зъ тайныхъ советниковѣвъ, и поклонившиса реклъ: „Царю! послансьмо и теперѣ по розказѣ Вашомѣ до жрецѣвъ, но нехотатъ повернѣти въ край.

— Лишь надѣншла вѣсть, що въ великомъ южномъ лѣсѣ два пѣстынникъ неизречимон святости живѣтъ, еслибьсьмо могли тихъ наклонити, шобѣ въ нашъ край приспѣли, тогда бы певно на насъ нево стало са ласкавшимъ.” — „Право”, каже царь, „пѣшлѣтъ послы и запросѣтъ къ намъ.” — „Годѣ!” ѳтповѣлъ советникъ, „старшій пѣстынникъ презирае свѣтъ и его прелести и жадною мѣрою не оучинитъ крокъ за лѣсъ, где прости житѣ полное покѣты и повожныхъ дѣлъ провадитѣ; молодой его сынъ послушный мѣ въ всѣмъ, не видае и невидалъ жадного нишого человекка, знае лишъ корѣне и водѣ, есть ижевы неспѣзнане дитѣ, котри незнае, до икого пола належитѣ. Розважь, о царю, що бы тихъ двоухъ могло споводовати до шествіа къ свѣтъ, аво на двѣрѣ твоѣи.” — „То приведѣтъ ихъ насиліемъ,” повѣлъ царь. — „Тогда бы насъ проклали,” ѳтреклъ советникъ, „то было бы неохнѣннѣмъ, шобѣ насъ нево горячимъ пѣ-

скомъ засыпало. Мѣстамъ терпѣли каръ,
котра на насъ за образъ жирѣвъ оупала.” —
„Если мнѣ ничъ отраднѣйшого сказать не-
знаешь, то ма приймай мнѣ не огорчай,”
рекъ на тое царь и отпвстилъ потѣшителъ
ниласкавымъ взрокомъ. —

Колн былн самн, приближилася къ не-
мѣ его дочерь, котра той разговоръ дослов-
но выслушала, поклонившиса сказала, отво-
ривши мѣдрно очка смѣшкомъ: „Царю и
Отче! „Псвѣрь мнѣ тое посльство; и при-
вѣдѣ ти молодого пѣстынника зѣ лѣса.”
— „Ты?” запыталъ царь извѣмѣвшиса;
„икъ совершишь тое тяжке дѣло, на ко-
трое мон наймѣдрнѣйшн и найотважнѣйшн
слѣгн отважити са не хотѣтъ?” — „Не тре-
ба мнѣ такнхъ свойствѣ до оудачн сѣго
предпріятіа,” отпвѣла, „дай мнѣ на волю,
а сподѣю са тоеѣ оудовлетворити.” —
На тое зачѣдовалъ са еще вѣльше царь и
повѣлъ: „Если твои намѣреніа къ сѣй цѣ-
ли такъ надеждн, то провѣй, а сли ти са
повѣде, истинно, оуберѣ тѣ въ золото.” —
„Того не желаю,” отпвѣла смѣющимъ са
ротникомъ, „но приречи мнѣ, що оудачншь
тогда тое, о що та просити вѣдѣ.” —
„Добри,” сказалъ царь, „твое желаніе оучи-
ню, най бы то стало и половинѣ того
царства; але спѣши са, най разѣ дождитѣ,
бы оукѣнчилася посѣха.” —

(Конецъ слѣдѣе.)

Щ а с т ь в.

Въ огородѣ градки
Я на градкахъ садки,
Межь садками Настя
Шкала си щастя.
Полно ластя въ двое
Полно было въ трое —

Но въ четверо ластя
Тра было до щастя.
Сполола всѣ градки,
Перебрала садки,
Но того не найшла,
По що тѣда зайшла.

Выйшолъ Грнцъ изъ хаты,
Сталъ на двѣцѣ грати:
Не лцентъ мнѣ Настя,
Не маю и щастя!
Пвѣдѣ и межъ градки,
Межь зеленѣ садки,
Тамъ ластяе есть всакѣ,
Можь найдѣ и такѣ,
Що мае тѣ смѣш,
Бы Настѣню милѣ
Надило до лица
Сѣмненького Грнца.

* * *

Не тра было ластя
Для миленькихъ щастя —
Бо лишь себе оузрѣли
Оуже са й любилн.

* * *

Скоро любовь циря,
Найдѣ са и вѣра —
Найдѣ са и дѣла,
Скоро докра кола.

В. К.

Р о з в а з а н ь е

Загадки ХХИ. въ Ч. 27 Сборника: Корабль.
Логогрифа 19. въ Ч. 27 Сборника: Яловець.
Логогрифа 25. въ Ч. 27 Сборника: Колода.

СЪОРИКЪ

повѣстокъ, сказокъ, историческихъ воспоминаній, господарскихъ
и иныхъ общеполезныхъ вѣстій и пр. и пр.

Ч. 29.

Въ день, субота 11. (23.) Юля.

1853.

Князь Кауницъ и Жиди.

*Кавка изъ осмого десяшка мину-
шого столѣтїя.*

(Подана нѣмецкого.)

Ъ.

(Продолженіе.)

Статскіи совѣтники позирали на тѣю
играшкѣ его съ якоюсь непоколебю непев-
ностію. Она могла быти такъ добре вы-
разомъ найсовершеннѣйшого рѣководшїа,
шкѣ и дипломатичною засѣкою, за ко-
торю крылася батерїа, маюча на разъ за-
гримѣти размѣтѣючи смертъ и попнбелъ;
а оу Кауницѣ треба са было борше опасати
того послѣднаго, нежели сподѣвати тамто-
го первшого. Идѣютантъ прочиталъ поданїе
жидѣвъ въ голосъ и зѣ вѣльна, было оно
долгое, широкое, заходаче въ подрывности,
логичне, пасне, но при томъ ползаче, сми-
ринне, ласкательне, шкѣ все того рода поданїа.
„И теперь до росправъ, панове,“ рекъ
Цѣсарь. —

Иосифъ шкѣ и совѣтники статскіи
вндѣлися ожидать, що Кауницѣ почне
всѣдѣ; но кивавъ теперь положилъ совѣ внѣ
задачѣ, а то поскладаалъ накрамнї четверо-
гранны бднї на двѣгнѣ, и сѣвалъ нѣхъ
сюда тѣда такъ, шобы анѣ однѣ оуголокѣ
неправильно надѣ дръвого не стярналъ.

Иосифа тое гнѣбы тенѣло. Помавалъ
статскомѣ совѣтничковн по правѣи рѣцѣ,
и росправа начала са.

Первыи статскїи совѣтникъ восталъ и
доводилъ изъ общого становища людскости
и фїлософїи, шо то не сходнымъ есть съ двѣ-
хомъ: тѣя рѣшншого столѣтїа, заперечати пле-
мени шкомѣ рѣвнопоставленнѣ въ горожан-
скихъ правахъ лишь для того, шо тое
всѣ много вѣтрисповѣданїа. Той статскїи
совѣтникъ мовилъ съ огнемъ и красорѣ-
чїемъ фїлософа.

Кауницѣ молчалъ.

По томъ слѣдовалъ вторыи совѣт-
никъ. —

Той розкладаалъ изъ становища рели-
гїи, шо жидѣвское богочестїе есть прецѣ
пѣдставою богочестїа хрїстіанского, же про-
то не р тое ходитъ, шобы пособствѣвати
шкомѣ, хрїстіанствѣ непрїзномѣ богочестїю,
но лишь древнѣйшѣи, много презрѣнѣи и
несправедливо хѣлимѣи сестрѣ хрїстіанскон
церкви. Говорилъ тѣжливѣ и лагѣдно, па-
детично и дѣже доаго.

Кауницѣ молчалъ.

Потомъ восталъ третїи; изъ стано-
вища народно-господарского доводилъ, шо
жиди, скоро имѣ рѣвнопоставленнѣ въ пра-
вахъ горожанскихъ привѣспечнымъ станѣ,
не толькѣ вѣанкїи гроши, которїи мають,
овернѣлины на поспѣшествованнѣ аустрїй-
скон торговлѣ, на подвигнннѣ аустрїйскихъ
фабрикѣ и промышленностїи, но шо та-
кожь можно ожидать вѣходства численннхъ
жидѣвскихъ родинѣ, шкѣ скоро дѣло нѣхъ

рѣвноправнена въ Аустриі розголоситъ са. Говорилъ остро, математично точно, и съ доводами статистичными.

Кабницъ молчалъ.

По семъ выступилъ четвертый статскій совѣтникъ и говорилъ изъ историческаго становища, пятый изъ становища осовинно-аустрійскаго, и тимъ способомъ обрѣлъ каждый шкось иное становище, зъ котораго доводилъ рѣвноправныи жидѣвъ быти неохвеною потребою. Тин панови садилн са на велике красорѣчіе.

Кабницъ молчалъ.

Юсифъ гнѣвъ роздраженный, былъ бо нездоровъ тѣломъ, обвирѣлъ са до княза и рикъ:

„Я шкось есть Ваше мнѣніе, топ ргінсе?“

„Син панови съ такою полнотою красорѣчіа рѣчь тѣю выслнли,“ отрикъ Кабницъ, що и донисто не знаю, шобы еще до того добавити можно, и лишь изъшвити могъ мое глбоке подивленіе мѣдрыхъ засадъ, и нхъ доводнаго поннмана рѣчи съ шкимъ намъ тѣю представили.“

„Если то такъ есть,“ рикъ Юсифъ, „то не остае ми ничъ больше оучинити, шкъ се.“

И оухопилъ за приготоване лежаче перо, и написалъ подъ прошинемъ:

Поволяю. Юсифъ, в. р.

Совѣтники статскіи старали са свою радость покрыти поважнымъ оуложеніемъ лица, Кабницъ перелакъ са, закѣсилъ губы, былъ однакожъ за надто великимъ дипломатомъ, абы хотавы однимъ словомъ противорѣчити дѣла обываиной волѣ Цѣсара. —

(Продолженіе слѣдѣе.)

Индійская сказка.

(Зъ нѣмецкаго.)

(Концъ.)

Царевна велѣла великій корабель вылагодити, и поѣхала вразъ съ отцемъ рѣкою на югъ ажъ до темнаго лѣса, где тин два сватцѣ мешкати мали. Корабель окрыто дѣревами и рослинами такъ, шо рѣнналъ са зеленостію лѣсови, въ котромъ пѣстынники проживати мали. Приставши къ берегъ край лѣса, прибрала са царѣвна въ оуборъ пѣстынника, и взавши хорошии овоцѣ и званокъ вина, выйшла на берѣгъ.

Молодой пѣстынникъ былъ самъ въ лѣскѣ. Оукѣнчивши власнѣ свои покѣтнй дѣла, намѣрналъ заданъ советъ ѳтъ отца работѣ начинати; въ тѣмъ оувидѣлъ иннаго молодого пѣстынника зъ межн дѣревъ выходячаго, котрый рослый и великии милои былъ теари. — „Иде-ли покѣта хорошо?“ пытае молодой чѣжинецъ. Сынъ лѣса думалъ, шо чѣе голосъ зъ неба. Прилалъ дружеско чѣжинца, предложивши мѣ корѣны и вода. Чѣжинецъ покѣшалъ почестне, приставивши мѣ свое. Коли молодой пѣстынникъ вино черизъ свои оуста пропѣстналъ, сказала: „Ты маешь несрѣваннѣ вода, рѣвно огнени крѣжитъ по моихъ жилахъ; скажи мнѣ, славный чѣжинче, зъ ѳтки еси: и шкимъ осовиннымъ покѣтамъ ты тин овоцѣ та тѣю вода забдчитн маешь? и вижю, шо ти небо несрѣвано ласкави. — „Нашъ покѣтнй лѣсъ зъ ѳтсы ндалеко,“ была ѳтповѣдь, „а шкого рода наши покѣтнй дѣла сѣть, то та нѣчѣ.“ — Съ ти ми словами оухопила го царѣвна — она во то была — за головѣ, поцѣлѣвавшн го сердечнo — почервонѣла шкъ вѣрактъ, ѳтверившнса оутѣкла въ лѣскѣ. —

Молодой пѣстынникъ остоппѣлъ, мовъ роживарный облакъ сталъ мѣ передъ очима. Бы са спаматати, взялъ са до ского средства,

неіклонно на нѣсъ гладѣти, але и тоє мѣ са неповіло, его очи звертали са зведно въ тѣю сторону, гдѣ надземне шевленє зникло; а сердце занадто било, въ змѣгъ вѣльше сикнуды на единой нозѣ постоати.

Въ томъ возмущенномъ состояніи застала го отиць повернувшій зъ лѣса. Былъ то строгій святиць, завпалого лица, оу хій, съ зеленожолтыми очима, носилъ долгѣ сивѣ борода, его рамена и ноги обросли густымъ волосомъ ажъ до палций. Постерѣгъ въ сѣнчасъ визлада, и промовилъ: „Сынъ! що ты са стало? чомъсь не нарубалъ дровъ, шкъ и ти велѣлъ? чи ти са що притрафилло?“ — „Ахъ мой отче!“ отповѣлъ сынъ, „прійшолъ былъ къ мнѣ молодой пѣстынникъ, котрый ми свои овошѣ и вода покѣшати далъ; лѣпше пыты и смачнѣишѣ стравъ неможъ и въ нѣбѣ мати; а колими са о его покѣтѣ допытѣвалъ, подѣмайте отче! оухопилъ ма за голова, притисъ свои оуста къ монмъ, що ажъ лѣснѣло. Там покѣта видить ми са быти далеко лѣпшою, шкъ наше гладаньє на нѣсъ и нині дѣла. Такожь онъ минтъ ми са быти сватѣйшимъ насъ; онъ має вѣлѣ тварь и променистіи очи, голосъ его звинить гѣйкы голосъ соловѣа, а его отдыхъ вонный, мовъ веснаый вѣтеръ вѣючий черезъ цѣвты. При томъ сватци хотѣлбымъ все оставати; даже мнѣ жалко, що го не бачѣ.“ — „Мой сынъ!“ рекъ отиць „вѣдь розважнмъ, подъ такими видами повѣлають са часто зли дѣхи. Не вѣрй имъ.“ — „То немѣгъ быти злы дѣхъ,“ сказалъ молодой пѣстынникъ, „борши оувѣрю, що то былъ ангѣлъ зъ неба.“

Стариць неѣтповѣлъ мѣ нѣ слова, лишь взалъ са сватчно слыхъ дѣхѣвъ шкати и нѣхъ зъ лѣса выклимати. Сынъ погладалъ за нимъ сѣмно, прицѣ оурадовалъ са, оувидѣвши отца фалшивѣ стороны выклимающого. Але и тоє го неспокоило, пѣстналъ

са въ дорога, въ любезного чѣжинца перестерѣгчи, цюкы не попалъ са въ твердін рѣки его отца. Неѣтомимо просмикалъ са помѣжи деревьями и корчами, неважачи на терны, котрое мѣ рѣки калѣчило. Часто видѣло мѣ са, шковы мигнула одѣжъ чѣжинца лѣсомъ; часто выдавало са шковы шковы онъ свое любезное лице къ немѣ овернѣлъ; его сердце палѣло, летѣлъ, въ чѣмъ борше къ немѣ доспѣти.

Такъ приѣгъ на мѣстце, гдѣ лѣсъ рѣка дѣлала; оувидѣлъ чѣжѣ кѣлю, котрой николи тѣтъ невидѣлъ; межѣ деревьями столъ любоприятный чѣжинецъ мило поздоровляючи; отѣишли мѣ все напоминаніа отца и мысли о слыхъ дѣхѣхъ и однимъ скокомъ сталъ коло него на корабли. Бнезапно зникъ чѣжинецъ межѣ деревьями, мнѣма кѣліа отдалала са отъ великого лѣса и хѣлаа хѣткимъ гономъ висѣлъ просто рѣкою. Молодиць остолпѣлъ, погладалъ на вонны, котры межѣ кѣлією и лѣсомъ повѣлали са; пригадалъ собѣ слова отца старого о слыхъ дѣхѣхъ. Наразъ почѣлъ рѣкѣ на плечи а знаемый голосъ зазвнѣлъ: „Шкъ стоимо съ покѣтою?“ Обернувшиса оувѣрѣлъ любезный видъ, але въ шолковѣ дѣвочѣ шаты одѣжанныи и спертый, на рамени статичного мѣжа котрый золотымъ царскимъ вѣрѣтомъ приздобенный былъ.

Царь оповѣлъ мѣ причину его поухищеніа и додалъ: „Если слава твоѣи сватости все основна, и если ты и съ дощима такъ хѣтко радѣ даси, шкъ моя дочеръ съ тобою, тогда исполню ви желаніє; а того дня, на котромъ мой нещастный край процентати начне, вѣдѣшь ви жинхомъ и наследникомъ моего царства.“ — Молодиць погламѣлъ въ милопросмѣи очи царской дочери, оупавши на колѣна почалъ оуспѣшно неѣо о густый дощѣ просити.

Цѣкавыи читатель запытае: „Посѣ-
далъ ли молодой пѣстынникъ власть оу-
стронти небо по своей волѣ?“ — О томъ
не говоритъ вайка. Можѣ тогда въ Индїи
не небо было мѣкъ оу насъ теперь. Яво мо-
же небо замловало са надъ сердчно са лю-
бачою парою и оучинило по нхъ желанію.
И если са то такъ чѣднымъ выдале, то мож-
на допѣстити, що сабчано дощъ падати
началъ, коли изъ корабля по поворотѣ вы-
сѣдано; — и тое знаемъ, що если долго крас-
на погода, значи на конецъ само зъ себе
разъ дождити. —

Досыть, чи дощъ падалъ чи нѣ, дѣзнае
са тое и зъ заключенїа вайки. —

Старый пѣстынникъ перешѣкалъ поло-
винѣ лѣса за савыми дѣхами, жадного не-
наншовши; ба и сына нананшовъ пришов-
ши зъ полювана назадъ. За его слѣдомъ
пришовъ на рѣкѣ и обачилъ корабель, оуже
далеко отъ берега отплывшій. Розсердив-
шиса послѣдовалъ похитителамъ сына бы
нхъ прокласти. — Перистѣпивши наконецъ
границю царства, обачилъ ряснї, оурожайнї
пола, толсто оукормленый товаръ и рад-
ныхъ людїй. „Зъ отки тое походитъ“ пы-
талъ са отъ мѣстца до мѣстца „що въ
семъ краю все такъ са прозвеле и така благо-
дать павѣ?“ — Отповѣли мѣ пастѣхи, рѣ-
ники и всакъ, кого надывеле: „Завдачвемъ
все тое сыновї старого сватого пѣстынника,
котрый намъ по долгой посѣтѣ оурожайнї
дощъ оупросилъ.“ — Чѣмъ ближше стѣ-
палъ до головного мѣста, тѣмъ раднѣй-
ше голышино его и его сына хвалѣ, и въ
томъ стипни малѣла слѣбсть, прїемно мѣ
было сабхати: „Сынъ сватого пѣстынника
южного лѣса принѣсь намъ тое благосо-
венїе. —”

Наконецъ пришовъ до головного мѣ-
ста, гдѣ го царь благочестно прїалъ; а якъ оу-

видѣлъ своего сына оздоланого царскимъ
внсеромъ, оувидѣлъ его краснѣ сѣпрѣгѣ
мощѣ и гождѣ, счезла и посаѣдла хмарка
зъ его строгого чола. — Перисталъ прокаи-
нати, а теперь пѣдмалъ свои рѣки къ бла-
гословенїю. Изъ того тѣшналъ са цѣлымъ
край, жиючи совокупавно долгї лѣта въ
спокою и радости. — — —

Таки повѣсти знаютъ индїскїи жини
много о своихъ жрѣцахъ и пѣстынникахъ
рассказывати. Тїи сватцѣ знаютъ тамъ до
того привѣсти, що вдовица съ своимъ по-
мершимъ мѣжимъ спалити са дае; що
тысячи пѣдъ вѣзъ вожка са кладѣтъ, въ
на его честь и хвалѣ разгнетивыми быти;
що ненавнсть въ домахъ и селенїахъ рос-
те або исчезает; що народы коорѣженно еднї
противъ другимъ стають; що пѣдъ гро-
момъ битвы земля трасеца, що лѣво
неко не оупадае. Отже тїмъ насильнымъ
собственностямъ, виднть са, треба припис-
ати, що небо къ милости молодатъ оудов-
летворило прошенїю.

В. Зав.

Я ще не женатый.

Яхъ и бѣдный на семъ свѣтѣ
Що менѣ почати?
Жита колосъ въ полнѣмъ цвѣтѣ,
И ще не женатый!

Жиниинъ знаю правда много,
Кѣ гарнї, рѣманї,
Но що менѣ зъ всего того,
Колн всѣ отданї!

И дѣвиць не мало знаю,
Кожда за чимъсь тѣже;
Но за котрѣ запытаю:
Зарѣчена оуже!

Менѣ прїде лишь вдовицю
Гдѣсь си пошѣкати,
Я якъ знайдѣ отданицю,
То вѣдѣ женатый!

В. К.

СБОРНИКЪ

повѣстокъ, сказокъ, историческихъ воспоминаній, господарскихъ
и иныхъ общепользныхъ вѣстій и пр. и пр.

Ч. 30.

Въ день, субота 18. (30.) Юля.

1853.

Зеркало души

(Подана російскаго).

Икъ то въ тихой' годинѣ на испой' водѣ
Глади

Лицюють са деревъ' прибережныхъ' вершани,
И безмежный свѣдъ неба, и свѣздъ' мірімды,
И кораблей вѣтрила, маштѣвъ великаны; —

Не такъ же и души, коль еи дна полнота.

Свѣдѣйна и чиста, безъ страстей и гора,
Достѣйна вышшимъ' чвествамъ' и мыслимъ'
красота;

Не все-ли въ ней рысбесь икъ на лицѣ моря?

Шожь але тогда бачишь, икъ вѣрѣ' гѣраканы

Грѣдъ моря розкорють въ борозды габвоки,

И зеркало то чисте облажѣтъ тѣманы,

И волнѣ' пѣнна кипачка взысе надъ стоки? —

Иккажь въ души гадка на днѣ' мѣтнхъ'
сластий;

Иль иже чвество свѣтле здѣбено оуронитись?

Шо въ ней такъ волнѣмои' безуміемъ'
страстей,

Шо може въ ней сватого' тогда' отредитись? —

Князь Кауницъ и Жида.

Кавка изъ осмого десятичка минуво-
шого столѣщія.

(Подана нѣмецкаго.)

3.

(Продолженіе.)

Склонилъ са лишь и рекъ:

„Извольте ми, Ваше Величество, розпо-
вѣсти одну малу исторію.”

„Говорѣтъ, мой prince;” сказалъ Ю-
сифъ. —

„Былъ емь передъ трѣма днами свѣд-
комъ' завѣтной пригоды,” началъ Кауницъ,
а слова его звѣнѣли тяжело и вѣжко, икъ
къ оудары вѣлкою по шлемѣ; „случѣемъ са
то стало; шо мой човѣтохарникъ, оувогий,
гавповатый хлопчиско, въ моеи антишам-
брѣ застѣпалъ мѣстце моего поковца;
и кимъ чиномъ до того пришло, много емь
о томъ расповѣдати, и за мало вѣсть зани-
мательнымъ, цробы надъ тимъ разводити
са; конецъ, чѣю тихъ поговорѣкъ въ моеи
предѣстѣнкѣ. Я же и не звѣкъ, цробы въ пе-
редѣстѣнкѣ моего робѣтного кабинета' пого-
воркою са бавлено, отчинаю дверь и вызи-
раю; тѣтъ вижу моего штѣрпака човѣто-
харника занатого' найжившою разговоркою съ
и кимъсь жидомъ. Кличъ на смерть пере-
пѣжного хлопка къ собѣ, и слышѣ отъ
него, шо мѣ жидѣ поддалъ 2000, повѣдаю
дѣтъ тысячи зол. римскихъ; еслены мѣгъ

сдѣлать тое, цюбы емѹ, т' е. жидови, кбльно былэ речи минѣ одно слово."

Кавниць пересталъ на хвилию; статскіи совѣтники зиркали еденъ по дрѣгомѹ, и не прочѣвали, кѣда то має выиги.

"Но, и цюжь стало са дльше?" запыталъ Юсифъ напряженъ.

"Дѣлаю совѣ, чѣмъжьбы не сдѣлати одного хѣдака цастанвымъ? И пзвзвалаъ емѹ жидѹ въвести, лишь пбдѹ тинѹ въ-рзнымъ оусловіемъ, цюбы не рекъ ббльше шкъ одно слово. Жидѹ внишоалъ; былѹ то банкиръ Паронъ Сисгаймеръ."

Едно, дрѣгое око поникло долѹ передъ позоромъ, котрымъ князь при тихъ словахъ повѣлъ крѣгомъ въ околѹ.

"Но, дльше, дльше, топ ргнсе!" кланкнѣлъ Цѣсарь нетерпѣливо.

"Банкиръ встѣпнѣлъ въ комнатѹ и ничъ не говорилъ, лишь гнѣлъ поклбнѹ за поклономъ, ажъ и наконецъ зндившица его горбоскѣлами запыталъ его остро, чога бтѹ менѹ жадае, и цю и въ тбй справѣ малѹ вымѹ дѣлати? — "Молчати," бтповѣлъ жидѹ, и вынѣсъ са за двѣри.

"Гм!" зрѣвалъ Юсифъ.

"Если такъ," продолжалъ рѣскимъ тономъ Кавниць, "за бдно слово платятъ жиди 2000 риньскихъ, то може бы стало трѣда, казати Вашого Вѣлнчѣства мадѣматикови и оучинымъ обраховати, на кблѣковы вышла така масса словѹ, шкъ и. п. есть та, котрѹ днѣсъ въ зашитѹ еманципациѹ жидбѣвъ передъ нами розсыпано."

Той притыктѹ былѹ жесткѹй; шпбтъ наоколо стола далѹ са слышати, но оутнхъ передъ позоромъ полнымъ высочѣства, котрымъ Кавниць на него бтѣвчалъ.

Юсифъ II. схопнѣлъ са, спбднѹ гѣбѹ закѣсилѹ зѣбами.

Оудалилѹ са живо въ прилежацій кабинетѹ задрѣжанный длѹ него самого, всн

пбдчасѹ народѹ часами трѣха бтпочини хотѣлъ.

Кавниць поспѣшилѹ за нимѹ — рада статска остала са собрана.

Юсифъ сдѣлѹ опертый на сѣфѣ, пбдперши головѹ рѣкою. Кавниць сталѹ почти-тельно передъ нимѹ, Цѣсарь оуказала рѣкою на крѣсло, князь оусѣлѹ.

"Старый дрѣже, чѣмъжь есте не говорили?" спыталъ Юсифъ.

"Хотѣлѣемъ видѣти, Ваше Вѣлнчѣство," бтрекъ князь, "шкъ далеко могѣтъ сагати коварства жидбѣвъ."

"Мои совѣтники перекѣпленѹ!" сказала жалостно Цѣсарь.

"Иѹ того не казалъ," бтповѣлъ дипломатѹ важно, "въ слѣчаахъ, гдѣбы ишло о правдѹ або неправдѹ, боршѣбы померли, нежели дали са грбшми наклонити до обѣвѣнѣи мнѣнѣи прѣтивного ихъ донстномѹ пересѣдчию. Тѹгъ же хѣдитѹ о цюсъ бтвѣченога, о ідию, котрѹи высо-ты они не осажѣли, котрѹи сагательности не понимаютѹ. Межи тимѹ, коли они колебаючица мыслами оуснабѹютъ составити совѣтѹ стали мнѣнѣе, натрѣчѣюгъ са жидбѣвскѹи пбдхлѣвства, жидбѣвскѹи оуслѣжности, оугодности; прѹто мѣсто острога слова; перекѣпство, оупотрѣвнѣлъ бымѹ радше лагоднѣйшого слова пбдла времении пбдпомочнѹ."

Юсифъ оусмѣхнѣлъ са

"Такой Ваша правда все," рекъ; "то бы рбвнопоставленѹ есте прѣтивенѹ?"

"Рѣшительно," бтповѣлъ Кавниць съ притискомъ; "о сто лѣтъ былобы завчаснымъ."

"Иѹ и зновѹ не хочѹ число реформѹ, котрѹи порано принѣли, еще о однѹ ббльше помножити," примѣтилѹ Цѣсарь оусмѣхѹючисѹ сѣмно; "иэ цюжь типрѹ дѣлати? Иѹ оуже на прошенѹе пзвѣолилѹ."

„Тое, извольте Ваше Величество, буде оуже на моей голове“, сказалъ князь съ овымъ дипломатичнымъ оусмѣхомъ, о котромъ оуже кѣлкакратно споминались, „таже и я мѣшѣ такоже еше поѣдписати.“

Цѣсарь и дипломатъ спозирали на себе съ оусмѣхомъ — зрозѣмѣли са.

По семъ вернѣлиса оба до салѣ обрадѣ назадъ, гдѣ совѣтники статскіи шко тако напряженно ожидали ихъ поворотѣ, бо мимо поѣдписа Юсифового не могли оутелити въ собѣ малои жѣранности взглядомъ того, що Цѣсарь въ своемъ приватномъ кабинетѣ съ канцлеромъ расправлялъ.

При встѣпѣ Цѣсара въ салю обрадѣ, востали черноберанин панове, и поклонилиса низко, а Юсифъ рекъ:

„Извинѣтъ, мои панове; ходило ми о тое, шобы и пана Канцлера позыскати для того дѣла. Князь склонилъ са къ моему мнѣнію, и безпосредственно поѣдписаше прошеніе.“

(Конциъ сѣѣдѣ.)

Школа Хлѣвцака.

Не годить са Рѣсинови прощаючиса съ прекрѣснымъ Хлѣвцаком Богоматери храмомъ, — не придѣлѣти са недалеко находчомѣ са еггороженомѣ, гонтою покрьтомѣ, виселомѣ домови зѣ надписомъ: „Школа Хлѣвцака“, — та не встѣпити до него. — Есть то правдива нынѣ сирота!... Нема Отца покровителя и много довердѣла Юсифа Оудрицкого, которого дѣти того села въ томъ домѣ шкъ рѣдного батька выглядали и витали; — не залишила бо невѣщникъ николи въ проѣздѣ своемъ до нихъ встѣпити, въ все вглянѣти, выпытати, похвалити и щедрыми подарками заоохотити!... нема и тихъ великихъ гостеньковѣ, котрыхъ той, людямъ милый обыватель

звыкъ былъ до своихъ оучащихъ са дѣточокъ запрашѣвати, чѣвствѣючи наибольш радѣсть, коли щастыемъ тихъ росю навки оживленныхъ молоденькихъ цѣтѣбѣ могъ са былъ повѣличати! — Все затѣжило за нимъ и заплакало въ томъ розсадникѣ милѣмъ! —

Достойный сей невѣщникъ оускоряючи чловѣчестѣвъ въ помѣчь, въ переконаню, шко навки на сильной основѣ релігійной молодежи подаваніи, по все вѣки были и будѣтъ едино спасаемымъ лѣчкомъ народа протнѣ его порокамъ; догладалъ ихъ и питалъ шко истинне его здорѣвье, красотѣ, крѣпость, и житыѣ. Тѣ то Онъ съ своимъ священникомъ — шкъ то са каже — рѣка въ рѣкѣ зачалъ свои великіи гадки розвивати. Зевѣдовалъ тѣю выгѣднѣ и прѣстороннѣ школы, снабдѣвши ю всею потребнымъ — оѣдѣлилъ обовязки и обиталище оучителя оѣтъ обовязковѣ и мешкана дѣка, а поладнавши все, завозвалъ и спроводилъ ревного оучителя Г. Тимодея Хомина знаного родимцамъ нашимъ изъ засагѣ и працѣ и на нивѣ словѣсности рѣскои, а колѣсь любезнѣйшого оученика славного Столовского, слѣшателя любомѣдріа, и оучителя въ Старогоніанскѣмъ Инститѣтѣ въ Львовѣ, — назначилъ для него и для школы изъ своихъ лѣсовѣ топливо, додалъ до платы оѣтъ громады, значный додатокъ оѣтъ себе, — придѣлилъ красныи огородъ, назначилъ оособенного надзирателя школы, — и все вѣзѣстанно любилъ, працѣющихъ коло блага общого оживлати, загрѣвати а щедрыми подарками и жертвами волю покрѣплати. — Ширѣжѣ бо ширѣ взялъ са и нашъ красногосецъ оучитель до порѣченон совѣ працѣ! Все свои прѣлестни надѣи и все свои гадки совѣкѣпалъ къ оослабленію оопредѣленон емѣ цѣли; и не долге и его чѣвствѣнна грѣдѣ прѣмовила

и заспівала сотнями молоденькими и добраними голосами, — и колишній совітники и друзи его, ввдѣтобы завистній щастю свога родственника, овъзвалися и загремѣли за нимъ — и забавалса хоръ! — хоръ истинныхъ птахобъ — молодцѣвъ — и наполнила ними наша сторона — а окрѣтъ Жолкѣвскій повесѣлъ! — Наслаждалса ними лѣта 1842 и 1843, а рѣкъ 1844 и инопламенцямъ дааъ почѣти — шка чародѣйна сила въ рѣскомъ пѣнію оутавна спочивае. Чиновники свѣтскій и войсковій не моглиа отървати отъ нухъ пѣній гнѣвы невесныхъ, — потрева было ажъ перестати, — хотачи, щобы народъ тѣ гостѣ розъншиса, имъ во спѣваючимъ, сталаа каждый нечѣючиса отъ радости якъ зачарованій. —

Не было въ нашихъ сторонахъ отличного торжества, гдѣбы ликъ спѣваковъ Хлѣвцкихъ не причинялъса до достопамятности его. Чѣмъ нухъ и красѣвалиса ними софѣдин храмы, тѣшилася неразъ стара мати Жолква, — солодилася Рѣска Рава при торжественномъ посвященю своен красолнчон Церкви, — и въ время Богослуженія за возворотъ ожидаанного мира въ Аустрійскѣй Державѣ, шчо и въ часъ оудѣленія медалей отличившымъ са — были наши спѣваки до Жолкви самымъ Бисокороднымъ Жолкѣвскимъ Старостою выразно призваніи, — а всюда присутствовавшіи достойники и знателѣ, искренное оказовали свое оудовольствіе. —

(Конецъ слѣдѣе.)

Г о с п о д а р к а .

Вопросъ до пасѣчникѣвъ.

1. Не разъ заходитъ потрева, гдѣ въ серединѣ оуліи трева работѣ предпринимати.

Етъ томъ слѣваю радатъ нѣмецкіи пасѣчники, щобы пчолѣ покѣрити пороучечкою (Bovist), отъ которон вса пчолѣ, вразъ съ маткою, на спѣдѣ оупаде, но по томъ очѣнати мае. Есть про тое вопросъ, чи истинно пороучичка не шкодитъ? и коли не шкодитъ, чи на веснѣ, чи въ лѣтѣ, чи въ осени або зимѣ? Пѣкъ много пороуха до того оуживати, чи молодого чи старого?

2. Радатъ зновѣ чѣжимъ пасѣчники, щобы мѣхѣ, которѣ на зимѣ дѣже мало меда мае, такъ, якъ вѣльѣвѣ, къ землю закопати, но не глѣбше ажъ на в. цалей, и отъ очка пѣстити трѣвѣ на двѣрѣ, а перезимѣють са совершенно. —

Чи доходилъ оу насъ кто того способѣ, якъ собѣ постѣпалъ, и якъ са оудало? Если бы тое правда была, то нечисинное множество мѣхи, которое звykle въ зимѣ изъ голодѣ и холодѣ гине, сохранилобыса, и такожь тѣлько медѣ, що мѣха чрезъ зимѣ спотребѣе, лишилобыса пасѣчничкови.

Тр.

Юлія до памятникѣ Антоинѣ.

Юлія, твоѣ подруга
 Ююентъ Тѣ якъ сестра друга
 І зѣстане всегда стала
 ІВкъ неподвижна скала.
 У бы того доказъ дати,
 Нѣ хочѣ и словѣ щѣкати,
 І о ствержѣ и всегда дѣломъ,
 О гнемъ сердца и всемъ тѣломъ!
 Нѣ лишѣ призывъ рѣскѣ ширѣ,
 И прихильность та и вѣрѣ
 Нѣ ай всѣ вороги полюбятъ,
 Шѣ дѣ намъ стрататъ и голѣватъ!!

В. К.

СВОРИЦКЪ

ПОВѢСТОКЪ, СКАЗОКЪ, ИСТОРИЧЕСКИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ, ГОСПОДАРСКИХЪ
И ИНЫХЪ ОБЩЕПОЛЕЗНЫХЪ ВѢСТІЙ И ПР. И ПР.

Ч. 36. 1

Вѣдень, субота 25. Юлія. (6. Августа.)

1853.

Князь Кауницъ и Жиди.

Казка изъ осмого десяшка минува-
шого столѣтія.

(Подаа нѣмецкого.)

3.

(Конць.)

Совѣтники статскіи сіаши ътъ радо-
сти. Кауницъ оухопилъ перо и пѣдписалъ
поданое прошеніе своимъ красночертнымъ
письмомъ, по чѣмъ посагъ, смотря нѣтъ-
клонно въ письмо, по пѣсочницу, но оу-
хопилъ мѣсто нен чернилицю, и выліалъ
все, що въ ней было, на свѣой и Цѣ-
саря пѣдпись.

Теперь треба было видѣти, съ икою
краснохитростію и дипломатичною строи-
ностію извинилъ Кауницъ передъ Цѣса-
ремъ свою незрѣчнѣсть, высыпалъ такъ пол-
нотѣ красорѣчія, икъ впередъ панове со-
вѣтники при оборонѣ рѣвнопоставлена жи-
дѣвъ.

„Но, но, не жѣрѣтъ са, мон ргінсе,“
сказалъ Цѣсарь смѣючи са, „маемъ еще
бѣльше паперѣ, и бѣльше бархатныхъ ков-
рѣвъ. Пани адъютантъ, вѣдѣте такъ добрый
велѣти сдѣлати новѣ ътписъ сего прошенія,
и предложѣте ми ю петѣмъ до пѣдписана.
Здоровствѣйте, мон панове.“ И съ тимъ
ѣтъишолъ Юсефъ до своихъ апартаментѣвъ.

Съ глѣбокими оуклонами къ Кауницѣ
ѣтдалианса и совѣтники; князь извинилъ

са непрестанно за свою мал адрессъ, икъ
тоѣ звалъ.

Адъютантъ постаралъ са за новѣ ѣт-
писъ подана о горожанскѣ рѣвноправенны
жидѣвъ. —

Тѣю дрѣгъ ѣтписъ Цѣсаря Го-
сифъ II оуже не пѣдписалъ. —

Въ три дни по послѣдно оповѣже-
ныхъ происшествіяхъ отѣывалиса „пѣдъ
чорнымъ арѣвомъ“ на Маріагильфѣ тор-
жественнѣ зарѣчины. За великимъ пѣкомъ
цвѣтѣвъ, въ котрѣмъ стрѣмѣла цитрина,
сѣдѣла постѣпнѣшій на степень локаа чо-
вѣтохарникъ Адрианъ Балдавъсъ при боку
гожон Идвисѣ, которон старостою была
монсы Жанъ, и долгимъ радѣмъ сѣдѣла
такожь вса череда локаѣвъ, гайдѣкѣвъ,
повозчикѣвъ, слѣгъ, покоѣвокъ, кѣхарѣвъ,
кѣхарокъ и. т. д.

Красою же и вѣнциемъ всѣго была панъ
Лоренць Дѣдѣльгамеръ въ всѣй лѣпотѣ
своего воротарского строе, котрый того
вѣчера безчисленнѣ зайдалѣ испивалъ, и без-
численными филозофическими и дипломатич-
ными примѣтками пользѣ прислухѣючогоса
слѣжалства помножити оуслѣвалъ са. —

Школа Хлѣвецка.

(Конць.)

Роздобилъ бо ѣтъ смѣ повѣрениѣ град-
кѣ; — передъ засѣвомъ наики и по засѣ-

вѣ, кажды́й принати́ю са зѣриатка на завадѣ стоавшѣ грѣдкѣ, розвнѣлѣ, смагчилѣ словомѣ и слезами. — Хлѣвиччанѣ полюбнѣши школѣ шкѣ свое здороевѣ, полнѣ ю мають дѣточокѣ съ радостію оучашихѣ са; — и зѣ чѣжихѣ 4 до 5 милѣ о́тдалнхѣ селѣ прнбывали на навѣс рѣскн дѣти, оучачнса о́тъ давна свога сердѣчного азыка, складачуцн навѣть прнвѣтнхъ испытѣ зѣ краснымѣ оупсѣхомѣ въ школахѣ головныхѣ. И то не днвно, — прнходоачн нашѣ, нзѣ рѣзнхѣ сторонѣ на о́тпѣсты до Хлѣвнцон Цѣрквн спѣшачнй нарѣдѣ, овачнвшн шкѣльнѣ молодѣжѣ, котра своєю надовностію очн н серца плѣннтѣ, — почѣвшн чѣдѣвнн пѣннѣ, шѣ то дѣшѣ на дѣа землю возносатѣ, не мѣгѣ нобоводнтнса, заплантнса, — н свон дѣтонѣкнчогосѣ подобно смнрннно — велнчавого не дачн навчнтн! —

И теперѣ ещѣ ко́лька словѣ о подѣлѣ тѣй славнмон школы н ен навѣкахѣ: Школа звнчачнна подѣлена естѣ на початковхѣ н на два о́тдѣлы. Початковнм оучатсѣ: вѣкварѣ рѣскнй, польскнй н нѣмецкнй, переводѣ вѣквара нѣмецкого на азыкѣ рѣскнй, початковнм правнла правописн, численнѣ нзѣ голловы н катнхнсмѣ. Въ I о́мѣ о́тдѣлѣ: Катнхнсмѣ, читанка рѣска, польска н нѣмецка, толкованнѣ нѣмецкнхѣ малнхѣ повѣстнй на азыкѣ рѣскнй, початкн рѣскон граматнкн, численнѣ на таблицн, писаннѣ н початкн рѣководство въ пѣнію. Въ II о́тдѣлѣ: Великнй Катнхнсмѣ, читаннѣ псалтнра, нѣмецкого н польского Евангелнѣ, переведеннѣ псалмѣвъ часто прн набоженствѣхѣ читанхѣ на народнхѣ рѣскнй; нѣмецка читанка для сельскнхѣ оучнлнщѣ. Въ II отрадѣ: Рѣска н нѣмецка грамматнка, численнѣ на таблицн по рѣскн н по нѣмецкн, проказованого пѣдѣ рѣск писаннѣ (Dictando Schreiben) рѣское, краснописаннѣ по рѣскн, по польскн н по нѣмецкн. Рѣска Дамаскнна, н пѣннѣ цѣрквонное обнч-

ное т. е. гласы, осмогласннкѣ н чѣтверогласное. Зѣ врѣхѣ всего сѣходатѣ са кождон нѣдѣлѣ н свѣтаѣ по вѣчѣрнн до школы по обстоателствѣхѣ на еднѣ, двѣ н бѣльше годннхѣ дорослнн спѣвакн, межн котрыми много нахѣднтѣ са чѣстнхѣ господарѣвъ — на навѣс въ спѣвахѣ согласнхѣ. —

Знатнѣншн пѣвцѣ Хлѣвнцкого хора знаннн нашѣй сторонѣ сѣтъ слѣдѣчнн: I. сопрано спѣваютѣ: Петро Дѣдннкѣ, Лѣска Медѣдѣ, Іоаннѣ Бѣгѣнѣ н др. . . . II. Альтомѣ: Онуфрнй Лаврѣхѣ (господарѣ) Васнлнй Медѣдѣ, Васнлнн Чопоновскнй (Сонтр. Alto) зѣ др. . . III. Теноромѣ: Феодорѣ Трѣшѣ, Матѣнѣ Ганочкнй (госп.) Грнгорнй Ганочкнй зѣ др. . . IV. Бассомѣ: Фнлнмонѣ Бнгай, Гостннѣ Кнслѣвнчѣ (госп.) н др. . . Кромѣ тнхѣ н дрѣгнхѣ знатнѣншнхѣ Хлѣвнцкнхѣ, до квартетѣхѣ належачнхѣ спѣвако́въ естѣ тамѣ много совершннно оуставѣ цѣрквоннхѣ значоучнхѣ н на дѣко́въ здѣвнхѣ господарѣвъ, котрнн знаннчнса свонмѣ господарствомѣ, въ нѣдѣлю н свѣтаѣ наполнютѣ крнлосы, а много вышнло оужн на дѣко́въ н оучнтелѣвъ шкѣль дѣрохнлѣннхѣ н пр. . .

Отѣ такѣ Камѣ Цѣрквн н школа Хлѣвнцка рѣвною шѣдростою свога Бнсокопочнтаемого Кнттора — взросла н прославнласѣ. — Прнвѣлѣ вы н ещѣ н нннн, такѣ около св. храмѣвъ, шкѣль народнхѣ, шкѣ н около дрѣгнхѣ, оещомѣ влагѣ слѣжачнхѣ. заведеннй достопамятннн Невѣжннка дѣланнѣ, въ слѣдствнѣ которыхѣ отлнзнѣнн еыль. Онѣ о́тъ Его Величнства Цѣсарѣ Фердннанда Первого золотымѣ медаламѣ, — вспѣмнѣлымѣ съ тнмн на годѣ 1848, колн Его Прносвѣщннство вл. нам. Іоаннѣ Снѣгѣрскнй прн каноннчскѣмѣ постѣпнню старон цѣрквн новѣ ещѣ можднчннѣ въ самѣмѣ розцѣтѣтѣ заставнн — въ радостн словѣ дали самѣлнчно тѣю посѣатнтн;

— на лѣто 1849, коли нашъ Высокопочитаемый Обыватель, чѣючися ослабленъ на силѣхъ — окончивши богослажившаго сердца дѣло — желалъ передъ смертію своею хотѣть Службу въ храмѣ за его стараніемъ воздвиженіемъ выслаухати — оуже въ пѣзднѣи остиѣ приймаѣи о поблагословеніи Церкви попросилъ; — описавъмымъ далше чинъ того благословенія Церкви исполненный Бч. и Высоко Преп. Юліаномъ Квчиньскимъ тогдашнимъ Пѣдтелицкимъ и Оугнѣвскимъ Намѣстникомъ — а потомъ: шастѣ и радѣсть такъ самого Ктитора, котра мѣ въкѣ продолжила — шкѣ и всѣмъ численно собравшагося народа, — пригадавѣмымъ тѣмъ и прекрасное рѣское слово, голошене въ чести торжества Бч. Іерміемъ К . . . Пароухомъ Домашивскимъ, — передалѣмымъ потомъ общѣи вѣдомости въ память самое торжественное посващенье Церкви вл. пам. Свѣтителемъ Іоанномъ слѣдвучон всенны лѣта Б. 1844 въ недѣлю св. Отицѣ въ сопровождѣ Преподобнѣишаго Архимандрита О. Орестъа Холмчиньскаго, Высокопрподобивухъ Крилошанъ: П. Бѣтешиньскаго и Іѣкова Гіеровскаго и многочисленного Свѣщенничества, и присѣтствію многихъ вышнихъ свѣтскихъ и войсковыхъ достойникѣвъ исполненне, день того славишаго торжества, котромъ прекрасна мавѣа погода слѣжила, воскликни радости, чѣдеснѣи пѣніа нашихъ Хлѣвцкихъ спѣвакѣвъ, безпримѣрный, каждого оудивляющѣи порадокъ, котрый всюда пановалъ, — всѣ тов и томъ подобне, житѣ Высокородного Іосифа Оудрицкаго оукрашающее згадавѣмымъ, всливѣмымъ совѣтъ разѣ не припомнѣлъ, що тѣсненькии переѣлки нашего миленькаго Сворника коротшаго слова желаютъ, а по дрѣге, колневѣмымъ не лакалъ са моимъ словомъ засмѣтити смириннѣсть дрѣгихъ вѣщо живучихъ а тѣвдѣми и жертвѣми

тѣсненько соединенныхъ дрѣвѣвъ и благодѣтелей тихъ вѣчнопаматнихъ дѣланій, — не любелачныхъ мѣрскихъ похвалъ — ни коли не трѣбачныхъ передъ свѣтомъ своихъ тихенькихъ, истинно великихъ рѣвнованій! — Проминѣю протое дальшии изчисленія того около общаго блага много заслужившаго са мѣжа оучинкѣвъ, примѣчаючи токмо тое, що въ томъ обыватели вырвилосѣ совершенно переконанье, же на вышшѣмъ степени поставленнаго должностію есть, не токмо шастнаго властитѣла и достойнаго богача има носити, але шкѣ надѣ все достойнѣишѣи и богатшѣи честноты имѣти; же авѣ въ человѣчѣскомъ обществѣ честь и любовь совѣтъ оузыскати, трѣба человѣчѣствѣ заслѣжитисѣ — а тѣмъ заслѣги совѣралъ совѣтъ Онъ дѣлалъ. —

Зрозумѣлъ бо, що того анѣ высокое оужинье, анѣ маетокъ, анѣ найголоснѣишѣи предкѣвъ заслѣги незастѣпатъ — не може бо недѣжномъ ничего всѣхъ родственникѣвъ цѣтѣшное здоровье, — совѣстивнѣи добрин свойствѣ, шкѣ совѣстивнѣи здоровѣи очѣ, чинѣть насѣ видачимъ, — а добрин дѣла, шкѣ конѣ цѣтѣбѣвъ, швалютъ насѣ и чинѣть свѣтѣ милымъ! — Не потребѣе про тое дальшихъ изчисленій своихъ благодѣланій нашъ Высокородный Дрѣгъ и Добродѣи — не потребѣе всѣхъ похвалъ, шкѣи оуста людскѣи звѣклии голосити! — вѣдѣто: они зѣ пѣдѣвѣкѣ трѣбныи выходятъ. — Его дѣла самѣи скрѣзь свѣтѣ о Немъ вѣдѣтъ оповѣдали, засжилъ бо Онъ совѣтъ сѣрдѣ захитѣю лѣтскаго въ вѣрнѣи сердца вѣчно промовляющѣю скареницю, — родѣ вѣдѣ паматати и жити въ немъ — а Онъ въ немъ прославитсѣ! — —

Богданъ.

Пявки барометромъ.

Лѣкарь Нирнбергеръ, который многократнѣ дѣлалъ метеорологичнѣ досвѣдченія, препорѣчаетъ къ той цѣли тѣмъ оуже зѣнниого взгляда дѣже пожиточнѣ свѣртка.

„Наполни флашкъ зне цѣлкомъ водою и вложи въ ню павкѣ. Коли мае быти красна погода, павка шкъ саммакъ звинѣта вѣде спокойнѣ на днѣ лежати; коли мае быти дошъ, павка влѣзе въ шью вѣтельки и тамъ прилипне, ажъ доки погода не настане; сли мае быти вѣтеръ, павка сквапливо по флашцѣ оувивати са вѣде; сли маютъ быти вѣрѣ и громы, павка вылазитъ зъ воды и дѣже неспокойною бывае.“

Юлія.

Тѣлеснѣ вправы.

Въ Ч. 21. Сборника началамъ описовати тѣлеснѣ вправы, котри въ зимовѣй порѣ съ дѣтьми предпринималамъ. Обѣцаламъ написати пѣздвѣйше продолженіе, и тутъ оно слѣдуе:

Пѣзднѣйше при теплѣйшомъ веснаномъ воздѣсѣ на пѣсковѣй площади або мѣравѣ вправаламъ са дѣти:

4) — Вѣ дѣланю раменами поодномѣ або по два разомъ. Рамена до тѣла притѣлнати, рама оризонтально бокомъ вытагнѣти, раменами вколо зъ передѣ въ задѣ сдѣлати, оба рамена напередѣ вытагати, плискати рѣками въ передѣ, въ задѣ цю 2 дѣтнѣ одно къ дрѣгомѣ. Рамена выше себе пѣднестн. Крижовати рамена на передѣ, на задѣ. Раменами по пѣдѣ бѣкъ са взати. За конецъ ноги са взати, кѣнцемъ пальцѣвъ земаѣ са дѣткнѣти въ передѣ, бокомъ. —

5) — Вѣ ходженю. Мѣсѣлан нти одно коло дрѣгого або за дрѣгимъ, радлами ведла

тактѣ съ голоснымъ оударнѣемъ тактѣ. Ходили на палцахъ, на патахъ, въ тѣлѣ, бокомъ и пр. —

6) Вѣ пѣдскакованю. Пѣдскаковати на мѣстци, або далѣй ндѣчи, на обоухъ ногахъ, на однѣй нозѣ, на перемѣнѣ (ногами, на пальцахъ, напередѣ назадѣ, обертаячиса). Можна прилѣчити до того вправы робленна раменами.

7) — Вѣ вѣганю. Вѣ радѣхъ всакого рода съ наглѣмъ ставанѣемъ, обертаячиса, назадѣ. Кѣсомъ, чвалоомъ, одною ногою все впередѣ. Вѣ вѣганю до цѣли, на опредѣленнѣй частѣ, въ ловленю са. —

8) — Вѣ точеню. Малыми кѣлками, обрѣчемъ, крѣжкомъ або рѣками або пѣдвѣкачемъ качати въ даль до цѣли.

9) — Вѣ киданю пилкою, въ даль, до сталон або порѣшающей са цѣли, лѣвою рѣкою, въ задѣ, на однѣй нозѣ стоимѣ, въ вѣгѣ, пѣдскакѣючи, сѣдѣчи, лежачи и пр. и пр. —

10) — Вѣ скаканю. Бѣльно до горы, въ даль, на дѣлѣ до пѣдвѣшеного мѣстца, до горы, черезъ дѣлѣ, черезъ линвѣ, съ розгономъ або безъ того, на однѣй нозѣ, на бѣкъ, на задѣ. —

Ескъ тѣмъ вправы досвѣдчаламъ шко для тѣлесного розвѣтнѣ дѣтнѣ дѣже помѣчнѣи, и молоденькимъ тѣламъ много звинности и ловкости надаючнѣ, и протое осмѣлаю са захвалнати нхъ нннимъ матеремъ и оучителькамъ. — Юлія.

З П Г Я Д К Я.

XXII.

Красный кѣтокъ, и солодкнѣ,
Той есть моя мамѣшка,
По природнѣмъ хѣдожествомъ
Благоднѣ мене мѣшка;
Богѣ слѣжѣ, и приношѣ
Не слѣпомѣ вѣлѣмъ скѣтъ,
Зарю все оскѣлаю
Но лишь тамъ, гдѣ солнца нѣтъ.
(Розвязанье послѣдуе.)

СВОРНИКЪ

ПОВѢСТОКЪ, СКАЗОКЪ, ИСТОРИЧЕСКИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ, ГОСПОДАРСКИХЪ
И ДРУГИХЪ ОБЩЕПОЛЕЗНЫХЪ ВѢСТЕЙ И ПР. И ПР.

Ч. 32.

Въ день, субота 1. (13.) Августа.

1853

П О В О Р О Т Ъ

въ своя си.

Былъ то чарователный вечеръ въ концѣ мѣсяца Серпна. Заходяче солнце, сплывающе по небу, освѣщало черноватымъ блескомъ восточныя загороды и золотило вершины противоположныхъ сѣль.

Молодой пѣтчикъ, съ огорченнымъ лицомъ, съ запорошенными ногами, съ ташмачкомъ на дачехъ и валичкою въ рѣцѣ водро и жиро спѣшила на крѣсть возвышенности и остановивши сѣ, молчалъ и поглядывалъ на распростертѣ въ низъ, передъ очима его прехорошѣ ровнины.

Она представляла обширнѣю сторону, оуцѣлени селами и мѣстечками, которыхъ церкви и звонницѣ проглядывали изъ за старухъ дѣбевъ а по дѣрѣвѣмъ воцѣ скорѣ просмѣки малыхъ сосновухъ лѣсѣвъ; такъ однакожъ, що тажко было довлѣсти изъ того мѣстца крѣсть сѣ чѣты хорошихъ дѣбевъ въ нухъ цѣломъ основанію, о тѣлько большѣ занимало нетерпѣливаго пѣтчика возхичающимъ потагомъ своимъ оу миганье розничныхъ блестятельныхъ крѣствѣ, котри въ верховѣ церкви вѣсили свѣжающаго сѣкъ нѣмъ, прѣстѣнными надѣлами; шо некоемъ еще красшій видѣ смѣ сѣ отслѣнитъ. — Сторонами, куда око спочило на пространствахъ чистаго плодѣнаго поля, дѣланшого на перемѣнѣ сѣ

лѣгами оуи лѣсомъ омаени порѣ, видно было тажко надолженію возы, котрыми трудолюбивіи люди свозили даръ Божій, хлѣбъ свѣтлый зародившій въ тихъ сторонахъ богато. — Прозрачная рѣчка котила сѣбѣ стѣи воды свои по крапильныхъ камѣнчикахъ милымъ клекотомъ, перерѣзѣючи хорошѣю ровнинѣ дивными выкрасами.

На ви берѣгахъ зеленѣли сѣ лѣги, покритіи хорошиими стадами, повѣтрающими малѣ ломалѣ къ пованскимъ селамъ. Густый лѣсъ покрывалъ хребтъ невеликаго горы, возвышающа сѣ постепенно отъ самаго низъ, а оуцѣпчаномъ на самѣмъ вершкѣ развалинами древнѣго монастыря, овокъ котрыхъ нынѣ лишь невеличка однакъ, много посѣщала дѣревапаа церковица возноситъ сѣ и своимъ пяти крѣпильными банями на всѣ стороны свѣта видима, цѣла сторона оукрашѣ и можѣ указать христовыми чѣствами оживлаѣ. — Бо звонъ невеличкій, но садѣю звѣняшій, якъ колѣны на полѣ изъ сѣбѣ дѣланный, известный своимъ гомономъ по всѣхъ горахъ и долинахъ людемъ окрестности, даѣ во пѣломѣ сѣланинѣ отъ дѣвухъ давнѣ знакъ до ранной молитвы, гѣмъ знакъ начала каждого дѣла.

Пѣтцо (такъ называлѣся молодой пѣтешественникъ) ставши на тѣмъ свѣщеничѣмъ мѣстци, приклонилъ одно колѣно, и сѣ распростертыми рѣками, воскли-

кивалъ поглаждаючи слезнымъ окомъ въ пелазике на подгору розстаючи са село:
 „Витаю, витаю тебе, милая родина-на сторона! Много прекрасныхъ мѣстца, видѣлъ я отъ овухъ поръ, коли съ тобою подращала въ мѣся, но и одно не было такъ пріятне, якъ ты! Николи дорогоцѣнный образъ твоѣй не выгасала въ памяти моеи; съ шкимъ же восторгомъ вижу я теперь предъ очима моими все красоты твоѣ! — О! прійми мене шрва въ объятіа твоѣ; никели не оставлю оуже тебе, больші!“ — Сказавши сіа слова, кивалъ са на землю и, помѣшавши ю, всталъ и продолжалъ дорогу свою. —

(Продолженіе слѣдств.)

Галицко Руска Матиця.

По долгомъ, долгомъ ожиданю дала порицѣны Галицко Руска Матиця знакъ жизни: свои засѣданіе въ Выдѣла д. 29. Червца 1853. Я пониже радишьсьмо, авы значительный кругъ читательства нашего доведѣла са людровно, що тамъ оухвалено, то сѣвшила помѣстити тѣтъ дословно описаня с поманішого засѣданія, сообщивши изъ стороны самого выдѣла Галицко-русской Матицѣ. (Напечатане въ Зорѣ д. 8. (20.)

Лица с.р.)

ПРОМОВА

Всечестного Г. Михайла Кувежского, Предовдателя Выдѣла Галицко-Русской Матицѣ, говоренная на засѣданіи Выдѣла дня 17. (29.) Червца 1853. года.

„Чеснии и достошвальнии Господинове!

„По долгой перервѣ съшлись мы снова, дабы надѣ шрвами соединенія Галицко-русской Матицѣ нарядитиса.“

„На dniu 1. (13.) Марта 1850 (смотри Ч. 29. - Зорѣ въ 1850) отмысла втврый

Соворъ Общества Оученыхъ. На немъ оухвалено много предметовъ, которыхъ исполненіе Выдѣла Матицѣ препоручено, а важнѣйшій изъ всѣхъ была: составити оуставы соединенія и предложити высокому правительству до затвержденія.“

„Выдѣла старалса по можности и силѣ своей препорученое съѣ дѣло перепроводити, а сколько сіе оучинити возможно было, оказжетса изъ дальшого розсмотрѣнія.“

„Выдѣла по рувѣдѣ загалного собранія предложилъ оуставы соединенія Галицко-русской Матицѣ высокому правительству, а послѣдшии затвержденіе, до Ч. 14, Матицию издаваемыхъ книгъ печатати казалъ.“

„По 36. §. тѣхъ оуставовъ должно соединеніе звычайно разъ въ году на засѣданіе соворное собиратиса. Отъ г. 1850. тажко было томъ требованію отповѣсти: а то зъ многа причинъ:

- а). ко члены Выдѣла матичного по большій части съѣа вразъ и члнами комитетимъ предосточен шрвамъ созиданого Дома Народного и другон городской Церкви, которіи послѣднимъ дѣломъ надѣ сманъ занятиса;
- б). недостатокъ мѣстца, где бы загалное собраніе съштитса могло;
- в). обстоительствы инни, которіи подроко исчисляти было кадеме на донѣ, а въ концѣ,
- г). заншаси новое право обществухъ, и такъ Выдѣла не мбгъ прнвести въ дѣйствіе то, что вознамѣрла.“

„Дня 15. Стѣна т. г. Ч. 1. по силѣ патента зъ дня 20. Листопада 1852. предложилъ Выдѣла высокому правительству прошеніе о новомъ затвержденіи соединенія Галицко-русской Матицѣ, а итѣмъ тоемъ стѣпнло не мбгъ Выдѣла собиратиса, а такъ и дѣланія его до части были перетати.“ —

„На тоє прошеніє пришло пѣдъ днѣмъ 31. Маѣ т. г. Ч. 21225 ътъ высокого правительства касательно соединенія Галицко-русской Матицѣ слѣдующое рѣшеніє:

„Высокопочтенный Господине Крылошанине!

„На прошеніа изъ 14. 15. и 19. Января 1853 о призволеніи дальшого свѣствованія русскому литературному обществу „Матица руска,” русскому обществу „Читальна,” и комисіи оуправляющей образованіемъ русскаго Народнаго Института при Имѣищахъ, что касательно дальшого свѣствованія поманіиныхъ оеихъ обществъ, которымъ оучрежденіе, толькѣ ътъ Ц. К. краевой Предсѣдательства и ътъ центрального оуправленія стана облоги въ Галиціи призволеннаго было, на основаніи §. 4 закона о обществахъ изъ 26. Ноемвриа 1852 соизволеніе Его Ц. К. Апостольскаго Величества приобрестиса имать.

„Ваша Высочество для того іако Предсѣдатель поманіиныхъ обществъ, также поманіиной оуправляющей Комисіи предлагается, статута сихъ обществъ и также оучреждаемого Народнаго Института въ тѣхъ ътъ свѣствуючюго Выдѣла подписаныхъ одностасныхъ ътписахъ Губернии краевой предложить. Однако соизволяется, дабы речени оба общества, до законнаго рѣшенія прошенія о соизволеніи на нихъ дальшое свѣствованіе свою дѣятельность продолжали. При томъ обращается вниманіе Вашою Высочности на тоє, что въ статутахъ литературнаго общества „Матица Галицка,” которымъ ътписъ пѣдъ днѣмъ 8. Марта 1853 ч. 6. Львовскою Ц. К. Полиціиною Дирекціи предложена была, опредѣленія касательно заствѣпанія сего общества напротивъ третимъ лицамъ и напротивъ оурядокъ, также касательно невозможности развазанія общества ну находитса, а сего ради сін статута тѣмже въ слѣдствіе §. 9, поманіи

нѣтого закона о обществахъ исполнитиса мають. Если въ статута общества „Читальна,” не содержали въ томъ §. изложеніи опредѣленія, то также и сін статута по сѣмъ исполнитиса мають. На сін законніи опредѣленія подобаетъ также належитѣ имать и при составленіи статута для Народнаго Института.

Львовѣ дна 31. Маѣ 1853.

Калшберго.

„Теперь припадає, авы Выдѣла составленіемъ или исполненіемъ тѣхъ оуставовъ занялса и высокому правительству предложить. Сей єсть важнѣйшій предметъ нынѣшняго заствѣпанія.

„Кромѣ того єсть и иніи предметы, которыи пѣдъ розвагъ взати подобает. Оуразвазаніе зарядѣ соединенія Галицко-русскаго Матицѣ и общества просвѣщенія за часть ътъ 14. Марта 1850 до 31. Маѣ 1851 печатанное порозсылаю по намѣстничествамъ оеъвилло такъ достоуваваемымъ чинамъ іакъ и любителямъ рускои словесности дѣланія зарядѣ за повышшій часть.”

„Такое справозданіе за часть ътъ 1. Червца 1851 до 31. Маѣ 1852 давно оуже лежитъ вылагожено до печатанія, а Ваши Высочности днѣсь рѣшити, могутъ, чи тоє справозданіе печатати, и совѣщати сѣ справозданіемъ за часть ътъ 1. Червца 1852 до 31. Маѣ 1853, которое тавомъ же завомъ вылагодитса.”

„Дабы розъясленіе книжкомъ на намѣстничества оупорядковати, оупрошено Высочнѣйшаго Г. Дѣткевича, Крылошанина и совѣтника Консисторіи, который дѣло тоє оучо на сѣбѣ приналъ, и нимъ занимаєса.”

„Станъ цѣлого имѣнія Матицнаго до кѣнца Маѣ 1853, выкаже справозданіе дотичное, вспѣмнѣ тѣтъ толькѣ, чѣо соединеніе имать, теперь въ касѣ имать заставашій

СБОРНИКЪ

повѣстокъ, сказокъ, историческихъ воспоминаній, господарскихъ
и иныхъ общепользныхъ вѣстій и пр. и пр.

Ч. 33.

Въ день, субота 8. (20.) Августа.

1853.

П О В О Р О Т Ъ

въ своя си.

(Продолженіе.)

Свѣстивши са въ рѣкини, межн под-
борѣмъ а тою горою, растагненъ, оуче-
дѣла о подаль шевиникъ къкъ дѣтій,
котри исало ишан дорогою противъ нимъ, и
ниогда остановлялися рѣатножины даивенши
нхъ на оба боки порослаго рѣа.

Такъ невакомъ срътнла са око въ
око съ нимн и спросила:

— „Куда идете, мои мѣлнчки?“

— „Въ поле, та и оборотно до домъ,
отповѣли емъ всѣ разомъ.“

— „Я гажь вашъ дѣмъ?“

— „Въ Чернѣховѣ, онъ въ томъ се-
лѣ, межн дѣривами, простѣсинько противъ
насъ. Видите?“

— „Вижу, вижу,“ отповѣла Петро
съ слезами въ очехъ. „Я шкъ же вы зови-
те са?“ — „Шкъ мы зовимъ са? Я товѣ
шкъ има, а ты шкъ зовишь са?“

Есть дѣточки выщивтали смѣло дѣ-
мена свои. Сердце Петра сильно страдало са,
оучѣвши давно знакомн звѣки.

— „Я тебѣ жь шкъ зовѣтъ, дѣщень-
ко?“ запытаа онъ однъ хорошенкѣ дѣв-
чинкѣ, котра старша была отъ дрѣгихъ и
стыдливо стоала за всѣми, тримаючи за
рѣкъ гожего вѣловолосого хлопчика, лѣтъ
пяти. —

— „Я называю са Настѣна Зарудка а
ея мой, наймолодшій, братъ Платонъ.“

— „Зарудка!“ Петро однакъ мѣл-
но дѣвчинкѣ, главила ей въ очи, и под-
шла зарудомъ малянького Платона на дѣ-
ки, вѣцкавила го сердцуню и мамѣпъ нимъ
дѣвоально малюковати са. Платонъ радъ бы
емъ заѣвти въ рѣкъ на замало, но Пе-
тро сказала, що отнеси го ажъ до домъ.

— „Я можима ты мнѣ показати гдѣ
вашъ дѣмъ, Настѣню?“ запытаа.

— „Могъ; отъ тамъ простѣсинько
видно дѣмъ нашъ, тамъ гдѣ въ перидъ е-
линка степола а за домомъ садъ.“

— „И шъ могъ съ камн ити любезнн
дѣти ажъ до домъ?“

— „Если вамъ оугодно,“ отрѣкла На-
стѣна, закивючи са.

Такъ ишли разомъ. Петро говорила
мало, для того, во сердце его было пере-
полнене дивными чѣствами; только часто
цѣловала маленького Платона.

Наконцѣ дошли до рогачки, за ко-
трою звѣтала стѣжка черезъ невеличке за-
горожене мѣстце. „То стѣжка до нашего
домъ,“ сказала Настѣна. —

Коло перилавъ оу нарта разстали са съ
нимн гажотри дѣти съ инаив выемнн.
Петро персадала, черезъ перилавъ много
хлопчика, и пропадаа го даалша за рѣкъ.
— Онъ, Петра погладали можа сказати,

съ якою дикою радостію на окружающіи его предметы; всѣ члены дрожали.

Сближаячися къ дому, оузрѣли старую, домашнюю собаку, пѣстившю съ на срѣчу дѣтѣмъ. Она погладила сердито на Петра и почала оуже ворчать, шкъ мгновенно би видѣ перемѣнила сѧ; прискочила бо по знакомѣ до него, лизала емѣ рѣки, махала хвостомъ, скакала, и оубажаючи по целомъ би оухожденію была чрезвычайно оурадована.

Петро тѣлачъ ю до себе, гладилъ по головѣ, и скачалъ: „Бѣдная Бѣланка, ты вѣи живишь!“ — Настѣна заднекала сѧ, цѣо незнакомицѣ и домова нѣхъ свѣчки, гонимы отъ давна знали одно другаго.

И такъ всѣ разомъ вѣшли до дому.

Молодица середнихъ лѣтъ, на котрой анца выражало сѧ добродѣше, занимала сѧ въ кѣхни при помочи дѣрсаои дочери приговариваема въчерѣ. Первая начала говорить съ вшадными на перѣдѣ дѣтѣми, и плашвени съ никотривма оудивленіемъ на Петра, запытала го, чего желасъ?

Петро молчала хвѣмакъ нѣмогій и слова выдовѣти зѣ грѣди, наконецъ же дрожащимъ голосомъ промовила: „Мамонько! цижъ вы непѣзнали мене?“

— „Петровна! сынъ мой Петровна!“ воскликнула добрая мати, и въ томъ же мгновенію были оуже въ объятіяхъ другѣ друга.

— „Братъ Петровна!“ промовила Юліа, и стала вѣтатисѧ съ нимъ сердчно.

— „Бидишь ты братъ мой?“ сказала остоликала Настѣна.

„Такъ, милаа Настѣно,“ оѣповѣла Петровна, и поцѣловала ю плашенино. — Малашии Платонъ дивна сѧ задѣмчиво на него, но и слова не смѣла промовикнѣти.

Вѣсты о поворотѣ Петра пролетѣла коро по маломъ пѣдѣрѣю, и вышла изъ

стедады оѣца его, второго врата его, Михаса, и третѣго Исидорка. — Отецъ прѣтиснѣлъ го до сердца своего, а мати держала го постоянно за шыю, и такъ посредаѣ сердчного плача продолжало сѧ прѣвѣтствованіе и благословеніе. Петровни не доставало слѣвъ, цѣо въразити радѣсть свою. —

Старый отецъ, покрытый сѣдымаъ волосомъ, трудолюбивый господарь, засталъ въ комнатѣ на лавѣ и вытагивалъ къ Петровни сѣхѣю, морщками пооранѣ рѣкѣ. Петровна цмокнула цѣлымъ жаромъ сердца оѣца въ рѣкѣ, и стиснѣла ю рѣками своими.

Отецъ пѣдигалъ ю въ горѣ и чѣственнѣальнымъ голосомъ, торжественно, шкъ ангѣла нѣка промовилъ: „Благослови тѣе Господи Боже! си оидишь нѣзъ найкрасшнихъ дней, въ теченію многихъ, послѣднихъ лѣтъ жизни твоей!“

(Продолженіе слѣдѣе.)

Галицко Руска Матиця.

(Продолженіе.)

„Должностію нашею естъ промышлати надѣ потребами и средствами, шкими въ просвѣщеніе межи народомъ рѣскимъ розширити можно.“

„Оуже и другій накладъ Бѣкварѣ соединеніемъ нашимъ изданного роходитсѧ, первый накладъ занималъ 10.000, а другій 20.000 экземплярѣвъ, зѣ которого въ складѣ еѣда 3000 экземплярѣвъ еше находитсѧ. Высокое правительстве приказало для шкѣлъ народныхъ составити нѣшый Бѣкваръ сѣходный съ нѣмецкимъ, а такъ видитсѧ не было въ на тепѣрѣ потребы, новый накладъ Бѣквара дѣлати. Высокое правительстве приказало такожъ и нѣни книжки для шкѣлъ народныхъ составлати. Не естъ нашею задачею ани нашимъ намѣреніемъ изданіемъ книжокъ шкѣльныхъ занимати-

ся, но заходить потреба иных книжек, которыхъ изданіемъ занати вы самъ припадало.” —

1. „Исторіи Бібліиной такъ вѣстухого икъ в новогое заветѣ цѣлый запякъ, с. п. всесвѣтѣйшимъ Крылошаниномъ Бенедиктомъ Левницкимъ сбединенію дарованній оуже роспроданный, отжежь заходитъ потреба или тои исторіи новыи наклады сдѣлати, или на ново сочинити.”

2. „Исторіи Галицкои цѣлкома нѣтъ, а однакожь така исторіа до потребнейшихъ книжекъ налжитъ.”

3. „Изъ многихъ сторонъ а особливо въ Тернопольскопо окръга допытѣются о такъ званныи кантички рускии — во молодѣжь школьна кантичокъ рускихъ немлючи, принужденна оупотреблати польскии.” —

4. „Далиса чѣти и желаніа изгладомъ собраніа Пѣсеней Народныхъ;”

5. „Потребнейше же изъ всего есть печатаніе Молитвословчика большого для міданъ, илиино же для молодѣжи школьной.” —

„На ообщѣмъ засѣданіи было оухвалено, цювъ Матица выдѣвала Часопись. Икъ вѣдомо Вашимъ Всесвѣтостемъ сдѣлаанмы возваріе до нѣкоторыхъ мѣжей, дабы наамъ изъвѣнан въ томъ предметѣ свое мнѣніе. Припадало вы послѣ тнхъ дописій дальшее дѣланіе предпринати. —”

„До сбединеніа пристѣпанн новии членны, многіи однакожь въ давнейшихъ нѣ сложнан вкладокъ за нѣсколько лѣтъ: потребно вы и надъ тѣмъ застановитиса.”

„То сѣтъ предметы, надъ которыми нынѣ наамъ нараднитиса подовае.”

„Прощѣ Вашихъ Всесвѣтостей тии предметы подроно розъбрати, а цю вѣдѣ оухвалено, до исполненіа достойнымъ сочленамъ припорѣчити.”

По той промовѣ отчиталъ Предсѣдатель изъ Зорѣ Ч. 29. въ 1850 оухвалы загалльного засѣданіа а потѣмъ настѣпанн на рады надъ поединокими предметами.

На самъ перидъ сокѣщаноса надъ тѣмъ, цювъ статѣта сбединеніа по предписанію высокопо Правительствѣ краевого дополнити и до предложеніа высокому правительствѣ вылагодити, и оухвалено по внесенію Всесвѣт. Предсѣдателя припорѣчити Ч. Г. Леонтовичю намѣркъ желаемого дополненіа составити и на найблизшѣмъ засѣданіи выдѣловн до рѣшннн предложити.

При томъ вносъ Ч. Г. совѣтникъ Гуркевичъ, давы до статѣтѣвъ прирати такожь и §. изгладомъ права продажи книжекъ матичныхъ. —

Хотѣ по изъясненію Всесвѣт. Предсѣдателя счѣты сбединеніа такожь и за годъ 1852 въ короткомъ времени выготовленн вѣдѣтъ, то оухвалено справозданіе за годъ 1851, окомѣшно печатати. Ч. Г. Леонтовичъ изъвѣналъ свое мнѣніе касательно Словара ботаническаго всѣхъ г. Муханломъ Петрушевичемъ сбединенію Матицѣ предложенного, — давы тѣе сочиненіе печатати.

(Конецъ сѣдѣе.)

ДОСѢТЫ ЗИПОВѢДІИ.

Однѣво вѣрнн Бога; во овозкай теари,
Не каиниса есѣе; свѣти сбекоуѣ; чти стары;
Не оуѣйца, ниже вѣдникъ; ни краданецѣ вѣди,
Не сѣдѣчи ложно; вѣщи не пожелай чѣждамъ.

ЛОГОГРИФЪ.

17.

На мнѣ гоиннй вѣмѣсть пирѣ,
Коль люди закоучають.
Дай мнѣ покой, годднй кѣмиръ
Славномъ ковѣшнѣють.

(Розвѣзанье послѣдуе.)

РОЗВѢЗАНЬЕ

Загадки XXIII. въ Ч. 32 Георника: Мѣякъ.

Логогрифа 16. въ Ч. 32 Георника: Авель, Павель.

КОРОТКІЙ ОЧЕРКЪ ІСТОРІИ АУСТРІЙСКОЙ ДЕРЖАВЫ.

Черезъ Василя Зборовскаго.

IV ЧАСТЬ.

новѣйшіи времена

Отъ 1774 — 1850.

Австрія подъ владѣтелямъ зъ дому

Габсбургско-Лотаринскаго

МАРІЯ ТЕРЕСІА.

По смерти Кароля VI, ввѣдала его набожна и премудрая дочь **Марія Тересія** въ 24 році жизни своей оуправительство **Державы** (з. **Жюльи** 1740.) своего супруга, **Франца Стефана**, **Баварскаго Князя Тусканскаго**, именовала спольвладѣтелемъ. Хотя заступила на тронѣ силою прагматичной санкціи, то пріцѣпъ сопротивляемо съ толмоу изъ множанухъ сторонѣ; еднѣ въ найпервиныхъ былъ **Кароль Ядвиготъ Князь Баварскій**, котрый тако потомокъ **Анны**, дочери **Цѣсара Фердинанда I.**, своего требовательнаго врака допиралъ. Дуже смѣли оказали съ дла **Цѣсаревон** раздлинни отношенія при отенданю правительствя.

Войска нѣ было больше шкъ 30,000, а непріятелѣ тайни и отвертин окржажи цѣлѣ **Державѣ**. До числа кторыхъ належалъ такоже и молодой **Король Прускій Фридрихъ II.**, котрый овѣемъ своихъ краѣвъ дуже радо на коштѣ **Австріи** побольштини жилалъ.

Етъ два мѣсакѣ по смерти Кароля впаля до свѣданаго **Шлеска**, и прійшло межн войсками **Марин Тересии** и койсками **Фридриха** до битвы коло **Молвиць** (10. Цѣт. 1741), котра на польскѣ **Фридриха** выпала.

Межн окома владѣтельствами розпочато за посрединчествомъ **Англии**

договоры, котри однакоже черевъ оупорѣ своихъ сторонѣ розвили са.

Фридрихъ II. жадалъ отступати великон части **Шлеска**; а **Марія Тересія** немогла въ своей совѣстности отнюдѣ допустити, абы и найменшѣ частишъ зъ краѣвъ, шкъ нхѣ отъбрала, отступати. —

Подѣлчась тихухъ переговоровѣ, котри са долго проволѣкали, возстааъ противъ **Австріи** новый непріятель, **Франція**, котра царствованіе **Марин Тересии** оуже за пропале голосила, и накетѣ съ своими союзниками зрѣвила предложеніе къ подѣленю краѣвъ **Австріи**.

Спѣшно съ войсками **Князя Баварскаго** впаля **Францези** до **Бышшиныхъ Раквессѣ**, обсадили въ короткомѣ часѣ **Аниць** (1741), гдѣ **Князь Кароль** повелѣлъ ожанкати са **Яржикнзевѣ Раквессѣ**. — Непріятельскомѣ войскѣ была теперь отверта дорога до **Бѣдана**. Замѣсть до **Бѣдана** пѣстияи са однакоже соединеніи войска до **Праги**, гдѣ **Князь Баварскій** казалъ са вѣнчати на **Короля Чехѣ** (19 Августяда 1741.) —

Етъ томѣ великомѣ оутисскѣ оудала са **Марія Тересія** до **Оугорщины**, бывши д. 15 Червца 1741 вѣнчаню на **Королевѣ Оугорѣ**. Въ **Королевскомѣ** замкѣ въ **Бретиславѣ** скликала станы краю (13 Бирсина т. р.), выстѣпила въ жалобномѣ рѣчию предѣ собраніе и промовила пламенно по латински, представляючи свою недолю. Молодость, красота, и доистно велике визасажжене шчасья нхѣ **Королевон** сдѣлали на сердца собраниху **Оугорѣвъ** чрезвычайне впечатлѣніе.

Тронѣтин великимѣ одушевлініемъ добѣли свои мечкѣ, и воскликнули голосно: „Оумремѣ за нашихъ **Королевѣвъ!**“ —

(Продолженіе послѣдѣе.)

Отвѣчательный издаватель и редакторъ **Василій Зборовскій**. — Типомъ **ОО. Мехитаристовѣ**.

СЮРНИКЪ

повѣстокъ, сказокъ, историческихъ воспоминаній, господарскихъ
и иныхъ общепользныхъ вѣстей и др. и пр.

Ч. 34.

Вѣдень, субота 15. (27.) Августа.

1853.

П о в о р о т ь

въ своемъ дѣлѣ.

(Продолженіе.)

— „Гдѣ же ты бывала, такъ долго?“
запытала отиць. — „Минѣло сѣмь дѣтъ!“
дошла мати. —

Старшій братъ сналъ зъ него тлѣмочокъ,
а Настѣна подава емѣ крѣсло, Петро
сѣлъ и всѣ помѣстили са вколо него. Стара
сѣланка подѣшила са такожь въ крѣгъ
застѣвшихъ и лагла оу его нѣгъ.

— „О, шкъ же и радъ, що оглядаю
зновѣ всѣхъ васъ!“ были первін слова Пе-
тра. —

„Шкъ мамѣна здорово выглядють!
но тато шкъ похѣдѣли! — Що са ты-
чить всѣхъ прочихъ, то вѣрѣте, що никого
небыла емѣ оуже познала, такъ са змѣ-
нили.“ —

— „И ты шкъ огорѣла, мой милый!
но за тое стала всѣ такъ жвавымъ и
сильнымъ,“ сказала мати.

— „Такъ, мамо, сонце пекло мене
довольно. Отъ сѣмнадцати ажъ близко до
двадцати пяти лѣтъ была емѣ пѣтни-
комъ въ обшарѣ полѣ свѣта, и видала
въ протѣгъ тихъ лѣтъ больше, шкъ бо-
льша часть людѣй черезъ цѣла жизнь.“

„Вы знаете, що брати сусѣдского епи-
скопа нашего полубила мене была въ школѣ,
лавутокъ, который въ снадѣрнѣ почила,
возвѣдала въ немѣ жиламе свѣтъ видѣти,

и захотѣла тогда мати мене при собѣ въ
часѣ сконхъ пѣтешествій. Бы на всѣ при-
звалили, во тогда лѣта были тажкѣи,
тажко было на найпотрѣбѣнѣшѣи вещи ста-
гнѣти са, а въ прочемъ и сама о томъ
и неподѣмала, на шкъ долго выирала
емѣса. —

Обѣхулисьмо немала всѣ державы
Европы, во молодомъ богачевѣ здавало са,
же гроши невычерпають са, хотя дѣже сп-
ро вычировали са. Наконецъ прихулялисьмо
до Непола, гдѣ вѣдний довродѣтель мой
запала на неровѣ горачкѣ и оумѣра.“ —

„Последніи дни жизни его были для
него и для мене неповѣдимомъ горестію;
и видѣла, що мысала, же могъ была са
стати сама въ чужихъ сторонахъ, причинила
емѣ не минѣ тоски, шкъ и сама волѣзла.“

„Смерть перетала невагомъ ти мысли,
а тѣркая истина занала мѣстце прежнихъ
гадокъ. — Мой жалѣ и смѣтокъ, похоронѣ
мого единственного друга въ чужой земли,
не хочѣ сама теперь оповѣдати; во тое
само, збирало емѣ намѣ часъ цѣлый вечеръ,
до слезъ емѣ насѣ порѣшило, — на томъ
емѣ все са мынѣ забичило, а емѣ ожида-
ти короткого роказана о всѣхъ лѣтахъ
мого отѣствіа а ми въ одного мѣсца,
— про тое продолжаю о томъ, що са са
мию стало. — Съ необхідномъ познако-
милъ емѣ была единѣ дѣже козачѣи и ма-
лодымъ Індійскѣи князѣ, а видѣши мое

печальне положеніє, предложилъ мнѣ, абымъ сопровождалъ его до Шмайки.”

„Молодой, и самъ якъ сирота въ чужбѣмъ свѣтѣ, рѣшилъ емь са скоро и принялъ его предложеніе.”

„Передъ ътъѣздомъ нашимъ писалъ емь листъ до Вася, абы са съ Бами на долго попрашати.”

— „Мы николи не получили письма ътъ тебе” сказалъ отецъ.”

„Жалю дже,” ътповѣлъ Петро: „понеже вы моглисте дѣлати, що и оумирѣ, або забывъ на васъ. — И такъ прывылисьмо шастанко до Инди, а тамъ зѣставлялъ емь ажъ до недавного часъ, гдѣ похоронилъ емь и второго моего дрѣга и добродѣтеля; въ тихъ бо сторонахъ оумирають часто молодіи люди дже нагло. —

(Продолженіе слѣдв.)

Галицко Руска Матиця.

(Конецъ.)

Понеже тоє сочиненіе содержитъ саміи названія, то всеч. г. Головацкій былъ того мнѣніа, оупрашати предварительно всечестного сочинителя, дабы до того словаря написалъ малое сочиненіе о ботаницѣ. Мнѣніе тоє поспрадъ всеч. г. Квльчицкій, а по долшомъ разговорѣ оухвалено ътнестиса до всеч. сочинителя съ прошеніемъ, дабы дописалъ короткѣю ботаникѣ, и ожидать ето отвѣта. Ч. г. Леонтовичъ былъ такожь того мнѣніа, дабы печатати рѣскій переводъ изъ сръбского, комедіи „Піаница” составленный ч. г. Касиліемъ Ковальскимъ; оухвалено сходно съ статѣями сообщити тоє сочиненіе всеч. госп. Головацкому до просмотрѣніа. Тожь само оухвалено сдѣлати и съ сочиненіемъ всечестного Паславского подъ надписію: „Близницъ” Касатильно сочиненіа исторіи введійнон в. и м. заѣта, оу-

хвалено: завозвати кого, дабы сочиненіемъ занялся. —

Оухвалено, относительно потребамъ издати боольшій Молигтвословецъ съ красными образками, а въ концѣ оухвалено предложеніи сочиненіа:

1 „Изясненіе, въ шкомъ состояніи находитса часъ подѣленіе природное, съ подѣленіемъ штѣчнымъ.” и

2 „Святый Исндоръ” оудѣлити членамъ къ розсмотрѣнію. —

Понеже наряды надъ речеными предметами до пѣздна затативлиса, то по внесенію всѣч. Предсѣдателя, оставлено нарядъ надъ прочими предметами на слѣдѣющее засѣданіе, принявши ещи внесеніе Ч. Г. Богдана Леонтовича, которое тѣтъ помѣщается, однакожь на слѣдѣющемъ засѣданіи подъ обрадъ возьметса.

Внесеніе Ч. Г. Б. Леонтовича:

„Одною зъ найважнѣйшихъ задачю дѣнствіа Матицѣ есть безсомнительно выданіе словаря малорѣского, до которого дѣла шкъ найскорше взати бы са належало; вырѣчованьеса бо словарями побратимцѣвъ нашихъ неможе шкъ толькo вредяноко на питомый характеръ нашон мовы робити вліанье, бо мимо того, же таке множество чужихъ слѣвъ до нашон писанон повтискаеца мовы, то привыкаючи до чужихъ формъ до нашихъ питомыхъ станемса съ часомъ боротными, и затираетса помалѣ властивый нашон мовы характеръ, который шко дѣло природы и многихъ вѣковъ а шко властность цѣлого народа съ боольшою сѣмѣнностію перестерегати бы належало.” —

„Не сама бо толькo этимологіа становитъ мовѣ, есть то допыва шкелатъ еи, который тѣломъ коньни покрити належитъ, которого формы мовеа каждый народъ по

летевшимъ, пролетамъ и эсферотальлетамъ
своимъ самъ свѣтъ оутворае."

Материалы до того приважного дѣла
суть где не кѣда оуже и приготованіи, шко
то въ саоварникахъ при пѣснахъ и минныхъ
дѣлахъ, выданныхъ черезъ Максимови-
ча, Котларевскою и минныхъ, но есть
то нескончено малая часть того сокровища,
которое оу народа знаходится; до него же
шко до вѣнчистшого источника оудатиса
намъ, припадае, а не можѣчи шко до вѣнч
Юнг-
манъ ходити отъ хаты до хаты, отъ од-
ного ремесника до другого, абы о вѣдст-
ныхъ именахъ найдоклѣтѣшныхъ предме-
товъ выѣдатиса, ешошъ:

1. завоевати всѣхъ добро народа на
сердци маючихъ родимцевъ, абы отъ ча-
сѣ до часѣ (и. пр. шомѣсаяцъ) спномъ сабѣтъ
въ нхъ сторонахъ оуживаныхъ съ сви-
сненіями нхъ значенія а видла потреби съ
приданьемъ примѣровъ Матици досылалн,

2. сложити комисію, которая вы зѣ
приданыхъ матеріаловъ съ вглядомъ на
характеръ нашей мовы напередъ Словарь
мѣнній сочинила, который за подетавъ пол-
нѣйшого, вѣдлаши часѣ потребнющого а про
тое не такъ корзо сочинитиса можѣного
малорѣскаго словаря дослѣжити мѣв; если
тое оубгодно

3. оухвалити средства, шкими выдат-
ки на пошты и инши съ тѣмъ предприня-
тѣмъ полчиннн, пократыми выти ма-
ють.

Леонтовичъ."

В В Р Ш Ф Ш Ш В Ш Ш.

Врховино! свѣтъ ты нашъ,
Гей, шкъ оу тебе такъ мило,
Шкъ игры водъ пашни тѣ часъ,
Свободно, шшмно, вѣсло.

Зѣ врѣха на врѣхъ, а зѣ ворѣ въ ворѣ,
Гѣ легкою въ садцю дѣлкаю.

Бѣ черкѣ конѣ, рѣкахъ топоръ,
Бѣае легиня тобою.

Бѣ, що намъ тамъ подѣла край,
Намъ полонина предѣла!

Д. ворѣ стѣпъ, шлица май,
И зѣтра голосъ вѣсѣла!

Не вѣнитъ насъ барышѣтъ лѣтъ,
Кѣмы нишъ пороухъ та цѣвка,

Оу Боги свѣтъ, оу старухъ чѣтъ,
Та овицъ гѣрма, сопѣлака;

Та кѣмы пирѣтъ хрѣветъ итъ, водѣ,
И медѣдѣ шнѣвѣтъ лѣсами,

Завѣмѣтъ югѣ, заграйтѣ Бискидѣ,
Черемошѣ гѣкнѣтъ скалами;

То ми то часѣ, то ми то пѣснѣ!
"Молодче пѣже въ рѣстворѣ!"

Овицѣ сплавѣтъ зѣ кѣчирѣй пѣснѣ,
И далѣ, далѣ на горы!

Лѣтомъ цѣлымъ вы нѣчѣ, вы дѣнь,
Хлопцѣ гѣлаютъ талѣ пашнѣ;

Свободна тамъ вода, огнѣ,
Довольно лѣса и пашнѣ.

Тамъ Панѣ не клѣтъ ланцюхомъ межѣ,
Борогѣ не станѣтъ стопою;

Бѣнна тамъ зѣмѣтъ одѣжѣ,
Вѣкѣна пѣснѣй росю.

Тамъ то вѣрнитѣ трѣмѣтъмъ зѣвѣтъ,
Шѣвѣчи любо сопѣлака!

И санъ зѣтра завѣне гѣкъ,
Бѣ чѣлюсти шѣюмъ мѣ цѣвѣра. —

Н. вѣ Н.

КОРОТКІЙ ОЧЕРКЪ ІСТОРІИ АУСТРІЙСКОЙ ДЕРЖАВЫ

Черезъ Василія Зборовскаго.

(Продолженіе.)

При свиданіи, молви сбирствъ Маріи Тересіи складаетъ присяга яко: сѣблаладѣтель, а Марія Тересія помысла са въ собраніи съ маленькимъ наследникомъ дромъ Ірхитимъзими Іосифомъ на рѣкахъ, лекторали Оугрѣтин саміи слова, котрой прежде до ни, тѣжественно изрекани; то есть: же готови оумерти ва свою Королеву.

Оугри додержали вѣрно слово слова. Но ихъ домоучію покрайнамый, выгналь Кевингаръ Баварчиковеъ наъ Аустрии, и постѣпниль самъ побѣденосно ажи до Мнихова. Того самого дня, котрого Кевингаръ влмичдуъ мѣнъ побѣднть до Баварского престольного мѣста, обради выборови Князѣ сорданни въ Франковродѣ Карола Паберга въ Баварин на нѣмецкого Цѣсара.

Кароль велѣть са тамъ яко Кароль VII короновати (12 Лютого 1742).

Якы аустриискин войска до оудалена са наъ Баварин приндидити, впаля Фридрихъ II до Чехъ и Моравы, по битвѣ сточинѣ д. 17 Маа 1742, пришло до оугоды заключенои въ Братславѣ (28. Червца 1742). Силюю тоиже полбчилъ Фридрихъ Вышше и Нижше Шлеско, съ Графствомъ Глацъ.

Въ Празѣ, въ котрой неприятельскин войска такоже оустѣпннті мѣскан, полбчила Марія Тересія коруна Чехъ.

За оутратѣ Шлеска дождала са Марія Тересія невагомъ иннои оутѣхи.

Карель VII оумерлъ (20. Сѣчня 1745). На сво мѣстци оврадо ен сбир-

га, котрого оуже д. 4 Жоутиа тогды р. въ Франковродѣ короновало подъ именимъ „Франца I.“ — Чрезвычайно оудрадована, цю коруна Карола Великого тѣперъ зновѣ до ей родины повернѣла, где оуже вѣльше якъ 800 лѣтъ безпрестанно была, вложила тѣуже Марія Тересія власноручно на голову шпрѣта своего.

Черезъ шѣсть лѣтъ товала война Аустрии съ еи неприятелами: Франциєю, Пруссамы, Баварією, Испанією а временно наекъ и съ Сардинією, а оу спорни стороны сами въ борбахъ оутомлени, собрали са въ Аухнѣ къ цѣли оуговорѣвъ о спокѣи.

Въ томъ оуговорѣ (18 Жоутиа, 1748) пртврдила Марія Тересія о посаѣдовани оуже оутѣпленѣ Шлеска и Графствѣ Глацъ Пруссамъ; Княжествѣ Пармы Пачицы и Геласгалѣ оутѣпнла дромъ Филипъ инфантъ Испаніи. Въ прочимъ остана все на прежнѣи остоянѣ, шкъ пердѣ спорамы. Бывроъ Франца I. на Цѣсара нѣмецкого пртврждено, а прагматична санкція набыла пождо оузаконниша.

Спокѣи ослѣпнннй, поманутымъ оуговоромъ оупотреблала Марія Тересія до величественныхъ оураженій и оулучшеній въ своей Державѣ, а въ томъ помагалъ ей отлчнннй ен канцлеръ, Князь Вячиславъ Кабиницъ.

Беликин ен творенимъ въ ового часѣ сѣтъ:

Оучрежденье академіи инженерѣвъ въ Бѣднн, и кадѣтскон академіи въ Бѣнерь-Найштатъ.

(Продолженіе оутѣе.)

СБОРНИКЪ

повѣстокъ, сказокъ, историческихъ воспоминаній, господарскихъ
и иныхъ общепользныхъ вѣстій и пр. и пр.

Ч. 35.

Вѣдень, субота (22. Августа.) 3. Сешемаря.

1853.

Вихорь и Буря.

Безданнымъ горломъ пропасть дхнула,
Кавказъ вихорь эъ пещеръ см котить;
Съ лоскотомъ вѣра въ вѣзды жевунала,
Напрасно тихій воздухъ колотить. —
Вихорь и вѣра спраган са въ двов,
Тысячъ въ воздухъ вѣтрилъ надѣли,
Шивѣли свистомъ въ похѣдъ озов,
Или гостити по земной кѣли. —
Въ пристѣпѣ вѣткамъ два вѣлары
Рамена сплетши колышуть горы,
Гордыми чолы полошатъ хмары,
Патами порютъ по земли зворы. —
Икъ рѣкѣ легке ташать колоды,
Тѣманы пылъ метуть эъ опоки,
Згасили зорѣ, стѣмили природѣ,
Бспать завертлютъ рѣки и потоки.
Лютать са въ гѣмнѣхъ, газдамъ на звытки.
Шивраютъ ними шкъ помелами,
Шивлють въ воздухъ лѣтни довытки,
Яво мѣшають стѣно съ снопами.
Покрѣкомъ милотъ гнѣвы для оутѣхи,
Мигомъ зголъѣли хаты, стодола;
Снопъ съ оворога, китица эъ стрѣхи
Въ воздухѣ танци малынюють сполы,
Съ рыкомъ скотина кѣжитъ въ ворота,
Гладе залакла знанон оворы;
Но нѣтъ оуже шопы, хлѣба, ни плота,
Все пошмѣло къ тѣмравѣ воры.
Съ шѣмомъ садами вразъ загвѣли;
Ничъ не осталось, що са не гнѣло;

Съ гильѣмъ сыпнѣлъ са овоцъ невѣтливъ;
Дерево и овоцъ всѣ са минѣло,
Сохранн Боже слѣкъ въ своей зловѣ
Ижмѣтъ нищастѣмъ искрѣ сѣватили;
Тогда ачѣвы оумирахуть въ грѣвѣ
И всю вселеннѣ огнѣмъ спалили.
Въ мѣстахъ и селахъ такъ вѣртили,
Я все лютѣйши, во росли въ силахъ;
Полами въ нивахъ згѣено гостили,
Все захватили на шевѣдкихъ крилахъ.
И оуже достигли предвѣчныхъ воровъ;
Силнымъ оударомъ лѣгъ постелили,
Далѣи допали глѣбокѣхъ зворовъ,
Грозно по кивахъ громомъ завѣли.
Съ гѣкомъ валать са лѣсы вѣшаромъ,
Земла стогнѣла, и трѣсомъ въ дали
Подъ невѣстаннымъ дѣянть оударомъ,
Я отгомони вторюють скалы.
Иль, що сагала вѣршиною въ хмары
Икъ каблѣкъ гнѣ са, пырскае въ трѣс,
Яво эъ свѣдѣвъ платѣ конары,
И въ разъ валать са съ громомъ озов.
Бѣки саговѣ шкъ голѣвъ свѣи
Лагли съ корѣнѣмъ на вѣдѣмъ стрѣмѣ;
Ци вѣра и вихорѣ, ворцѣ злосливѣ,
Искають славы къ таковоу зломѣ?
Дѣвъ пѣтсотлѣтний, прапрадѣдъ воровъ,
Зашмѣлъ сѣмно, сыпнѣлъ гильами;
Но готовъ эъ давна, все до отпорѣ,
Ще стоитъ крѣпко кѣтно съ дрѣвѣми.
Зашмѣлъ ще разъ, поколѣсалъ са,
Храснѣлъ сто вѣнѣвъ совоѣ столочилъ;

И на сто шагѡвъ корѣннымъ сплѣтъ са
И на сто впередъ съ вихромъ поскочилъ.
Земля страхла са подъ тымъ званскомъ
Три кротъ го канвы ѡтгомѡнѣли,
Птицѣ зъ оужасѣ прѣхнѣли съ пискомъ,
Звѣркѣ въ скинахъ зъ страхѣ скомаѣли.
Олень и ланя спѣстиеши роги,
Мчѣтъ са стрѣлою оузонькимъ смѣгомъ,
Кѡтѣ я съ ними волкъ хищникъ строгій,
Но днѣсь въ тревозѣ смиреннымъ дробгомъ.
Гдѣ мѣдѣдѣ съ днкомъ сѣсѣдовали,
Ни едномъ лучи сонце не втисало,
Темрава съ мракомъ ѡтъ вѣкъ дрѣмали,
Тамъ днѣсь разъ прѣвый свѣтло дна вансло.
Диковѣ пѣстаровѣ вѣтры свистали,
Сонце по зломахъ скрѡзѣ хмары зеркло,
Вихоръ и вѣра на востока гнали,
Оуже досагаютъ пѣстынь Сагары.
Крѣвако сонце изломѡнѣло,
Затрипстало, въ тѣманахъ змеркло;
По пѣщи глѣхо загомѡнѣло,
Грѡмъ покотилъ са, молнами сверкло.
Тѣманы зеркѡвъ вѣютъ са шкъ хмары,
Цѣла пѣстыня въ воздухѣ са дѣгла
Пѣски столпами гонатъ шкъ моря,
Пѣтешественныхъ гнѣзль постигла.
Зратъ грѡмъ стрѣмачій надъ головами,
Свалѣдан, стала са зъ лѣкѣ кровь въ жилахъ,
Дрѣжина кѣпно изъ вилелюдами,
Похоронилась живцемъ въ могиллахъ.
Вилелюдъ и мѣринъ, Дрѣвишъ съ бмиромъ
Кѡлись неалатъ са зъ грѡбѣ скостнѣлѣи,
Шкъ новыи вихоръ зъ засыпѣ съ вѣромъ
Пѣщию розвѣе кости нхъ вѣлѣи,
Такъ гайновали по земли горѣмъ;
Слѣды нхъ зловы вѣки не згладатъ,
Ще завзали са потрасти морѣмъ;
Оуже, берегами съ морѣмъ са вадатъ.
Гранѣли въ воды шкъ таранами;
Поклады моря зачѣпнѣли,
Сѣплютъ прѣтко вѡдъ ширинами,
Гонатъ са фалѣ въ сивавѡй вѣли.

Вѣра и вихоръ по волнахъ пивтъ са,
Разъ пѡривтъ въ пропасть съ вѣромъ млын-
цюютъ,
Вновѣ на верхъ вѣхнѣтъ съ фаллами прѣтъ са
Валатъ са съ фаллю и въ крѣгѣ танцюютъ.
Чимъ разъ лютѣйше гматаютъ воды,
Вѣхаютъ волны шкъ великаны;
Сѣмноужасный видъ всеи природы
Неосклонъ въ жарѣ шкъ мѣдѣ на грани.
Далѣй затагъ са чернымъ покровомъ,
Темрава зансла надъ глѣвеннами,
И молнѣ сверкла гнѣвлявымъ бровомъ,
И грѡмъ розлагъ са вода пѣчищами,
Мнготатъ молнѣ, вѣс грѡмъ за грѡмомъ,
Брѣмими хмара съ лоскотомъ рѣс са,
И дрѣге море въ шипотѣ стрѡмѡмъ
Въ напрасныхъ страхахъ зъ высоты мѣс са.
Ангѣли кажѣсь оуже затрѣвѣли,
Сѣдѣа маѣсь славно шенти,
Съ Нимѣ Свѣтыхъ лики престолъ засѣли;
Щѡбы трѣмтачихъ лѣдѣи сѣднѣ. —
Скрѡзѣ грѡмѡвъ рѣни и скрѡзѣ шѣмъ моря,
Сѣмный рыкъ спѣжи прошнѣтъ са зъ дали,
Сѣ посѣлъ смерти и крайного гѡра
Скиталцѣвъ морскихъ по ветикалѣй фали
Пыли морамъ богатствѣ невати,
Обрѣли много; цмсь насѣтили?
Нынѣ готовѣ все море дати,
Новы лишь житѣе тымъ искѣпнѣи. —
Корабль са носмтъ оужаснымъ скокомъ,
То пѡри въ передъ, то въ задъ хитѣ са,
То са закрѣтитъ, то сунлитъ бокомъ,
Съ фаллю са нѣрнтъ, на дрѣгѣ пѣс са.
Въ кораблѣ оужасъ, войки и горе,
Скора въ послѣзѣ цѣла залѡга
Важкѣи добытокъ дѣвгаютъ въ море,
Порѣсѣ всакѣи, кѣпнтъ шкъ мога.
Стагуютъ водѣ, вѣтрѣмъ зансла,
Глѣвинѣ моря оловомъ мѣратъ,
Ци вы корабль, гдѣ исприпнѣли,
Лишь ще въ Божѣ защитѣ вѣратъ,
Шкъ гѡра воана корабль покрѣла,

Звѣкъ оутроны сѣ, крайня тревога;
 Била послѣдня вѣсѣхъ оустила,
 Молитвѣ извыкшій благовъ Бога. —
 О мореплавец! горе ти горе!
 Чимъ же спасешь сѣ въ тѣй тажкѣй хвилѣ?
 Въ мигъ ока дѣмъ твѣй въ пропасти запоре,
 Но чѣй звалатъ тѣ невиднѣи силы.
 Стѣхѣи долго вѣщѣе короли,
 Далѣй вѣжнѣи силы оустали,
 Бѣра и вѣхеръ тѣхѣи поколи,
 Съ попрѣци мѣра въ вѣздѣи пропади.
 Прорѣдѣи хмары, надстѣли тѣчи,
 Фалѣ тѣхонько морѣ рѣвали,
 Гонце тѣплинкѣ стѣвѣло лѣчи
 Тишина сѣ миромъ вновьъ завѣтали,
 Дука въ Ракова.

— — —

День на праздникахъ въ Станѣславѣвскѣмъ.

Въ день Св. Іаіи, влѣдво нѣе сонце въ дверь востока заглѣнѣло, вѣхало насѣ трѣхъ товаришѣи повозкою по гостинци изъ Станѣславска до Голотвинны вѣдѣчѣмъ. Кто-бы сѣ тогда смѣлъ сѣ нами на той повозцѣ нахѣднѣтъ, почѣлъ-бы вѣмѣ нѣе малѣ такѣ вѣсѣдѣ: „Спорѣи кѣсѣнѣ дороги за нами, не вѣи вѣдѣе стоѣти тѣрѣда, закнѣмъ почѣ-емѣ мило-звѣчнѣи голосѣ огромнѣо звѣна Голотвиннѣскѣи Цѣрки.“ — „Ой рѣдко такнѣхъ звѣнѣдѣ тѣпѣрѣ“ замѣтилѣ товаришѣ Е. Г. „а жи Голотвинна такнѣмъ вѣличѣти сѣ може, то завѣдѣчѣти мѣе свѣомъ около вѣи добра много заслѣжнѣшѣомъ сѣ покойномъ прихѣдинковѣи, О. Нагорѣнскѣомъ, которѣо тѣрѣдами и старѣиностѣиу приѣшло до вѣо вѣлѣина. Мѣи дѣдѣ о повѣдѣлѣ о подѣвѣнѣмъ славнѣмъ звѣнѣ нахѣднѣшѣомъ сѣ на колоколнѣи, тѣпѣрѣ оужѣ въ розвѣлиналѣхъ лежѣчѣо Мѣнѣстырѣ Екитскѣо. Бывѣло повѣдѣлѣ — шкѣ вѣрѣдѣвалъ въ закѣтнѣнѣ, въ котѣи Храмѣ Воздѣжнѣнѣи Чѣстнѣо

Хрѣста стоѣлѣ, то голосѣ наразѣ стѣснѣннѣи, а потѣмъ въ воздухѣ сѣ взвѣннѣи розвѣвалѣ сѣ по вѣрѣхѣхъ рѣстѣхъ дѣрѣвѣ; котѣи по обѣомъ стѣронамъ въ полѣколѣ о-вѣтѣлѣ свѣтѣю окрѣжѣли. Отъ сильнѣо гѣ-монѣи трѣпѣтали лѣсточкн, а шѣлѣстѣ ннѣи тѣорнѣи мѣмѣшѣавшѣи сѣ сѣ прѣмнѣло волнѣюннѣмъ сѣ звѣкомъ звѣнѣдѣ, дѣвалѣ, мѣвѣеи шѣтѣ обѣѣ изъ колоколнѣи, многѣротнѣи отъголѣсѣ. Такѣ различнѣи, чѣ-дѣсно въ вѣдѣи слащѣи сѣ гѣмѣнѣи оудѣ-ралѣ въ оужѣи вѣзчѣсннѣи тѣмѣи вѣгомѣлѣ-цѣвѣ, котѣи нѣи ннѣ изъ окрѣстнѣостѣи, аѣ навѣтѣ изъ найдѣльнѣи хъ приѣвѣвали стѣ-ронѣи, покѣлоннѣи сѣ чѣдѣотѣорнѣомъ образѣ.“ — „Шкѣ же тѣо мнѣло вѣтн нѣхъ чѣвѣствѣо“ зарѣнѣлѣ товаришѣ О. Ш. — „скоро на тѣлькѣи свѣнѣжѣли сѣ кѣ томѣ мѣѣствѣю, же могли оужѣ тѣи голосѣ рѣзѣ-знѣти?“ — „Бѣзѣ сомнѣнѣи“ обѣзвѣлѣ сѣ Е. Г. „бывѣло оно такѣ мнѣлымъ и со-лодкнѣмъ, шкѣ жѣждѣщѣо, котѣи шѣ-кѣюннѣи кѣрѣнѣцѣи, вѣсѣе шѣдѣтѣ стѣрѣ — и по за кѣлькѣи той шѣпѣтѣи став сѣ голѣснѣѣишнѣмъ, по за тѣлькѣи знѣчнѣѣишѣи отѣдѣ-хѣе свѣнѣжѣюннѣи сѣ, холѣдомъ кѣрнѣчѣю вѣ-дѣю прѣнѣнеснѣмымъ.“ —

Рѣзѣмѣ тѣю прѣрѣвалѣ намѣи котѣи, прѣзѣрѣвѣдѣюннѣи насѣ: „дѣврѣмъ днѣмъ“ и жѣлѣюннѣи намѣи „шѣстѣи на вѣрѣмарѣкѣи“ — Мѣи отъповѣшѣи по обѣчѣюи вѣпрѣснѣи: „а цѣи далѣко вѣщѣи до Голотвиннѣи?“ — „Пѣло-внѣна дороги отъ Богѣродѣчѣи — дѣвѣра мнѣ-лѣ!“ — Гонѣце нѣи долѣго за пѣчѣи мѣи шнѣи зѣставѣло, вѣ за хѣвилѣю почѣло изъ далѣнѣовѣднѣи хъ свѣнѣхъ очѣи свѣрѣкѣти огннѣи нѣи лѣчѣамн, котѣи прѣнѣзвѣдѣли свѣарѣи и дѣшнѣбѣстѣи стѣюннѣю сѣ намѣи ннѣ за тѣль-кѣи нѣзнѣоснѣѣишѣю, понѣже прѣдѣи чѣснѣнѣю вѣмѣла помѣвѣка о холѣдѣ. Шкѣ же радѣи мѣи тогда вѣмѣи чѣмѣи скорѣишѣи пѣчѣтнѣи голѣсѣ Голотвиннѣскѣо звѣна — а радѣи вѣщѣи въ

самю. Солотвинъ са дѣстати? Но ищѣ конѣ цюсъ стали химеровати; цю и не днѣвъ, во бѣтѣ досѣѣта бизъ попалсѣ чѣтыри миаѣ съ накладомъ гналн. — Паразъ обачилсьмо баню Церквы Солотвиньскон и оучѣлисьмо звонкій голосъ дѣ колоколнѣ; но анѣ сѣди Боже посекрети, во конамъ бѣгчи бѣхотѣло са. Мы, сталисьмо марыковати совѣ изъ нашего фѣрманъ, фѣрманъ злобилъ са на коній, но повозка не внимаючи нѣ намъ нѣ фѣрманъ, съ коньми са спрагла и анѣ зѣ мѣстца са не рѣшила. Ижъ батогъ пригадавъ бѣднымъ скотамъ нхъ подиннѣста, которн обглавнвши са, здавали до фѣрманъ промовати: а оврабкъ гдѣ?! Но фѣрманъ закричалъ нхъ справедливы жаловѣ и показѣючи долгн батогъ перепидилъ мѣзерн ходовннъ такъ, цю якъ лишь могла, такъ переверала ногамн. —

(Продолженіе слѣдѣ.)

П О В О Р О Т Ъ

въ своя си.

(Продолженіе.)

„Хотѣ тамъ до щастливнхъ зѣ людн належалъ, то прицѣнъ жаднымъ спосовомъ немогъ емъ привикнѣти до того мѣстца; невважаючи на тоѣ, цю Имайка есть сама сокою прекрасный островъ; замшкалый многими доверыми людьми. И во, привикшій видѣти хотѣ подданыхъ, но въ прочемъ людн независимыхъ, всемо свою землю обробляющихъ, немогъ емъ присиловати са, акы спокбннѣ поглядати на толпы черныхъ невѣльничковъ, працюющихъ въ поляхъ, гдѣ палачн лѣчи сонца пекли якъ огнмъ оутомленн нхъ членн, а плетна лютыхъ атамановъ, наполнала бѣднаковъ безпрестаннымъ страхомъ; — и хотѣ менѣ предлагали мѣстцѣ

начальника цѣломъ такъ, зовомн, палантацин, то прицѣнъ раднѣнншн желала емъ вѣстати въ мѣстѣ, и занимати са домашнимъ господарствомъ.

„И могъ емъ былъ тамъ скоро вѣгатѣти, но началъ емъ шкось на здоровнѣ подѣвподати, и сѣмно менѣ было дивити са на множество нещастныхъ людн. И такъ собравши невѣлькнй мой домытовъ, бѣправилъ емъ са съ однимъ кѣпцемъ до Ингнн, не зважаючи на тогдашню войнн.

„Корабль нашъ повалъ са на нещастнѣ неприателнн въ рѣки, и завезено насъ до Гаванны, гдѣ все стратилъ емъ цю ино малъ емъ а при томъ и свободу особы мой! —

„Однакожъ и въ нещастнѣ неопѣскала мене ласка Бога, во невакомъ подобалъ емъ са одному Испаньскому кѣпцену, котрцн зналъ мене ещѣ въ Имайцѣ и намовилъ мене тѣтъ, акы емъ оудалъ са съ нимъ до Южной Америки. Перебѣхалъ емъ съ нимъ большю часть тихъ сторонъ; и видалъ славнон золотн рѣдокопнѣ, гдѣ бѣднн тамошнн робѣтнички робили обнаженн, невидачи николи дневного свѣта, для того, акы богатство нхъ земли, роспространило роскошь и глѣатикъ въ найбѣдалнншнхъ сторонахъ Европы. —

„И сопровождалъ такожъ моего нового пана въ пѣтшествнѣ по великомъ Южномъ Океанѣ. Подѣчасъ сего пѣтшества, продолжавшого са большѣ якъ полъ рокъ, не видалъ емъ ничъ кромѣ воды и нека, а наконецъ привылсьмо до Манилы, богатого головногъ мѣста Испаньскнхъ селенн въ тѣхъ краяхъ. Тѣтъ осаждалъ емъ мою свободу и полдчалъ значителнн вынагородъ за мою службѣ. Судьба моя поправила мене на инномъ кораблн ажѣ до Инглнйскнхъ Колонн въ Восточной Индн.

„Тѣтъ оузрѣлъ емъ прелестнѣ стороны, гдѣ многочисленнй народъ состоялъ изъ трудолюбивыхъ жителѣвъ. Однн оуправляли землю, другн занимали са фабриками и ремеслами. —

(Конѣцъ слѣдѣ.)

СБОРНИКЪ

повѣстокъ, сказокъ, историческихъ воспоминаній, господарскихъ
и иныхъ общепользныхъ вѣстій и пр. и пр.

Ч. 36.

Въ день, субота (29. Августа.) 10. Сешемѣрія.

1853.

Провѣдвнѣ.

Еъ холодноиъ садочѣсъ,
Бланъ святого тына,
Лежала на горочѣсъ,
Подъ грѣшиа хлѣпнина.

Обнаженъ на полы
Нарокомъ въ одѣна,
Еъ солодкой нивоанъ
Простеръ са нѣкъ дына.

Заперъ оубъ ноги
Еъ пинъ грѣшиа високо,
Скалаъ рѣки въ ровачи,
Розналаъ ротъ широко.

И замалнаъ рѣши,
Еъ надѣнъ шо хушиа,
Же сама до гѣши
Спада красна дѣла.

Край садѣ свѣтнѣко,
По ебѣиной дѣлнцѣ,
И въ лѣво и въ право,
Таганса дѣа гостннцѣ.

Ишаъ старцѣ Божн
До Брѣсалина,
И на роздорожн
Гладѣн очима,

Кѣда еы пѣтъ братн,
Чи сюда чи тѣда,
Щобѣ скорѣйши стѣти
Оу цѣан нѣкъ тѣда.

И — ншола Хрѣстоъ съ нимн
До святого тына;
И словы елагнн
Зѣкадѣ хлѣпннѣ.

„Дѣтинко людина!
„Скажи намъ, скажи намъ,

„До Брѣсалина
„Кѣда еы намъ прѣво?”

Хлѣпца анн сара;
Анша сабуае зѣтиха,
Лежитъ моя корока,
И сапнѣ нѣкъ въ мѣха.

„Дѣтинко людина!
„Старцѣ попроцаютъ,
„До Брѣсалина
„Дороги не знають.”

„Ты еѣдаеъ не чѣшеъ;
„Бога дасть тебѣ долю,
„Сан пошанѣши
„Божиа старцѣи волю.”

Опата Хрѣстоъ проснѣ
Свѣтымн оустамн,
И оубе молебн евноситъ
До отца надѣ нами.

Хлѣпца еъ ншоутѣ
Продѣтъ трохи оми,
И нѣкъ аннѣ еъ колѣтѣ,
Познратъ въ оубочн.

„Дѣтинко людина!
„Молю тея про Бога;
„До Брѣсалина
„Кѣда тея дорога?”

„Еѣжитъ дѣна пѣрухннѣ
„Скорымн столамн;
„Естанъ! не еѣда лѣннѣи,
„Зѣлаи милость съ нами.”

„Господъ еъ надгородѣ
„Дасть Ты еварѣсть шѣтнѣ,
„И жнѣ погодѣ,
„И росѣ нѣкнѣнѣ.”

*) право, просто; въ правѣца, въ правѣца, просто, безъ убочей.

Хлопец ъ рѣшилъ казны,
Звернѣлъ головою,
„Отъ тамтѣда“, каже,
Тай швернѣлъ ногою. —

Пѣйшан старцѣ даан
Пѣтемъ внаа елота;
И къ сѣлѣ са вѣлан,
Край сѣла къ ворта.

Край корѣтъ хатинка
Стотала тѣснаа,
При хѣтѣ дѣчиника
Трѣдмаса малла. —

Надшан старцѣ спѣшно,
Дѣча здала оуарѣло,
Скорнѣко, оутѣшно
До корѣтъ пренѣло,

Пастарь розчинилъ,
Камѣницѣ правцюс,
Пѣтнѣкобѣ вѣтае,
Екъ колѣна цѣлае;

И проситѣ къ хатинѣ
Отъ трѣда спочити,
И миромъ родинѣ
Поблагословити.

Ѳ Христосѣ мианѣко!
„Дѣчинно люенма!
„Чи ми идемѣ правнѣко
„До врсѣанма?“

Ой нѣтъ старцѣ Божн,
Не такъ емъ са здало;
Тамъ на роздорожн
Забвднансѣте мало.

Назадъ емъ вѣртати;
Но жалъ трѣда того,
Стѣжкобѣ по за хѣти
Пѣтъ блвзша о много.

Изѣволате за мною;
Но тамъ блвза керницѣ — — —
Екъ страджини къ зноу,
Може хѣтъ вѣдмѣцѣ. — — —

И нѣкъ ластнѣатко
Бѣѣгла до хатини,
Хипла коноватко,
Дѣвѣла шкѣланни;

И оуже межѣ старцами,
Бѣде нѣкъ къ заходм
Зѣкѣстными стѣжками
Помежи города;

И оуже передъ ними,
Бѣжнѣтъ до керницѣ,
Рѣками скорыми
Чирас вѣдмѣцѣ;

Пѣгарчнѣкѣ овѣмила,
Вѣдмѣцѣ наврала,
Чѣмно са скѣлонила,
Тай почѣстѣвала.

И опѣта оутѣшно
Прѣваднѣтъ во Бѣзѣ,
Вѣжѣ за сѣло спѣшно,
Кѣ правѣкой дорѣзѣ.

Тамъ къ рѣки, къ колѣна
Цѣлае по сѣломъ;
И снобѣ нѣкъ пѣтанни,
Бѣвѣтѣас до домѣ. —

Пѣѣгла межѣно
Дѣтнѣнка люенма,
Бѣвѣтнн за нѣю
Екъ вѣрган очнма;

Ѳ свѣтѣн Пѣтрѣ радѣ:
Оучнтѣло вѣтрѣ!
Нѣжнѣ сѣв чадо
Трѣдѣволеннѣ шнрѣ!

Зѣволн Бѣжѣ волю
Дѣла сѣго дѣчатка,
Оужѣман вѣй долю
Екъ нѣвѣсѣхѣ оу тѣтка. —

Ѳ Христосѣ блвгнѣко:
„Бѣй дола къ садѣчкѣ
„Лѣжнѣтъ спѣкойнѣнѣко
„Отъ тамъ на горѣчѣвѣ.“ —

Нѣкто, Спасѣ сѣѣта!
Бѣй лѣнѣ пѣдѣ гѣвшнѣ,
Зѣ Бѣжѣкобѣ сѣѣта
Зѣкнѣчѣс са съ нѣю?

Она съ нѣмѣ зннѣѣ?
Бѣ нѣмѣ жнѣтѣ прѣворѣ?
Екъ пѣчалѣхѣ нѣсталѣ?
И сѣ вѣй дола? — о горѣ!

„Снѣмонѣ вѣрѣ Іѣна!
„Тѣино по надѣ сѣѣтѣ,
„Бѣрѣмѣлас ѣслѣна
„Нѣвѣсна сѣѣтѣ.

„И крайннѣ прѣдѣлам
„Лѣвѣдрою рѣкою,
„Кѣ дѣстнѣжнѣноу цѣлан,
„Бѣжѣ Бѣгѣ съ сокою.

„Шикомъ во сѣтѣ

„Скотины подола,
„Припыталъ са въ сѣтѣ
„Лѣтний нероба? —

„Оный канза прогона
„Простертый хлопчина,
„Бствъ те запечта
„Богацка дѣтина.

„Не мни три лѣта,
„Отица мѣ и мати
„Пѣнасть въ сего сѣтѣ
„До вѣчной комнаты.

„Омъ стани на днео,
„Калѣковъ на ногѣ,
„Що нню лѣтние
„Бсказовала дорогѣ.

„Статокъ са розѣда,
„Дѣмъ лишитъ дѣбжина,
„И на неге приѣд
„Розѣки година.

„Дѣвица въ хѣтны
„Застѣпнѣ мѣ дѣбга,
„И въ волѣ родины
„Бѣда мѣ сбѣрга.

„Бокери трѣдали
„Доментковъ остатки,
„Приспорнѣ лѣтани
„Богацтва и статки,

„Прндаржнѣ сохранио
„Калѣкъ до гробѣ,
„И езебднѣ старанно
„Еъ нмѣ Божѣ подоѣв

„И середѣ дѣла власныхъ,
„Эъ Божой благодати,
„Бѣда дѣтнѣ шасныхъ
„Щасанка мати. —

Замелкъ Петрѣ въ покорѣ,
Оумокала дѣбжина,
И спѣшала въ скорѣ
До свѣтлого тына.

Дротарь.

День на праздникахъ въ Ста- нѣславовскомъ.

(Продолженіе.)

Косвенный взоръ сонца перемѣнилъ са оуже давно на престоपालый, коли мы заледво передъ воротами Солотенны са маходили. Но ажъ тѣтъ малисьмо добръ спосѣбность терпеливости са оучити, бо нѣмъ одинъ крокъ могалисьмо постѣпити на передъ, трѣба было не разъ десать крокъѣ ровити на задъ, аво добръ хвнлаю на одномъ стоати мѣстци, понижи есе тысячдо са до мѣста на мармарокъ и зѣило са тамъ на кѣпѣ, що въ одномъ кружкѣ са обертало мовѣ жорна около своего веретена. Богъ вѣсть, докнѣмъ са были одинъ дѣбгилъ не оустѣпали и есѣ на одномъ зѣстѣвали мѣстци, есанѣмъ старшина громадска ладѣ не была зредила тѣмъ, що приказала пѣшимъ по лѣвѣй сторонѣ ити а возами по правѣй сторонѣ вѣхати.

Самъ оуже не памятаю, икъ и коли на рынокъ выѣхалисьмо — но коли изъ повозки высклисьмо, было оуже давно въ Церквѣ и по Службѣ Божѣй.

Толкъ въ толки оурядилисьмо, абы за часникѣ обѣити мармарокъ и гдѣ шо еъ орѣдовати, а потѣмъ допавши ворзнухъ коний еше передъ сумеркомъ огламентн розвалныи Скита Манавского и бѣтѣгнѣти до водоспадѣ Манавки. Заледво такъ еж нарядилисьмо, оуже и наше слово стало дѣломъ: Пѣслалисьмо фѣрмана за дерзкими кѣньми, а нашнѣ казалисьмо выпрагчи и завѣсти до постолого двора, самнѣ же вывралисьмо са на мармарокъ. Выйшовши на площадь торговѣ много стоало трѣда, абы са было можѣ спекати барышевникѣвѣ, изъ котрыхъ одинъ попытовали са за кѣпномъ, а дѣбгнѣ за продажию — но скоро порозѣмѣли, шо еъ нами нѣкакого дла нухъ торговѣ, розѣггли са на чѣтыри стороны вѣтромъ нипаючи за певнѣйшою добычию.

(Продолженіе слѣдѣе.)

КОРОТКИЙ ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ АУСТРІЙСКОЙ ДЕРЖАВЫ

Черезъ Василія Зборовскаго.

(Продолженіе.)

Число войска значительно помяну-
жено, а австрійска артилерія внала
ва счтаніемъ Кназа Лихтенштайнъ
первѣ мѣстце въ свѣтѣ.

Король впервѣ, мінорвѣ, по-
торвѣ и проч. въ томъ часѣ оу-
чредено и домы инвалідвѣ побѣдовано.

Марія Тересія оучредила статскій
и надворный архивъ, надворный и стати-
скій канцеларію, такъ же и статскій
Советъ. —

Оутраченныя Швейцаріи также Цѣ-
сариней на сердци. Оучреденыя Прус-
ско мѣдцарства, котры оуми Австрій
назвоченымъ быти начинало, было од-
нимъ изъ ви важнѣйшихъ желаній.

На дорадѣ своего мінистра, Кназа
Шайница, заманила Марія Тересія съ
своими торда наибольшимъ неприд-
стимамъ съ Францією, коювъ противѣ
Прусамъ. Тимъ то крокомъ замѣнил
са отношенія державѣ совершенно. —
Видимо во Францію, соединенъ съ Ав-
стрією, а Англію черезъ больше такъ
100 лѣтъ вѣрнѣ Австрій, стоимъ на
сторонѣ Прусъ.

Марія Тересія старала са та-
коже о приазнь Россіи, що са ей и
оудало. Якъ довѣдати са о причинѣ
взаимныхъ союзвѣ и вооруженія, ко-
тры предпринимати начато, вѣлѣтъ Фри-
дрихъ II. въ Вѣднѣи запытати са, но
неполучивши успокояющаго отвѣтъ,
впалъ онъ раптовно до Сасъ. Держав-
ный советъ отвѣднѣлъ тоѣ яко вѣд-
ваны краевое спокое и оухвалнѣ

державнѣ войнѣ противъ Прусамъ. Такъ
розлютила са семидѣтна война (отъ
1756 до 1763). Заразъ первого рокъ
(1757) выточено три великѣи битвы:
первѣю коло Праги (д. в. Мла) гдѣ
австрійскіи войска немогли оудержати
са. Дня 18. Червца отбыло са кровава
сраженіе коло Коляннѣ, гдѣ австрійскій
польный маршалъ Дауниъ, Прусаквѣ
съ всемъ повнѣ.

Во память того славоносного зытаз-
ства оучредила Марія Тересія извѣстный вой-
сковый орднѣ Маріи Тересіи.

Слѣдующаго рокъ (1758) сточила
са для Прусъ даже нещастная битва
коло Гохкирхенъ (14 Жовтня), гдѣ Фри-
дрихъ II. много оутерпѣлъ.

Въ той выправѣ распочала Ладонъ
яко генералъ майоръ свою богатырскѣ пѣть.

Дня 12. Бересня 1759 побѣдили
соединеніи австрійскіи и росскіи вой-
ска Прусаквѣ коло Кеннерсдорфъ (недале-
ко Франковродъ). —

Въ той битвѣ, котрой щастаней про-
сходъ Ладонъ ослабнѣтъ, оупалъ на сто-
ронѣ Прусаквѣ извѣстный поета Христанъ
Клайстъ.

Рокъ 1760 д. 3 Листопада отбы-
ло са сраженіе коло Торгау, котры во
пользѣ Короля Фридриха II. выпало.
Ослабленный великими побѣдами, не
мбгъ Фридрихъ II. слѣдующаго рокъ
(1761) ничѣ значительнаго предприня-
ти, ограничалъ са про тоѣ на помен-
ши, невзначительнѣи сраженія. Въ про-
тагѣ тухже, была его сила по больш-
шой части въ стратѣ, а Марія Тер-
есія слава розширнала свои лѣчи шо
разъ дальше. — (Продолженіе слѣдѣе.)

СБОРНИКЪ

повѣстокъ, сказокъ, историческихъ воспоминаній, господарскихъ
и иныхъ общепользныхъ вѣстій и пр. и пр.

Ч. 37.

Въдень, субота 5. (17.) Септемарія.

1853.

День на праздникахъ въ Ста- нѣславовскомъ.

(Продолженіе).

Многи и различни торговельни пред-
меты выставани были на продажѣ — но
денежи наша не была въ гадкѣ тужонихъ
намыти, то проходилисьмы мимо нихъ, Гей-
бы даа много людохъ задоволеніа: нѣтъ
лишь оубрѣжи. Часомъ ставалисьмы обить
торгюючихъ прелехуючи съ нухъ толками,
поданимъ и снижанимъ цѣны, и моча-
комъ обивалисьмы вартостъ — то при-
дешалосьмы съ зноукъ сильнѣмъ приве-
нѣмъ торгъ съ жакмъ въстрѣнимъ три-
лихмъ а хота не въ мавиндолонѣ буди-
рдне, то намъ цѣла рѣка оенимъ намымъ,
можевъ свѣжа кропомъ пивама. Лѣтъ под-
кажекъ цюмывѣдѣ чымарковата, при-
спивилисьмы до жакогъ гѣрника, котрый
въ окрѣмкѣ вонимъ жловедий лѣсокъ. „Но
крийшій дѣкѣ продаю? промовимъ до пакъ
дѣкѣ выразитимъ колотонѣ — вѣдай шан
поверилъ са ютѣи ма до то дмого, та востѣ
нѣстѣи вѣтерѣ. „Дѣ аркѣ стонѣтъ одна лѣска
отчкѣ?“ — попросилсьмы вѣ — „Нотѣвѣн
рѣтѣ, шого треба? стомао мнѣ?“ — жакма
выидишѣлѣ? таки прости: владѣшнѣи, лѣ-
сѣжкѣ — бѣтъ олотрѣтѣ, жкѣ по мавиѣ
сѣбѣ са рѣкѣ — жадегѣ не оушидѣтѣ сѣжѣ,
хотавѣи и чредѣ оивѣри — сѣндѣ вѣтъ вѣ-
мѣлѣ сормаркѣ, не ма надѣ мѣмѣжкѣ!“ —

Тотъ перервалисьмы вѣмъ сно скѣчливѣ по-
хѣлѣнѣ вѣсѣдѣ в лѣскѣхъ нѣ повторилисьмы:
„Щоже стонѣтъ одна лѣска отчкѣ?“ — а
бнѣ здае см, шо замышъ на? тое, жѣ по
крийшій цѣнкѣ продае, потлаивѣли мы насѣ,
глыпнѣмъ на лѣски тай каже? „И ци много
нѣспитѣ?“ —

„Три“ — отвѣтилисьмы. „Три“ по-
вѣрѣмъ и спросилъ насѣ вѣ бѣмъ вѣхѣмъ:
„а много вѣмъ сътъ вѣ три дали?“ — „Ма
по крайнѣи цѣнкѣ кѣвѣмъ“ — сказалисьмы
вѣмъ ви тое и хотѣвѣлосьмы ауже отходитѣ,
жкѣ бнѣ съ жѣржкою бѣ дова жкѣсѣ мавиѣ
сказавѣ цѣнкѣ, котарѣ подавши вѣмѣнѣмъ
лѣски до рѣкѣи мавѣрѣнѣсьмы до нашѣи
повезки. Баймѣнѣши маркѣ, котрый намѣ
оци дома вѣдомѣкѣ наполѣмѣн, гдѣ шо по-
рѣлѣсилсьмы, а вѣчѣтѣмъ надѣтъ хвали и вѣа
мѣвѣрѣи конѣ.

Не трѣвало подѣ чарѣтѣ гѣдинѣ; жкѣ
наша повѣмѣмъ тѣрадѣнкѣ котнѣмъ са вѣовѣи
по Бистрицкѣи рѣкѣи, а мы повѣвшѣи съ
прмаркѣвого гѣморѣ сталнѣсьмы са любѣва-
ти приидѣмѣи колѣшѣиѣи прѣрѣдѣу котра
жкѣ вѣ рѣра хѣ сѣбѣю свѣжѣю и прѣмачѣ-
чѣскою отѣмѣравѣиѣи. — Чѣмъ разѣ вѣлѣ-
ви наша дѣорѣи ютѣю — вѣстѣжѣ вѣ привѣра-
ла стрѣмѣнѣи, тѣмъ сильнѣиѣи вѣрѣхѣ о-
стрѣи нѣвѣиѣтѣрѣ вѣрѣтѣ надѣ мѣжкѣи
лѣотѣмѣ, гѣвѣдѣи нашѣи вѣдоймѣлиса до го-
рѣу мѣовѣи вѣ жилѣхъ мѣишѣхъ жкѣ сильнѣиѣи
шѣ вѣтѣи и вѣфѣи нашѣи мѣишѣхъ рѣвѣрѣли-

са, котрыми мовьбы жыты самов: втиска-
лоса. Такъ зостаючи въ об'ятіяхъ нина-
глядной природы забывалсьмо черезъ хвиль-
кѣ на все, що коли нибѣдь намъ долагало
— мы тѣю часинкѣ жыли для насъ самыхъ
а нашъ спокѣи не розмѣтило намъ нѣм-
ков лихѣ хотѣвы и черезъ сонъ; во въ сонъ
твердѣйшій заколисала насъ прелестна при-
рода. Кѣлька разъ споглядалъ на насъ фѣр-
манъ, и изъ всего его рѣха было видно,
що емъ мѣстѣло са нахѣчнати наше долге
взмоленое розсмотрѣваніе. — Онъ радъ
былъ забазати шкѣйсъ розговоръ съ нами,
но при всей сѣобѣ рѣши извѣстнѣй гогодан-
вости не найшоуъ, о що бы зачепити са
дало. Ижъ наразъ отъзвалъ са: „Отъ и
Манавъ!“ шо насъ изъ нашего наркотна-
мѣ до памяти привело. Мы поглядѣлисьмо
мовьбы не тыми самыми очима, хотя они
бѣвъ прѣрыено отъветыми зоставали, и о-
бачилсьмо прѣдъ нами по правомъ боцѣ
рѣчкѣ къ западову са крѣтачъ, а по лѣ-
вомъ боцѣ дларіи радъ хижинъ, а поме-
жи ними сады и огороды. — Въ подальши
за тыми оузражѣньма маленкій поточокъ,
котрого выходъ наразъ гѣвилъ са межн
высокими берегами, котри изъ далека вы-
давали са стисненными выти до кѣпы и ста-
новити значный продолжающій са гореват-
тый гравѣнъ. Въ сѣй часъ отгадалсьмо,
що рѣчка по правомъ боцѣ была Манав-
ка, а поточокъ по лѣвомъ боцѣ былъ сла-
вѣтнѣй Скитицъ. Поглядѣвши по за не-
го, обачилсьмо розвадны изъ стырчаннхъ
вашній, котри бѣвъ дальшого толкованія
за послѣдки Скита держалисьмо. Тѣбно
было собѣ еще нхъ вѣрно представити, во
гѣстий лѣсъ заслонялъ намъ нхъ видъ.
Самисьмо не знали, ци лѣдѣчи ци лѣшо
зайдемъ скорин на мѣстци. На послѣдне
однакожъ рѣшилсьмо са и взавши нацин
сѣ армаркофайн шловцѣмъ палицѣ пѣсти-

ли са просто до поточка, котрыи носилъ
на сѣвомъ хрѣстѣ кладкѣ для перепра-
вленна са на тамтѣ сторонѣ. Въ томъ и
наша повозка подѣтѣхала за нами, пере-
брыла мѣлкѣ стѣпу и вытѣхала на зна-
нѣ мѣрѣвѣ, котра для нашихъ коній за по-
пасъ послѣжила. Не могѣ казати, щосьмо
ишли подъ горѣ, но такой добри бѣгли, абы
богдаи о хвилькѣ скорше подивлати зѣмт-
ки старинни. Дорѣжка, шкъ видно колнсь
широка и добри оувитѣ, въ лѣсѣ чпѣмъ
разъ са стѣснѣла и здавала са оуже тѣи
тѣи гѣвити, шкъ наразъ зновъ са розширила
и вывела насъ нѣбѣ въ шкѣйсъ отворъ, сла-
живеній колнсь за брамѣ. — Кѣлька врокѣвъ
о подаль обачилсьмо двѣ кашнѣ, кото-
рыхъ надписи дали намъ пѣзнати, шо въ
нихъ мѣстни са колнсь славинн колоколь.
Отъ тихъ двоухъ кашнѣ тагнѣтъ са двѣ
мѣрованн стѣны, изъ котрыхъ лѣва при-
перас до горы, а правъ полоче нижше намъ
оказавшій са потѣкъ, Скитицъ. Обѣ тѣи
стѣны закончатъ са зновъ кашнами. Стѣ-
на изъ лѣвой стороны тагне са досыта
еще значно и оказѣе долготѣ вышого мо-
настыра — права же менше са заховала;
однакожъ и изъ неи стырчатъ гдѣкотри
части съ малюваными иконами и рѣснѣнн
надписами. — Ишимъсь черниломъ гѣже
насладованое число 1783. — пришло намъ
въ память рѣнъ зисѣна того монастыра,
котрого основаніе історія до дѣвгон жѣно-
вны XIII столѣтія отнѣснть. — Мѣжи
тыми въ прочимъ годими стѣнами стѣнѣтъ
тамъ, гдѣ колнсь трапѣза стола, знаме-
ніе крѣста, прѣдъ котрымъ приклоннши
коакѣно пѣмнѣлисьмо дѣши оусопнхъ Ино-
кѣвъ, котри на томъ мѣстци прѣдъ воли-
кова десятками лѣтъ безкровнѣ жертѣ въ
хѣвалъ Ісѣвышиго приносилн. Бставши отъ
моантѣмъ поглядѣлисьмо окрѣстъ сѣбѣ, а
мѣсто трапѣзы, иконостаса, амбона, намѣ-

стныхъ образокъ, крилосѣкъ, свѣчничковъ и проч. проч. означалисьмо дѣпы, рѣмовиска и глѣхого камѣня мѣломъ, порослого — мѣсто Іерѣквѣ, Церковничковъ и побожного міра, лишь черніи галки, болзавіи и злхмѣреніи пѣгачѣ изъ тѣсныхъ щелинъ едшией на сѣмѣхъ пѣстыню подишмающухъ са — мѣсто грѣмкого голоса на криласахъ почѣлисьмо свистъ зминого вѣтра вѣдоеквакючого са изъ роззавеленухъ пещеръ и пригадѣющого намъ, що на мѣстци розорина стоимо. Іѣковсь необыкновенное чѣство наполнио дѣшѣ нашѣ, гдѣ наша бѣда то бѣтъ страхъ бѣда бѣтъ згадки о минѣшности стиналаса, дѣхъ са въ насъ заприралъ, измыкъ задерѣвѣлъ, а бѣтъ морозъ проходачого по костехъ нашихъ цѣлаи наше тѣло въ всѣхъ составахъ затрѣпѣтало. — Изъ перепѣдъ подвоишисьмо кроки на передъ и верхивалисьмо мовѣ болзавіи, чимъсь наразъ пораженіи птицѣ. Яжъ по тамтѣи сторонѣ розвалинъ очѣнчалисьмо — бо иніи образы представили са нашимъ взорамъ. По правѣмъ боцѣ приперле тѣтъ до мѣрвѣкъ мѣстѣ надъ потокомъ Ститцимъ нѣждю постровный, и пригадѣе на давнии стагавіи мосты, котри пѣдла потревы сторожѣ стагала. Зѣ разѣ не моглисьмо са ѳтѣлжити на тѣю спорохнѣлѣ постройкѣ встѣпнѣти, обавляючи са, авѣ мѣсто до Ститца не оупласти до Стиска приправляющого на тамтѣи свѣтѣ; но озрѣвши ю изъ всѣхъ сторонѣ и не найшовши принаймиѣи такъ небеспечною шкъ Чортѣвѣ мѣстѣ надъ рѣкою Райсою коло сватого Готарда, переправилисьмо са по ней и оудали са въ бѣкъ до перелѣска, гѣстою шкъ щѣтъ обросшого травою, а зѣ ѳтсы представила са намъ долга ровнина свѣжимъ, зеленимъ пѣхомъ покрыта.

(Продолженіе слѣдѣе.)

П О В О Р О Т Ъ

ВЪ СВОЯ СЯ.

(Конць.)

„Прожиши тѣтъ досытъ долго, постановилъ емъ vybrати са до домѣ, и присовднилъ емъ са къ пѣтѣшествникамъ, котри вывѣрали са сѣхнѣтъ пѣтелъ до Європы. Переѣзджалисьмо великіи степы, плодоснии стороны, и пѣсковіи ровнины; надѣнчалисьмо шайки развѣйничковъ и покнывали розличнии небеспичностьа. И выдѣлѣемъ тамъ бакюкъ мѣтнои воды, котрѣ бѣльши цѣнено, мѣжили дѣсать вѣльваюдѣвъ, обавдѣваныхъ богатствами; выдѣлѣа, шкъ горстка польѣовнажиныхъ вѣданиковъ, додала бѣльши страхъ нежели шкѣи Князь съ всѣма своимъ сабгами и пахолками. Наконць дѣсталисьмо са до обрѣзованнои Європы и забыли все що перѣтѣрпѣли. — Нѣтерпливѣсть моя, оуѣнѣти сторонѣ родиннѣ, возростала по мѣрѣк мого къ ней приближана са; а дѣставши са до ней, оумножала са непокѣи мѣи съ желаніемъ авѣ чимъ скорѣи оуѣрѣти дѣмъ родитѣльскѣи.

„И такъ и тѣтъ оу. Басъ! Вогу да бѣдетъ слава и благадѣреніе, шо Оуѣ допрѣваднаѣ мѣи къ Бѣмъ здорового и мѣстѣи совѣсти! Принисѣ и такожѣ тѣлько грошии, чѣстниимъ спосовалѣ собранныхъ, шо могѣ совѣк кѣпнѣти хорѣишѣ гѣвнта и заложити слави господѣрство, понижѣ постановилъ емъ прожити далѣшнѣ дни жизни моеи посредѣ тѣхъ, котрыхъ и любѣю бѣльши шкъ всѣ свѣтѣ.“

Когда Петро оуѣкѣчилѣ повѣсть свою, возѣовновили са стискама рѣкъ; мѣждѣ тѣмъжѣ заставлено стѣлъ до шѣерѣ. Почѣмъ отецъ озвалъ са:

„Надѣемо са некавомъ совѣдѣ, котри похѣдѣтъ са, пѣдѣлѣти съ нами радѣсть

наше, бо ты всегда была ось, любимцемъ всѣхъ.” —

По хвилѣ надѣйшли гостѣ, дѣти по- выѣгали имъ на стрѣхѣ, и ввели ихъ до хаты.

— „Шнѣ са маешь! шкѣ са маешь! Слава Богъ!” — розлагало са изъ всѣхъ сторонѣ. Петро позналъ въ перва всѣхъ старшихъ; но молодшіи завернули емѣ головку. Наконецъ пригадавъ онѣ собѣ, що съ однимъ ходилъ до сѣльскои школы, съ дръглыми бавилъ са подъ звонницю, и невагомъ вынайшолъ онѣ междъ ними любимцю подрѣгъ своихъ младичныхъ лѣтъ, гожию Миланю дочѣ сѣсѣдного мелника, котору онѣ бѣходивши, оставилъ четырнадцатилѣтною дѣвчинкою а теперъ оувидѣлъ въ полнѣмъ цвѣтѣ красоты. Еше того вечера старалъ са онѣ, оузыскати вноктъ ей благосклонностъ; и хотя она въ начала троха сторишла, то прѣцѣнь возобновило са нухъ давни дръжество, нѣмъ собраніе розѣйшло са; и той вечеръ выла здав са началомъ вѣдѣцѣго цѣста тон милон пары.

„За здоровѣ Петра и шастливый поворотъ его!” вскричали гостѣ, выпнегаючи посаѣдній шляпки старого меда. — „А коли естъ розѣйшли са, обцюзвала Петро родича чашѣ рѣки, кивалъ са на конѣна и принесе плаащинное благодаріиѣ Всевышнему за оум дарованое емѣ цѣстагъ, а наконецъ наелажъ длатъ са солодкимъ сномъ въ той компантѣ, въ котрой родилъ са.

Въ Янга. Гж. Барсодадъ на Нѣмцѣхъ Г. Гѣвшъ на Рѣсѣ Пнтоній.

П і я н и ц я

Наринкомъ въ лѣхухѣ, вѣзы шипки, котѣи, Вѣлѣннѣмъ ходомъ въ фѣсы до фѣсы Ишолъ Костѣ въ корчмы до домѣ Не доключилъ са никома,

Линѣ то спѣвало, нѣмъ вѣселою гудѣна
То шрѣса дѣмалъ,
Тай ось при плотѣ
Спочилъ въ волотѣ. —
Понѣгла льоха тай брысь кѣдлати,
Дѣли улюбивана, рѣчѣ мѣ анзатни
„Кѣмцѣи! свѣтѣно!” Костѣ морочѣ,
Облати обѣе хочѣ,
Бо мѣ са смилн
Що са гостилн.
Тай пѣтъ свѣи, свѣи
Цмокичѣ обѣе. —
Лука въ Ракова.

Когутъ пѣвецъ.

Чомѣ Татвино рѣка дѣтима,
Кони когутъ наивъ нѣмъ злѣе,
Що съ задкочѣ его рѣдина,
И гревѣнъ мѣ са зачеронѣ?
Бо онѣ дѣтино, адроннѣ дѣмалъ,
Що а солодѣ такъ нѣзачѣтъ,
Потомъ ала са мѣ са стааде,
Кони и нѣри зѣ него са шастѣтъ,
Кѣ са шѣтъ нѣмъ повѣнѣтъ,
Трѣмъ мѣ въ перѣхъ бѣтъ вопѣнѣтъ,
Лука въ Ракованѣ,
Вѣтлѣ дѣи оувѣнѣтъ,
XXIV.
И барѣю промѣстною,
Бессладеа вѣсною,
Бессладеа, зарѣсна,
Кѣмъ животнымъ была млада,
Острымъ мечѣмъ поранѣна,
Бесслой жизни аншина,
Нѣмѣмъ жаднѣ дѣшѣ,
Сама собою са дѣшѣ.

(Розвѣзанкѣ поспѣдуе.)

СВОРИКЪ

ПОВѢСТОКЪ, СКАЗОКЪ, ИСТОРИЧЕСКИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ, ГОСПОДАРСКИХЪ
И ИНЫХЪ ОБЩЕПОЛЕЗНЫХЪ ВѢСТІЙ И ПР. И ПР.

Ч. 38.

Водень, субота 12. (24.) Септемврія.

1853.

ДЕНЬ НА ПРАЗДНИКАХЪ ВЪ СТА- НІСЛАВОВСКОМЪ.

(Конецъ.)

Троха гавеша въ лѣсѣ открываемо зноекъ икинсь розваланы веданоним на ка-
плицу, но мы не подуходимъ къ нимъ,
леы много часѣ на тѣю прогѣлкѣ мы стра-
диди. Горбукъ на право плѣнналъ насъ въль-
ще; а за хеналькѣ нахуоднаемь са оуже на
вго влрхъ, зѣ отки на розваланы Скитскім
вщи разѣ доглавннсьмо. Гонце хилмо
са къ западомъ, но вакимъ ещи по за горы
са скрѣде, кнѣло свои пращальнн дѣни
на розваланы, изъ которыхъ нмѣтъ зедѣ-
тымн соннца лучамн оварентъ мовдѣи дѣмъ
въ дѣзносмѣгатыхъ клѣвахъ въ воздѣхъ
са взеналъ. Зѣ разѣ не могансьмо съѣ-
того зѣменска вытолкѣати; но обачеимн
хлопца посерѣдѣ розваланы товаръ до до-
мѣ гоначого, пѣзнаднсьмо, откѣдѣ тн
тѣманн воздѣшннн вѣрѣтъ са. На нашнн за-
проснны подѣншоатъ чѣмншн хлопчнна къ
намъ, поздоровналъ насъ мило и вѣпросналъ,
чого отъ него жалѣемъ. „Мы радн знати,
що то за розваланы вѣрѣдѣ намн сътъ?“
— а ставннсьмо смѣ тотъ вѣпросъ дла
цѣккостн, нѣтъ бнѣ намъ о ннхъ прѣкнн
станн. „То сътъ слѣдн“ отвѣзалъ са нашъ
знахаръ „изъ Скнта. Такъ называлъ са
тѣтъ колнсь столѣшнн монастырь. Бѣ нѣмъ
овнталн чирцѣ, на котрыхъ одного разѣ

найшла жѣма и вѣхъ, которнн пардѣ ннѣ
не оубѣган, оумртвнра. Нхъ тѣла похѣ-
ронено въ скапакъ сего монастыря. Вѣн-
хайте: Чир—цѣ! Чир—цѣ!” клнннлѣтн
на вѣкъ стороны выдалн розваланы нѣтъ съѣ
отголосъ: Чирцѣ, Чир—цѣ! — „Вндрнтѣ“
продолжалъ нашъ толковѣтѣмъ, „онн сѣнѣ
внѣтѣтъ, во са мнѣ отъвѣалн.“ Мнѣ хѣ-
тѣансьмо смѣ на тов дносъ замѣлнтн н
вго обѣчнтн, зѣ отки тов похѣрнтн,
що изъ того мѣстѣа кожды в ннннн
голосъ въ розвалннхъ отѣмѣде нн много-
кратно повторасъ са, но нашъ нѣдосѣрн-
вншъ горбакъ свою рѣчь намъ такъ ваклн-
чналъ: „Хочнтѣ, вѣрнтѣ, хочнтѣ не вѣрнтѣ
мѣнтѣ словамъ, но все тов сътъ мѣстнн,
во мѣн дѣдѣ отъ такоѣ на смѣдѣ рѣкѣтн
мнѣ тов оповѣдалъ а мѣн дѣдѣ болѣ-
ше знае, нкѣ вѣѣ Пдны нѣтъ Солѣтѣнннн, а
навтѣ н изъ самого Станѣславова; во нмѣдѣ
внѣ Чирцѣвѣ сего монастыря!“ — а н въ
томъ отѣвѣгѣ насъ, во вго товаръ звчннлѣ
изъ правон стѣжкн. Бѣжкнн вѣдѣржалъ нѣ
оглавлѣ са, махнвалъ капелюхомъ, крѣ-
кнвалъ: „Бывалнтѣ здоревн“, повѣгалъ за
товаромъ н зѣвеналъ са въ гѣщн.

Мнмобольно направннсьмо нашнн стѣ-
пн за хлопчннон и пр хенан прнѣвннсьмо
до нашон повожн, въ котѣбъ стѣшнн вѣлѣннннн
мо до снла ѣхатн. —

Гонце встѣпало въ дѣрн запада, нѣтъ
сьмо подѣхлалн до Манавки. Зѣладѣннцѣ

охладила воздухъ, тишина воцарилась, а добра охота подшутывала, абы еще, закимъ густой сѣмракъ залагилъ землю, отсвѣжити зѣнке тѣло балсамомъ брызковъ спадающей Манявки. Икъ на счастье навинять са намъ шкѣсь моторный провѣдникъ, котрый за годны обѣцалъ завести насъ до шепотъ (водопадъ). Заведво кѣлька кроковъ зробиласьмо, пѣнали шо о много скорше пѣшо постѣпно на передъ — оставиласьмо про тое зновъ идѣть повозкѣ на мѣракѣ, а взявши наши шабцеши паланцѣ до рѣкъ пейшли за машинамъ провѣдникомъ, котрый товѣ оленъ садилъ спорыми сколами на передъ, оуказючи намъ всюду стѣжкѣ черезъ горбокъ и долинѣ, мочары и лѣги. Не долго могиласьмо смѣ нашимъ ходомъ дотримати справы, шо и бѣть помѣрковавши ставалъ и обзиралъ са, ажъ поки не селижалисьмо са съ смѣ досыть близко — по чѣмъ, бѣть зновъ насъ выпержалъ спорыми кѣснями дорогѣ. Такъ перебѣгалисьмо можъ сказати всю дорогѣ ажъ до лѣса, котрый покрывалъ досыть значнѣ горѣ.

Вычерѣло . . . а птички стали стронти свои гѣди на вечернюю лѣсеню — но передъ нами еще лежала гориста дорога; ходѣ дозрелъ четверть годны. Нашъ провѣдникъ додючи намъ охоты, вопрошалъ: „а ци чѣвте шкъ шепотитѣ? Отъ оуже не далеко — ажъ поскорѣмъ!“ и зайтнлъ краснѣю лѣсна, а мы смѣ вторбючи вѣшлисьмо ескѣ разомъ въ лѣсѣ. Чимъ дальше постѣпаласьмо, тимъ вѣлаше тѣснѣйшою ставалася наша дорожка, котора наконецъ прѣмѣнилася на оузывнѣ стѣжкѣ, дозволяючи завлече по одному чловеку по ней стѣпати. Тѣи, тѣи здавалася она предъ нами гѣвенти, и еслены нашъ провѣдникъ не пѣдносила былъ галѣва прикрывающего онѣю, не выкалѣсьмо въ стани оугадати ен стрѣм-

лѣна. Завѣлько голоснѣйшій ставалъ са шепотъ спадающей стрѣ — тѣмъ жвавше продолжаласьмо нашъ прикрый ходѣ. Но ескѣ трудности досилѣ были ничимъ въ порѣваню съ тѣми, котрымъ насъ смѣ еще ожидали. Наша стѣжка, котора досы срединною горы тагнѣлася, на разѣ надъ оутесы и оувериска насъ завела. Правую рѣчку стрѣла са было крѣпко тоимати досыть — а лѣвою подперати о палицу, абы оутративши равнѣнствѣ, не оубоитѣ въ оубѣ, оутирѣно новила корыто Манявки. По шакѣмъ на пражнѣю силъ просѣдлаласьмо шкъ по надъ самыми пропастьми и спѣстнл накопцѣ въ самѣю рѣкъ, котрой вода мѣстцями заледо рѣнѣ полокала; мѣстцями же пѣдъ густымъ лѣпшникомъ, абы пѣдъ огромными плытѣми и завалеными ивами и смѣрѣями выстро чѣкла. Тѣтъ треба было зновъ доери оубажати, абы стѣпѣючи изъ плыты на плытѣ абы изъ колоды на колоды гдѣсь жинѣ не постѣпити и шкѣ до нещаста са не навѣнти; абы принаймынѣй передъ часомъ не скѣпати са. Но на ескѣ товѣ оубажалъ нашъ вѣчнѣй провѣдникъ, котрый за кождымъ крокомъ поглядѣлъ на насъ, ци добре идѣмъ. На разѣ завѣла изъ закѣтка силнѣй, холоднѣй вѣтеръ на насъ; а мы пѣдлѣснѣи тѣда наши очн, обачили огромнѣи гранитовѣи стѣны; долотомъ природы на образѣ правнѣного пѣдкѣрга выдолбанѣи, въ котрого осередкѣ, съ шѣмомъ и рѣвомъ изъ горы жѣвѣхаючаа вода розѣвѣкала са по мнѣгнѣмъ стѣрѣащнмъ скалнстымъ стѣбамъ на мѣлліоны брызковъ. Поверхъ стѣнѣ пѣлѣнала насъ велнѣннѣи дѣрева, котрыхъ корѣны здавали са прѣтягающнми по надъ нѣми хмарамн порѣшатса, а конары ихъ оуверислн краснѣи составлѣти вѣнѣцѣ; котрый икѣмъ малъ прнзначнѣе твердое чѣло скалы оуоасѣвати. — Долго прндивлаласьмо тѣи ешнѣи

Фантазия природы и прислуживали тому же ввечному концертову, шепотом кипачихъ волнъ творимому, а не видѣвши оужасно-великихъ сваленій водоспада Ниагары въ Америцѣ, а въ Рена въ Швейцаріи; не могли само собою дойти на диво красной водоспада Малавити надвигати и нимъ та иллюковати. — Въ минуть рождалася само и стали съ боку поди выверный тошъ; а величье не обздала пора и баба, пробъ са не зауродити, выливъ само три разы долше тамъ въ зливити дали. — По такій конили свѣздала само досыта голосно оу насъ поведы, котрый, выпереживши нашихъ даломъ наполнили торбы, борзо заспокоилася само.

Глуха подымавала гала землю, такъ всемо ривили изъ мѣстца назадъ. Повертаючи погляданася само на погрѣженіи въ стрын величій наливъ и многолетній ивы и смереки, и выобразили совѣ легко мбць розбиканон водной стѣнѣ. Не ждалъ бымы никому чѣ тѣи дѣвѣ по тотъ часъ са находити, коли воды въ горахъ привѣдуть; бо ю тогда може въ истѣ срѣвнати ино съ кбтломъ пила. — Величій каменѣ и роскошніи дѣрва тамъ погрѣженіи, поровналисьмо съ гбрдыми лѣдыми, котрыхъ судьба изъ высоты ихъ гордости въ пороухъ ничтожности для покорна пввалила; скалиstin же столбы посередѣ волнъ непоколебимо столчий выдали са намъ кыти овыми твердыми характерами, котрин мимо сильныхъ оударбѣ завзати судьбы и мимо изъ всюды окружающихъ ихъ бѣдствий, рѣнній и напастей, крѣпко стоять и все отражаютъ. Такими гадками занатин праминьласямо и дѣрв и оурвиска и крѣтій вѣрети, а понижѣ далѣша наша дорога провадилла насъ изъ горы, те и за хвилыкъ скотиласямо са изъ ни. — Быйшовши изъ лѣса, мимовольно еще разъ са обер-

та нечи прозоръ намъ закрыла и до поспѣха наганала, то однакожь намъ ничего не было такъ жалко, якъ що такъ коротко оуживалисьмо кбпели.

Повозка наша подѣхала къ намъ, въ котрѣ вѣдвши повѣзалисьмо см гнѣть всехъ нашихъ трудовъ, вопріемный сѣнь стиснѣлъ повѣки очей нашихъ. Чрезъ цѣлѣночь продолжалася ѣзда наша, а колѣсьмо стало на напѣлѣ обвѣстю; свѣстила намъ искраца дѣлнвѣ, що оуже рано.

ЖАБЫ И МЪСЯЦЪ.

Жабы (на мѣсца рогатины, са)
 Що каждѣсьнекон ночи, в Штѣнн
 Шоды ами разъ мѣстали
 На звалѣхъ свѣтити намъ свѣтомъ
 „Они намъ дообдѣхали“
 Бѣкъ разомъ заприхотали
 Мѣсца же то ечьсь рогатины
 И вѣкатид о мѣ цѣлѣмъ свѣтлѣ
 Шо на поцѣ все дѣ жакали
 Свѣчѣ къ знимѣ не ливѣ въ лѣтѣ;
 Чомъ же спитъ зимомъ голова
 Хива шо и дѣ намъ колота

Лука въ Ракова.

ОСОЛЪ И КѢНЬ.

Осолъ смѣлѣ съ съ коймъ старого
 „Простыи казалъ мѣ до рѣды морозу
 Бо оуже не скочишь скорше оѣть мене
 Панъ оуже на тобѣ въ чвалѣ не поженъ.
 КѢнь отказалъ мѣ: „вози ты вода —
 Братай са съ мѣломъ, онъ того рѣды;
 И конѣмъ вода, хотъ ели малѣма,
 И ты ослаи есь, вѣки ты вѣма.“

Шанѣ старого
 Ты смотри сего.

Лука въ Ракова.

РОЗВАЗАНЬЕ

Загадки XXIV. съ Ч. 37 Сборника: Трава, сѣно.

КОРОТКІЙ ОЧЕРКЪ ІСТОРІИ АУСТРІЙСКОИ ДЕРЖАВЫ

Черезъ Василія Зборовскаго.

(Продолженіе.)

Ея слава, иже сражаемая дѣвнала цю разъ вѣданыи снмалтн встухъ иропійскнхъ Дворецъ; гдѣ насѣрпннѣ Фрндрнхъ II. засѣмоданнй стагадъ са; а той смѣтокъ наветъ на его всакѣбѣ перходнлѣ. Той смѣтокъ еднакожѣ замѣнлѣ са ннваломъ чрнзъ шастланншй окоротъ, шкнй его залжнтостн вралн чрнзъ смертъ Царнцѣ Россійскон Внсовѣтн (д. д. Сѣтнл 1762.)

Наслѣдннѣ до дронн русійсконго Пнтро III. былѣ осовѣтннѣ шкрнннлнѣ дрѣгомъ Фрндрнхъ; пѣслалѣ про тос заразъ во свонлѣ встѣвлнннѣ на дронн, русійскнлѣ войскалѣ прнклнѣ, шкн залтановнлн есѣ нспрнлѣтальскон кронн протннѣ Прусамъ; залкнчнлѣ шветѣ оуговорѣ съ Фрндрнхомъ II. н склннлѣ наветѣ Шведѣбѣ до оудалнл са нзъ мѣстца воннл. — Пнтро III. ностраллѣ нваломъ по тѣмъ еѣ шнртѣ, до которѣго его власна сѣпрѣса Бкатернна макснмала, дронн н жнзнѣ. — Бкатернна внслала шкѣ напскоршн свонлѣ войскалѣ прнвлнѣ прѣтннннѣ томѣ, шкнй ен сѣпрѣгъ былѣ вндалѣ, но ен волл прнншла зал пѣздно до вѣдомосчн ен войскѣ; мнждѣ тѣмъ внспрлн Прусакн аустрнйскнн войска нзъ Шендннцы, которѣ послѣдннн пѣдѣ начальствомъ Лавдона были здобѣлн, н такѣ оутратнла Марнл Тереснл Шлсско

Тѣю сѣмъ лѣтѣ продолжалншю са вѣннѣ залкнчнлѣ оуговорѣ еѣ Гѣвртсѣвргѣ (д. 15. Лютонѣ 1764). Тѣтѣ

зрнкла са Марнл Тереснл оцн царѣ Шлсска н Графстѣла Гаацѣ еѣ пользѣ Прусѣ. — Фрндрнхъ II. оуѣчалѣ до-помогчн ен сынѣмъ Іосифѣ до рнмскон Королѣскон корѣны, которѣ онѣ доктннѣ дна 27. Марта 1764 полжчнлѣ. Впрѣчѣмъ позѣсталѣ есѣ еѣ такѣмъ станѣ, шкѣ перѣдѣ началомъ вѣннн.

Аустрнл рѣвно шкѣ н Прусамъ нмаллн еѣ темъ дрѣгомъ вѣннн жаднон пользы, внло то лннѣ влнмнннѣмъ замѣраннѣмъ слнлѣ. — Слѣдѣющонѣ рокѣ (1765) оумерѣ Цѣсарѣ Францѣ I еѣ Інсербургѣ, того самѣго дна (18. Септнл), которѣо сынѣ его Лавродѣл прлзднвалѣ свою жнштѣ еѣ Марнсю еѣ Ншпаннл. —

Іосифѣ прннлѣлѣ тѣперѣ слндоу своѣго тнтѣлѣ: „рнмсконѣ Королѣ“ тнтѣлѣ Цѣсарѣ, н сталѣ нзѣ стѣорнн своѣн матѣрн нмннованнѣмъ сѣрлнкллѣдѣтлвнѣмъ. Лнполѣдѣ, вратѣ моллдшнѣ, послѣдрѣвалѣ ртнѣ еѣ Евлнклѣмъ Кнлжнстѣлѣ Тосканн, которѣ Цѣсарѣ Францѣ I, оуѣрѣдѣчалѣ еѣ порлдѣкѣ наслѣднл (1763) нко наслѣднл втѣдорѣж-днннѣмъ Домѣ Аустрнйсконѣ. —

Спѣрѣ о елварскѣ наслѣднл, по смертн Кнлздѣ Іосифѣ Макснмнлнлн, которѣо рѣшнннѣ Іосифѣ II. радѣ ен былѣ оружнѣмъ допартн, Марнл Тереснл однакожѣ самнро залѣчнчнтн жллала, заллгоджнно дрнстнѣ Тѣшнннскнлѣ оуговорѣмъ (д. 12. Млл 1779). Елварнл шрнншла еѣ послѣдннѣ Кнлздѣ Каролѣ Фѣодорѣ еѣ домѣ Бнтлльсклѣ.

(Продолженіе слѣдѣ.)

Отвѣтательннѣ нздлватѣл н редлкторѣ Васнлнѣ Зборѣвскнѣ. — Тнпомъ ОО. Мехнтарнстѣлѣ.

СБОРНИКЪ

повѣстокъ, сказокъ, историческихъ воспоминаній, господарскихъ
и иныхъ общепользныхъ вѣстій и пр. и пр.

Ч. 39.

Вѣдень, субота 19. Септемберя. (1. Окшовря.)

1853.

ПРОКЛЯТСТВО МАТЕРИ.

(Баллада.)

„Не ходи сыне на гавокѣ водѣ,
Купай са сыне оу мѣльномѣ прудѣ;
Гавокій воды то згубна припада,
Тамъ смерти зѣва, тамъ нечаяна зрада.“ —

Просила мати, благала рѣдмал,
Я была мати вдовица жѣрная —
Ористь не слухалъ, не повинивалъ са,
Бѣ на гавѣшнихъ вирахъ Днѣстровыхъ купалъ са.

„Ой брате, брате, братчикѣ милашкѣй!
Не роби жалю матери влагинкѣй,
Послухай сестрицѣ,
Не надъ топилицѣ;
Топилицѣ зрадно
Приближатъ са къ тобѣ,
И въ гавени на дно
Стагнѣтъ тебе къ собѣ.“

Просила сестрица благала щирѣйна,
Но дармо проситъ и сестра и милька,
Ористь не слухалъ не повинивалъ са,
Бѣ на гавѣшнихъ вирахъ Днѣстровыхъ купалъ са.

Заледво-милость Божа въ шри дѣни,
Ниво залѣсѣ зимовѣ розѣни,
Засмѣсь солнце теплыми оцѣтами,
И снѣгъ причезне бескида гораму
Заледво первша цѣтѣна розѣниѣ са,
Ористь ѣтѣжно по члѣвнилахъ вѣ са;

И чимъ Днѣстръ волны грознѣйше спинае
Тимъ мильше Орестъ по водахъ гѣлае.

Мати горозить, вѣдна сестра плаче,
Орестъ не дбае, зъ зарвѣвъ въ рѣкѣ скаче. —

Но лихо дитинѣ,
Що въ ранній годинѣ
Згвѣнии принады,
Тин сердца гады,
Не дбае здѣсити
И пѣскоромити;
Бо приде полѣдне,
Гадъ взросте до волѣ,
Его жало задне
Быліе вѣдъ недолѣ
Въ сердце молодомѣ,
И горе такомѣ! —

Минѣло лѣто и зима минѣла,
И сновъ власть Божя на земаю подѣла,
И сновъ и нашъ Орестъ по водахъ гѣлае,
Хоть мати просить, хоть сестра благае. —

Разъ загремѣло, мати задрожала,
Ячейже лихо въ середенькѣ вѣщала,
И передъ сыномъ став розпачлива;
„Яхъ, не иди сыне, днесь горозить злива.

Бачъ, якъ Бескиды насвѣляютъ хмары,
Шкъ смола чорній, оужасній якъ мары;
Ляють потоки, загѣде Быстрица,
Розложить сѣти блѣда топилица,
Згинешъ въ навалахъ въ нечаланомѣ грѣбѣ,
Я сердце зъ жалю розпѣкнись по Товѣ.”

Просила мати, благага ширенька,
Но дармо просить и сестра и ненька;
Сынъ непослушный зъ рѣкѣ сѣ вырывае,
На Днѣстръ принадный чимъ скорше влѣтае,
Я мати кличе: „Верни сѣ невоже!
Яхъ, непослушный! Богъ Ти не поможе;
Верни сѣ сыне, верни сѣ дитино!
Но дармо дармо — — — нещасно гадино!

Въ сердцю невѣсты рвѣтъ са всѣ огнива,
За грѣды хапаче волѣзнь распачива,
И зъ оустѣ са тиснѣтъ страшии слова громѣ:
„Богдайжесь бѣльше не вернѣлъ до домѣ!”

Но хотѣ мати лав,
Хетай сестра плаче,
Ористъ не дѣав;
Смѣ сердце скаче
На Днѣстерѣ, на Днѣстерѣ, свободно гѣлати
Съ водными волнами хенякъ понграти.

Но Богѣ, чи правда, дитинѣ караѣ
Которѣи мати за непослухѣ лав? —

И гланѣ, небачнии оужѣ надѣ водами,
Оужѣ на флалухѣ бѣла гадками,
Оужѣ на побережѣ
Складѣ одежѣ,
Оужѣ въ розходы
Лечѣсь на воды — — —

Ижѣ тѣ зъ безоднѣ голосомѣ могила
Мовѣ зъ гортании тысячѣ волны згомѣтали
Глухо, оужасно, страшиише ътъ громѣ:
„Богдайжесь бѣльше не вернѣлъ до домѣ!”

Страшии Татари,
Страшии пекла мари,
Илѣжѣ страшиишии надѣ всякѣи днѣвѣ
Есть Божѣи гнѣвѣ.

Задрожалѣ Ористъ, сердце злединѣло,
Брема скалою на грѣдѣ мѣ оустѣло,
Скаче на берегѣ, и оужѣ свои ноги
Звиртаѣ спѣшно въ батьковскѣи пороги;
Ижѣ тѣ и зъ ъттамѣ страшиише ътъ громѣ:
„Богдайжесь бѣльше не вернѣлъ до домѣ!”

И столбомѣ сталѣ, и оустопилѣ зрѣницю
Икѣ чорна слова въ сирѣю земланцю;
Но земля къ немѣ страшиише ътъ громѣ:
„Богдайжесь бѣльше не вернѣлъ до домѣ!”

Въ томѣ заблестало здааа Бескидами,
Естрасло землю, рѣшило скалами;

Нашъ окаянникъ поднесъ очи къ горѣ,
Сложила долонѣ къ небсамъ въ покорѣ;
Но неко къ немѣ страшнѣйше отъ грома:
„Богдайжись больше не вернѣль до дома!”

Шкъ тѣрѣ раженный оударна съ собою
Молодца лачно въ боры надъ рѣкою;
Но за нимъ слѣдьма,
Мовѣ чорна вѣдьма,
Жинѣ тревога
Лиховорога,
За стопы хапае,
И въ травѣ гдае,
И листомъ баццѣ,
И гадомъ сыче,
Глахо, оужасно; страшнѣйше отъ грома:
„Богдайжись больше не вернѣль до дома!”

(Конецъ слѣдств.)

Райская птичка.

Старецъ пожежный; жившій ероговаз-
лико отъ молодыхъ лѣтъ свонхъ въ ти-
хобѣ монастыри поишола одного разу въ
лѣсъ, сврати сѣницѣ для братскаго сто-
ла. Отдавшиса сватымъ мыслемъ своимъ,
зайшола далеко въ темнѣю гѣщѣ лѣса,
гдѣ нога чловѣча доси не бывала и куда
сами свѣрѣ заходити не смѣли. Тѣ долѣ-
тае оуха его пѣнѣ птицѣ. Онъ слыхае,
восхищавса, забывае о себѣ, забывае о
свѣтѣ, и стонтъ нерухомый шкъ мраморѣ.
Часъ минае, летитъ и не смѣе доткнѣ-
тиса го крылами свонми: не смѣе при-
рвати его оубаги, котра была подобна оу-
вазѣ вѣчныхъ жителѣи неба. Наконцѣ оу-
молкла птичка, а старецъ пожежный повер-
нѣла назадъ до обители своей. Приходитъ
тѣ и видитъ — инѣи мѣры, инѣю церковь,
инѣи келин и иныхъ монаховѣ; — не вѣ-
ритъ очимъ своимъ, нде до настоятеля
монастырскаго и къ оудивленѣи пытавса.

его: „Скажи ми, отче предподобеный, ска-
жи, шков тѣдо пережѣнило обитель твою?
Передъ колькома годинами вышолоа емъ
зѣ ниѣ, и теперъ нухожо все иное.” —
„Мы тебе не знаемъ, старче!” отповѣла
настоятель. — Старецъ оповѣдае исторѣю
монастыря своего — именѣе своего архиман-
дрита. „Изъ стародавнихъ лѣтописѣи нашо-
го монастыря все ми звѣстное оповѣдѣ-
ное тобою,” сказала съ оудивленѣемъ на-
стоятель, „звѣстное ми и има того архи-
мандрита: но тысащѣ лѣтъ оуже минѣло,
шкъ онъ жилъ.” — „Ажѣ теперъ поромѣнѣ
небесный освѣчае очи мон!” воскликнѣла
старецъ по глѣбокой дѣзвазѣ, а видѣ его
перѣла всехъ присутствовавшихъ, бо въ
нѣмъ было шось надземного. — „Брата!”
мовнѣла старецъ, „ѣ слышала пѣнѣ рай-
скаи птички и не чувствовала прошествѣи ты-
сащи лѣтъ?” Тѣ хочи онъ дальши вышнѣти
сладоствѣ пѣнѣи того; но азыкъ его тѣпѣе,
око темнѣе, — онъ падае зѣ ногъ и душа
его невинна оуходитъ зѣ тлѣннаго тѣла.
На камени, покрывающѣмъ могилѣ его, вы-
рѣзанѣи тѣи слова: „Онъ слышала пѣнѣ
райскаи птички, и не чувствовала прошествѣи
тысащи лѣтъ!”

СВОРИКЪ

повѣстокъ, сказокъ, историческихъ воспоминаній, господарскихъ
и иныхъ общеполезныхъ вѣстій и пр. и пр.

ПРОКЛЯТСТВО МАТЕРИ.

(Баллада.)

(Конца.)

И чорна хмара чѣмъ ближше надходитъ,
Свои посестры до себе приводитъ;
И въ страшнѣ тепѣнь всѣ къ совѣ собрала,
И недвижимо въ едномъ мѣстци стала.

Змолкла природа, вѣтеръ ни дѣне,
На тайныхъ крилахъ тревога съ сѣне,
Пода листъ съ крыють пухлякѣи птицѣ,
Цвѣтка головку скланяе къ землицѣ,
Зъ полъ ходобина спѣшитъ съ до хаты;
Дѣтій шкеле трескаева мати,
Все що живое притѣакѣ пытае;
Лишь одинъ Орестъ притѣакѣ не мае;
Ѣмъ, гдѣ вержесь, страшнѣйше отъ громъ:
„Богдайжесь бѣльше не вернѣтъ до домъ!“

И розпочалась борба стнхійнаа,
Борба жестока, оужасна, лютаа;
Заклекотѣло шкъ въ кѣзници Геклѣ,
Завили вухры мовѣ фѣрин встеклѣ,

Зъ корина лѣсъ
Зривае вѣсъ;
Мовъ зъ пекла бизоднѣ
Сверкають походнѣ,
Боры ривѣтъ,
Первны вють;

Лишь Орестъ того не знае, не чѣе;
Бѣ нимъ одинъ голосъ до сердца свидрѣе...
Лютый, оужасный, страшнѣйшій отъ громъ:
„Богдайжесь бѣльше не вернѣтъ до домъ!“

Хвилкѣ притихло; либонь то гадае,
Куда полкъ смерти разпослати має,
Въ томъ напрасно снова
Заколебалась землѣ заснова,
Гранѣль страшный громъ — — —
И за нимъ вразъ
Оужась! оужась! оужась!
Хмары проломъ!!!

И вѣхло, о горе!
Съднвесь цѣль море;
Шемать дѣбровы,
Гремать шровы,
Повѣнь землю дре,
Скалы ре;,
Всюда гѣкъ, ревъ, споръ,
Всюда розоръ!

И на долинахъ чи кончина свѣта?
Чи рѣка тайна Божого совѣта? —

Слишь, шкїй тамъ шѣмъ,
Икїи тамъ стогны, зойки!
Глань, шка тамъ розпачь, сѣмъ,
Икїи кровави слезоньки!

Оцпанъ гѣде,
Погнвель несе,
Тиснє зломы,
Балить дома,
Столѣтнїи трѣды
Лишають люди,
Щобѣ нѣждно хотѣ животъ
Спасти ѳтъ лютыхъ водъ.

Иле нашъ Орестъ того не знае, не чѣе,
Въ немъ одинъ голосъ до сердца свидрѣе,
Лютый, страшнѣйшїи ѳтъ хмары проломъ:
„Богдайжесь бѳльше не вернѣль до дому!”

Оуже волнѣ грозы довершають полною,
Зрѣвалии веригъ, замали всю ровню;
Балать са въ дома, до стрѣхъ досагають,
Въ сѣлѣ ходобѣ, дѣти затовлають.

По хатахъ старцѣ рѣки возносятъ,
Милости Божою очима просать,
Бо оумкло мовѣ, словѣ имъ не стало,
Оужасъ, тревога, горе нхъ заляло;
Лишь церковный звонъ
Бѣде страшный стонъ,
И за нимъ вразъ
Боры ревѣтъ,
Громы бѣютъ;
Оужасъ, оужасъ!
Згинебъ свѣтъ,
Ратникъ нѣтъ! — — —

Но ктожь тамъ въ волны мѣчи са изъ скалы
Икъ вѣйна пѣвица середѣ вѣрь навалы?
Безъ чолна, кермы, распачанево бѣ са,
Кто сей небачный? Икъ онъ тамъ зове са?
Волость мѣ вѣлый, очн мовѣ сокола,
Чи то не ангелъ, нль сватиць Никола?
Чи може блаженъ Осташъ?
Ни, то Орестъ нашъ. —

Стбй несчастный! проклатство на Тобѣ;
Ты грѣдѣми поришъ по власнѣмъ ти грѣѣ,
Ихъ; згинишь небоже,
Богъ ти непоможе! — — —

Даремнй слова! онъ не слышитъ зѣвка;
Нимъ горе носитъ, нимъ жни розпѣка,
Гадъ въ сердцю вѣ са, камѣнь залагѣ грѣди.
Но вѣре Божй не достигли сѣды. —

Бачь! тамъ на хатѣ, гдѣ лютыхъ волнъ грозы
Бѣютъ найстрашнѣе, садатъ зломѣ стосы,
Тамъ его мати вѣситъ распачанево,
Бѣда шкъ хѣста, лѣво трохи живе.

Оуже взрѣшила заснова хатины,
Оуже колебалы, оуже до половинны
Рве са въ оуголю, оуже рѣштѣ хаты
Балатъ напоры, и оуже — — въ волнахъ мати!

Не вдрожалъ Орестъ, но рѣкысь стрѣлаю
Мѣчись на мѣстцѣ силною рѣкою,

Хапне невѣстѣ, вѣрхъ волнъ возноситѣ,
И тагаръ милый къ берегамъ оуноситѣ. —

Бидѣлъ есъ лѣвицю, що въ лѣса пожарѣ,
Съ дитиновѣ въ пашнѣ вѣ са въ жгучой хмарѣ?
Такъ боресъ Орестъ въ волнахъ хмароломѣ;
И оуже продѣръ са чрезъ напоры ломѣ,
Оуже оу мѣты, оуже тѣи тѣи близко — —
Но въ томѣ завьли всѣ фѣрин рѣзко,
Гранѣли плавцемъ ко бережной скалѣ,
И счезъ Орестъ, мати, въ вѣзднахъ лютомъ фалѣ. —

Берегомъ тѣлмы оупали на колѣна,
Вознесли рѣки до Божого сына,
И хвила долга, оужасна шкъ тѣма;
Нема — нема — нема — — —

Яжъ тѣ напрасно двѣ рѣки завьли,
Боды мовѣ чѣдомъ въ боки са рѣзтисли,
Я нова фала
Прилѣтае здала,
На бергѣ мѣче невѣсты тѣло,
Я за Орестомъ лршь закласкотѣло
Сѣмно, страшнѣйше бѣтъ хмары проломѣ:
„Оуже са бѣльши не вѣрнешъ до домѣ!“ —

Дротарь.

Завоеваніе Константинополя

черезъ Туркѣвъ 1453.

(За итмичкого)

Цѣсарь Константинъ XI, хотѣ изъ всѣхъ сторонъ тишины, оказовалъ прѣцѣ до послѣдней хвилѣ бодрого дѣха и подавалъ всѣмъ козаннымъ прикладъ сильного характера и благородной преданности. Бѣчеромъ еще передъ навальнымъ пристѣпомъ собралъ около себе своихъ дворянъ, вѣлможѣ оупадающаго своего царства, начальниковѣ войска, народѣ, о сила къ стражѣ мѣрѣвѣ не быль оупотребленъ, и захотилъ ихъ долгою вѣсѣдою до бодрости, пригладѣючи имъ вѣкроломство сѣатана и оувѣрляючи ихъ о помочи неба, шке найкраснѣй-

шой нагородѣ мужества и вытравлости къ тѣмъ борѣ о сѣществованіе царства, столицѣ и нѣхъ родинѣ. Слова его зрѣвали неописанное враженіе. Шкѣвы ново оукрѣпленніи обѣцали всѣ вытравати мужественно; всѣ пращалиса съ слезами и каждый поспѣшилъ на свое мѣстѣ. Цѣсарь оудалса до церкви сватон Софїи, прїмалъ тѣ съ дворянствомъ своимъ сватин тайныи и попращалса съ всѣми притомными. Я теперъ и его сердце смагкло; слезы пошвианса въ очѣхъ; жалъ овладѣлъ нимъ на хвилю; отамнѣвшиса незадолго бѣтравалса бѣтъ всѣхъ оокрѣжавшихъ го, вывѣгъ изъ церкви, досѣлъ своего коня и обѣтхалъ самъ, провожаемый немногими, послѣдній разъ различнии стражи на около мѣста.

(Продолженіе сѣдѣе.)

Отвѣчательный издатель и редакторъ Василій Зборовскій. — Типомъ ОО. Мехитаристѣвъ.

СБОРНИКЪ

повѣстокъ, сказокъ, историческихъ воспоминаній, господарскихъ
и иныхъ общеполезныхъ вѣстій и пр. и пр.

Ч. 41.

Въ день, субота 3. (15.) Октября.

1853.

Бульбодь.

Нѣмецки переведенное письмо „Бельскій циркуляръ” приводитъ для господарей сельскихъ пшено важныя вѣсти о донесенной причинкѣ гнилизны въльвы (параколѣ, манде-шери, картофаѣ). — ового плеса земного, котрый близко ѣтъ полъ столѣтїа и оуе-гомѣ запорѣчалъ дѣшевость жита, и на столѣ богача часто ставалъ въ радѣ съ бажан-тами, острѣгами и пинными дорогами чѣжд-сторонними призмаками. Отъ коан же до-лѣсть вожиі тѣю найдмивешѣ страдѣ людѣмъ оумниль, ѣтъ тогда и дорожна въ всѣхъ потребностяхъ до жита длаа са всюды въ знаки. Дѣлаемъ прото прислѣжити са хочъ крѣпкѣкъ четнымъ нашимъ господарамъ зертвующи нхъ оубагѣ на той предметъ, котрый пшено достоинъ того, цюбы, мимо тѣлько заведѣныхъ надѣй въ дослѣженю и-стон тон хоробы причины, въ дальнѣмъ слѣженю не оуставати. Быти во може, цю еоднй сотномѣ пощаститса на подставѣ та-кихъ оуказокъ слабыхъ, дѣйти наконецъ правды и обмыслити средство до оудалена тон вѣды. Се слова того донесена: „Первый Л. Форстеръ изъ Косефлэдъ въ Вистфалин подае въ ооднѣмъ до множайхъ прави-тельствѣ направлѣнѣмъ поданю вѣсти о сѣ-ществованю одного, въльвенигичкѣ розвѣда-ющего насѣкомого, котрого существованѣ еднй оуже многорако твердили, дрѣгн же

причина, — вѣсть являного вниманїа всѣхъ господарей сельскихъ достойнѣ. „Причиною ѣтъ рокѣ розширяющоу са и невспичною стающоу са хоробы въльвы”, говоритъ Фор-стеръ, „вѣсть лишь одно насѣкомое. Оденъ досы неизвѣданный родъ стоноги (Julia) скла-дае свѣй зарбдѣ въ высадѣ въльвы, а ско-ро та въ земли состеловаткѣ, живеть са молоде вылазшоу са животно ню, розвѣ-дае ю и водгривае потѣмъ корѣнцѣ мо-лодого въльвового листка, котрый зѣ того банѣе. Оу тихъ родѣкъ въльвы, котрин въ земли найкѣрше стеловатѣють, лео где до того земля помагав, стае са таа хороба найневспичнѣйшоу, во тогда насѣкомое ворши до нѣжноу корѣнцѣ са дѣстае. Если корѣнцѣ ажъ пѣзднѣйше, коан оуже стѣрд-не, пѣдгривнѣ вылае, тогда болитъ лишь листѣ. Такожъ тѣрпатъ въ земли оеи въль-вы, въ которыхъ насѣкомое легко свои прохѣдища теорити и нхъ отворомъ дрѣ-жати може. Сама пора о томѣ переувѣдчи-ти са вѣсть тотже часъ; во теперъ находить са насѣкомое въ розсаднѣй въльвѣ частїю гнѣ-вы коычки иган, частїю и бѣльшое. Тожъ само можъ са тогда переувѣдчити, цю выльца корѣна, котре оуже теперъ въ зем-ли выгладае рѣдаво, гнило, вѣсть на грам-нахъ и скальбеникахъ понадгриване; прѣтне-но же тѣи выльца, котрин сѣтъ ещи цѣл-комѣ бѣлан, не сѣтъ повѣрженнѣ. При явлѣ-нѣмъ оувѣжано теченїа хоробы, выкопѣючи

щодень по кілька корчівъ вѣльвы, и осмо-
трѣючи вѣльца тамъ, гдѣ причеплені бы-
ли до старон мошонки, ажъ до полѣ сто-
пы нижше въ земли черезъ побѣльшающѣ со-
чевкѣ, можъ оувидѣти, що тоє животно
само есть причиною хоробы вѣльвовон. Най-
грознѣйше небеспеченство тои хоробы може
оудаленымъ быти найлѣчше тимъ, що-
бы въ кождѣмъ господарствѣ домовѣмъ
сажю и попѣль въ сѣхѣмъ мѣстци ссыпати,
на всѣмъ до того двадцатѣ часть споро-
шкованого яйна примѣшати, и зъ того
ложкѣ полнѣ на вѣльвѣ при сажню, а пѣзд-
нѣйши при обгортаню на корчѣ такожъ пол-
нѣ ложкѣ насыпати. Хотя таковыхъ средствъ
оуже давнѣйше пробовано, то они не оудал-
или зло тоє лишь томъ, бо тоє насѣкомое
переходитъ скрѣзь землю и поверхъ
землѣ бѣтъ одного корча до дрѣгого, съ
наибольшою скоростію по вѣльци двѣ спѣ-
скаеса, и тимъ чинимъ недобовѣримо пѣ-
стоштити можъ. —

Якы дѣйти найвышшого степина хору-
бы вѣльвѣ на поземлю до теорина про-
ходищѣ спосѣбнымъ черезъ чѣтыри роки
вѣльвѣ садити и выверати не перекопѣючи
землѣ, въ догадцѣ, що розмноженѣ са
того насѣкомого зъ того пѣшло, що въ
послѣднѣмъ времени много вѣльвѣ остаеса,
котринъ черезъ зимѣ насѣкомомъ сѣтъ жили-
щемъ и кормомъ, и слѣжатъ къ розвѣтлю
зарода, до чого инѣ вѣщи остаючи черезъ
зимѣ въ земли, такъ не придають са.

Минѣшого года почорнѣнѣ листвѣ вѣль-
вы на томъ грѣнтѣ оуже на чѣтыри не-
дѣль борше якъ звичайно; и всѣ вѣльвы
были нездоровѣи. Сего рокѣ посадилѣемъ
тамъ тычнѣ фасолю, котра выросши на чѣртѣ
стопы изъ землѣ, вса зъвала; бо насѣ-
комое въ осми дняхъ 6000 вѣльцы, а кож-
дѣ вѣльце въ двадцатѣхъ мѣстцахъ по-
надгрызало. Такъ само звидѣла посажена

тамъ вѣльвѣ капѣста. Здрѣвѣлый оуже ка-
чанѣ былъ цѣлкомъ розточеныи, а скоро
качаны вложилѣемъ въ водѣ, молодѣи вы-
плодки насѣкомого показали са, тоненкин
якѣ волосѣ, точачѣи сердце качана. Не есть
то стонрга земля (Julus terrestris), ко-
торон молодой пѣдѣ при долготѣ одного
цала есть грѣвостѣ волоса. —

Вѣльвоѣдъ (Kartoffelfresser) же при
долготѣ полѣ цала есть чѣтыричѣ такъ
грѣвѣи, має 15 оверѣчекъ, а кожда оверѣчка
по двѣ пары ногъ. —

Не есть то такожъ и звичайнѣмъ сто-
нога (scolopendra). Помѣже всѣ листвѣ пе-
редвримно видѣе, тоє сомнѣвалѣ са
кто, що томъ причинѣ есть насѣкомое; но
тамъ стонрга червѣи сажены вѣльвы розмно-
жила са такъ, що на кождѣмъ корчи на-
ходитса тоє насѣкомое або его слѣды, хо-
таємъ кто и 100,000 корчѣвъ выкопалѣ.
Всѣ высадки вѣльвы бѣтъ або лишь мѣст-
цалии або и цѣлкомъ выдѣнѣи, мають ма-
лиѣ болачки, въ котрыхъ мѣститса моло-
дой пѣдѣ, або сѣтъ оогрызѣнѣи и лишь о-
станки са полишали, котринъ въ своемъ при-
роднѣмъ переходѣ змѣняютъ са и перехо-
датъ въ нѣкий родъ гнилязыи, котра при
слотнѣи погодѣ и въ мокрѣи земли листвѣ
и вѣльци якъ и молодѣи вѣльвы заражѣе,
черезъ що и зла вола розлагѣе са. Пѣты
Г. Форстеръ. — До чѣстныхъ господарѣи нале-
житъ доходити, о сколько тамъ сказка прав-
дѣ за пѣдставѣ мае; до чого имъ типѣрѣши-
на оскѣнна пора, гдѣ вѣльва са выкопѣе по
части подае спосѣбность. —

Завоеваніе Константинополя

черезъ Туркѣвъ 1453.

(Зъ нѣмецкого)

(Продолженіе.)

Нѣчь настѣпила мѣсна, но коротка, и
оуже начинало свѣтати, якъ цѣсарь пере-

смотреть свой оубедамы Калугарца при остатной стражи къ пристанищю оубоюнчалъ. Въ теченіи цѣлоночи слышано на вѣжахъ стражникихъ тѣркотъ пѣшокъ и махунъ, котрин Османы вѣнжше до мѣрѣ въ тѣмъ мѣстцѣ присѣдали. Оуби, днѣмъ передъ тѣмъ, 28. Маѣ, роздѣлиаъ Могамедъ войско свое для общаго нападена на двѣ части. Десять тысячъ иичаровъ и сто тысячъ ѣздцѣвъ стоало пбдѣ зампопѣ сѣлтана розказомъ въ самой ограднѣ и мааѣ на вратѣ сватаго Романа напасти; въ аѣвон стороны ачнлоса съ ними ажъ до самаго моря патьдѣсать тысячъ воиовъ; на правон сторонѣ ажъ къ золотой вратѣ стоала дрѣгаа часть, звышы сто тысячъ войска. И въ морскон стороны тѣднлоса Османы черѣзъ цѣлѣю нбча, шовы кораблѣ и лодѣ съ пѣсками къ берегу приелажити. Оумьдѣсать лодей о двохъ вѣслахъ стоало рядомъ отъ дереванон ажъ до тавѣ зовомон цѣтнѣон або краснѣн враты; а въ отсы розтагалоса прочи кораблѣ и въ подвоинбмъ радѣ на онемо мѣста, шкъ далеко выстарчали. И осажденнн въ теченію ночи совѣнпалн снамы свои воевнн въ онухъ мѣстцахъ, гдѣ головннхъ прнствпбѣвъ надѣлнлоса.

Еще не розендрѣлоса; еще нспрнлоса мѣстцѣмъ звѣзды, шкъ прнствѣпъ началса. Первая черга Османовъ, сѣмдаючалса въ найслабшнхъ въ цѣлобмъ войскѣ, котршхъ Могамедъ нарекомъ на передъ выслалъ, была заразы отѣнта; тѣплами падали Османы въ мѣрѣвѣ, на котрой выли повылазлнлн, нхъ махунн поломанн, а первая побѣда того полноважнѣон дна остала еще въ рѣкахъ Грековъ и нхъ союзнкѣвъ. Алѣ, възрѣволачно; надтагають толпы свѣжнн таворъ цѣлнн, отъ еднѣго моря ажъ до дрѣгого, валнтса, шковы на данннн знанъ, разомъ къ мѣ-

рамъ и прнствѣпъ прѣтодѣса изъ всѣхъ сторонѣ съ крикомъ великнмъ. Цѣлн двѣ годнны, дрѣжалоса осажденнн въ тѣй борѣжъ отчаланнѣ прѣтивъ сторнцю, силнѣншѣго нспрнштелѣ. Оутраты въ обохъ сторонѣ рѣвѣо значнн; изъ стороны Османовъ множнствѣмъ оубнтнхъ, котрин пѣдѣ мѣрамн въ шоразѣ, болшнн толпы возрѣстають, изъ стороны Грековъ, нвозможнѣстю, въпорожнчнн сѣон радѣ новымы запѣллнтн поборннкѣмн. Однакѣжъ, надѣла оубнчнтнлнѣон побѣды и тепѣрѣ еще естѣ на сторонѣ тнхъ послѣдннхъ. За невыповѣднмою радѣстнѣю вндрѣтѣ они еще разѣ, шкъ радѣ. Ичаровѣ отѣтѣплютъ. Но Могамедъ, не могѣнн оонда того выдрѣжѣтн, вркѣзѣе своимъ шлѣзнншнмъ прѣтѣмн вѣорѣжнншнмъ тѣлохраннтелѣмъ маснлѣмъ къ мѣрамѣ навадѣ нхъ гнѣтн, а нападѣ съ тѣмъ болшннмъ рѣвѣдрнѣемъ отнѣвлѣса по разѣ третнѣ особѣнѣо въ двохъ мѣстцахъ, прн вратѣ сватаго Романа и въ сторонѣ Блахернн. Тѣ оубпдаѣ вѣдрѣстѣ осажденннхъ; радѣ нхъ начннають колѣбѣтнса, лншы нлнмѣжѣтвннѣншн не оубѣтѣплютъ въ мѣстца; Днмнтрнѣ Кантакъзнн и Оюфнлѣ Пѣлѣологѣ, кндрѣнтса шковы лѣвы сражѣючнса, мнжн гѣстнн Османовѣ толпы, и мѣчѣтѣ нхъ еще разѣ въ мѣрѣвѣ.

Въ тѣй хѣвлн отнѣнлоса шастѣе. Жнѣстнннлнн, нрой дна того, надѣла всѣхъ, въ сражннѣо лѣгѣо раннншн, тратнтѣ прѣжнѣю вѣдрѣстѣ, и оыскаѣе заразы мѣстца вѣсе. Нн прѣдѣстѣвлнннлн и вѣсѣды его дрѣжнны, нн оуснлннн прѣсѣвы самаго цѣсѣара не возмоглн задрѣжѣтн го. „Братѣ мой,“ клнчѣ нанѣ Константннѣ, „крѣпнса, а не оубѣскаѣа насѣ въ снѣ потрѣвѣ; отъ тѣе залѣжнтѣ спѣсннѣ прѣстѣолнѣо го, поврѣннса томѣ на свое мѣстца. Вѣда же спѣшншѣ?“ — „Тѣда,“ отпѣвѣлѣ Жнѣстнннлнн, „холод-

но, немалое и немалое безъ притомности, „туда, куда сама Богъ тихъ Търкбегъ вѣде!“ И съ тими словами поспѣшавъ къ морю, сѣдае въ корабль и привозится до Галаты, цовы тѣ ранѣ свою дати завязати. По ошрѣмъ изыманію надѣ тими шпастельмъ настѣпико страшное замѣнительство межи войскома, котри неприштелъ борзо пострѣгъ и также такъ борзо зѣ него корыстала. Сасанъ пмша, ставши на челѣ отряда Инчарбегъ, сдѣлала причеспѣ на мѣры коло брамы святаго Романа. Въ единой хвали оумываетъ все изъ вѣншинухъ мѣрбегъ къ вѣнтрной брамѣ; въ натиствѣ страшнѣомъ топчиса и дѣнчиса множество людіи; никто оуже вѣльши недае ѳтпорѣ; инчаръ, именованъ Гасанъ, вѣдомъ вилканъ, вылазитъ первымъ на мѣрѣ, дрѣгін же за нимъ. И коли горстка Гибенцкѣвъ, державшася доси на своемъ стѣновискѣ, тихъ первухъ, а межи ними и Гасанъ самого, оуцнваетъ вѣдрася головной отрядъ, пониже брама привланкою толпою трѣпбегъ затарасована, черезъ проломъ сдѣланный вланкою вѣшкой коло брамы до мѣста. Скоростію вилканвицѣ розходится ѳтъ одного кѣнца до дрѣного крикъ: „Мѣсто взатое, хорѣговъ неприштелская повѣвас на мѣрахъ, на цѣсарской палатѣ!“ Оуслышавши тое цѣсаръ Константинъ, оудравас съ кѣлькома своихъ вѣрныхъ на найгѣстѣйшю толпу вѣдраючихса Османѣвъ, рѣвас мечемъ своимъ все, цю лишь досагнѣти може и выдрѣжѣ, ранами покрытый, немалъ самъ одинъ, на хвалю еще сраженіе. —

Однако оуже все было страчно вѣзнадѣйно; и одна душа не слѣдала слова цѣсарского; все, не оулагшое еще смерти, стремилася зѣ мѣрѣ къ вѣнтрю мѣста, глѣдаючи въ церквахъ и монастырахъ послѣд-

него своего приѣжицѣ; во и зѣ прочнхъ частій мѣрѣ все войска оуствѣпннн принужденнн были. Оуже первые отрядъ инчарбегъ, зѣ патидисати лишь мужнн складоучнса, продерса славо стѣрженною враною и сдѣлала тѣнѣвшннмса за нимъ массамъ дорогѣ къ сторонѣ Еладхерны.

(Конецъ сѣды.)

ПЛЫТОЛОЧНИКИ.

Днѣ ли, цю къ Бсояа врана
Все животно говорило?
Кели гдѣса валанна ялама
За криждѣ са такъ скарпало:
„Ѣ кто цыкъ шпастанѣвъ въ свѣтѣ,
Ннчъ са, плыта на плотради?
Гдѣ шкъ въ змѣтѣ такъ и въ лѣтѣ
Густѣ мѣрбегъ громады,
Тамъ и назадѣ снѣютъ роѣмъ,
Блѣдѣнцн, кородатн,
Эпиконнтн чѣднмъ стрѣлмъ,
Самопасы и жннатн!
Онъ земле матѣнко рѣдн!
На тожѣ все ма породнла,
Цюса тоама тотѣ нѣ годнла
Днѣ и нѣчь мнѣ толочнла?“ —
Земля рѣкла: „терпн сынъ!
Прнйде часть все нмъ ѳтдати,
Чеканъ, за леда годннѣ
Пѣндѣтъ все до мнѣ спати;
Ты нмъ тогда на грѣда лажнѣвъ;
За то, цю та толочнла,
Краснмъ внсьмомъ свѣтѣ скажншь,—
Шкъ долго са вѣлочнла!

Надгробокъ.

Здѣсь похороненъ
Ничрѣвъ прославленъ,
Онъ, шкъ долго жнлъ,
Все едно дѣлалъ;
Плыти толочнла,
Блѣ, пнла и снѣвалъ. —
Лука въ Ракова.

СБОРНИКЪ

ПОВѢСТОКЪ, СКАЗОКЪ, ИСТОРИЧЕСКИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ, ГОСПОДАРСКИХЪ
И ИНЫХЪ ОБЩЕПОЛЕЗНЫХЪ ВѢСТІЙ И ПР. И ПР.

Ч. 42.

Въ день, субота 10. (22.) Октября.

1853.

Завоеваніе Константинополя

черезъ Турковъ 1453.

(Звѣщеніе).

(Конiecь).

И тѣ точилася борьба оуперто и крѣво, но коротко; большая часть Грековъ на мѣстци оубита; многімъ въ респѣцѣ на слѣпо кидалася зъ мѣрзѣ и такъ съ розбитыми членами гнѣдственно; Нотардсъ съ прочими оустѣпналъ сквално въ вѣстрѣ мѣста и скрылся въ домѣ своемъ. Найдолшъ трвалъ отпоръ отъ стороны пристани, тѣ бо частію въ пристанищи находачиса кораблѣ боронили неприятельскимъ, дракинами снабденнымъ отдаламъ входъ, частію и оборона на той сторонѣ была обще лицца, понеже Османн непосредно передъ мѣромъ стати не могли! Яжъ шкъ вѣсть страшна о взатію мѣста и тѣтъ продержалася, отдано пристань и мѣръ на той также сторонѣ Османамъ. —

Тимъ часомъ воролса цѣсарь Константинынъ самъ одинъ еще межн толпою Османбѣвъ при вратѣ сватого Романа. Не хотѣвши и нищастѣ рода своего и соромѣ дна того пережити, и на стопѣ не оустѣпалъ зъ мѣстца. Только оударъ смертный волѣлемъ былъ не отъ меча тихъ невѣрныхъ, но зъ рѣки шкого хрїстіанина прїамти. „Чижъ не ма тѣ зъ хрїстіанъ никого?“ заканкалъ въ жалостной респѣцѣ, коли мѣ оуже кровь зъ рѣкъ и нѣгъ по-

токомъ лаласа, а вѣрнн его землю на около него покрывали, „немаже никого, ктобы ми отталъ головъ?“ —

Бѣ томъ три ишчары нападаютъ нанн разомъ; одинъ платас мѣ зъ передъ лице, другій ростинае мѣ головъ, а третій тисго въ каркъ оударомъ смертельнымъ. Я же цѣсарь прѣвши еще знамена достоинства своего зложмалъ быдъ зъ себя, то тѣло его, никимъ не пѣзнаемое, зѣстало межн трупами прочнхъ оубитыхъ. Такій былъ конецъ послѣднѣго, владѣтелѣ византійской державы, Константина Драгасеса, который тогда лѣдо четыредесатый рѣкъ пережилъ и къ лѣпшимъ рода своего причисленнымъ быти заслѣбѣ оуже дла того, шо державы свои нищасты, котрое шко смѣтное часлѣдїе давнѣйшихъ столѣтїй на нѣмъ тѣжѣло, великодшно знѣсти оумѣлъ. Прн яѣмъ понесли смерть шроцкю Францъ Толедо, Теофила Палологъ, Димитрій Кантакюзинъ и многн ннн.

Тимъ часомъ вѣстрѣ мѣста кровот пролитїе трвало неперїстанно. Османн бо, дѣмаючи, шко сила на оборонѣ мѣста назначена, прннаймнѣй патѣдсатъ тысячъ воинѣвъ выносите мѣснть, оубивали все, шо лише срѣтали. Яжъ шкъ ошнекѣ свою пѣзнали, почали всю люднѣсть въ канданы ковати и въ недолю братн. Я шобы оуникнѣти томъ сѣдѣбы, стремилоса все, мѣщнны и женщины, монахи и инокннѣ,

къ церкви сватон Софїи, котра въ немногихъ хвилѣхъ переполнилася. Житые лишє и свободѣ желалѣ каждый спасти. Бѣдала бо стародавнего пророчества вѣрили люди, що Тѣрки толькѣ до статуи Константина Великого вдерѣтса; а тѣ стане противъ нихъ ангелѣ, и дастѣ незнаемѣ мужєви зъ народа мечъ въ рѣкѣ, котрымъ тойже Османѣвъ зъ мѣста, изъ Европы ажъ въ внѣтрѣ Иѣин заженѣ. Даремна надѣя! добычи лакомїи иначари продриса безъ всакон перепоны ажъ до церкви самой, а вырѣзавши топорами дѣвери, поволокли все, що ино изъ жиѣющихъ свѣществѣ тѣ найшли, въ оковахъ и оузахъ до своего таборѣ, перетрасли всю церковь ажъ пѣдѣ помостомъ и престоломъ, нищили все, що имѣ на ничѣ не придалося, забрали зновѣ, що въ нѣхъ очѣхъ вартѣсть еще икъ мало и въ скотскѣй встѣклости допѣскали сѣ на мѣстѣи то́мъ свѣтѣмъ найбридшихъ неприличностиѣ. Крестѣ здерши зъ престола и нарядивши шанкою иначарскою, носили сѣ посмѣхомъ и крикомъ: „Сѣ Богъ хрїстіанскїй!“ по оулицѣхъ. —

Изъ церкви Софїйской шириса теперь рѣзѣй и рабѣнокъ по цѣлѣмъ мѣстѣ. Кождого по домахъ и оулицѣхъ попавшого сѣ имѣ въ рѣки, ѳсылали заразѣ Османи закованого до своего таборѣ. Цѣлаа процессїа мѣщинѣ и женщинѣ, котра, не надѣавшиса може, що падѣнїе мѣста такѣ близкимъ, въ свѣтѣлахъ ризахъ сѣ свѣчками въ рѣкахъ пѣстилася абы въ походѣ въ честь сватон ѳисдосїи, котрон памѣть тогда дна 29. Маа праздновалася, дознала также тон самон сѣдѣвы. Вѣ загалѣ большє икъ шестѣдсѣать тысячѣ людїи мало попастьса тогда въ неволю; кто лишє въ икїи корабель абы до Галаты оуити возмогѣ, спѣсса на хвилю. Однако немногїи толькѣ дознали цѣста того, понеже все корабель

повѣзавши вѣсть о падѣнїю мѣста, въ такѣмъ замѣшательствѣ пѣстилася на оутѣчѣ, що многїи зъ нихъ переполнѣнїи въ перѣвѣмъ перетрасѣ, заразѣ въ близкости пристани пѣдѣ тагаромъ своего наворѣ затонѣли; а множан немалѣ пороженїи допѣстиса на отвѣртое море.

Ижъ въ полѣдне 29. Маа, икъ оуже войско мѣстомъ совершило ~~свадѣла~~, Могамедѣ, окрѣженный своими визирами и тѣлохранитѣлами, самими людями великорослон бѣдовы, вѣѣздила до Константинополя. Не безъ оудивлѣнїа роззиралася по величавыхъ просторахъ церкви Софїйской, а велѣвши рабѣнокъ свѣтилица того занѣтыхъ еще волкѣвъ повыганати, помолиса оу престола. Потому первымъ его было попечѣнїемъ звѣдатиса о сѣдѣвѣ цѣсѣря, поголоска бо крѣжила, що не погнѣтъ въ сраженїю, толькѣ абы въ мѣстѣ находитса гдѣсь оукрытый, абы оутѣкъ въ корабли. Аька Нотарѣсѣ, первый ѳтъ свѣлтана вопрошѣнный о тоѣ, не могѣ чи не хотѣлъ о то́мъ сказати извѣстїо. Но незадолго трѣпа, отличавшогося цѣсѣрскимъ обѣвѣмъ, два иначари, величавшиса, що го оувѣли, найшли на то́мъ мѣстѣи, гдѣ погнѣтъ и зложили окровавленѣи головѣ оу ногѣ свѣлтана. Тойже велѣлъ ю на порфиоровѣи статуи, нахѣдившѣйсѣ на Иѣвѣстїонѣ черѣзъ дѣнь на позорищѣ выставити, вѣчеромъ ю зновѣ знати, цѣобы потомѣ очищенїю и соломою выпуханѣю князамъ Иѣин икъ знама побѣды пѣслати. Тѣловищѣ лишє позволено нахѣдившимсѣ тамъ еще хрїстіанамъ оурочїсто похоронити.

Бѣзмѣрнаа была добыча золота, сѣрѣбра, дороговѣннѣхъ одѣванїи, богатыхъ матерїи, а особливо дорогихъ камѣнѣвъ, котрыхъ вартѣсть иначари такѣ мало знали, що нѣхъ за цѣвѣдѣ ѳтъ нихъ набыти было можно; навѣтъ золото часто спрѣда-

вали за мѣда, а найрѣдшій книги съ неоцѣненными образами и оукрашеніями къпалами мѣтали въ огонь, понеже не было никого, ктобы ихъ за безцѣннокъ, икій за нихъ жаждано, былъ мѡгъ къпити. Дуже значною была оутрата, икъ при тѡй способности въ Цариградѣ отъ давна обитавшій къпцѣ краѣвъ западныхъ понесли, а именно зъ державъ надморскихъ, икъ Венеція, Гибра, Янкона и проч. Самихъ Венеціанѡвъ оутратѡ цѣнною на двѣстѣ тысячъ червонцѣвъ. —

Икъ оуже каждый домъ и огородъ каждый былъ прісмотренный, прістрасенный и обрабованный, положилъ наконецъ Могомедъ третѣго дня острымъ заказомъ тамъ дальшимъ рабѣнкамъ ордъ своихъ. Бойско оустѡпило до таковѡ, флота получила приказъ, съ наилѣпшою частію добычи, подѣ котронъ тагаромъ кораблѣ немалъ затопали, на свои становища отплыли, а входъ до мѣста былъ подѣ строгими заказанный карами. Страшлива, гробова тишина роспростерлася на нѣкій часъ по вылюдниныхъ оулицяхъ и по опѣтѣлыхъ домахъ. Всѣ было пѣсте и порожне, нигде не было видно жючого сѣщества, нигде не чѣти голѡв. Но Могомедъ не вознамѣрлалъ тѡ ставити памятника надгробного давнѣйшомъ византійского царствѣ величію; Константинополь не малъ сѣществовати лише въ розвалинахъ. Противно; на ныхъ подставахъ и по инымъ законамъ, нежъ икин исторія тысячѣ лѣтъ съ собою пренесла, тѡ житѣ новое возведити, то было теперь первую и найважѣйшою мыслію, котра невтомного дѣха его занимала. А Д.

Рыцарская пивница.

(Сказка Отмара, зъ нѣмецкого.)

Одинъ оувогій, но честный и все веселый сланинъ зъ Тиледѣ справлалъ кре-

стины; а были то оуже осмін. По обычаю мѡсклѣ къмамъ дати гостинѣ. Гостѣ, выпивши вино поставленое передъ ними, жадали больше. „Иди!“ сказала веселый господарь до найстаршон своей доньки, которон шестнадцатилѣтної дѣвчины; „Иди и принеси намъ лѣшого еще вина зъ пивницѣ!“ — „Зъ котрон пивницѣ?“ — „Но“ отповѣлъ отецъ жартомъ, „зъ оной великой пивницѣ старыхъ рыцарей тамъ на горѣ.“ —

Дѣвчина иде въ невинной прѣстотѣ своей съ званкомъ въ рѣцѣ на горѣ. На половинѣ горы находитъ при завалѡмъ входъ великой пивницѣ сѣдмачю старю ключницу въ необыкновенной одежи и съ пѣкомъ ключѣвъ при коцѣ. Дѣвчина икъ мѣе зъ оудивлена. Але старѡшка промовила мило: „Ты певно хочешь вина зъ рыцарской пивницѣ?“ — „Такъ есть,“ не смѣло отповѣла дѣвчина: „але грошей не маю.“ — „Ходи за мною!“ мовила ключница; „дамы ти вина задармо, и то лѣшого вина, нежъ отецъ твоѣ коли пилъ.“

И пѣстилася оубѣ напѡлъ заваленымъ входомъ, а дѣвчина мѡскла оубѣдати, икъ теперь въ Тиледѣ выгададе. „Колись,“ сказала старѡшка потомъ, „колись и я была молодою и гарною, икъ ты; тогда то пѡрвали ма ночью рыцарѣ худомъ подѣзимнымъ зъ того самого дома въ Тиледѣ, що нынѣ отцю твоѡмъ принадлежить. И борше трохи, въ само полдне, насилѣмъ оувезли съ собою зъ мѣста четири зъ церкви выходяшій прекраснѣ дѣвы, котри тѡды часомъ еще на пышно наряженныхъ коняхъ ѣздатъ и зновѣ зникають. Мне, икъ состарѣламса, здѣлали надзирательницею пивницѣ и доси емъ ню.“

Теперь стали передъ дѣверьми пивницѣ, а старѡшка отчинила ихъ. Была то велика, просторная пивница и по свохъ

сторонахъ лежали бочки. Ключница по-
 чада пѣкати до бочокъ, mezi котрыми больша
 часть была до половины або и до вер-
 ха полныхъ. Наконецъ вздаа званокъ отъ
 дѣвчины, наточила въ цѣго полно израд-
 ного вина и рекла: „На, занеси то твою
 отцю! И коли только гостина оу васъ ес-
 де, можешъ зновѣ тѣтъ прійти; но, кромѣ
 отца твоего, не повѣдай никому, зъ отки
 кіно маешъ. Также не смѣете вина того про-
 давати; задармо оно полѣчаете, задармо
 оно и давайте. И еслибы кто прійшола тѣтъ
 по віно, шобы оно съ духвою продавати,
 томъ певно послѣднѣ выенла година!”

(Конецъ сказбе.)

Тѣни Маеіа Корвина и Зринія.

(подѣла Іосифа Б. Іафича.)

Маеіа.

„Кто тамъ въ горю и розпѣцѣ
 Взоръ величннй въ землю вивши
 Щепенѣло — по розпѣцѣ
 Со борбами, и отъвѣши,
 Що навела сѣдѣба свѣта,
 Граде по надѣ край Коцита?”

Мовѣ чѣжинче, що за мара
 Та гордого такъ прикѣла?
 Бо изъ очій твоего жара
 И познаю, що кормила
 Твѣе грѣды полѣ-богинѣ,
 Иларскон нроннѣ”

Зринія.

„Такъ есть, Хорватъ и изъ рода —
 Изъ народѣ, що есть давннй,
 Бо чтнла вѣрѣ и свободѣ;
 Онѣ зъ дѣлаъ своихъ такожь славыннй:
 Сильно хранила законъ сватый,
 Кто го презрѣлаъ, былъ проклатый!”

Чисъ не видѣлаъ прапоръ креста
 Икъ въ повѣдѣ исно сілаъ?”

И какъ Зринія крове ршта
 Бо чистѣ Бога тамъ продааъ?
 Въ очн смерти икъ са днѣлаъ,
 И икъ страдалаъ, нѣ са скривилаъ?”
 Маеіа.

„Икъ? то Зринія? славыннй нроннй?
 Такъ! чѣство ма не ошкѣло!
 Такъ са зовишь, обрѣваъ то твоей!
 Изъ его чертъ не загнѣло
 Исны плама Термопнца,
 Славынѣшого вѣхѣъ Иларца!
 Приствѣпи къ мнѣ, свободаъ сынѣ,
 Най обѣмнѣ та икъ брата,
 Котрый хвнлѣкъ нѣ одннѣ
 Не славилаъ есъ Мекки врата —
 Ты съ кормомъ грѣднй матерннхѣ
 Есалаъ есъ мѣста для поганѣ сквер-
 ннхѣ!”

Где вѣютъ такіи сердца въ грѣдн,
 Тамъ Отчина не загнѣе
 Правыхѣ сыновѣ ревннй твоей
 Нагорода даъ постигне
 Фемнѣкъ славно зновѣ воскресѣ,
 И весь народѣ въ горѣ взнесе.”

В. К.

Неповернимое добро.

(Изъ чекосл.)

Що давнѣйше где столло,
 Бездвннгнѣти можно днѣсь;
 Но силажѣ то и пропало,
 Що не вернѣ и свѣтъ весь.

Що давнѣйше краснымъ было,
 Прїде зновѣ колнса въ ладѣ;
 Но васѣ, що сердце любнло,
 Ктоже оживнѣла назадѣ?”

Кѣбы можно васѣ дѣстатн
 Зъ грѣвѣ на снй свѣтъ колн,
 Хтѣланѣмъ само прокопати
 Иглою грѣбнн скалы.

А. Д.

СБОРНИКЪ

повѣстокъ, сказокъ, историческихъ воспоминаній, господарскихъ
и иныхъ общепользныхъ вѣстій и пр. и пр.

Ч. 43.

Водень, субота 17. (29.) Октобрія.

1853.

Провѣдніе.

При тихой размовѣ,
Зъ предкаъ Бедлема,
Ишли старцѣ Христови
До Иерусалима:

Надходатъ до мѣста
И срѣчаютъ мара;
На марахъ невѣста,
Била ней граварѣ.

При марахъ, о слово!
Дѣточокъ семеро;
Дорослыхъ лишь двое,
Дробенькихъ патице.

И всѣ жалостницько
Такъ плачатъ, заводатъ.
Же знести тажненько,
Же свѣти-сь розходатъ.

За трѣмнѣ хапають
Дробенькими рѣчками
Еъ розпницѣ рыдають
Горькими слѣвами.

„Ахъ, мы сиротатъ,
Не вѣрѣтъ намъ мамки!

Оу насъ не ма тата,
Не несѣтъ до шани!

Оу насъ всего статка
Одна коровина!

И пѣстенъка хатка,
О темна година!

Ни хлѣба, ни соли,
Ни широн рѣдины,
Мы згинямъ повѣли
До застрѣшної днини.”

О мати, о мати!
Бозьми насъ съ собою,
Не дай загнѣвати
Еъ голодѣ съ нѣждою.”

Старцѣ поставали,
И Петръ прослезился,
Ноги мѣ здрожали,
Къ Спасѣ покотился.

„О Христе, о Христе!
Ты Цѣра въ жалобѣ,
Ты сердце невѣсты,
Ты Мартѣ на гробѣ

Помиловалъ еъ болю;
Двинни смерти брамѣ,
Еъ плачемъ Та молю,
Вскреси дѣтѣмъ мамѣ!”

И Христосъ любезно:

„О земный недѣжѣ!
„О що просишь слезно
„Звѣстно-ли ти дрѣже? — — —

Но въ скорѣ, о въ скорѣ
Благодати чѣрты
Дослѣдишь еъ покорѣ
И въ лютѣйшой смерти.”

Минѣло лѣтъ рокѣ,
Сновь Христосъ съ спонма

Въ свѣта опрѣсноку,
Шелъ до Иерусалима.
Ближаютъ са къ хатѣ
Помириши вдовицѣ,
И згадковъ приати,
Стрематъ къ ней зѣницѣ.

И о нѣждо темна!
Дѣти голі, вѣси,
Чорні якъ тварь земна,
Сидатъ при дорожѣ.

Одні безъ роботы
Сторожатъ хатинѣ,
Другі по пѣдъ плоты
Рвуть хвастъ коровинѣ.

„Дайте, хлѣбца дайте!“
Бскричали вѣднати,
„На Бога взирайте;
Мы не маемъ тата.“

И выѣгли разомъ;
Старцѣ поставали,
За Христа розказомъ
Милостиню дали.

Я Петръ сновъ слезаво:
„Чижь зъ гроба, о Христе!
Не чѣе ласкаво
Небо слѣзъ невѣсты?“

„Завтра, дрѣже! вскорѣ;
„Но оутѣли жалѣ“ —
Петръ замолокъ въ покорѣ,
Пѣйшли старцѣ далѣ. —

Завраскъ день зораво,
Старцѣ повертали,
На хаткѣ цѣкаво
Очи пострямали.

Я тамъ, глянъ, о Боже!
Тамъ сѣмъ, смѣткѣ мара
Розсталила ложе;
Зъ хатки попѣлъ, згада — — —

Петръ заломалъ рѣки,
Звернѣлъ взрокъ ътъ хаты,
И зъ жаю розлѣки
Не мѣгъ поспытати. —

Пѣлъ рокѣ минило,
Сновъ Христось съ своимъ
Ишолъ якъ бѣвало,
До Иерусалима.

Вскъ звернѣли очи,
До мѣстца хатини,
Далеко зъ оубочи,
Иквы ко свѣтнини.

Но кожда зѣница
Затекла слѣзою,
Икѣ въ ири земанца
Щедрою росюю.

Зъ недогаркѣ дѣти
Стаенкѣ заѣпили;
И въ тѣй лихѣй кѣти
Съ короваткомъ жили.

Вскъ потворомъ стали,
Лишь створѣ, та подола;
Очи въ лѣвъ загнали
Голодъ, та хорѣла.

Я вскъ безъ роботы
Сторожатъ хатинѣ,
Яко по пѣдъ плоты
Рвуть кормъ коровинѣ.

„Дайте хлѣбца, дайте!“
Бскричали вѣднати,
„На Бога взирайте,
Яхъ, мы сиротата!“

И выѣгли разомъ;
Старцѣ поставали,
За Христа розказомъ
Милостиню дали.

Я Петръ огорченно:
„Доколѣ, доколѣ,

О Христе! сжжено

Тимъ дѣтѣмъ недолѣ?"

„Завтра, Петре! вскорѣ;
Но оутолн жалѣ" — —

Петръ замолкъ въ покорѣ,
Пѣйшли старцѣ далѣ. —

Заврадекъ день зараво,
Старцѣ повертали,
За дѣтѣми тоскаво
Очи постромлали.

И дѣти? — ахъ, дѣти
Коплютъ въ земли мамѣ;

И тагнѣтъ изъ клѣти
Еторѣ свою мамѣ.

Сен ночи надъ ранкомъ
Згнела имъ корова,
И съ нею останкомъ
Ихъ жизни основа.

Петръ лишь подвнелъ сѣ,
Пронатъ громомъ анха;
Ривно прослезилъ сѣ,
И до Спаса зѣтиха:

„О Христе! жестоко
Біе Богъ свои дѣти!
Чи се Его око?
Се его совѣты?"

Въ томъ Спасѣ оукорливо:

„О горе слѣпомѣ,
„Що сѣдѣвъ огниво
„Рѣшае по свѣомѣ,

„Бѣжь, тѣмъ вдовица
„Що смѣртъ ю зломила,
„Она чадъ свѣхъ лица
„Безъмѣрно любила;

„И сердцемъ н оусты
„Взмагала свѣволю,

„До всѣкон розпѣсты
„Лишала имъ волю.

„И сама рѣката

„Бела въ нѣжды мамѣ;

„Богъ престилъ дитата,
„И взалъ зѣ свѣта мамѣ.

„Его мѣдрость хтѣла,
„Давы черезъ трѣды,
„Що мати спорчила,
„Исправили люди.

„Но дѣти ваювали
„Въ самопасѣ оутѣхи,
„Хоть голі, нѣждени
„Не лишали стрѣхи.

„Богъ вергъ искрѣ въ хатѣ,
„Дѣти стайню оукрыли;
„Лихъ клѣтъ въ комнатѣ
„Совѣ пристроили.

„И такой межъ люди
„Ити анѣ слова;
„Ще не мнѣ трѣды,
„Ще въ клѣти корова.

„Днесъ оупала розхѣдна
„На коровѣ змора,
„И съ нею послѣдна
„Лѣниства пѣдпора.

„И вачъ, сѣи дѣти
„Лишатъ самоволю
„Розвѣдѣтъ сѣ въ свѣты
„И знайдѣтъ сѣ долю."

Петръ востхнѣлъ глѣбоко
Взнесъ зѣницю къ горѣ,
Остеръ слези око,
И замолкъ въ покорѣ. —

Дротарѣ.)

Рыцарская пивница.

(Сказка Отмара, зѣ нѣмецкого.)

(Продолженіе.)

Дѣвчина принесла отцѣви вино, которѣ
гостамъ даже добре смаковало, хотѣ от-

ганѣти не могли, ѳтки похорона. Коли тѳлько потомѳ въ домѳ ѳтцѳвскѳмъ гостина была, приносила дѳвчина вино въ збанкѳ зѳ оной пивницѳ. Однакожь оутѳхѳ не тривала долго. Госѳды дивовалиса, зѳ ѳтки тон оубогій селанинѳ такѳ wyborного вина бере, шкого въ цѳлѳмъ краю нигде не было. Я отецъ не повѳдалъ того никому и дѳвчина также. Но на противѳ нихъ обнталъ шинкарѳ, котрый заправлимымъ виномъ торговалъ. —

Той пилъ также разѳ вино оное рыцарское и помыслилъ совѳ: „Твое вино можнѳ въ десѳтеро распѳстити водою и ещѳ дорого продавать.“ Коли дѳвчина по разѳ четвертый съ збанкомъ ишла на горѳ, шинкарѳ закралса за ню; шкъ стала, ѳнѳ оукрылса межѳ корчѳ и зѳ ѳтси оузрѳлъ, шкъ по нѳмѳкомъ времени изѳ вхѳди, ведѳчого до пивницѳ, съ полнымъ въ рѳцѳ збанкомъ выишла. Слѳдѳющего заразѳ дна пѳйшолъ ѳнѳ самѳ на горѳ, ишѳбѳльшѳ порожию вѳчку, шкъ лишь оу себе мѳгъ нанти, вѳзѳчи на тачкахъ передѳ собою. Тѳю вознамѳрилъ ѳнѳ израднымъ виномъ рыцарскимъ наполнити, а спѳтивши ю въ ночи зѳ горы, тѳтъ каждого дна прихѳдѳнти, покнѳы тѳлько вина стало.

Прѳйшовши на мѳстце, где днѳмъ першѳ вхѳдѳ до пивницѳ видѳлъ, не оузрѳлъ теперь ничего, все во темнѳта покрывла. Бнхѳръ всталъ сильный и началъ нимѳ и его тачками и порожию вѳчкою ѳтѳ скалы до скалы метати.

(Конецъ сѳдѳсѳ.)

Состояніе Маріи Тересіи по смерти Карля VI.

Чѳтырста шѳстѳдѳсѳти и сѳмѳ лѳтъ было минѳло ѳтѳ часѳ, шкъ Рѳдолѳ I, родоначалникѳ прѳславного габсѳврского цѳ-

сарского Домѳ прѳстолю нѳмѳцѳмъ ѳбѳдалъ, коли съ смертію Карля VI дѳмѳ габсѳврскій въ линіи мѳжескѳй выгѳст. Але оуже рокѳ 1713 повѳлѳлъ цѳсарѳ Карль въ предѳвствію можи своѳи смерти и смерти Габсѳвргѳвъ въ Ягстрѳи право наслѳдства въ тайномъ совѳтѳ статскѳмъ въ Бѳднѳ оуложити, котрое пѳдѳ назѳвою „прагматичной санкціи“ не тѳлько станы всеѳхъ дѳдичныхъ краѳвъ агстрійскихъ оурѳчисто и безѳсловно оузнали, но также множайшѳи владѳтели Европы запорѳчили. По основѳ той прагматичной санкціи мали по кончинѳ наслѳдниковѳ мѳжескихъ все краѳ Домѳ агстрійского на найстаршѳ, по послѳднемъ кѳзю оставшѳюса донѳкѳ перѳнти.

Различнымѳ, а въ части и великимѳ пожертвованіями оузыскалъ Карль VI вѳстиннѳ оузнаніе и запорѳченіе любимѳи своѳи мысли, прагматичной санкціи, изѳ стороны Ишпаніи, Портѳгаліи, Пѳвссѳ и Бѳлѳков Британіи; за тихъ прикладѳмъ пѳйшли потомѳ Нидѳрланды, Нѳмѳччина, — выкавши Саксонію и Баварію, — Даніа, Гардиніа, а наконецъ и Франціа. Але пѳзднѳйше и Саксоніа, оубѳгаючисѳ о прѳстолю польскій, зрѳкласѳ правѳ своихъ и оутѳвердила новое право наслѳдства Ягстрѳи. Порты отоманьском, по оутратахъ недавнихъ, шкин понѳсла, не было що боѳтисѳ много, и такѳ кромѳ одной Баваріи, котраѳ все при своемъ оставала, не было и одного владѳтеля значѳйшого, котрымѳ ввѳденію прагматичной санкціи сопротивлалса. Бѳ тихъ обстоятельствѳхъ заслѳбнѳлъ цѳсарѳ Карль VI вѳдѳвчнѳю наслѳдницю своѳи державы, первороднѳю дѳнѳкѳ свою Марію Тересію, дна 17 Лютого 1736 съ Францѳ Стефанѳмъ Лотаринскимъ, великимъ кѳзѳмъ Тосканскимъ. —

(Продолженіе сѳдѳсѳ.)

СБОРНИКЪ

повѣстокъ, сказокъ, историческихъ воспоминаній, господарскихъ
и иныхъ общеполезныхъ вѣстій и пр. и пр.

Ч. 44.

Въ день, субота 24. Октября. (5. Ноемберя.)

1853.

Примрение.

(Зъ Рикета.)

Въ прикрѣхъ върахъ жита того
Сла чинать си люди много,
Тѣсно бо имъ разомъ жити,
Едною дороговъ ходити;
Ажъ ажъ жита цвѣтъ оубави,
Тогда вражды споръ оустани.
Що са колѣса оубивали
Въ жита сего лѣхѣ до вѣ,
Ложатъ радомъ, ажъ спали,
Тамъ спокѣно въ темнѣмъ гробѣ;
И предъ Судимъ престоломъ
Станѣтъ колѣса въ сподѣ споломъ.

П Я Н Ц Я.

Образъ изъ жита, веданъ природы начертанъ по нѣмецки
Н. Шлагеромъ. Церковь Епископъ Е . . .

Много людий приводитъ печаль и нѣжда до беззаконія. — Оуничтоженіе ихъ на дежда, смерть дорогихъ особъ, безпрестанная жѣреба о пропитаніи жита, которая въ страшномъ видѣ безпрестанно день въ день поевала са, покрываютъ зракъ ихъ обманю отчанинъ, и приводятъ ихъ отдаленнѣмъ разъ беззаконію до повѣльного морального и тѣлесного самоубійства

Тѣмъ несчастливѣмъ возвѣжаютъ въ насъ двоюков оучастіе, подобно имъ слѣпый, съумасшедшій, и въ пропасть летачій, которому не можемъ жадно принести помочи. — Ини зновъ мечѣтъса самоубійно, съ от-

кертвами очима, отдаленнѣмъ свѣтлою смѣловости, въ тоб моральное пекло, изъ которого имъ оуйти не возможно, и въ которомъ проденно гавѣше а гавѣше загравяютъ. — Споврѣніе на такихъ отверженнѣхъ, можъ бы возвѣдно въ насъ нѣкако то сожалѣніе, если бы гнѣснѣсть на тоб намъ позволала; пониже мы встыдаемса въ такихъ людѣхъ нахѣтъ оузнати челоуѣка. —

Но ебольше повчитальною вѣде історія ихъ беззаконія; протое да изволать благосклоннѣ читателѣ извинити слѣдуючю повѣсть, приключившюса не давно въ Бѣдинѣ. —

Ото въ головахъ своихъ оумираючю жны стонтъ мѣжъ. Коло него малін дѣти при постели качатъ и съ повстаномъ вѣнчѣмъ войкомъ невиннѣ молитемъ мѣшаютъ. Потрѣва лишъ споганѣти на вѣдодѣ лице нищастномъ жѣткѣ, которю послѣдла исра жита оуже починѣ оукасати, ажъ са оувѣрити, що печаль и нѣжда не пристанно отъ колькоухъ лѣтъ были си поживалнѣмъ а слезы си наповѣмъ. — Старшла лѣтми жѣнщина, проливалюча раснѣ слезы, держитъ въ своихъ сѣхнѣхъ раменахъ голову оумираючю — своихъ донѣки. — Но там не стискае рѣки матери своимъ ладоватѣлами, дрожачими пальцами — она стискае всю послѣднѣю силою отаготѣлѣю рѣку своего мѣжа, и спогладѣ на него свѣ-

ими пользамерлыми очима не дивлямо, такъ, що тотъ ажъ дрожитъ; его во лице есть огненночервоне, его одѣжа въ великомъ непорядкѣ, а его мѣтніи очи запаленніи, пожеже лѣдо ино що его приведено изъ корчмы до ложа болѣзній и смерти!

Въ кѣтихъ оукогои хатины оумѣщеная лампа мече непевное, повзрое свѣтло на тѣю грѣш, оставляючи прочю часть обиталища въ совершенной темнотѣ; — на дворѣ панѣ тишина мѣчна, а въ хижѣ тишина гробова, которѣ лѣшь правлямо чикъ чикъ надъ коминкомъ висаного часосказа перерывае; во всѣ знаютъ, що коли тотъ новѣ годинѣ оуказовати начне, дорога жизнь закончится — душа доброй матери предъ престоломъ Божыишего стоати будѣ.

Обдорожный стѣнъ, сердце роздирающий жалобный крикъ перерывае насао тѣю габбокю тишина, коли еи половеаноцѣтти палцѣ опѣстниа рѣкъ мѣжа, коли оумираюча тажкій зрякъ помалѣ бѣтъ отцѣла дѣти звѣртае, на дармо еиъ говорити на прѣжае са и на заголовокъ спадае. По томъ такъ тихо и сповѣино, ажъ колѣны еыма заснѣла. Дѣти нахлѣаютъ надъ ню, канчѣтъ ю по ижини, перешъ тихонько, по томъ проникливымъ гологомъ ненарачимого жалу — во мати не бѣтнѣася. Они подслѣхуютъ еи дыханѣ, каадѣтъ рѣкъ на грѣдѣ; но ни бѣтдѣхѣ, ни движѣиѣ грѣди, оутомленое сердце перѣстало бити — она оумирѣла!

Еи мѣжъ оупааъ на столецъ столчій припостели, и протирае совѣ розъиреннии очи и спогладае на постолнио то на одно, то на дрѣгое дѣтѣ, но вновѣ оувертае бѣтъ нѣхъ очи свои, какъ скоро оузрѣла нѣхъ слезы. — Ни бѣдно слово пѣтѣхи не бѣтѣвѣася о его слѣхѣ, ни бѣдно нѣжнѣе спѣрѣнѣе не есть звѣрнѣе кѣ нимѣ. Есѣ

оуминаютъ, всѣ оупскаютъ его, и коли онѣ завертаючи са изъ комнаты вѣходитъ, никто не послѣдѣе за нимѣ, лѣвы вѣдѣца потѣшати.

Тотъ часѣ, въ которѣмъ сожалѣючи дрѣги кѣ дѣнь смѣткѣ были вѣ около него собрали са, въ которѣмъ любимѣи сродники были вѣ по потѣшали — тотъ часѣ оуже давно минѣла. Гдѣжѣ сѣтъ всѣтти, що его любѣли? Одѣмъ по дрѣгомъ, прѣитѣлѣ, сродникѣ, и зѣдѣмъ бѣтнѣли са паницѣ и оупѣстниа его; только его вѣтрѣла жена остана са смѣ, держани са его вѣ радости и смѣткѣ, нѣжда и болѣзѣнь сѣ нимѣ подѣлѣючи. — И какъ же онѣ вѣ нагородилѣ еи прѣвосходнѣю любѣвь? — Изъ корчмы, потрава его вѣшло мало що не тагнѣти, лѣвы ю — оумираючѣ оуверѣла!

(Продолженіе слѣдѣе.)

Состояніе Маріи Тересіи по смерти Карля VI.

(Продолженіе.)

Надармо оустрѣгамъ вѣ замислѣ скоемъ певного цѣсара князь Бегній Габсбдскій: „Дѣтѣшвыишдѣмъ нѣ томъ наследница Благѣства Вашого, еслѣнѣте еи вѣлѣсто прагматичной санкци дѣлѣтъ тысячь войска и доври наполнѣннѣ скарѣнницѣ аншил!“ — Но за силенѣ добповалѣ Карль владѣтелѣмъ Европы, какъ пробѣ мамѣ вѣтрѣти, що такъ оутѣврѣдѣнѣе и запрѣсѣжнѣе право коли зломлѣтъ. Съ вѣнокѣинымъ прѣтѣе взоромъ вѣ вѣдѣчнѣсте оумѣрѣ вѣ вѣдѣни днѣ 20. Октоврѣа 1740.

Иае нездѣолго вѣкрылѣса, икѣ непевный и скажѣиный вѣлкѣ тогдашнѣи правнѣиѣи станѣкъ вѣкъ Европѣ. Маріа Тересіа, вѣтнѣчаючѣася ровѣно красѣтѣю и тѣла, какъ и вѣлѣгородствѣиымъ дѣши, засѣкла вѣперѣ на оенпрѣтѣлѣмъ прѣстѣлѣ; по томъ оголодѣла мѣжа свого совѣдѣтелѣмъ вѣенѣхъ краѣвѣтъ и

пророчила мѣ кѣрфирстевскій король въ Чехѣхъ, который, до опредѣленію золотомъ будѣ, мѣжъ трѣмъ могъ дѣлати. „На тѣю молодѣю и младѣю царицу,“ каже одинъ дѣеспутель Агстрин, „зложила сѣдѣла и вѣроломство князій герпейскихъ задачѣ, всѣ части агстрійской державы оутримати мроздѣла-но; задачѣ трѣдѣю и найсилнѣйшомѣ мѣжеви до розвазана. Войско было въ неладѣ, касса выпорожнена, слава военна подѣспала, видѣ изъ всѣхъ сторонъ бурливый: то все ослабилосъ и найсилнѣйшого дѣха, а прещѣ не ославило дѣха Марин Тересин, котра съ оупованіемъ позирала на вѣрибость своихъ народобѣ, при встѣплннѣю ей на престолѣ такѣ живѣ оказаннѣю. Обладннѣ закъспеченіа постороннихъ мочарствѣ оукрывали въ початкѣ тайное мамѣреніе нѣхъ роздѣланіа Агстрин и зравованнѣ Марин Тересин; Првссла прнрѣкала застѣповати ю всюдѣ, Факсоніа обѣцала помѣчь въ всакѣнѣ потребѣ; Россія заповннала ю о своей приазни, а кардиналъ Флери обѣцалъ ей именемъ роспѣвющого короля своего оузнаніе Франціи хотѣ не писемно, то оустно. Лишь кѣрфирствѣ Баварскій, Карлъ Иаврихтъ, показалса досѣтъ ширымъ и отвѣртымъ; заразѣ бо въ началѣ обѣцалъ права свои до краѣвъ державы агстрійской и открывалъ желаніе, быти цѣсаремъ нѣмцкимъ. Оннѣ права оказалъ чакѣ нѣзднѣйшій яко нѣостойннѣ, але тогдашннмъ оученымъ видѣлнса, прннймнѣн въ началѣ, быти позорнымъ.“

Первый крокъ рѣшнтелнннй прочѣвъ Марин Тересин сѣдѣланъ былъ изъ стороны Првссин, гдѣ Фридрихъ II. недавно томѣ на престолѣ отцѣвскій встѣплалъ и съ полною скареницю многочисленное, съ карностію и орѣжіемъ освоеное войско насѣднлѣ. Томѣ молодомѣ и вѣйномѣ князю выдаваласа смѣрть цѣсара Карла IV. ннѣ-

лѣпшюю способностію до оумноженіа осовн области. Не выподѣвши переше. войны и не мавши жадной правной причины, при концѣ оуже рокѣ 1740. взнншло прѣсское войско до Шлеска, щѣбы красннй тотѣ край ва-коннѣи царици выдѣрти. Кѣлка дннй потомѣ прѣдложнлѣ посала Фридриха въ Вѣднн Марин Тересин союзѣ съ своимъ княземъ, котрого имннлѣ онѣ ей за отвѣ-плннѣ Шлеска помѣчь протнѣтъ прочнхъ нѣпрннмнлнхъ оузнаннѣ прономъ ей державы шкѣ ен власности, годосѣ Фридриха къ осог-ннннѣю достоянствѣ цѣсарского въ Нѣмцнннѣ для сѣпрнѣга ен Франца Лодарнннського и по-зынкѣ двохъ мнлнонѣвъ на оплатѣ оувбро-ннл прѣтнѣтъ дрѣгнхъ ннрнштелнхъ закъспечнлѣ. Марин Тересин, не хотѣвши правленнѣя осого распочннати отвѣплнннѣмъ краѣвъ, подннала орѣжне на того, когда маловѣажлемого ннпрннмнлѣ; а прѣсскомѣ послѣен въ Вѣднн велѣла черѣвъ мѣжѣа сеюо сказати: „Шкѣ драго король его одного воина въ Шлескѣ мати вѣдѣ, такѣ днмѣ въ жаднѣ съ ннмъ ннѣвдѣ вхѣднн оумѣвъ.“ — Але шастнн спрншало смѣломѣ королевн прѣсскомѣ, котрого полкн въ Шлескѣ вѣзперестанно даль-ше вѣдрнлнса.

Идео разнеласа вѣсть по Европѣ о нѣвѣдахъ Фридриха, а оуже всѣ мочар-ствѣ, оузнавшн прѣгматичнѣю снннцію, — однѣ вынавшн Англію — вѣзотажно вы-стѣплнлѣ съ своимн мнннмнмн правами до кра-ѣвъ, Домѣннѣ вѣвѣркомѣ ннрнштелнхъ. Отвѣрто и чнстно, осѣднлѣ кѣрфирствѣ Бнварскій, Карлъ Иаврихтъ, яко по поряд-кѣ насѣдствѣ, котрого ннколн нѣ вѣрнлн-обѣ, насѣднѣ прѣстола агстрійского вѣмѣ прн-чѣжнтн; съ ннмъ сѣглашлнлса ен Бѣр-ванскнѣ мочарствѣ, съ котрыхъ Испаннѣ и Нѣпалѣ для себе нѣкотрыхъ посѣло-стнѣ агстрійскнхъ домагалнса. Франціа, полѣчнвшлѣ за покѣспечннѣ прѣгматичнѣю

санкціи Лодарингію, связалася теперь тѣсно съ Баварією, а не маючи для себе жадати ничего, пріала на себе посредничество между монарствами, возставшими на Австрію. И Саксонія перешла на сторону вѣроломныхъ и вѣвъ всякого законного позора требовала наслѣдія австрійскаго. Наконецъ и Сардинія еще зажадала княжества Миланскаго. — Различными подступами оумѣла Франція въ оумовѣ въ Нимфенбургѣ всѣ оныя монарства, спорившіяся неразъ и сами между собою, наклонити до оумговора, ведла каторго при Маріи Тересіи лишь Оугры, нижшій Ракъсы съ Вѣднемъ, Корутанія, Краина и Стірія повстали малы. Противъ того оубѣлаво Баваріи придѣлти Чехи, вышши Ракъсы, Тироль и Брайзахъ; Моравія и вышши Шлеско малы заспоконти жадаіе Саксоніи, а Ломбардію, Пармъ, Піаченцъ и Мантовъ малы получити Испанія. Король прѣсскій малы поспѣдати нимъ оуже занатіи княжества нижшаго Шлеска, Франція же за трудъ подѣла того малы дѣстаті австрійскіи Нидерланды. —

Противъ соединенной силы непріятель такъ многихъ не мала Марія Тересія: ничего бѣдши, якъ только свою бодрость, любовь своихъ народѣвъ, и святѣю смѣла права своего. —

(Конць сѣдѣе.)

Дорога книжка.

Особенностію въ рочникахъ словесности, якъ приводитъ англійска „Literary Gazette,” есть велике дѣлписне дѣло, которое недавними часы п. Вейфедъ, англійскій переводчикъ Тасса, оубѣлаво: „Сборникъ достопамятностей родимыхъ домъ Рѣсска,” составленный подл архивъ родимого. Тоѣ дѣло содржаче въ срѣк лица-

бразы каждого члена того шлахѣцкаго рода, составлае великолѣпно тископечатанный фоліантъ, и то лишь одинъ экземпляръ того вытиснено, который по опредѣленію покойнаго княва Бедфорда, сорникъ той начавшаго, въ вѣлюютцк опатства Боввонъ заложитъ есть. Дѣло тоѣ стоитъ 3000 гіней (30550 р. М. К.)

Рыцарская пивница.

(Сказка Отмара, въ итѣмцкаго.)

(Конць.)

Онъ летѣлъ гавѣше и гавѣше, ажъ наконецъ до склепъ подѣземнаго оумерлыхъ оупаа. И тѣ видитъ, якъ чорно обитѣю трѣмнъ передъ нимъ несѣтъ, а за марамиде его сѣрѣга и четври сосѣды, котрыхъ по одежи и возрастѣ спѣзнала докладно. Зѣ перестрахъ мѣве. Отамнѣшиа по кѣлѣкохъ годинахъ, видѣса еще въ слабо освѣченнѣмъ склепѣ подѣземнѣмъ и чѣе, якъ просто надъ его головою на вежи сельскѣи Тилѣды дванадсатла вѣе година. Теперь знала, що сама пѣланѣчь и що онъ подѣ церковю на кладеници села своего находитса. Бѣлше мертвыи, якъ живыи, не смѣла оуже и ѣтдыхати. Етѣмъ вѣходитъ монахъ, бере и несе го по долгихъ, долгихъ сходахъ, ѣтмыкае двѣри, втискае мѣ въ молчанію цѣсь грошій до рѣки и кладе го подѣ горою. Нѣчь была морозна. Помалу приходитъ шинкарь до себя и лѣзе безъ бочки и вѣна до дома. Первая оубарила година, якъ повернѣла до своихъ. Тѣ мѣсѣла заразы положитса; а по трѣхъ днахъ — былъ мертвъ. Гроши, данніи мѣ зачарованнымъ монахомъ, що ино выстарчили на — похоронъ.

СБОРНИКЪ

повѣстокъ, сказокъ, историческихъ воспоминаній, господарскихъ
и иныхъ общепользныхъ вѣстій и пр. и пр.

Ч. 45.

Вѣдень, субота 31. Окшоврія. (12. Новемрія.)

1853.

П Я Н И Ц Я.

Образъ изъ жита, егда природы начертанъ во пѣмицки
Н. Сеангеромъ. Перевелъ Еаснаій Е
(Продолженіе.)

Онъ вылѣтае зъ домъ, скитаеся по
оулицамъ; — стыдъ, больнь, оугрызи-
ніа совѣсти мучать его дѣшъ; запоморо-
чинъ еще виномъ, тронѣтый такъ стра-
шнымъ зрѣлищемъ, котораго лишь шо
былъ свѣдомъ, безъ надѣяна и безъ
жалю повертае назадъ до того самого шин-
кѣ, изъ котораго лѣдво шо ино его вы-
ведено. —

Ждае вина; выпорожняе сткланку по
сткланцѣ; кровь его возмѣшае са, свѣтъ
са крѣтитъ. Онъ разговлае самъ съ
сокою:

„Оумерла? Но, и шоже зъ того? Чи-
лиже мы все не мѣсимъ оумерати? Га,
га, га, она была за добра про мене — еи
родичѣ часто мнѣ тое говорилан! Прокла-
тинъ най вѣдѣтъ; — чиже они неопѣстлан са-
ми себе дитя? Чиже сами не предали ю
страданіамъ и болѣзнемъ? Щастанва, шо
оумерла — безъ сомнѣніа щастанва; — щаст-
ливша нежели съ мною! Га, га, га! Чиже
не лучше есть такъ? Гей, еще одну
сткланку — еще одну — еще другѣ! Гур!
То ми веселе житѣ. Пій поки живишь; по
смерти и такъ все оустаетъ! — —

Минѣли лѣта. Четверо позѣоставшихъ
дѣтій подорастали, и не сѣтъ больше дѣтѣ-

ми; но ихъ отицъ еще тотъ самъ, но еще
бѣльши оукогій, бедѣтый, и опровержанный
икъ прежде; онъ еще тотъ самъ налоговый,
нипокланный, амрзанный паница. Его осла-
вѣлаи нерешъ издолѣе оуже евлаше напру-
жати вино и пиво; протое чинилса брндного
горѣлчиска, за котораю оуже скоро свѣтъ
тримтачѣю рѣкъ претѣлае. — Оуже бѣтъ
давна сынове опѣстлан отѣцкенинъ домъ,
лишь сама дошка остѣлаа при негѣ
праціючи безъустанио днѣ и нѣчѣ; въ
тѣмъ, коли отицъ оугроженѣлъ и вѣри-
валъ мѣждицинъ еи зарѣвкѣ выдѣрѣтъ,
деи са тѣлько мѣтъ въ корчмѣ еинѣ
забавлати. — Дѣчинна занѣдѣжала; а, по-
неже для того еаса паницѣ дѣже на тѣмъ
оутѣрпѣла — емѣ во оуже бѣтъ давна ин-
кто не хотѣлъ ниного на вѣрѣ дати —
про тое намѣрилъ одного вѣтра, назвы-
чай корше, во оуже коло десатѣи годѣнѣ,
до домъ повернѣти. Былъ еще полѣтѣнѣ-
вый, и мѣтъ про тое досѣтъ евазѣ
мыслити. Черезъ дорогѣ подѣматъ, же коли
его дошка не оудѣлѣе ебѣльше рѣбити и
грошій на него зарѣвалти, тѣмъ оудати са до
окрѣжного лѣкара и просити его о ра-
дѣ; одночасно рѣшиласа такенѣ, доѣдѣ-
датиса бѣтъ ни о стѣлѣ еи здѣрѣла —
чѣго передъ тѣмъ никели не оучинѣлъ
дылъ. —

Былъ тозимый вѣтрѣ мѣсаца Студ-
на; плѣта оудѣвала его по лицу, онъ

выжебралъ себѣ отъ переходачихъ колька крайцаровъ, и купилъ для хорон однѣ вѣлочкѣ; понеже малъ дѣже важнѣ причинѣ, ю послати. Потомъ собралъ свои силы, и, а колька емѣ лютаа хвилл позволила, спѣшилася, звернѣвши свою дорогѣ къ одной изъ тихъ отдаленныхъ оулицъ Вѣденскаго передмѣста, гдѣ оубожество по тяжкихъ дневныхъ тѣдахъ на твердыхъ стѣнникахъ отпочивае, самозаслѣженое нищастѣ съ стыдомъ тѣвнса, а законопретѣпаніе передъ окомъ чѣйной полиціи мгновинного оубѣжища гадаае.

Тотъ мужина, которого ажъ до того тѣмнымъ свѣгломъ лѣхтарнѣ нѣжно освѣченого кѣта сопровождаласьмо, приелижнлса до послѣднѣго домѣ, наипотаившиса не троуха по камнахъ и наеродившиса по колодѣ. Двери еще не были замкнени, протое вмакъъ по сходахъ изъ перенонна помацнне ажъ на третій повархъ. — Ледво шо ишо стѣпнлтъ ногою на послѣднѣ стѣннѣ сходабѣ, отворилса заразъ двери отъ комнаты, а въ стѣнѣхъ пошвила са блѣда, свѣха дѣвчина, охоронаючи рѣкою тонкѣ свѣчкѣ передъ протомѣхъ коздохъ, смотрачи вразнко на сходы.

— „Чи то вы, Отче?“ запыталася.

— „Но, и ктожа вы то нинѣ малѣ выти?“ — отвѣчалъ вопрошанны остро.

— „Чегожь са такъ тѣлшѣ? Невѣйся, то, шо на нынѣ выпнлтъ, пвено незавѣрне менѣ головам; за тое ти рѣчѣ. Шинкарѣ не сѣтъ дѣрнн; безъ грошій нѣтъ горѣлки! Но откънжъ маю грошій взати, коли ты оужѣ такъ долго ничего незароблаешь? Ижа, до чорта, томѣ причина?“ — „И дѣже слава, мой отче!“ отвѣчало дѣвча, и заллалса горькими слѣзани. — „Такъ?“ — вмаъ отвѣтъ того недоброго отца, который лишь для того хотѣлавы видѣти донкѣ здоровою, авы только онѣ могѣ напнва-

тиса. — „Ты мѣсишь са старати, авысь была здоровою, понеже безъ грошій прѣцѣнѣ обѣити са не можемъ. Чемѣжесъ не пошла до сего часѣ до лѣкара сен дѣльницѣ? Онѣ вылѣы ти шкосто лѣкарство даромъ далъ; чижъ онѣ за тое пенсію но полѣчае? Най его чортѣ поѣве; онѣ мѣситѣ тое сдѣлати, ео мы оубоги. — Но ты видишь са, какъ колнѣмса, приросла до дѣрнн, и не хотѣла мене нынѣ пѣстити до комнаты?“

— „Отче“, отвѣчала са дѣвчина съ тихонька, запираючи на камкѣ за собою двери и застѣпаючи емѣ дорогѣ, „Иосифѣ повернѣтъ до домѣ.“

— „Кто?“ запыталъ паница тѣлшчи са на цѣломѣ тѣлѣ.

— „Цитѣ!“ было цѣло тихонькое противорѣчѣ, „Иосифѣ, мой братѣ Иосифѣ.“

— „И чегожь онѣ тѣтъ жадае? Глладае може грошій? Хоче може ѣсти, пити? Приходитѣ въ самѣ добрый часѣ, нелла шо казати. Дай сюда свѣчкѣ! Гейже, дашь ты сюда свѣчкѣ негоднице? Думаешь може, шо и его оубѣю?“

То сказавши выдѣръ дѣвчинѣ изъ рѣки свѣчкѣ и вѣншолѣ до комнаты.

Еѣ кѣтѣ на розвѣтомѣ кѣфрѣ сидѣлъ молодой до двадсати два лѣтъ маючій молодецѣ, съ приклоненою до колѣнѣ головою, одѣланны грѣкою катанкою и дѣже повытираными жолнѣрскими штанами, При спозрѣнїю отца захмѣрилъ свое вѣтромѣ и солцемѣ осмаленое, бронзокоцѣтѣе лицѣ.

— „Запри двери, Марисю, запри скоро!“ говорилъ молодецѣ съ живостїю. „Ты видишь неѣзналъ мене, отче?“ додалъ по короткомѣ молчанїю, не поѣвнѣгѣючиса изъ мѣстца, въ которомѣ часѣ отворнѣлъ батько очи свои на бѣкѣ, не хота срѣтитиса съ острымѣ спозрѣнїемѣ молодого челоѣка. „Констинѣ, минѣло оужѣ колька

лѣтъ отъ часѣ икъ есъ ма выгналъ зѣ домѣ, достаточно долгій часъ, абы на мене забыти!" —

(Продолженіе сѣдѣв.)

Состояніе Маріи Тересіи по смерти Карля VI.

(Конецъ.)

Справедливо написала Марія Тересія тогда, въ часѣ наибольшей потребности, до себѣ тиши, княгинѣ Лотарингинѣ: „Не знаю еще, ни ми зѣ цѣлого наследія отцѣвского останиса хотѣ едно мѣсто, въ котрѣмъбымы могла голову мою спокойно наклонити." Половина бо Шлеска находилася въ рѣкахъ Фридриха, а отъ границъ Баварскихъ подходили французско-баварскіи войска що разѣ ближе къ вышнимъ Ракѣссамъ. Обманенная царица надаромъ ждала помочи владѣтелей, заиспичившихъ прагматичнѣю санкцію, — все, а все ю теперь опѣтали. До того при смерти отца еи выносило цѣлое, для ни оставленное сокровище не больше, икъ сто тысячъ римскихъ, а ино тридцать тысячъ здѣбного до вою войска, кромѣ одного въ Италиі и Нидерландахъ, было можно противъ присильного непріятеля ставити.

Въ тихъ такъ смѣтныхъ обстоятельствахъ потѣшила Всевышній всеми оудрѣчаемю Марію Тересію, оударивши ю дна 13. Марца 1741 въ Вѣднѣ сыномъ, котрый потомъ вѣскомъ и славою имени своего свѣтъ наполнилъ. На крещеніи отримало дитя имена: Юсифъ, Бенедиктъ, Юаннъ Антоній, Михаилъ, Ядамъ; а папа римскій Бенедиктъ XIV и Кѣрфирстъ Саксоніи Яггветъ II были его крестными отцами. На вѣдомѣсть рождества наследника престола розаглася радость найцарша межн всеми народами австрійской державы: все ставн безъ различія подѣлани ю искренно,

а тогдашній посолъ тѣрциіи въ Вѣднѣ хотѣ ю оказати всинародно, казалъ помежи веселіи толпы народа гроши метати.

Недолго потомъ поспѣшила Марія Тересія до Оугрѣвъ, цювы тѣ 25. Юніа селтою краю того короною оудѣнчатиса дати, а разомъ цювы милою ласкавостію и оутвержденіемъ давныхъ свободъ народныхъ любовь сильного народа оугорского оузыскати. Тое повѣлоса еи совершенно. Коли затѣмъ вѣра надѣ еи головою все темнѣйше скѣпалася, коли Фридрихъ II, Король прѣвскій, побѣдивши австрійского польного маршала Найперга, цѣлымъ Шлескомъ овладѣлъ, коли потомъ Кѣрфирстъ Баваріи на челѣ совокѣпленного французско-баварского войска вышши Ракѣссы безъ всякон перепоны побѣдоносно перейшолъ, Линцъ занялъ и орѣжбемъ своимъ оуже глѣбоко въ нижши Ракѣссы сагалъ, — ажъ до С. Пельтенъ, дѣсать ино миль отъ Вѣднѣ, продиралиса его толпы — икъ наконецъ Прѣссія, Баварія и Франція внесенію мира, предложенію оудрѣчаемю царицю, дѣмно отвергли, а сама только Англіа, за надто отдалена, цювы ю дѣломъ вспомагати, лише запоможніи гроши присылати возмогла, — въ тѣй найтажшѣи потребѣ пришолъ отъ всехъ опѣценной царицы на гадкѣ вѣрный народъ оугорскій, котрый ю передъ колькома тыжднями оу себѣ съ искренною приималъ любовью. Опѣтивши Вѣднѣ, поспѣшила протѣ до Пршеверка, гдѣ на днѣ 11. Септемвриа чѣтыри станы королевства оугорского на сонѣмъ краевый созвала. Я тѣ первого заразѣ дна передъ тимъ свѣтлымъ соборомъ повѣлоса отвагою и красотою сіяючаш Марія Тересія, держачи на рѣкахъ пѣлрѣчного сына своего Юсифа такъ, икъ и сама, стрѣемъ народно-оугорскимъ одѣтого. — „Союзниками моими опѣченна, непріятелями моими прослѣдована, найближ-

шими моими кровными войною притиснута, не маю жадного иного приежища, икъ вашъ вѣрность, вашъ бодрость и сталбость мою. Въ рѣки ваши отдаю доньку и сына царий вашихъ; отъ васъ надѣются они спасеніа!» — Такъ проговорила царская таа невѣста, оукрашенная оздобкою оутисненной невинности, полная оупованія на невидимую силу оскорбленнаго своего права — и расными залала слезами. Видомъ тымъ, а еще больше незаслуженною нѣждою своей царицѣ тронѣти мужѣ собраніа довели вразъ своихъ мечѣвъ, а изъ всѣхъ оустъ отъзвонили слова одноголосно: „Moriatur pro rege nostro Maria Theresia!“ (Оумрѣтъ за нашего Короля Марію Тересію)!

Вѣрно додержали Оугри слова своего. Достопочтенный, сѣмдесятъ осмилѣтний палатинъ, Іоаннъ Палфій, сталъ на челѣ народнаго возстанія, которое вилкавицию до найдалшихъ границъ краю оугорскаго распространилося. Въ короткомъ часѣ стало пятьдесятъ до шестидесяти тысячъ войска оузброеннаго и до бою за свою царицу готового. Тими хоробрими полками и полченными отъ Англіи, грѣшми запоможными, оудалоса Маріи Тересіи дальшимъ оупѣхамъ войскъ неприятелискихъ тамъ положить и противниковъ до заключенія общаго мира наклонити, що доистно рокъ 1748 въ мѣстѣ нѣмецкомъ Югенъ настѣпило. Хотя отстѣпила Маріа Тересіа въ мирѣ томъ Пруссіи большю часть Шлеска и графство Глацъ, а для Сардиніи часть Ломбардин; но за то оутвердила ей той неприятели прочое габсбургское наследіе и повиспечила прагматичную санкцію на ново. Не оубажаючи на всѣ повѣды и торжества, не оубажаючи на Маріи Тересіи право шенное икъ солнце, мѣсѣла она сама только миромъ тымъ часть краѣвъ своихъ постра-

дати. При томъ всѣмъ Австріа, хотя въ наибольшой части власніи еи краѣ были зрѣлишимъ войны, прецѣ вѣстро ослабилася далеко менши, икъ Франція; а навѣтъ смѣло вѣречи можно, що зъ брани той вышла сильнѣйшою, нежели съ началомъ еи была. Неожидаемая сила животнаа движенима крѣпкимъ проводилася и розвилася въ тѣлѣ вилта того, а родостное процѣтаніе, зримое отъ теперъ по всѣхъ вѣрствлахъ людій, было нагородою найлѣпшою для рѣки достойной, котра дѣржавою оуправляла. —

Въ часѣ еще войны дождалася Маріа Тересіа оутѣхи, видѣти мужа своего выбраннаго на цѣсара нѣмецкаго. Быборъ тотъ отемася дня 13. Септемвриа 1745, а 4. Октовриа послѣдовала коронація въ Франкобродѣ. Маріа Тересіа была свѣдомъ еи наочнымъ, и первая на „площади римской“ возголосила лювнмомъ свѣрговъ своимъ: „Moriatur pro rege nostro!“

Средства до праня шматя.

Въ Бираниѣ оупотриваютъ отъ шкось времени по розличнымъ господарствахъ слѣдующаго смѣса, шобы навѣтъ дѣже вѣрдне шматяе скорше и лѣкше выпрати, икъ тое звичайнымъ спосокомъ стати са може.

Четыри лѣты терпятиноваго олкю мѣшаютъ са полъ лѣтомъ салмиаковаго спиритѣса черезъ колочены на молочко. То е вливася въ одно вѣдро лѣтепла, въ котромъ чверть фѣнта мыла естѣ роспѣшено.

Въ той розчинѣ мочитъ са вѣрдно шматяе чрезъ нѣчь а слѣдующаго рана выпрае са. Два разы выжмакане и выполокане шматяе не мае и найменшон вонѣ терпятиновон, икъ са того гдѣшкін сокотавин господаринѣ страхуютъ, и показѣе са такъ чисто вѣла, икъ шматяе, которое трѣма наворотами было выпрано, шобы той стпени вѣлости оагнѣло. Шматяе не потрѣе по такомъ постѣпаню такъ сильного и долготрвалаго жмакана, шобы было чистымъ, икъ са то дѣе при звичайномъ постѣпаню; черезъ шо, по природѣ рѣчи, шматяе значимый на трвалости оуцѣрѣтъ терпнтъ. —

СВОРНИКЪ

повѣстокъ, сказокъ, историческихъ воспоминаній, господарскихъ
и иныхъ общепользныхъ вѣстій и пр. и пр.

Ч. 46.

Въ день, субота 7. (19.) Новаго года.

1853.

П Я Н И Ц Я.

Образъ изъ жита, вѣдала природы начертанъ по нѣмецки
Н. Шлагерова. Перевелъ Василій В. . . .

(Продолженіе.)

— „И чегожь ты тѣтъ хочишь?“ ѳт-
повѣлъ отецъ, слыючи са до ѳтпорнои вѣ-
сѣды. „Чего гладавишь оу того, который
самъ ничъ немає?“

— „Оубѣжища предъ прослѣдованьемъ.
Бо если ма зловать, то безъ сомнѣнїа
повѣсать; а если ѳтсы пѳйдѣ, то певно ма
зловать!“ —

— „Такъ, то ты есь розбойникъ или
оубѣйца, ты чѣдовице страшенное?“

— „То послѣднѣе; — дивѣе тебе тое,
честный отче?“ При томъ скорчилъ черти
лица, якъ колібы са хотѣлъ рѣгати ѳт-
циви, а изъ его очій палала оуничтожаючаа
дѣрзость, неизречимый оупрекъ, оумерт-
вляючїй вопросъ, икїй тѳлько законопрї-
стѣпленїе беззаконїю дати може и который
лишь сѣдъ Божїй розрѣшити може. —

Настала снова тишина, по которѳй
ѳтицъ икъ колібы са изъ сна пробѣднѣлъ и
началъ говорити.

— „И гдѣжь твои брата?“

— „Они оуже не вѣдѣтъ тоѣ бѳль-
ше наприкратиса; Францъ оутѣкъ передъ
инженницю до Ямерики, а Иванъ оуже —
не жиѣ!! —

„Не жиѣ?“

— „Такъ естъ, не жиѣ — оумерь въ
моухъ обатїахъ, застрѣленный икъ гайдама-
ка въ оутечи ѳтъ жандарма. — Онъ
заточнѣлъ са, и схопнѣлъ его и недалѣ на
землю оупасти; его кровь вригала изъ во-
кѣ икъ водометъ, и алла са по моухъ
пальцахъ. Ослабѣлый и омаѣлшїй оупалъ
на колѣна и собралъ послѣднїи свои силы
до молнтвы. Онъ проснѣлъ Бога, всан до-
бра наша мати въ небѣ находитса, авы
ви матрнїи молнтвы за него выслѣхалъ
— за него, ви наймолодшого сына! — „И
былъ всегда ви Бенїаминномъ“ — гово-
рилъ ѳнъ — „и ещи теири тѣшѣ са дѣ-
же, цю, хотѣ мнѣ при ви смерти мало
сердце не пѣкло, и прїцѣлъ тогда Богъ съ
чистою совѣстїю даковати мѳгль, цюма
ничого не оучиннѣлъ, чимъ быма ю былъ
мѳгль засмѣтити. Пухъ, братѣ чѣмъжь вѣ-
мерь намъ мѣсто матери нашъ ѳтецъ?
И певно небылъ быма оумиралъ теири ико
законопрїстѣпникъ!“ Се его послѣднїи сло-
ва, который тоѣ ѳтецъ ѳтъ него врїношѣ — ро-
ви съ ними цю ти са зловитъ. Тыса его въ
паности твоѳй немилосердно былъ и но-
гами копалъ, для того цю его заровокъ
невыстарчалъ тоѣ на горѣакѣ, въ тотъ
самъ день, колїса насъ зѣ домѣ выгналъ,
— то сѣтъ слѣдствїа твоѳи къ намъ
любви!“ —

Къ время его повѣсти хлыпала сестра
въ голосъ, ѳтецъ сидѣлъ недвижно икъ

бы столпообразъ, нахиливши голову къ гордамъ, а Іуцифъ продолжалъ свою сѣмнѣю повѣсть далѣй, оберши собѣ мимовольно лючннса слезы. —

„Оутѣкаючи передъ нѣжденнымъ твоимъ обхоженемъ съ нами, оудалнсьмо са — Иванъ и я разомъ — на Оугры, а понеже мы читати, числнти и писати мало що оумѣли, наалнсьмо са яко робѣтннкн при вѣдованю желѣзницѣ, где зѣставалнсьмо, поки ажъ революція не вывѣхала и насъ хлѣба не позбавила. — Шожь было теперь дѣлати? Мадари платили добре, робили великіи обѣцанки, и такъ мы пристали до жолнѣрей; ба Иванъ, который далеко дотепнѣйшій былъ нежели я, постѣпилъ ажъ на фѣлфѣла. Но наше панство не долго трвало; во прежде нежели еще дѣволское дѣло матежи законной власти оулагло, побѣжденъ и роспорошенъ былнсьмо хоробрымъ цѣсарскимъ койскомъ заразь зъ начала коло Швехатѣ, и ледво що оудало са намъ; мнѣ и моему братѣ, спатнса за помочю оумило-серднвшого са надъ нами сѣланнна, который для насъ на мѣсто гонвѣдского оуниформѣ, постаралса о старін подертнн лахманы, въ которнн перебранн оутѣкальсьмо черезъ Хорвацію до Стнрнн, где крнющнса по лѣсахъ разомъ съ вѣглицамн оутѣкшнмн передъ бранкою, наншлнсьмо не задолго затрѣднѣннса яко рѣвачѣ. — Га, га, то ми было порядное товаришество; — не задолго былнсьмо принужденннн передъ патрулюющнмн жандарманн оутѣкати въ недоступннн Ялпы, где натѣрально жадного немалнсьмо затрѣднѣнн. Голодъ принѣднлъ насъ опѣшати часто нашн пѣземннн оубѣжища; мы выхѣднли на локы, во изъ горы никто не дерзнлъ сходить на долъ зъ боязни передъ военнымъ сѣдомъ. — Не задолго однакожь выслѣжено насъ и тамъ, а передъ четыр-

надесятн днмн досагнѣла ледво не на недоступнѣй скалнстѣй стѣнѣ простѣпного Ивана жандармова кѣла. — Имъ помстнлса за брата; а маю лишь завѣдчнтн моеѣ докладной знаемости всѣхъ тайныхъ горскихъ стежокъ, жемъ предъ прослѣдющнмн оутѣкѣ. Посредъ неизречнмыхъ вѣдствѣй, часто зъ голодъ полѣмертвѣй, жѣбраючи и крнющнса по ровахъ, пришолъ емъ до вѣдна, понеже мнѣ отъ тѣдъ — где за мною наименше гладнютъ, — може скорше оудастъса достати са до Оугоръ до кораблнвон сѣлжемы, и — понеже Марнню, мою любнмѣю снстру, еще разъ видѣти хотѣлъ емъ.”

При тнхъ трасѣчнмъ са голосомъ изречнныхъ словахъ, до живого тронѣтнн, подалъ блѣдѣнн не престанно плачѣщѣй дѣвчннѣ рѣкѣ, котора обнзнанна оупала въ его обнатн; почѣмъ докончалъ свою недѣстнѣю нсторю, обернѣвшнса къ отцѣвн.

„Если ма зловать, то ма за оубнтнѣ жандарма повѣсать; однакожь то ледво возможно, лѣы ма тѣтъ безъ твоего отче содѣнствнн выслѣжено. Имъ тобѣ небороню, можешъ ма выдати военномъ сѣдовн; но если бысъ того нѣвчнннлъ, забавлю оу васъ тѣлько два днн, лѣы собѣ по томъ страшннѣмъ и оутомлающѣмъ пѣтншнствню трошнчка отпочнтн, во ледво могѣ денгнѣтн мон членн; — а черезъ тотъ часъ подѣмаю надъ среднствамн, нкемы тайно отсы оуйтн можна!”

Черезъ два днн неопѣшалъ никто изъ ннхъ трѣхъ, оубѣгонъ комнаты. Но къ вѣчеровн третѣго днн заннѣждала дѣвчннна небеспечно, а отъ 24 годннѣ жадное изъ ннхъ не видѣло анѣ кѣсннка хлѣба, — голодъ принѣждалъ конечно, лѣы которѣ изъ ннхъ вышло за пожнвалѣннѣмъ. Донѣщѣ небыло тоѣ возможно сдѣлатн, сынъ не

важился, про тоб опустить, отиць оуже позда-но по захоудѣ солнца дѣмъ. — Дѣкаръ далъ емѣ для хорон лѣкарство и кѣлька грошей яко мнѣстнику, а повертаючи до домѣ выжиералъ совѣтъ еще до того мало шо не подѣлать за днѣскаго оти гостей од-нон бѣльшон каварнѣ; малъ про тоб до-сытъ, абы найнѣжнѣйшн потребы надѣчо-го днѣ заспокоити, а навѣтъ мѣгъ былъ зъ того и сынови на дорогѣ кѣлька край-царевѣ дати. — Бѣ бѣлицы, которую и-де, находится горѣлочный шинкъ; онъ опѣзнае свои кроки; — переходить коло него, — заглянѣвши отвертymi дверьми внѣтрѣ, — сталъ, — повертае назадъ, — сталъ при дверехъ, — и снова от-ходитъ, — и снова повертае — и лѣзе послѣдно до печеры гнѣли.

(Продолженіе сѣдѣбе.)

Человѣкъ панъ и владѣтель землѣ.

Коли человекъ, по наудѣ писма сва-того, зъ рѣкъ сотворителя своего шесто-го днѣ яко наймолодшн выншолъ, постано-вилъ го Всевышннй паномъ и владѣтелемъ землѣ; рыба въ мори, птица на воздѣхѣ, всякій звѣрь и скотъ, и цѣлаа земля ма-ла емѣ подчиненною быти. И такъ естъ констиннѣ, хотѣ человекъ самъ такъ без-сильною и беспомочною дѣтиною на сн свѣтъ приходить. Поглянѣмъ толькѣ на тѣю дѣтнѣ въ еи безсилнн и беспомочно-сти! Ничого и жита самого несвѣдома ле-житъ она обвѣнта пеленками, которы еи любовь матерна предѣ еи рождѣствомъ еще приготовила. Дѣйствованіемъ еи го-ловнымъ естъ сонъ; плачемъ возвѣщае свое пробѣжаніе, плачемъ оповѣдае потре-бы нѣ дальшомъ житію; а оспоконтъамъ тн,

то западае въ днѣнѣйшое свое состояніе. Предстанъ ю плакати, нуженно станеса смер-ти добычию. Для продолженія жита своего она сама ничѣ сдѣлати не возможе. И дѣ-тина таа безсилнаа малажебы быти подо-блемъ и образомъ Бжсемоушного, паномъ и владѣтелемъ землѣ?

Смотри на тоб тамъ, кѣда! Предѣ кѣлькѣма еще днѣми было, оно въ шнцы незначноу немалѣ точкою; тѣ помалѣ вы-бразовалоса, вонераа свою падѣвъ, вѣднн-стаа повралока прѣсла, и онѣ вывѣвало до жита, а про кѣлькѣхъ оужѣ днѣхъ ходитъ, вѣгае и скачи, глѣдаючи формѣ для себе. И днѣнса на тѣю, тѣ мотыла! Колисы емѣ шнцыма, летѣмъ сталса тѣошнннню, шакр-ннцѣ пѣлкою. Такъ лежилъ бѣтъ долго ино-вы мртвѣнн, но на равѣ воздѣклаеса опѣ-ма; зъ подѣ тѣон выхонднть бѣтъ въ мо-лодѣи своей врасотѣ, въ лѣпотѣ своихъ барвѣ, и оужѣно кѣлькѣхъ хвилѣхъ про-вѣе полтѣнон снмы своихъ вѣрлѣ, лѣтаю-чи зъ цѣтѣки на цѣтѣкѣхъ за медолѣ, въ чашн еи оукрѣтыма. — Тоб само дѣнеса и сѣ молодшмъ шгнатнма: всемо подѣска-кѣе оно за своею матерію въ первѣхъ за-разѣ днѣхъ жита своего и оучѣе посѣкѣ-шае при еи воцѣ на зеленію травѣ; коли тнма часомъ панъ землѣ, оздоба цѣлого сотворенія, тнжданѣ и мѣсѣцѣ въ колѣс-цѣ лжнть; безсилнѣйшнн и беспомочнѣй-шнн, нежѣ каждое иное сотворѣннѣ. Такнма былъ ось коанса и ты; сыно, такнма вы-днсьмо естѣ; аны нѣкѣ въ цѣтѣа шелонѣ колѣшннгоесе овоцѣ спѣзнати, оттанѣти не возможе, такъ певно не проннѣтъ ннкто въ малѣмъ днѣтати пѣзнѣйшѣго Эблѣона адо Сократа, свѣтомъ владѣвшого Плк-сандра адо Ннполѣона, законы нѣла и зем-лѣ слѣднвшѣго Кнларѣа, Нютѣона, Гершала, Гѣмболта, чѣслѣлого Жолѣумѣа и Коока, мыслѣного Дѣвнннца адо Камѣа, стнхо-

творцѣхъ: Гітго, Шиллера, Шікспира, Корнелла, Тасса, Пріюста, Дантого, Крассицкаго, Державина, Пшкіна, ни многихъ иныхъ мужей, котринъ съ часомъ сталися творцами прекраснаго и превосходнаго. Правда, що нѣкотрый звѣръ превосходитъ челоука остроумъ чвствѣхъ, пермагае силою тѣла; но за тоб оумѣе челоука силою дѣла своего, изъворотеніями розличнаго рода недостаткѣхъ той многорако соетъ вынагородити, и перевагъ свою надъ всѣми другими сотвореніями земными оудержати. Китъ, морской пѣсъ и скорый дельфинъ порюта вѣрзо окомъ измѣривши окланъ, не шже далеко выстрѣише дѣлае тоб челоука въ корабляхъ своихъ! Онъ отъ полюса спѣшитъ до полюса, черезъ море и воды, изъ солонихъ въ солодкѣю, изъ солодкихъ въ солонихю воду, лишаячи всѣ тѣмъ звѣрѣмъ, корабель его часъ шкійсь окрѣжаючи, далеко за собою. Стнхін: то огонь, то вода, то воздухъ сътъ нъ его оуслазѣ и живѣтъ его корабель, коли тѣмъ часомъ онъ самъ спокійно то суды то тѣданимъ поводитъ, а снаб тамтѣхъ по своей воли оупотреблае. Бѣдла свои природы не може, шкъ рыба, глубинѣ водѣ проникнѣти, но въ водолазніѣмъ зконѣ спѣскаеся и на дно моря и переывае тѣ цѣліи годины. Заразъ потѣмъ возносита, хотъ крыль не мае, за помощію легкимъ газомъ наполненнаго балона въ краѣ овлакобѣхъ и то вышши, нежъ котрый птахъ може. Кероткое и везильное естъ воокіе рама его и каждый изъ его членѣхъ, далеко бѣльше силы находитъ въ трубѣ слона, въ нозѣ носорога, о много бѣльше моци въ китѣ, котрый однимъ оударомъ хвоста преваликн лодѣ роострѣскавши, далеко по воздухѣ розмѣтѣе; однако и челоука рыба продолжаеся скоро въ движню, котрою

тагары земскіи котитъ, она стаетъ ли верома, котрымъ пріогромніи пѣднмае вѣщи. —

(Конецъ сказка.)

Иънѣба Арабска.

Патріархъ Іерусалимскій латинскій, Монсініоръ Балерга, поверталъ разъ изъ однопъ вывѣжки въ сватѣй земли назадъ до домѣ и ѳтажилъ са троха за далеко запѣстити са въ однѣхъ зъ вѣспечности нѣпвѣнъ шрѣгъ межн горами. Того дня ѣхалъ онъ на кобылѣхъ зъ Багдада, славнои расы, котра прямо отъ Слѣ Боракъ, кобылы пророка, рѣдъ своѣй вѣла. Бѣдвини пѣдскли и оусмотрѣли спѣсбѣнъ хвѣлю, на которѣ долго ждати не потребовали. Шрѣга обсажена была на входѣ и выходѣ чатами; патъ чи шѣсть доверъ вооруженныхъ Ярабѣхъ прискочило къ Патріархѣ, зсадани зъ кобылы, и взяли въ свою ошѣкѣхъ вѣлагороднѣхъ скотинѣхъ. Помѣхъ была далеко, и монсініоръ попрацалъ гошѣ Фатимѣ жалостнымъ вѣркомъ и пѣстналъ са пѣшки до Іерусалима. Тѣтъ склижае са къ немѣ молодой Бѣдвинѣ. „Пане,“ каже, „мы не позволимъ на тоб, шровы мужъ такого, шкъ Ты, достоинства, наражалъ са на трѣды подорожи пѣшки. Бѣзалисьмо Тобѣ шкапѣ, — извини, потреена намъ. Но возьми принаймѣе въ замѣнѣхъ сѣсю; не тѣлько она вѣрта, шо Твои, но не сѣбѣрша! Шастлива Ти дорога! Богъ вѣлнкій; най Тѣ мае въ своей защитѣ.“ Закнмъ Патріархъ достигъ Іерусалима, еше колька разъ малъ такое здыванье и мѣнмалъ такъ само при каждѣмъ своего конѣ. При вѣздѣ до сватого города постѣрѣгъ, шо сѣдитъ на хрѣстѣ — ослѣ. — Часто любилъ онъ оповѣдати о тѣмъ своимъ приключенію. —

СБОРНИКЪ

повѣстокъ, сказокъ, историческихъ воспоминаній, господарскихъ
и иныхъ общеполезныхъ вѣстій и пр. и пр.

Ч. 47.

Вѣдень, субота 14. (26.) Новемрія.

1853.

П Я Н И Ц Я.

Образъ изъ жита, ведаа природы начертанъ по нѣмецки
И. Сеангеромъ. Перевелъ Еаснаій Е. . . .

(Продолженіе.)

Онъ былъ знаемый мало не въ всѣхъ гостиницахъ и горѣлочныхъ шинкахъ такъ въ томъ шкѣ и въ подальшихъ передмѣстахъ, и шкѣ скоро его шинкарь по имени повиталъ, звернулъ въ тѣю сторону свое вниманіе два мѣшины, котрин — подбѣнн до оурлопникѣвъ — одѣланн въ короткн катанки, въ кутѣ за обочнымъ столомъ отъ мало гостей посѣщенн комнати при горѣлацѣ сѣдѣан.

Единъ изъ нухъ встала заравъ, сказалъ шось по тихонько до господара, и оудалилъ са поволи, коли вторнй опѣстивши свое мѣстце, приближилса до власно шось толькко пришедшого госта, съ котрымъ са шкѣвы съ своимъ давнымъ знаемымъ витати начала.

— „Откнжъ кмъ мене знасти?“ запиталса тотъ.

— „Ого, чи оуже совѣкъ непригадѣте большн? Тажи шьвалъ шкѣльнымъ камратомъ вашого Юза и часто приходилъ емь до васъ, шкѣ есте еще на передмѣстю. Россавъ обцтади. Не пригадѣте совѣкъ больше малого хлѣва до рова?“

Заговоривши вытрѣцилъ очи и спогладалъ на него съ оудивленіемъ, шкѣ км

совѣкъ констинъ не мѣгъ пригадати ни его имени ни лица; однакожъ чѣжиница здавалса не хотѣти емь дозволити большн часѣ до раздѣмована, бо подлаъ емь великю чаркѣ полнѣ горѣлки сказавши: — „Дай Боже здоровья, — ма нашѣ давнѣ знакомѣсть! Надѣюса, шось ма не схочете образити?“

На хвилкѣ задѣмалса старшн; погладла совѣкъ на оумеряющн изъ голодѣдѣти, на опасность своего сына; но чимъ же есте все тое даа панницѣ? Онъ пилъ и пилъ, пока розумъ совсемъ не затопилъ. — Тамтой же не отступилъ отъ него и ма крокъ, принималъ непрестанно до него, захочѣючи его веселитса; послѣдано шипнѣлъ емь до оуха: „Чи оуже давно, шкѣ есте не чѣан ничъ за вашого сына?“ —

Тнн слова привели емь на гадкѣ его дѣти; встала и хотѣла отходити, пропивши оуже большѣ половинѣ грошнй, отъ котрыхъ жите его дѣтнй зависнне было. Но его нохнй столовыи товариши посадилъ го снова на лавкѣ, показѣючи емь на ново горѣлакою напоаненнѣю флашкѣ.

— „Бн, шось са спѣшитѣ? Такъ шастливнй случай може нѣкоан большн насъ не сарокадитѣ! Колѣка платити приходитѣ теперь на мечи; мѣсите еше одну выпити!“

На такнмъ запросннмъ сопротивалтса не мѣгъ. — Засѣла совѣкъ на ново, и коли

тотъ чаркъ по чарцѣ выпорожилъ, довѣдалъ съ чужиницѣ отъ на полъ вѣзчувственнаго старца въ короткомъ времени о всей его опасной тайнѣ.

— „Знаете вы“ сказала онъ послѣдно — „що се есть великое счастье про вашего Юза, же вы мне тѣтъ нынѣ срътнили? И маю при собѣ фалшивѣ пропѣсткѣ и троха грошій и есмь въ состоянію моему давному дръгови еще си ночи помогчи до оутечи; мы во вѣдніи, непрестанно прослѣдованіи люди мѣсимъ собѣ въ нуждѣ взаимно помагати! Нынѣ менѣ, завтра товѣ, важе приповѣдка; кто знает, може коли онѣ мене еще изъ большои вѣды избавитѣ! И тепрь поспѣшаймо, во оуже пѣздна нѣчь, а я дѣже нетерпеливый, во вымы хотѣлъ якъ найскорше овѣимити вѣднаго молодца, и о кѣлько возможно емѣ помогчи! Еще однѣ чарочкѣ на дорогѣ, и далѣи до дома!“

Взала паницю испамтаючого большо о свѣтѣ по подъ рѣкѣ и выпровадилъ на оулицю. Въ тѣни коло оуличной лѣхтарнѣ столъ нетерпеливый его товаришъ, съ которымъ мимондѣчи скорымъ погладомъ порозѣмѣлся.

Междѣ тимъ сталса часъ вратѣ и сестрѣ въ нѣхъ оуединенію вѣчностію; при наименшомъ шелестѣ, при кождомъ сомнѣтельномъ голосѣ здерживали ѳтдыхѣ и подслуховали. На конецъ оуслышали тяжкое стѣпанье по сходахѣ, которое шо разѣ голоснѣйшимъ ставало са, а на послѣднѣ оутихло при нѣхъ дѣверехѣ, ажѣ тѣтъ на разѣ отворили са дѣври, а ними вѣншолѣ до комнаты ледво шо на ногахѣ держати са могѣчій отецъ.

Донѣка, оузрѣвши піаного отца, поднесла свѣчкѣ въ горѣ, абы емѣ присвѣчовати и постѣпила кѣлька крокѣвъ на передѣ. Но однимъ разомъ задѣржаласа, крикнула

проразанею и оупала навзакѣ на землю, — оузрѣла во за дѣври ми чловѣческіи тѣни, и отелскѣ орѣжїи, современно встѣпили два мѣщинны сопроводаеміи полиціанами до комнаты, а въ однѣ минутѣ потѣмъ лежалъ молодой чловѣкъ яко оувазненный на земли — въ кайданахѣ.

„Въ самѣ добрый часѣ и безѣ много галасѣ сталоса; то все маемъ панѣ отцѣ завдачити,“ сказалъ однѣ изъ полиційныхѣ агентѣвъ. „И тепрь Михаиле подѣими дѣвчинѣ. Оутихомирса паницню, слезы еще николи на ничѣ непридалиса; стало са, шо са стати мало; вамѣ не позѣстает ничѣ большо, якъ оузнати конечнѣсть и потѣшатиса якъ можѣ.“

Оувазненный столъ кѣлька минутѣ нахилный надѣ омаѣлою сестрою, потомѣ оберчѣлса съ движеніемъ цѣле его тѣло електрическо взрѣшающимъ до отца, который завертаючиса на дрѣгій конецъ темной комнаты, опирши са въ кѣстѣ, вытрѣщила очи, и на тѣю грѣпѣ спогладалъ.

„Послухай ма отче!“ крикнулъ онъ страшно поважнымъ голосомъ, который паницю до живого тронѣлъ, „най моѣ и брата моего кровь сплыви на твою головѣ! Ты съ причиною нашои соромной смерти! Николи и въ ничѣмъ неовѣнчалъ есъ намѣ же есъ нашимъ отцемъ, жадной твоѣи повинности къ намѣ не исполнилъ есъ, жаднѣ возрѣніе, жадное слово любви или благословенства нещаставило твои дѣти — николи, николи! Про тѣе знай, шо я товѣ николи въ житіи и по смерти простити не могѣ. Въ твоѣй послѣднѣй житѣ годинѣ, есъ рѣвно коли и гдѣ, оузришь ма снова, — помани мои слова — слова оумераючого зѣ твоѣи причинны сына! Икѣ непрѣменно прїидѣ дѣнь, въ которѣмъ Сотворитель покланчѣ тѣ, такъ непрѣменно твои дѣти, твои нещастли-

вн дѣти рѣка въ рѣкѣ пошвалятся прядъ товою въ онъ страшный день суда, Божои кары.” —

При тихъ словахъ вознсъ молодецъ оковами обтажинй рѣки къ невѣ; погламблѣ оунничтожително на негодного отца, — который подѣ тагаромъ оужаснои клатвы свои дѣтныи на землю оупалѣ, — и оубѣстнлѣ комнатѣ. —

По сѣмѣ воцѣ гроба не оузрѣли его бѣлши ни отецъ ни систра.

Шкъ тѣлько начала раннаа зора еходоити и черезъ гѣстин тѣманы проеиваюннса закоптѣлнн, врдннн шыем тнмннн комнаты освѣтнла, провѣднлса паннца, огламылса на околѣ, но кромѣ него небыло ннкого въ хнжн. — Старый матрацъ былъ не тыканый, всѣ находоило са въ вчрамннѣмъ состоанню, нѣтѣ анн слѣдѣ, шобѣ кто смѣтное прнбываннѣ тон ночн былѣ съ ннмѣ подѣлалѣ. — Онѣ звѣдовалса за своєю донькою оу свѣдѣбѣ и оу всѣхъ знаемыхъ, но ннкто не вндѣлѣ дѣвчате, ннкто неслышалѣ, лбы о немѣ гдѣ говорено; по оулицяхъ шко зѣмасыгдшнн вѣгаюнн еднваллѣ са влѣдчннмѣ окомѣ въ каждое блѣдое лнце — но на дармо! — Надѣншла нѣчь и прннвднла его повернѣтнса до домѣ; — нннѣ невыншла оужѣ напроетнвѣ ннмѣ внзпоконвшалса донька — онѣ оузрѣлса по первый разѣ на всгдѣ са всѣмѣ самотншн. Мннблѣ оѣлка днѣн, но о дочцѣ анн слѣдѣ; послѣдно съ всѣмѣ оутомленнѣ, залншла на всгдѣ за ню допытыватнса. —

(Концѣ послѣдѣе.)

Человѣкъ панъ и владѣтель земли.

(Концѣ.)

Свѣѣ бобра прнтннаѣ мѣкрнн дрнвал, алѣ пнла и сокнра въ рѣцѣ челѣвѣка выкорннлѣ прнвоытннн лѣсы, колн тнмѣ ча-

сомѣ сврдѣлѣ и въ найтеврдное дрнво: всакого рода въвртѣтнса и скрѣзь камѣны провратнса потрафнтѣ. Око челѣвѣка не мае выстроты ока сокола або ѣрла, алѣ за помочню телескопа пѣзнаѣ и найдальшнн предметы, слѣднтѣ прнродѣ тѣлѣсѣ некесныхъ, а мнкроскопомѣ ѣткрываѣ свѣтѣ новыи въ капнн вроды. Шобѣ естѣ голѣсѣ его протнкѣ рыкѣ цара пѣстынѣ и такѣ многнхъ свѣрѣн лѣсныхъ? Но трѣвою голворною оумѣѣ онѣ слѣдѣ его о много пѣдннстн, всанжѣ ещѣ за слабыи, то кажѣ грѣмовн пѣшѣкѣ въ оудаленню оѣлькохъ мнлѣ за сѣбѣ голворнтн и помочн вызыватн, а пнслѣмомѣ промокалѣ и до найдальшнхъ кранннѣ, кннготнскомѣ до мллонѣвѣ ератнн свонхъ, за помочню телнграфѣ въ члѣстн нѣтѣрѣотно корѣткѣмѣ вѣсѣдѣ съ тнмн, шѣмнлнмн ѣтѣ нѣго ѣтдалннн. Хотѣ свѣѣ его не маютѣ слнлы и остроты свѣѣвѣ льва и тнгра, то прнцѣ розѣмѣ его выдѣмалѣ орднѣ, котрымн и нанснлнѣнннн и нанднкшнн свѣрѣ оувнтн оумѣѣ. Екоршѣ, нежѣ нога челѣвѣка, естѣ нога конѣ и стрѣса, льва, тнгра и днкон козы; но шѣмачнѣ съ челѣвѣкомѣ: вѣзѣ парѣвыи всакого, и нанскоршого свѣрѣ, выперѣднтѣ о много. Малаа рѣка челѣвѣка оуспособлѣлѣ го соврнштн нанмншоѣ шкъ и нанбѣлшоѣ, а каждое орднѣ прѣстоѣ ажѣ до онѣн, нанбѣлшнн прѣсторы заннмающѣн махнны, не естѣ ннчнмѣ нншнмѣ, шкъ оусовѣршннѣмѣ, сдѣланнымѣ его рѣкою по чнслѣ и точнѣстн. Такѣ челѣвѣкѣ оздобѣю сотворѣннѣ, а шѣ онѣ пѣдомѣ и влѣдѣтелнмѣ землѣ, о томѣ сама посѣдѣчлѣ землѣ. Онѣ прнѣтрѣслѣ внштрѣенн, повѣрхнѣстѣ ен засажѣѣ вѣзчнслѣнншн дрнвалн, цѣкѣтамн и прнказѣѣ ен, тоѣ, чѣго жѣдѣѣ, прнзвѣстн. Бнлннѣ, котра пѣдѣ горачннмѣ лншн рѣстѣ некѣсклономѣ, онѣ выплѣкатн оумѣѣ и въ стѣорнлахъ нанзнмнѣнншнхъ. Его каналы, его

железницѣ прорѣзываютъ землю, его стрѣл-
ный пороухъ разрываетъ предвѣчные скалы; черезъ
наивысшій горы закладаетъ дороги, море соединяетъ
съ моремъ, а пустыню превращаетъ въ
плодородное поле або въ засѣлениі селами
и мѣстами краѣ. Бѣра, дожджъ и стѣднѣ
не може го досагнѣти, престороня не може го
оуже раздѣлати отъ родины, океанъ раз-
лѣчати отъ знаемыхъ, самѣй блискавици
предписѣе дорогѣ, шобы визнально спѣстивла-
са коло обиталища его. Жаденъ свѣръ не
возможе, шкъ человекъ, то тамъ въ ле-
доватѣй стѣдени краѣвъ полюсовыхъ, то
тѣ въ жарѣ солнечномъ сторонѣ рѣв-
ника жити, жадное сотворѣнцѣ такъ
шкъ онъ, стравами живитиса найрозлич-
нѣйшими. Такъ человекъ, визнально ко-
лись отроча, ставса панемъ и владѣте-
лемъ землѣ и она цѣла емѣ подчиненна.
При томъ всѣмъ не повиннѣ человекъ
запоминати, шо онъ, и шко панъ землѣ,
не перестаетъ быти дѣтиною Божю, пови-
ннѣ тамити, шо Богъ его отецъ и Го-
сподь всемогѣшествомъ своимъ и любовію
его защищаетъ, тамити, шко помѣчь его
все близка тимъ, шо Его любятъ сердечно
и емѣ слѣжатъ въ покорѣ.

А. Д.

Господарка.

Оусердный испытатель природы, го-
сподинъ И. Г. Райнеръ занималъ са ми-
нѣвшого года щепальнымъ розанчныхъ со-
сонъ. Опыты его въ томъ взглядѣ при-
восходатъ всѣмъ ожиданіамъ, понеже въ обще
изъ 50 лѣторостій сибирскон сосны, за-
щепленои на пни звычайнои сосны пришло са
звычайно 40. — О кѣлько извѣстно, дѣже ма-
ло до теперъ пробовано щепленя шпилькоцыхъ
(хвоиновыхъ) деревъ. Повышшии слѣдствіа

суть тимъ вѣльши важниі не толькѣ для
знаніа но такожа и для практичного жи-
тѣ. Тутъ зарѣбно вспоминѣти належитъ, шо
такъ звана сосна сибирска, (pinus sibirica
— Zirbelkiefer), котора передъ лѣтами
еще покривала обширниі просторони нашихъ
величественныхъ Карпатъ, теперъ лишь пов-
диноко и дѣже рѣдко гдѣ находитъ са,
шо въ истинѣ опасати са потреба, жи такъ
красное и пожиточное дерево, истинна оздѣла
нашихъ горъ, въ кѣлькохъ лѣтахъ съ
всѣмъ изчези и зъ галиційскон флоры конеч-
но вымазаною быти мѣситъ. Причиною то-
го всть: шо за тимъ превосходнымъ дере-
вомъ дѣже вѣдѣють са столарѣ; найкраш-
шиі молодіи деревца выбираютъ са и
садатъ са для оздѣлы въ огородахъ, гдѣ
зновъ майчастѣйше гинѣтъ, про тоѣ, шо
междѣ хвоиновыми деревьями особливо со-
сна сибирска найтрѣднѣйше пересадити даѣ
са; — такожа шишии нахѣдочныхъ са еще
деревъ мають са старанно свирати, поне-
же ихъ зерната, которі такъ великіи суть
шкъ гороухъ, отъ многихъ шкъ лакѣтки
поживаніи вывають. — Про тоѣ каждый
розданый огородникъ, желаючій выплакати
сибирскю сосну, сдѣлаѣе тоѣ за помачію
защепленя лѣторостій того дерева на пни
звычайнои сосны. Черезъ тоѣ оутримаетъ са
много деревецъ, которіи, сли ихъ пересадитъ
са, найчастѣйше гинѣтъ, а заразомъ спо-
дѣватиса можно тимъ способомъ бѣйныхъ
деревъ, понеже звычайнаа сосна въ кождѣй
земли и въ кождѣмъ климатѣ оудаетъ са.
— Шкъ сосна сибирска съ сосною звычай-
ною, такъ само суть собѣ найближшими
кидръ (pinus cedrus) съ нашимъ моде-
ромъ, про тоѣ мождамы всѣмъ заграничниі
дерева того рода на нашихъ щипити, и
тимъ способомъ оу насъ освонти.

(Зв. Тѣш.)

СВОРИКЪ

ПОВѢСТОКЪ, СКАЗОКЪ, ИСТОРИЧЕСКИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ, ГОСПОДАРСКИХЪ
И ИНЫХЪ ОБЩЕПОЛЕЗНЫХЪ ВѢСТІЙ И ПР. И ПР.

Ч. 48.

Вѣдемъ, суббота 21. Новембрія. (3. Декембрія.)

1853.

П Я Н Ц Я.

Образъ изъ жита, ведамъ природы начертанъ по нѣмцину
И. Шангберомъ. Перевелъ Василій Е

(Конца.)

Отъ давна оуже предчѣствовалъ, що она колись его опѣститъ, абы жизнь свою въ сѣпокою провадити; на конецъ сдѣлала тое. — Его власна донька покинула его — по его мнѣнію — абы зъ голоду оумертъ; скреготала зѣбами и проклинала ю.

Отъ дверей до дверей ходила теперь жибраючи късна хлѣба, а кождый крайцаръ, который оудалоса емъ вымантити отъ лѣсковѣрныхъ и сожалѣючиухъ людѣй, заносила — до горѣлочного шинкѣ. — Полъ года перелѣтело по надъ его сивою головою, для которои колькомѣсачна темница единымъ было обитаньемъ по спроданю и пропитю скѣдного имѣщества, которе еше своимъ назвати мѣгъ. Выпущенный изъ темницѣ, спавала по цеголнахъ, ровахъ, по подъ чѣжими дверями — всюды, где бы са только трошечка передъ стѣжію или дождемъ охоронити мѣгъ; понеже и тотъ крайцаръ, который собѣ на нѣчлагъ выживралъ — пропивалъ. И на томъ крайномъ степени страшенои нѣжды, посередъ непрестанного вѣгства передъ патрулюющею нѣчною стражію, посередъ хоробѣ, печалии, стѣжѣ, безъ притѣлака, была онъ всегда тотъ самый непокаанный пѣница. —

Тимъ способомъ визчасно привидѣнъ былъ въ безпорадокъ; очи его запавши глѣбоко, заходила слѣзами, его взоръ былъ непостоянный, мрачный, его сѣхи шоки поволоклася жолтавозеаенавою мертвою краскою, колѣна оугиналися подъ нимъ а рѣки траслися якъ осиковое листья; — въ томъ состоанію оупала онъ разъ зимовою порою въ ночи поткнѣвшиса на сходы передъ дверями одного дома. Наразъ проломила молнія властною совѣсти его оумлѣніе, предъ его очима развилася картина изъображающая цѣлое его прошидшее житие; пригадавъ собѣ на оно время, коли еше свѣй власный домъ малъ; оузрѣлася посередъ своен хорошо пристроенои комнаты, оокрѣженъ знаемыми лицами; его найстаршии сыны востаютъ изъ гробѣвъ, шваляутса предъ нимъ. Онъ видитъ ихъ такъ выразно, що бы са ихъ дотронѣти мѣгъ; его спозрѣніа срѣтаются съ чѣжими, которыхъ онъ отъ колькоухъ годѣвъ не срѣчалъ; зѣбки, котори смерть оуже давно притѣвила, оударяють въ его слѣхи яко огабляющій звонъ колокола; во въ спозрѣніахъ ихъ видитъ прѣзрѣніе, а голосъ ихъ называле его — оубійциу! — Снова началъ наглый дожджъ ліати; провѣдилъ старца изъ страшеного снѣ, но современно привелъ его до чѣствована лѣдоватон, и нѣжданнои доистности. Стѣжа и голодъ роздирають

его внутренности, кровь цѣпанте въ его жилахъ, а цѣле тѣло трясса шкъ колыбиса розпасти хотѣло; — приволѣкъ са въ притворы святынѣ, причѣлился тѣтъ и хотѣлъкъ оуснѣти. Но сонъ оутѣкае ѳтъ него; его сткляничнн очи нехотатъ са затворити, его дика фантазіа произво-дита тмсачннн перемѣняющнн са виды, всѣ нѳчннн мѣды собѣдились коло него, и рѣ-гаются смѣ, — смѣ снится, но ѳнъ не-спитъ. Въ тѳмъ, колн вселый шѣмъ изъ протнволеглон гостннннцѣ ѳтѣнвалса о его слѣхъ, колн благовонынн стравы и напо-ленннн стклянкн ѳго на пнръ взывали, хотѣ ѳнъ нхъ дотрѳнѣтнса не мѳгъ, чѣствѳвала ѳнъ соврѣмннѳ, що все тое есть дла него лншь порѣгательнымъ прѣльщнннѣмъ, що ѳнъ ѳпѣщнннн и бѣднннн, що посрѣдѣ ве-лнкнхъ мѣченннн помалѣ смѣрть прнблн-жаеца, и що смѣ никто въ помѳчѣ не спѣ-шнтса.

ѳдѣ Божннн зѣншолъ на него; ѳнъ ѳ-сѣдннѣ былъ статнса свонмъ власнымъ мѣчнтѣлемъ!

ѳнова пѳддвнгаеца нагло; незречн-маѣ волѣзнѣ прорывающаѣ его внѣтрн-ности додаѣла смѣ силы; роздрѣе кал-ннн лѣхманы, покрнвающнн его грѣдѣ и тор-гае сѣхнмн пальцамы свое тѣло. —

Завылъ страшно мѳвѣ свѣрь, выклн-кѣющнн въ голѳсъ свое нма — зѣншолъ зѣ оумѣ!

Пѳтѳмъ собралъ всѣ послѣдннн свои силы и бѣжнтъ черѣзъ оулнвеннн дожджъ; съ всѣмъ оутѳмленѣ затрнмѣе са надѣ врѣтомъ Дѣнаѣ. — Помаленькъ и про-зѣрно стѣпае по надѣ водѣ, прнхѳднтъ хнлцѣмъ пѳдѣ мѳстѣ, и крѣеца за столпѣ, оуслышавшн тѣпѳтъ нѳчннн пѣ-тролѣ. —

Недвнжнмо до столпа прнпѣрннса не-былъ стражнѳ спѳстерѣжнѣ.

Дожджъ пернсталъ падатн, внхѳръ оу-тнхъ, цѣла прнрода вндѣлаца по такъ велнкѳмъ возмѣщнннѳ ѳтпѳчнватн. Изъ не-весного свода спѳгладали на дѳлѣ свѣз-ды, кѣпачннн и прозрѣющнса въ тѣжко и лѣннво котачнхса волнахъ. Нхъ ѳтѣлнскъ ставса въ очѣхъ самѳбѣннцы жнвнмы вн-дамы, которнн ѳго нѳѳтѣажнннн пѳѳѳгѣтн здаютса; постѣпнлѣ на пѣрдѣ, и трѳ-нѣлъ ногою камнѣ, но смѣ здавалса шко-вы оуслышалѣ зѣвкн шакалн за плѣчнма, началѣ оутѣкѣтн; ещѣ однѣ крокъ — однѣ полный ѳтчлѣннѣ скокъ — ѳнъ нсчнзѣе въ волнахъ. —

Пѣтъ снкъндѣ пѳтѳмъ покылаеца сно-ва на врѣхъ воды — но шождѣ за змѣна въ такъ короткѳмъ врѣмннн! Жнтѣе, дѣхъ! жнтѣе, хотѣ вы шкъ было ѳѳмнрѣлоѳ — оуѳрожество, оубдннннѣ, нѣжда, голодѣ, — все, все лѣчше нежелн смѣрть! Онъ ворн са съ лѣдоватымы волнамы, которнн всегдѣ по надѣ его головою рѣвнѣютса, ѳнъ заѳе-днтъ въ смѣртнѳй борѣѣ, страшно зѣв-чнтъ проклатство сына въ его ѳтчлѣнннѳ дѣшѣ! Нхъ до берега, до берега.” Оуже влнзко него, — оуже го сагае, — ещѣ однѳ напряженнѣ силѣ, а ѳнъ спасѣнѣ! Га! зло-на стнхнѣ, що оуничтѳжаешь послѣдннѳю надѣю!

Ещѣ разѣ выплывѣе на врѣхъ воды — ещѣ борнса, но дармо; шѣмъ колнѣ загалѣшае послѣдннн разѣ его слѣхъ.

ѳсьмъ днѣн пѳзднѣннше вывергла вода его тѣло на берегѣ ѳ кѳлька мнѣ поннж-ше бѣднѣ, шкъ напѣчнѣлѣю, ѳбрндрѣнѣю массѣ, которнн жадалѣ слнза ннѳплакѣе, жадалѣ побѳжна молнтѣва не благѳсловнтѣ, жадалѣ око не пѳзнае. —

В. В.



Петръ пустынный и соборъ въ Клермонтѣ.

Отъ вѣковъ звыкли были побожнии Хрістіане спокойно пѣтишествовати въ святѣ землю, щобы тѣ на томъ мѣстци, гдѣ Спаситель колись началъ и страдалъ, въ тѣмъ искриннѣйшю выліатиса набожнѣсть. Отъ часу, шкъ Исламъ тими завладѣлъ сторонами, Аракове пѣтиствіамъ тима побожнима не тѣлько шо жаднон перепоны не дѣлали, але нхъ еще оулегчали. Но коли Сладжыцкн Тѣрки владѣніе свое и тѣды растагнѣли, почали сторонствѣющихъ до Іерусалима Хрістіанъ все больше оутѣснати; съ часомъ домагалиса за достѣпніе мѣсць святыхъ высокои дани, потомѣ осквернили хрістіанскн святилища, высмѣвали нхъ набожнѣство, безчестили священникѣвъ, а наконецъ поколокли за волосы ѳтъ ѳлтара и патриарха самого. —

Въ тихъ такъ прикрыхъ часахъ пришолъ былъ до Іерусалима межи ными побожними богомольцами и еднѣ священникъ изъ мѣста Амьенъ (Amiens) въ Франціи, именемъ Петръ, зовомый пѣстынный. Той видомъ былъ малый и непоказный, но за тое водрыи дѣхъ оживалъ проникаючн очи и краснорѣчивнн оуста его. Оплативши дань, вѣншолъ до мѣста святаго, а тѣ слышалъ бытъ о нуждѣ Хрістіанъ и власными очима позиралъ на нхъ оутѣсненіе. Оудалса протое до тамошного патриарха Симеона на порадѣ, шкъвы помогчи Хрістіанамъ. Жалбючомѣса съ слезами въ очехъ ѳтповѣлъ патриархъ: „Самъ, Петре, видишь, шо тѣ за славн всѣмо, щобы совѣ кривды такон не дати дѣлати. Отъ Грековѣвъ, найближшнхъ намъ къ помочи и потѣскъ, надѣлатиса ничего не можемъ, хотя и богатствѣ и скаребѣвъ мають мно

го; понеже сывеав намъ на силѣ такѣ, шо половинѣ оуже державы свои пострадали. Але кобы то вашѣ народѣ, за ласкою Божю въ свѣждѣ еще силѣ и непримѣламъ такъ страшный, братски за нами оулитиса хотѣлъ, тогда маленкысѣмо помѣчи и зашитѣ достаточнѣ и могливысѣмо надѣлитиса, шо нѣжда наша оукрѣпитиса скоро.” Петръ ѳтповѣлъ на тое: „Съ пшеностію, отче сватый, воздвигнѣтса къ помочи вашѣй всѣ народы изъ запада, сам аннѣ о состоаннн вашѣмъ вѣсть неоуменѣю мати вѣдѣтъ. Для того дай ми власнорѣчивое и твою печатію оукрѣплениое письмо до папы и до церкви римскон, и до царей и до князей западныхъ, а тогда возставши, пойдѣ по всѣхъ краяхъ, за помочию Божю подвигнѣти всѣ народы, щобы къ помочи вашѣй поспѣшали.” Сподобалоса тое патриархъ, а дакѣючи за тое, вѣрчилъ мѣ письмо желавнн.

Полный мыслии надъ важностію предпріятіа своего оудалса Петръ заразъ потомѣ до церкви воскресеніа Хрістовеого, щобы тѣ благословеніа къ томѣ оублагати небесного. Перипровадивши тѣ нѣчь въ вѣдѣннн и молитѣкъ, оуспѣлъ наконецъ оутомленннн на помостѣ, а въ снѣ швилса мѣ Исѣвъ Хрістосъ, мовачи до него: „Встанъ, Петре, иди и оусоверши, шо ти приказано, безъ ѳтеолоки! Я ѣ вѣдѣ съ тобою, бо оуже часъ святилище очистити и слѣгамъ моимъ помогчи.” Днено оукрѣпленинннн провѣдилса Петръ, всѣлъ заразъ въ корабель, плавшій до Англнн, а приставши къ берегу въ мѣстѣ Барѣ, поспѣшилъ скоро въ Римъ, вѣрчилъ папѣ Оурбаниъ свое письмо и оповѣлъ всѣдою живою состоанннн Хрістіанъ въ Іерусалимѣ.

(Конецъ повѣданіе.)

Притчи Соломона.

Будь оупова всѣмъ сердцемъ на Бога, о твоей же мудрости не возносица.

Блаженъ человекъ, который обрѣлъ мудрость: лучше бо сію куповати, нежели золота и сребра сокровища.

Господь гордымъ противится: смиренными же дасть благодать.

Иди къ мудравлю, о лѣнивце, и поревни видѣвъ пути его, и будь одного мудрейшій. —

Сыне, храни законы отца твоего и не откинь наказаніа матери твоеи.

Сыне, если мудрый будешь, собѣ мудрый будешь и ближнимъ твоимъ: если же злой будешь, самъ почерпиши зла.

Сынъ мудрый веселитъ отца: сынъ же беззменъ печаль матери. —

Память праведныхъ съ похвалами: имя же нечестивыхъ оугасаетъ.

Мерзость Господевн оусталживн: твораи же вѣрне пріятинъ емъ.

Богатство прилагаетъ другн многи; нищій же и отъ друга, которого має, оставляетъ бываетъ. —

Милостивъ нищого, взаимъ даетъ Богови; по даданію же его воздастся емъ.

Кто хронитъ свои оуста и языкъ, соблюдаетъ отъ печали душъ свою.

Слѣшай сыне отца родившого тѣ, и не презирай, когда состарѣется мати твоѣ.

Если голоденъ врагъ твоѣ, оухлѣви его, а если жаженъ, напоѣ его: Се бо творѣ оугаетъ огненное собираешъ на головъ его, Господь же воздасть тобѣ благи.

Икъ сѣтъ неподовни лица лицамъ, такъ ниже сердца человекковъ.

Лучше нищій ходѣи въ истинѣ, нежели богатъ ложный. —

Кто дае оубогимъ, не осквдѣе: а кто отвртлетъ око свое, въ сквдости будѣ многѣи. —

Господарка.

Способъ переховванн шлока на зимъ. Понже сего года много шлока средило са, подаетъ для господарей способъ, шкого Нѣмецъ надъ Реномъ оупотребляютъ для переховванн шлока. Выбираютъ са здоровн и не октолченн шлока и оукладаютъ са до чистон бочки. Тое оукладанн дѣе са верстками и безъ всякого додатка. И коли полна бочка, кладѣтъ са на верхъ шловцевн лѣторости и налагае са бочка керничною водою, почѣмъ прикрываетъ са крѣжкомъ и прикладаетъ са каменемъ подобно шкъ капшета, которъ въ бочцѣ на зимъ квасатъ. Такъ захованн шлока, хотѣ будѣтъ магкн, задержатъ однакожъ превосходный смакъ и совершеннню скѣжость, при чѣмъ однакожъ оубажати треба, аем невыверати шлока лишь частію и голою рѣкою, понже каждое движение тиснучого тагаръ и дотыканн са рѣкою до позостаючихъ овошн споводовати може ихъ псованн са. Такъ сложенн шлока дадѣтъ са переховати ажъ до весны. Карто вы спрововати! — (Св. Тѣш.)

Ненасытимое.

Знаешь, николи цю не насытитса? —

Пѣдлон хтивости око:

Бкинъ всѣ богатства, цѣ не наполнитса

Имм тон дно гавбоко!

А. Д.

СВОРНИКЪ

повѣстокъ, сказокъ, историческихъ воспоминаній, господарскихъ
и иныхъ общепользныхъ вѣстей и пр. и пр.

Ч. 19.

Вѣдень, субота 28. Ноемберя. (10. Декемберя.)

1853.

Петръ пустынный и соборъ въ Клермонтѣ.

(Конецъ)

Святѣйшій Отецъ, приѣхши го ласка-
во, окъщала изъ своен стороны еракъю по-
мѣнь, и Петръ, жадными нестемными тѣ-
дами, проходитъ всю Италию, проходитъ
и краѣ по тамтѣй сторонѣ Падубѣ, спѣ-
шитъ до князю, и проситъ, оупоминавъ,
заохоче, проповѣдавъ съ святою ревностію
народамъ по всѣмъ мѣстцамъ, вѣрно при-
казоды, шкій отримавъ. И Бискупшій повелъ
гослоднаръ тудъ и оуспиле его такъ, що
Святѣйшій Отецъ, скликавши динеконбѣвъ
и двобоѣ западного Христіанства на со-
боръ до Нлармонта въ Брвирни, вѣсхъ ерд-
ца тимъ выоконимъ намѣреніемъ занатін
оуарбѣвъ. —

Еъ Ноемберя рокъ 1095 совралоса въ
Клармонтѣ много свѣщеникѣвъ, князій и
вѣчисленное множество народа въ краѣвъ
ѣкверныхъ. Посредъ нухъ вьстѣпилъ Папа
римскій Оурбанъ II. и промовилъ такъ: „Ко-
лыбелъ спасенія нашего, мати вѣрм святѣи
нахѣдитса въ тажкѣй поганѣ неволі.
Они вѣрлнса въ свѣтамъ свѣтыхъ, людѣ
Божій понижинный и оутѣснинный, царское
свѣщеничество вѣрженное въ болото, а
царица державъ, городъ Божій, платитъ
дань. Мѣстца свѣтін пертвореннн въ
стайнѣ; дѣти христіанскія, выдѣртін ро-

дителамъ, мѣсатъ ако Бога хѣланти
аво, если въ вѣрѣ непоколебимнн, самртію
мѣчиническою оумирати. Горе! приншли вре-
мина, о которыхъ царъ Давидъ пророчество-
валъ: „Поганъ напали на наслѣдіе твое свя-
тое и церковь твою осквернили и люди твои
обезчистили.“ Иле горе намъ, що сѣдимѣ ти-
хѣмъ позираемъ на тін злодѣканія и на оу-
тѣсненіе мѣста Божого! Для того воздви-
гнемса и вьоружемса! Каждый най при-
пошли мнѣ до вѣку своего и поспѣшае на
помѣчи врагѣамъ своимъ; лучше во погни-
нѣти въ борбѣ, нежели такѣ криедѣ долше тер-
пѣти! Каждый чѣствѣющій въ совѣ рев-
ностѣ Господню най соединитса съ нами,
Розвѣрѣмъ разъ тін оковы и скиньмо шр-
мо тое! Быстѣпѣмъ тѣлько, а Господя бѣ-
де съ нами! Орѣжіа, котрінсте досы единъ
на дѣвѣрого грѣшно подлосили, овернѣтъ
теперь прѣтнѣ корога вѣрм свѣтон, а шко
правдиво христіанскій рыцарѣ оутолѣтъ
гнѣвъ Божій, который розволни, оуѣиства-
жи и враждѣю стѣгнѣлисте на сие! Именемъ
милосердного Бога и свѣтыхъ апостолѣвъ
Петра и Павла возвѣщавемъ всѣмъ коорѣ-
жабчимса на неѣрныхъ, совершенный ѣт-
пѣсть всѣхъ каръ покѣтнхъ, а тимъ, що
въ вѣиѣ свѣтѣи погнинѣтъ, запорѣчаемъ на-
городѣ живота вѣчного; каждого же вонна
Господнѣго веремъ шко правдивого сына
церкви свѣтѣи въ особеннѣю нашѣ опѣкѣ
такъ, що подѣ карѣю клѣтемъ никто го на

титъ часть влаги своей и ставса не малъ, прозрачнымъ и неалстичнымъ; погребенный же къ томъ состоянию въ водѣ прибирае назадъ побоймъ превобитнъ; влага свою свою алстичность и владъ молочный. Бозь memo въ ксто хроща креника барного бклт ка мичного, то оубрадо тоб само; при оут тоатъ влаги и алстичности ставса коухимъ и не малъ прозрачнымъ, а погубит не малъ въ водѣ побчас назадъ превобитни офон свойства

Такъ простымъ также способомъ до казати можно, шо встъ пашини и влотни части животного съ малыми аншъ нэа тлани до больше икъ тон чкоти влаги своей зъ воды состоятъ, и протое о важности стижин тон ала евоовы тѣла чашо го оубриватиса не можно. Я хотачи о важности воды въ шодневныхъ и годниныхъ нашихъ дѣлахъ живо превонатиса, днѣтъса аншъ на посвѣщенног окого чело вѣка отъ часъ, коли дано встатъ зъ постлѣт своен, ажъ до офон хвнатъ гла вичидомъ на ложе свое, алаге. Ижекѣ прятимъ встъ чество, колиса чело вѣкъ кбпае, аго мшъ! И отажна бѣлазны, которою въ части одкбавса, рбвно встъ прятноу, а то ала тог, шо тѣло его преше оумывавса. Кава аго чай, составляючии существениню часть снѣдана вго, безъ воды не можанбу изкартити и ни мнѣ, зъ которон хлѣбъ ала мнѣ пшеса, не можави вастъ воды, замѣтитиса; дава в о вѣдѣ вго, прнлабмидѣ вонна нукъ части и не ала авни, вода, не можави жнги мравнимытъ, шо до маврю вѣдъ змчайного, ни то, онъ не вт маврѣ, ни вк мкбма, нибма пашинѣ саксконтъ, вода вв тедовѣтъ настъ вго, бат авнрю.

Такъ оупотребленіе воды ала существкованіа и выгоды чело вѣка встъ непосредно потребнымъ; ала и посередна би поты-

ба вт всмъ, шо только чело вѣка, оубриват внакти авса. Алако нѣлава икнн креники оджи чело вѣка, при ботрои сподожнво бизъ воды оубитиса внао, би можна. Бодамъ потребелатъ до выпавы скбды на оубнѣ, до приажна алы, зъ которого бѣлазны овитса и до колшна, вроны на оажжы бнръ воды не можнову саблати, прешавт нового ии гавнатога мачина зъ ботроге пьемо ни цеголтъ, зъ которыхъ аома вв ставанни ии прнспосовити вавма вратоимъ, цтми свържотса. Чивнур, которытъ пишмѣтъ и папѣтъ на котроимъ пишмѣтъ не ала авса бизъ воды совнитити. И нежа, котроимъ тѣгн, стравы, тоевмъ) и оажжк втотроу пашини до оустъ, нежмъ, не можп авѣы бизъ оубратованія, воды, вавнѣтъ,

Бодою, внаичнотса, цѣла вни части, зъ оивагѣтъ аваннѣ а крпмннѣ, в дѣлаютса до пнта, вавннмъ, в о вт втаома, станѣ не ала авн, свържотиса зъ а часта, сама тла стнжиа, превоходнымъ своимъ оудотавмн нѣмъ, зъ оубавныхъ вндахъ сконѣтъ, зм то аго тѣла, аго, знанна, кбпѣлъ, чм, мав пава, аго, мав, аажжк авнастельмимъ, ставса а жкарствемъ, оцна оубриват а. Ала,

Т Ю Т Ю Н Ъ.

Первый Егропейчикъ, которыи тютюновое сѣмя принѣсь до Егропы, былъ прнродонспытатель Гонзалъ Герандезъ зъ Овіеда. Зъ начала сажено тютюнкъ въ оговодахъ аншъ ала кк оубриватиса оуподахъ аншъ про оздобъ, икъ многн ннн заграницни раставни; но незадолго вславнаса ико а жкарство. 1560 года принѣсь Юанъ Никотъ Эрбодовъ зъ вма изъ Португаліи до Пажжа, оубратъ ннмъ а жкарскн автмъ, аао, шо, такарѣ названо тютюнъ по его мачини, бѣлаъ, Никотъ (herba Nicotiana.) Далекѣ, праднѣшн, мнѣжан съ тютюномъ, озвнла мачнаса Егропейци съ оупо-

трёбленіемъ его до кѣрня. Коло середины 16 столѣтія кѣрили тютюнъ мореплаватели повернувшіи изъ пѣтшествія въ западную Індію въ европейскіхъ морскихъ пристанищахъ; было то зѣ перва шось днелого, понеже зѣбѣли са многочисленнѣ надморане абы особеннѣ такогѣ кѣрца буда то шное особеннѣшое явлѣніе видѣти. Незадолго пошвилѣ са въ Инглїи множество кѣрцѣкѣ и мѣста до кѣрня только пѣбличныхъ шкѣ, винныхъ и пивныхъ шинкѣкѣ, такѣ шо опасано са, шкѣ Камденѣ и ѣиши, абы Инглїанкѣ черезъ тоѣ барбарское оупотребленіе тютюна не стали са людѣ жрцами. Однѣ Голландскїи лѣкарѣ пише, шо онѣ въ Амстѣрдамѣ по первыи разѣ 1590 года обзнаемилса съ кѣрнѣмъ тютюна черезъ англїйскихъ и французскихъ стѣднѣтѣкѣ. Въ Франціи было кѣрнѣ тютюна троха пѣзднѣйше знаемое, а ещѣ пѣзднѣйше въ Нѣмѣччинѣ во ажѣ 1620 года, черезъ помоществовавшїи войска, которїи на маршѣ кѣрили. Отъ того часѣ оупотребленіе тютюна такѣ розпросторонилѣ са повсюдѣ, шо мѣстцями дѣхѣкнїи и свѣтскїи оурядѣ пѣдѣ строгою карою оупотребленіе тютюна заказовали, но на дармо. Въ Тѣрчинѣ, гдѣ житѣ мало, цѣниди, карано за оупотребленіе тютюна смертію, и ажѣ пѣзднѣйше пѣдѣ Могомедомѣ IV. вымазано изъ законѣвѣ карѣ смерти; — а теперѣ кѣратѣ Тѣрки большѣ шкѣ ннїи народѣ. Такѣ то перемѣна са все въ теченїи времени.

В. В.

Господарка.

Абы деревця въ злѣй землѣи лучше рослѣ.— Не кожда землѣи здатноу еста для заложена цѣпилицѣ. Землѣи часто выкае невѣрожайна, пѣсчнста, кременнста или

глинковаѣ, а деревца не хочѣтѣ въ нѣи ростѣ, особеннѣ сѣхѣго лѣта. Такѣи землѣи найлѣдѣше вы помощѣи можно, всленѣи ю скопати на 1½ лѣкта глѣбннѣи. Однакожѣ не всегда тоѣ сдѣлатѣи можно, а кромѣ того, землѣи въ томѣ состоанїи долго не зѣстае, лишь оулагае са и ставса снова для воздуха недоступноу. Про тоѣ въ такѣи землѣи деревце ростѣи неможѣи и часто гинѣи. Но томѣи не такѣо зарадитѣи. Однѣ огородникѣ дѣлае то въ слѣдѣющїи способѣ. Пѣдѣ зимѣ, аѣо въ самѣи зимѣ, коли землѣи доверѣ перемокла, выверѣе онѣ около деревца 5—6 дѣрѣ въ землѣи, на два лѣктѣ глѣбоко, долгиѣмъ желѣзнымъ, кончастымъ прѣтомъ которїи къ той цѣли рѣкоатно снаедеѣннѣи еста; потѣмъ запыхѣе въ тѣи дѣрѣи по кѣлька стѣбѣлѣ соломы, и сѣ цѣла тайна! — Кождѣи изъ читателѣи легко дорозѣмѣе са, шо тѣи дѣрѣи дѣйствѣютѣ такѣ само шкѣ прокапанѣе землѣи, понеже черезъ тѣи втискае са воздухѣ въ землѣи, а то теоритѣи ю оурожайнѣю. Средство тоѣ потреба шо рокѣ повторати. Така праца еста забавою для господара, особеннѣ въ зимѣ, коли не мае са чнѣмъ ннѣмъ занимати. Тоѣ средство помагае такѣ малымъ шкѣи и большнмъ деревцамъ, а навѣтѣи и ннѣмъ рослиннамъ на пр. шпарагамъ.

— Морковь шно шоживаѣннѣе для пчѣлѣи. — Однѣ пасѣчникѣ замѣтилѣ, шо его пчѣлы дѣжѣ радо сѣдали на оскреѣнннѣи изъ моркѣи; казалѣ про тоѣ натѣрти моркѣи на тарѣцѣи и поставлѣи пчѣламъ прѣдѣ оулїи, которїи дѣжѣ радо на нѣи паслнса; абы ещѣи ннѣмъ тоѣ спровокаѣи, казалѣ моркѣю розварити на вармѣжкѣ до которѣи пчѣлы такожѣ дѣжѣ спѣшнѣи прилѣтали. —

СВОРИКЪ

повѣстекъ, сказокъ, историческихъ воспоминаній, господарскихъ
и иныхъ общепользныхъ вѣстій и пр. и пр.

Ч. 50.

Въ день, субота 5. (17.) Декабря.

1853.

Тетера

повѣсть козацка.

Тетера былъ молодой козакъ; дѣшю
распальный, протѣрю моторный и крѣпкій;
былъ былъ жернецѣмъ ступи. Параскея его
любела; молодая дѣвица, стыдливого лица
и жаркого сердца, сиротина, миловоинна цвѣт-
на пѣстынкѣ. Око Тетеры, черное шкъ върналъ
ночь, стрѣлало часто чаложъ перномѣ; око
Параскеи, голубое шкъ нше по вкна-
нбѣмъ дожжи, и подобною запаввало каплю
росы. —

Одного вечера сѣдѣлъ козакъ съ
своею любею надъ верголтъ Днѣпра; лица
Параскеи палѣли гѣиы молоко, въ кото-
рое виала капля врен. Тетера держалъ въ
за рѣкѣ, и проговорила сими словами: „Знавши
ли, Параске, цю любовь? То ораць невѣрный,
который модн оукасити не могутъ. То мое
жыты, и вѣльш шкъ жыты, то мое дѣ-
шя. Дони стали мене крѣпшынн, люшты та
вѣде.” —

Въ спѣдокѣ Борѣ, говорили преледѣ
шны, и никто о томъ не мѣгъ въ са
сомнѣвати видѣвши его, ко его очи и вѣсѣ
мрты лица повторали, цю оуста сказали.
На тоб пѣднела Параскея свои вѣрхушн
вѣши, вѣжи съ долгины чорными рѣсницѣ-
ми, и затопала око свое въ оцѣ своего
любавьшого. „Оухъ, и ш тебе люблю!” днела
преледомъ мѣрднымъ, шкъ жерци вѣснн
всны, чыстымъ, шкъ дѣвчій ѳтадѣхъ

вѣшчн за пѣстынкѣ. Но гѣиы ен лѣдво са
розчорили, коли промовила тоб слово, и
замалѣла лицомъ, скоро его вырила, ко
ен дѣшя была истинно чыста — невѣсна.
Тетера притарналъ любви къ совѣ, и оу-
скан оков надъ скалою, гдѣ Днѣпръ пѣдъ
нхъ могоми котлаъ свои стрѣи. Иногда
ходилъ тѣда, цюбы спогладати на пороги
рѣки, котри гѣиы снѣжнн горы перрѣ-
зѣютъ пѣкнстыми прѣги ен ложи. Тетера
не звѣжали на тоб, не видѣли и захода-
чого сонца, прнодѣваньшого шсною вѣрлани-
цю стѣи. —

Тетеры око гладѣло лишь Параскеи;
ен мысли обнимали лишь милого; въ очеухъ
са стѣмнѣло — гѣиы вытиснѣли поцѣлованье
долге, но нма видѣлоса мѣлнцю — оупо-
дало нхъ дѣшѣ — и кровъ нхъ загрѣло
въ нншачѣхъ. —

Тетера оуверѣлъ сѣи шкъ въ зеркалѣ
дѣ вѣлгнхъ очеухъ молодого дѣвчате, а
Параскеи вѣла рѣчка камила са нѣчерами
свого милого. Была темноцѣвѣтнм парстннѣ
нхъ на свои палцѣ, а вѣршнй молодецѣ
лжалъ на колѣнкѣхъ преледѣ ншо, тихнй и
спокобнннй, шкъ шгма. „Габухнй,” рѣкъ, „ска-
жѣ твоѣ вѣлаѣ анчко вымалювати на кн-
тацѣ, а самѣи прншло на тоб, дама мо-
го короного коника и мою зрѣю за той
образѣ, шкъ быма даатъ за тебе и весь
свѣтъ.” Параскея ѳтвѣжала: „Знѣднш
свѣтъ вѣдолжъ и поврѣкъ, прѣвѣгнш

хатѣ отъ хаты а не найдешь жѣнки, цю-
вы тѣ такъ любилъ, шкѣ и тебе люблю.”
Схилала головокѣ, и опрала ю на плечи ми-
лого. Годины оубѣтали одна по другой,
спогладаючи завистно на тухъ дѣво, шкѣ
совѣ взаимно отданіи на весь свѣтъ забѣ-
ли, ажъ когѣтъ на полночь запѣла; во-
ронный конь козакъ зарзалъ, гѣны давалъ
знакъ, зєвратиса въ пѣть. Козакъ во пѣ-
скалъ са въ дорогѣ не на одинъ день, не
на два; не лѣвка рысѣть было шѣ дѣло. — не
гонити ланю або лоса осѣдланый коникъ
звалъ. Бѣйна его звала. Дога выправа вѣни-
на для любачихъ са, котѣра для него, оухъ
за борзо скѣичити са може. Тетѣра всталъ,
обѣналъ мѣла свою крѣпко, и вытисъ на
оустахъ еи поцѣлованы огнины, котѣре
еи на гѣвахъ долго, а въ памяти вѣчно
палало. „Бѣдѣшь же ми вѣрною, Парасю?”
рекъ глѣхумъ и поцѣрѣмъ голосомъ. Мо-
лода дѣвчина отворила оуста до отповѣ-
ди, но слова еи замерли на азыцѣ. Еи
на одинъ разъ отъзвала са близко ниухъ
шкѣса чѣжородна гѣдѣла. —

(Продолженіе сѣдѣе.)

Стопъ Муганъ.

На южной сторонѣ Кавказскихъ горъ
недалеко побережа Хвалинского (каспійского)
моря, тамъ са продолнами вѣздолжѣ рѣки
Куръ, широка степь Муганъ звана, котѣра
въ причины питомыхъ совѣ свойствъ и от-
ношеній къ природѣ, отъ найдавніишихъ
часѣвъ историческон затамки естѣ прославлен-
на. Нѣма ачѣй закѣтка въ свѣтѣ, гдѣны такъ
сѣперечнии цю рокѣ въ свою порѣ повертаючи
повѣвали са змѣны, шкѣ на тѣи степи. Зи-
мою представляе она найвѣишійши, вѣтма
барвами теплого пѣдсона вѣстачи при-
красніа, и гровища для людій и скотѣвъ, а
на сѣпротивъ въ лѣтѣ стае са найдикшою,
оужасною пѣстыни, кѣда чѣловѣческаа нога

не явитиса не поважитъ са. Навѣтъ походъ
Римскихъ легиѣнѣвъ задержала за времениъ
Помпеа страшнаа опасность тои пѣстынѣ.
И оѣи оѣстоатѣльства не перѣмѣнили са до
днѣсь въ ничѣмъ. Найвѣтѣиши вѣтѣрѣдостѣ-
нии пѣтѣшестѣиинки по Кавказѣ, розповѣ-
даютъ за тотѣ степь, же въ оиѣю порѣ, коан
цѣклаи природа въ нашѣи Европѣ до сѣлѣчникѣ
зѣртае, марнѣютъ цѣтѣтѣчи долины, де-
рѣва оѣнажаютъ са изъ свои красы, зачи-
нае са тамъ зѣлѣтѣи вѣтѣра трава при-
тыкана найкрасшійми цѣтѣты есакого рода
и тысячами вѣаъ есакои порѣстаѣ. Тогда
прозѣаютъ потѣчки, зачинаютъ оѣѣтѣти
са нѣвѣанчкѣи рѣки, котѣри по части до
рѣки Куръ, или прямо до Хвалинского изъ-
веднаютъ са моря. И зарѣвъ въ тѣи доѣтѣ
сѣвѣскаютъ са изъ сѣмѣжнихъ горъ Карабагъ
и Ланкоранъ, въ котѣрыхъ тогда стѣде-
нѣти починае, есаѣи кѣчѣиции вамена Ка-
вказского насѣлиа доѣтѣвъ на степь, Ас-
гѣицѣ, Татари, Трѣхѣиновѣ, навѣтъ Курди
въ Перси, Иракѣи, котѣри Богъ вѣстѣ
за шкѣихъ Калифѣвъ тѣда прѣтѣсѣвали са,
а на послѣдокъ и Цыгани. Есѣкѣ тѣи розкѣ-
даютъ свои шатѣрѣи есаѣици на степи, и
наполнаютъ вѣраъ съ своимъ стадамъ есѣ
житѣлемъ. До оѣиѣи мѣвы мѣжи тѣими про-
мѣтѣшанными ваменами возисѣ са Татарскѣи
азыкъ. Цыгани сѣрѣдннѣтѣ мѣжи вѣтѣла
ниими перѣолѣкѣючи са въ своимъ нѣсѣпо-
койствѣ ико вѣрашѣиинки, вѣрожитѣи и при-
рѣчѣии римѣлиинки. Въ тоѣ вѣрѣла вѣагѣе,
тамъ са такожѣ не малый торговѣльнии
шѣакъ въ продолнаъ рѣки Куръ до Лан-
коранъ и Перси. Но съ перѣыми оуже дѣла-
ми Цѣтѣтна возмагѣе са спека такъ сильно,
же потѣчины и рѣчки цѣлакомъ начинаютъ
высыхати. Тогда затѣвѣаютъ са нѣвѣса, оѣла-
ки не сѣвѣстѣтъ лии оѣиѣи капѣтѣ росы,
трава зачинае вѣтѣратѣи, а кѣчѣиинки повер-
таютъ оѣиѣо паѣма по другѣомъ въ свои

горы назадъ; и оуже въ половинѣ Цѣтна стае са степь Муганъ, сѣмна, безлюдна икъ замирла пѣстара. Але теперъто, икъ земля подъ Мавемь розпарить са сонцѣмъ, розпочинае са въ ви лѣтѣ инакшій рѣхъ и житѣ. Миліоны снеавого гада выдывають са мзъ земаѣ наврасно, и множатъ са въ останкахъ поростаѣ и травного сѣшъ такъ визчислинно, же тогда черезъ степя перенти годѣ. Шалкъ, который тѣда весело тагнѣа са зимою, оустаетъ цѣлкомъ, а оборотъ розпочинае са далекимы заходами ажъ по надъ Хвалинское море. Говоратъ, що жадна звѣрина, которая случайно тогдаго въ степь заблѣкае са, не вѣртае въ ѳттамъ назадъ. Стае са она неохненною жертвою и жиромъ гада. Неразъ знахожено секиною парю кесториврица не тѣлько ѳтѣлѣкаешон са въ степь скотнымъ, але наветъ закъгшнхъ тѣ гувнѣ и леопардѣеъ, которыхъ смерть гадамъ приписють. Въ мѣстичка Шалианъ лежачого на побережѣ Хвалинского моря подѣншли были Россіанѣ до прилѣжа речинной степи, и слѣдючи черезъ сванжающю цѣвкъ, оувидѣли они цѣлѣн кѣпнины гада, который въ мерзкихъ врылахъ, подоенныхъ до огромныхъ мѣрвельныхъ рытвинѣ, огрѣвалъ са на сонци. Но весь тотъ гадъ владѣе степю тѣлько до конца мѣсаца Керисна. Парю около Паздерника, икъ ѳбѣнна розпѣчи са слота, исчезаетъ онъ цѣлкомъ; ливонъ скрываетъ са въ землю. И въ той часѣ спѣскають са снова кочѣючѣи племена премѣшавшого са въ розличныхъ щѣпахъ Кавказского народа, и розкладють на цѣлѣю зимѣ свои полотняніи хижѣ. —

Н. въ Нѣ

Народы австрийской Монархіи

вообще а именно Галиціи.

(Изъ статистическихъ выказѣвъ.)

Жители австрийской Монархіи дѣлать са на четыре головніи племена, имено: Славянъ, Рѣмьнѣеъ (въ обширнѣйшѣмъ значеніи), Нѣмцѣеъ и племена азіатическихъ, до которыхъ приислають са Мадары, Жиды, Цыганы и Орманы.

Подъ обчисленіемъ жителей цѣлой Монархіи, было рокъ 1848:

Славянъ	15,282,196
Рѣмьнѣеъ	8,104,756
Нѣмцѣеъ	7,917,195, а
Особѣ клѣмачихъ до племенъ азіатическихъ	6,279,608
Разомъ	<u>37,583,754</u>

включно съ Краковомъ, который 1848 года числѣа 122,476 Поляковъ, 17846 жидѣеъ и 400 Нѣмцѣеъ. —

И такъ припадало на ѳденъ милліонъ жителей:

Славянъ	406,617
Рѣмьнѣеъ	215,645
Нѣмцѣеъ	210,655 и
Азіатического племена	167,083

Подъ взглядомъ землевѣснымъ находитъ са нѣмецкое племя на западѣ (съ излѣтѣмъ южной части) и на юго-востоцѣ, рѣмьнское на юго-западѣ и на востоцѣ Монархіи, а азіатическое въ сѣдинѣ Оугоръ и въ восточной части Гедмиградска. Славяне живутъ въ сѣверной и южной части Монархіи; первѣи занимають просторонъ 3,079 австр. миль квадр., послѣдин же 1,432 австр. м. кв.

Сѣверніи Славяне дѣлать са на чѣское, рѣское и польское, а южніи на ілірско-словенское и богарское племя, послѣднее однакожь не въ вѣанкомъ числѣ.

РЪМЪНИ ДѢЛАТЬ ТИ НА ВОЛОСКОЕ
И НА ВЛАСТНО РЪМЪНСКОЕ ПЛЕМЯ.
(Продолженіе сѣдѣв.)

—*—*—*—

Незадоволеніи жабы.

(Байка.)

Разъ тямъ жабы въ одиномъ ставѣ.

Радъ милн въ своей справѣ, —

И всѣхъ была пѣста вола,

Щобъ голбеа за корола

Оуже долше не оузнати,

Но много зажадати.

Догодилось нхъ славоли

И са ставо во нхъ вола:

Приѣтае панъ гаринякій

Въ чорномъ фракъ, самъ бѣленькій,

И въ червоныхъ двоухъ штанатахъ. —

Въ такнхъ мивалъ са бнъ шатахъ.

Ноги сѣхй, икъбы тычки,

Покрывали червнички;

Шыа крива, икъбы дѣга,

Мала острый мечъ оу каюва.

Скоро приывалъ, визъ захѣдъ

Оудалъ са гнеть по надъ водъ;

И икъ жабы го оузрѣли,

Еск са дѣже оутѣшили —

И годовки выставалли,

Бы Корола новитали.

Вѣзъ ко склонилъ свою глывъ,

И сагнвалъ ажъ до дна ставъ;

Зловилъ наразъ двѣ, три жабы,

И не лишилъ анѣ лавы.

Закимъ зробилъ два, три кроки,

Жавы кривансь въ ставъ гавбокій —

Тажко раземль вастогнали

И горко всѣ зарыдали:

„Нхъ, икежь то лихе дѣло!“

Оу насъ предъ тимъ такъ не было!

Не дѣлалъ намъ голбеа шкоды,

Мы млансьмо всѣ выгоды!“

Но бѣвало не оубхалъ того;

Смотрилъ, где жавъ было много,

Бралъ по одной изъ волота

И всѣ спѣскалъ до живота.

* * *

Недовольный самъ не знае

Чого емъ ще не стае —

Ео икъ емъ гарадаъ всрамъ,

Порывають все нѣды,

И чрезъ свою всю ожакою

Часто стагне си недолю.

В. К.

Посмертное воспоминаніе.

Дня 4. Листопада (23 Жолтня) 1859

перинесся въ жизни вѣчною

Викентій Лисѣнецкій,

приходникъ Оугрыня и Залѣса окрѣга

Чортковскаго, переживши 67. лѣтъ а

дѣйствовавши яко приходникъ 40 лѣтъ.

Многочисленна родина оплакве въ Немъ

свого щедраго добродѣтеля, прихожане

истинного отца а въ вѣдахъ и по-

требвахъ ревного потѣшителя словомъ

и дѣломъ, оубогин, сироты и вдови-

цѣ мнлаостивого покровителя и несто-

мимого помощника, а всѣ молимо Ёсе-

вышняго, най вѣде дѣши Его

Вѣчная память!!!

СБОРНИКЪ

НОВЪСТОКЪ, ОКАЗОКЪ, ИСТОРИЧЕСКИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ, ГОСПОДАРСКИХЪ
И ИНЫХЪ ОБЩЕПОЛЕЗНЫХЪ ВЪСТІЙ И ПР. И ПР.

Ч. 51.

Въ день, субота 12. (24.) Декабря.

1853.

Т е т е р а

похота изаца.

(Продолженіе.)

Балалайка врѣвнѣла дикимъ звѣ-
комъ, а рѣгательный шкѣль голосъ, бо-
лестно дѣтыкающій оуху, испѣстивъ сего
жалостивъ рѣнь: „Послѣшомъ пѣтничковъ,
що вѣзъ спланчѣ сѣдае на висланѣмъ сон-
цѣ; смѣюса въ корабельникъ, що спачій
лодю своимъ пѣскае на дикію стрѣю; смѣю-
са въ безѣмца, що постоинного цѣста
шѣкае въ ласцѣ панбѣзъ; на мелодецъ, що
вѣрнѣ присагаемъ вѣдланцѣ, безѣмнѣ-
шій; оубо вѣхъ тѣхъ трѣхъ.” Свѣхайте!...
Федоръ былъ порядъ в дуржій, рѣнь ливъ
пѣтничкѣ, вѣла кълагороднѣ и краснѣ;
шкѣ дикій конь, а болыный шкѣ вѣтера на
кравѣ падшеснѣмъ. Пласети при росѣ-
тѣ, гонити по стени, до того былъ пер-
шій; волосъ ледво зашѣла съ вѣрхъ губы,
губы пѣхнатыи вѣрхатъ. Въ помѣки ты-
сѣми красеннѣ, що надли вѣо сѣднѣно,
вывралъ Маринѣ, найнѣсѣлѣшѣ дѣвчявѣ,
шкѣ ливъ коли любѣи стрѣла рамла. Цѣтѣ
терношѣи и вѣла рѣки не вѣли такъ вѣлѣи
и ладнѣ, не такъ земнѣи и мѣка вывѣр-
ка, що по галѣю качѣ, троша не такъ
гнѣтѣа. Люблимъ са шкѣ вѣра горанца, а
дѣркалиса вѣшѣ шкѣ бланнѣчѣи вѣтѣдѣи,
що, плакѣютѣ по оведѣ невѣснѣтѣа. Борше
можѣи бы было дѣопнѣти къзю мѣсаца,
шкѣ скадѣти, що така мѣжѣи рѣсѣла дѣв-

чина привѣтрѣтѣа вѣди голосѣи скопо
дѣвчѣтѣа, но принѣмѣлъ дѣшъ, гдѣ вѣрѣ-
скама тѣвѣа поканилаа волки; оубо понѣмѣлъ
въ похода, и ашѣмѣа вѣю любѣи и своего
вѣлого хорта. Слѣзамѣи зашѣла са краснѣ-
ца и сѣла въ тѣвѣ; пѣшъ скавѣлѣлъ и
вылъ и ждалъ на парозѣ своего пана. Бѣи-
на са скончила, и Федоръ врѣвнѣлъ са; ра-
достно рѣзрѣла въ горѣка свѣтлѣиющій свой
хѣторъ. „Гѣрра!” клѣкѣлаа вѣсѣло. Бѣо его
пѣзнало, на ашѣи само ѳтпѣвѣло нѣвѣмѣ-
лодѣи еднѣи. Никѣи противъ шѣго не вы-
шѣла. Потѣса шѣла, полѣтѣла стрѣлою;
оубо дѣмѣла, тро, всѣ вышѣрло. Шкѣи парѣж-
на, ни мѣжѣи ни жѣнѣи, ни въ хѣ-
тѣи на дѣорѣ. Но на пѣтѣи сѣдѣи дѣошѣ
комѣи, вѣ сѣдѣа пѣа то сюда то тѣда по
пѣдѣ вѣрѣи. Нѣвѣрѣкѣи, пѣгнѣлаа вѣлома до
рогою. Нѣвѣрки достѣрѣгѣа любѣи, а при-
нѣи молодого вѣзда. Федоръ вѣстѣлъ са
прѣаошѣвшѣи копѣи, но жѣнѣи на дѣи нѣмѣи
видѣти своего освѣодѣтѣла. „И вѣго любѣи”,
кѣрѣмѣа, вѣрѣи са мѣжи оошѣа, а Федоръ
перѣвѣжѣи спѣише своего вѣтѣна. „Стѣпай
дальше”, клѣкѣлаа на молодого хѣшѣи;
„не задалѣго вѣйде чѣра и на тѣвѣ; любѣишѣи,
ли ю истѣинно, вѣлѣишѣи шѣ, цѣкѣмѣи ю и на
однѣи дѣнѣи на ашѣмѣла. „Кѣрѣишѣи пѣшъ пѣ-
зналаа своего пана, и хѣтаа чѣи копѣлаа ѳтѣ
сѣа мѣою, шѣолаа прѣцѣа да нѣмѣа. Далѣи
Марина надѣлаа го къ сѣрѣи прѣлѣстѣишѣи
голѣсѣмѣа. Оубо шѣрѣлаа шѣвѣи на шѣо, а кѣгѣа

за своимъ паномъ. „Бо пєсь жїє и гинє вѣ-
рїнь; но о жѣнцѣ иншѣ пѣсонькѣ пѣю. Єи
вбѣль вєсть лѣжа, а єи житєє сѣть чорнои
зрады”. —

(Продолженіє сѣдѣб.)

Морлаки въ Далмаціи

Назвою Морлаки, означаютъ всѣхъ гор-
наковъ въ округахъ Задарскомъ и Сплит-
скомъ, котринъ изъ скотоховъ и рѣльництва
жїють. Число ихъ досагѣ привелижительно
150,000 душъ, изъ которыхъ больша
половина вєсть вѣроисповѣданїа западнои
а прочїи восточнои сѣ западнои. не сєдї-
ниои церкви. Ихъ звычайъ и обычаѣ ма-
ють такъ много собственнаго, що ихъ жад-
ною мѣрою не наложитъ за єдиакovýchъ
сѣ жителями приморскихъ околица и остро-
вѣвъ Далмаціи держати. Въ окрѣзѣ Дверов-
ницкомъ, въ котромъ жадныхъ Морлаковъ,
нема, называють для порѣгана изъ со-
сѣднихъ тѣрцкихъ областей пришлдинухъ
Грѣковъ найнижшои вєрстєи народа, тїмъ
словомъ, а вѣ общи каждого невравова-
ного и нелюднаго чловека. Кождый, на-
вєтъ найнижчїишїи дѣрмотѣдъ оувѣжєвє
сѣ вѣтъ вѣтъ мѣшїица вѣтъ Морлака.
Такоже и вѣтъ окрѣзѣ Воторскомъ не чѣвѣ-
ти ва Морлаковъ. —

Морлаки вѣтъ шо до похожденїа сво-
го правдїи Герви и Босїани; назывѣ-
ихъ вѣтъ сєрбскїи. Они влѣзко половици
XIV столѣтїа поселили сѣ вѣтъ вынѣшїиухъ
своихъ сѣдѣмїахъ. Дѣтєиои голосѣтъ,
шо они дєвєрѣбно изъ пѣдѣтїа тѣрцїи
сѣтї осєводили и гористїи мѣстїи вѣтїа Дѣ-
лмацинъ завѣли, понеже имѣтъ хрїстїанское
правитѣльство благачїиствѣишїе и кроу-
шое видѣло сѣтї вѣтъ, якѣтї могомѣданское.
Хотѣ приморскїи житѣлѣ краи не дѣже ра-
ды были повелїию и поселїю сѣтї ихъ
полѣдникухъ чѣжїицѣвѣ, однакоже вѣтїи

Хорваціи и Сїгмундъ, король Оугорскїи
оувѣжали Морлаковъ яко вѣтїи про-
тивѣ сосѣднихъ Тѣркамъ и охоронили
ихъ про тоє. Часть ними занѣта вѣстала
зѣ разв чєрїзъ Тѣрковъ здєвѣтѣ, не пѣд-
нѣише прїишла она до Вєнцїи, а тоє со-
вѣло сѣтї такъ: Р. 1647, пѣдчасѣ вѣиои мѣжи
Вєнцїєю и Оттоманскою Портою, ивѣлъ сѣ
вѣтъ головнои кватїрѣ вєнцїи ко мѣнцїа-
рѣвѣчю єнєрала Леонарда Фоскола пѣвнїи
морлацкїи сѣвѣшїицѣ, и мѣнѣмъ Сѣфанъ
Горичъ, и просилъ єго, дѣмъ колька сотѣ
морлацкїи рѣдїица мѣтїи вѣтїи пѣрїтїи
вѣтъ Вєнцїю область, донєже они сѣ рѣшї-
ли, вѣдѣвѣтїи сѣтї пѣдѣтъ тѣрцїи игѣ.
Тоє привѣло. Тѣхъ вѣтъ вѣтъ мѣчїи, опѣтї-
ли они свои жїацїа и прїивѣли вѣстала
на Вєнцїю вѣдѣло. Мужѣ вѣтъ сѣтї часѣ
вѣорѣжено и прѣтивѣ мѣпрїстїа вѣвѣдїи.
Они отлѣчили сѣтї вѣтъ нападѣтъ на Новї-
градъ, Надмїи и Салонѣ, якѣтї такоже
и пѣдчасѣ вѣсѣдѣнїа. Но Вєнцїи правї-
тѣльство ничѣ не сѣдѣло для вѣсѣрѣвѣ-
на Морлаковъ. — тоє вѣрїстало сѣтї для
отѣвѣского правїтѣльства Ягстрїи, котрѣе
вѣтъ мѣзрїцѣ вѣтїи своихъ народѣвѣтїи и на-
нихъ, не забѣдѣ.

Шо сѣтї дѣтїицѣтїи похожденїа слова
„Морлакѣ” то Караджїи вѣвѣдїи тоє
такѣ: Житѣлѣ цѣлѣчїици Далматїи-
скои сѣтї по части карѣликами, по части
Грїками. Грїцкїи Сѣрѣтї назывѣтїи своєго
карѣлического сосѣда „Шо кѣцѣ” а тѣиже
Грїка „Бѣла хѣ”; Морлакѣ про тоє или
Морлакѣ значїтїи тѣлько, якѣтї надѣтъ мо-
рѣмъ вѣтїи Бѣла хѣ.

Морлаки вѣтъ горскїи народомъ а
яко тѣи сѣтї, они вѣтїи вѣтъ гѣмѣтрїи до-
вѣрѣтїи, котрїи вѣтїи горскїи на-
родомъ вѣтъ собственнїици, и чѣрїзъ котрїи
они вѣтїи сѣтї рѣвѣличають бѣтъ жїтїи
рѣвѣнїи. Вѣтъ горлаки любѣтїи краи своихъ

отдѣвъ и своего владѣтѣля, сътъ короче стн-
вѣми, но при томъ также свѣдѣрны-
ми. Морлаки были и давнѣйшомъ ве-
ницкомъ правительствѣ черезъ столѣтѣ
вѣрными и приданными; но сътъ и нынѣш-
нѣмъ правительствѣ за только вѣрнѣйши-
ми и приданныйшими, во мають причинѣ
сѣмъ вѣднѣйшымъ са оказовати. Бѣ ча-
сахъ, въ котрыхъ ихъ предки живи, въ-
ло оу нихъ закономъ, Туркамъ вѣрнѣи;
ихъ народни пѣсни и погади пригадыва-
ли имъ все тое. Немъ всегда быти готовымъ
отмстити кривдѣ, вѣншаю оу нихъ, оужи
въ краевый звычай, завсѣгда навѣтъ стрѣла-
въ черезъ плѣчи перевѣшишъ носити, а за
поясомъ навѣти пистолаты и острый дол-
гий нѣжъ (ганджаръ) въ поготовку мати.
Часто идѣють са черезъ стов великимъ ин-
шаста, въ шкѣи загонистѣи той нарбаѣ
попадае. Не много потреба до разлученѣ
Морлака такъ, що хватѣе за нѣжъ и садитъ
нимъ въ грѣдъ противника. Того прикладъ
оужасный дало слѣдѣющее приключенѣ въ
1835 годѣ. „На островѣ Пирка, колька милѣ
пѣвыше славного водоспадѣ колы Скардонѣ,
лежитъ монастырь францѣшканскѣи Еисло-
виць, гдѣ шо рокѣ д. 12. Стрѣла на Порці-
онкѣмъ праздникѣ храма Бѣ Дѣллицѣи есть
звычай: поплѣдни завѣлавица стрѣлаицамъ
до цѣля. Стрѣлаица сѣдѣе до, навѣтъ и
бѣгае плазомъ ма змай; правдѣ нимъ ли-
жить мамѣнѣ, а на томъ чѣвонѣ шатон-
ка, на тѣю обидѣе люфѣ и втрѣлае въ
цѣля. Бѣ томъ одинъ Морлакъ, черткѣ
скопа доставилъ за цѣля; по омычу, во
Морлакѣвъ пѣчѣтъ на праздникѣхъ храма
скопы на дѣрѣвнѣхъ рѣжнахъ на дворѣ,
котри потѣмъ порѣвѣши ганджаромъ на
кѣснѣ продѣють присутствѣицимъ мѣо осо-
блнѣишъ лакѣтки. Два стрѣлацѣ поцѣлани.
Тѣмъ зашла звезда; поплѣмъ на шѣхъ
окохъ дошрѣла, шо поцѣлани мамѣнѣи.

хотѣчи тимъ полжити нагородѣ. Отъ
слѣвъ прѣшло до чѣвѣтъ. Одинъ Морлакъ
оухопилъ за нѣжъ и провилъ соперника на
смерть; одного пандѣра склѣнжаючѣса, шо-
бы его арештовати, повалилъ выстрѣломъ
изъ пистолаты, а тое самое стало са и съ
третѣю оубою; либонъ его рѣдию сестрою.
И шкѣ перемогли его и связали, смотрѣлъ
сцѣпенѣло передъ сѣбе и оудавалъ гѣмѣи не
зналъ, шо едѣлалъ. — Морлакъ ставитъ
самъ софѣ хатѣи свою сѣкндою рѣвнѣ стѣ-
лицѣ, давкѣ и пѣвѣ, доудѣе волнѣ на свою
одѣжѣ и знае аркѣственнѣ тѣюжѣ краситѣ.
Жѣнѣи шѣють одажѣи и вырѣлають розличнѣи
пражи и ткачки. Икстрѣйское правительство
рѣвѣдмаю въ нихъ зарѣдѣ до образован-
ного жита и привѣло ихъ до благороднѣи-
шого стѣвенѣи пѣзнана сѣбе и своѣо чѣловѣ-
чѣского достоинства.

(Конца сѣдѣе.)

Народы австрійской Монархѣи вообще а именно Галицѣи

(Изъ статистическѣи книжки)

(Конца)

1846 года числено въ Монархѣи	
чѣское плѣмя	5,897,970
рѣское	2,150,598
польское	2,183,380
сѣверно-славянскѣи пле-	
мена	11,231,948
сербанское плѣмя	1,153,382
хорватскѣи	1,278,632
сербское	1,584,134
болгарское	24,100
южно-славянскѣи племена	
разомъ	4,050,248
Славяне разомъ	15,282,196
Рѣское плѣмя Рѣснѣи находитъ са въ восточнѣи Галицѣи, сѣверно-восточ- ныхъ Оуграхъ шкѣи въ западнѣи и сѣ-	

восточной части Буковины. Также въ иже-
торыхъ мѣстцахъ сарбской Буковины жи-
ють Русины.

1846 года числено Русинѣвъ;

въ Галиціи	2,441,771
на Буковинѣ	180,417
въ Оуградь	471,190
въ Буковинѣ	7,120
въ ц. к. арміи	50,100

Разомъ 3,150,598

Польское Племя. Поляки нахо-
дятся въ западной части Галиціи яко
Мазуры (на площади) и Горалы (въ го-
рахъ), также въ восточной части Шлеска
яко Лахи (Wasserpolaken); равно иже
также въ великомъ числѣ на Буковинѣ.

1846 года выносило ихъ число:

въ Галиціи	1,994,802
въ Шлескѣ	146,878
на Буковинѣ	4,000
въ Арміи	37,000

Разомъ 2,183,300

Галиція разомъ съ Венгелювъ Влажи-
ствомъ Краковскимъ числала 1846 года:

- 2,441,771 Русинѣвъ.
- 1,994,802 Поляковъ.
- 335,071 Жидѣвъ.
- 100,000 Немцевъ.
- 3,160 Ормиъ.
- 345 Словаковъ.

Разомъ 4,875,149 жителей, такъ что
на 20,000 принадлеало, 5,000 Русинѣвъ, 4,000
Поляковъ, 687 Жидѣвъ, 205 Немцевъ,
6 Ормиъ, 1 Словакъ.

Галиція съ Краковомъ числится въ
каждомъ отношеніи наибольшу жидѣвъ
(болше нежели 1/2 частей населеніа цѣлаго
Цѣсарства а близко 7/100 частей населеніа Га-
лиціи). Хотя жида въ посадинокхъ мѣст-
цахъ (на пр. въ Бодоухъ) становлеть
большоство жителей, аю приндидицѣи не ма-

люю числѣность, (такъ на пр. 1846 года
было въ Львовѣ 21,933 жидѣвъ), то ра-
накоже не замѣшкють они особливо,
яко не въ части Галиціи. Вѣдомо, что
болше ихъ находитъ ся въ русской неже-
ли въ польской земан. Также Ормии
незамѣшкють особеннохъ окраицъ, такъ
само и Словаки. —

Русини замѣшкють восточную а
Поляки западную часть Галиціи; Санъ
вста, можлалы скавати граничною линією
межи окова племенами, аюнымо не-
важали также на Русинѣвъ въ населяю-
чихъ великую, до шести миль широкую про-
сторону посполжъ Карпатъ, аже близко
Попадау, соединяючи ся съ седими сопла-
мниками въ Оуградь.

Немцы замѣшкють по цѣломъ ко-
рениомъ краю и живутъ аю особенно яко
поселенцѣ, аю помѣшани разомъ съ дру-
гими народами. Наибольше немцевъ осѣ-
ло въ Галиціи за повокана Цѣсара Юсифа
II, и провинциамъ са они чрезвычайно много
до поднесена промысла и торговлѣ въ
томъ краю. — Н. К.

Посмертное воспоминаніе.

Дна 26/12 Дистопода 1853 згасла
свѣдочка на небоклонѣ рускомъ
Гаврииль Серонжевовскій.

Мѣстоимѣстиякъ Водриницкій, чи-
саный 21. лѣтъ жовіа а 14. лѣтъ
прежнїа яко приходникъ Неама въ
окрѣстѣ Чортѣвскѣмъ. Смерть его, по-
грѣшила въ неотомиланій смѣтонъ и плачь
вдѣвъ съ в. сиротами, аювала неагер-
че памать и тяжкій жаль въ его
кондеканальныхъ, котрыхъ ешалъ прав-
днелымъ братомъ и широмошнелымъ
другомъ; оставилъ въ долготѣнїемъ
сожалѣнїе своихъ поклонныхъ прихо-
жанъ. Бѣди Мѣ. вѣчнаа памать!

В. Л.

СБОРНИКЪ

повѣстокъ, сказокъ, историческихъ воспоминаній, господарскихъ
и иныхъ общепользныхъ вѣстей и пр. и пр.

Ч. 52.

Вѣдень, субота 19. (31.) Декемврія.

1853.

Тетера

повѣсть козацка.

(Конецъ.)

Тетера сазухалъ съ тихимъ бѣдыхомъ, на полъ отвертymi оустами и нацѣвреннымъ оухомъ, шкѣбъ са болатъ оутрати зъ того и полъ слова. Мужчины засѣгды лакомин того, що имъ задле мѣкѣ. —

Незавки надъ ревности кандалъ въ сердцѣ молодца. Погладалъ на свою любекъ, шкѣбъ оуже малъ мститиса за шкѣ оскоревъ; дрожалъ, шкѣ колнеы нога его оуже стала надъ краемъ зѣлючон визоднѣ. Коли голосъ оумолкъ, трасло его пропастиницю. Видѣло са, що шкѣбъ рѣшилса на шось; потагнѣла дѣвча тѣда, зъ бѣки бѣтзвалъ са былъ голосъ. —

Тамъ оузрѣли гарного старца съ шкѣбючими очима и срѣженобѣлою бородою. Бѣдѣлъ на скалѣ, око возясиное погладало въ мѣсца, валалайка спачивала въ его рѣкахъ. Стрѣны ен молчали, но словни слова бѣтвенали са глоссомъ въ чѣртахъ лица Тетеры. „Старче,” рекъ приглашенимъ вѣсткостію глоссомъ, „дѣдъ; чаровникъ ци тамъ чорте; тѣбѣ адскій надыхъ опалилъ мою дѣшъ а мое шастье спалилъ на поплѣлъ. Но той, що ранилъ; мѣснѣ мати такожь силъ; закчити ранѣ. Ты пачиналъ еск ма недоблопати вѣрности моеи милои, оу тѣбѣ мѣсати кшти такожь чародѣйскіи способы; шось ен сердце остало для мене.

Повори, дѣдъ, ко повѣдио ти, оу мене терпачка коротка, рама мое шидки, а шавла моя остра.” Старца оусмѣхнѣла са горьничко; шкѣ колнеы хотѣла тимъ сказати; шо инымъ са болати а не емѣ. „Дитинко,” рекъ, „може ен знаю гдѣшкіи чары, шось вѣтры спинити въ половинѣ нухъ летѣ, пригасити полонѣнь вискавицѣ, дво возевдити житье въ мѣртѣомъ оуже тѣлѣ, но не знаю способъ, шось шкѣнкѣ сдѣлати вѣрною. Но сазухай, може принаймитѣ перепенити, шось не стала са шкѣрною.” И очи старца засѣтили гѣбѣ оу волака, шо са мѣчи на свою здовычѣ.

„Можешъ сдѣлати, шо сдѣлалъ хоробрий Шалимъ, жестокий вана Бѣлогограда, коли пѣскалъ са коюкати вѣнѣбныхъ Ярабѣвъ. Передъ бѣтѣздѣмъ выправилъ въ своемъ сираю великій пирѣ. Пращалъ са съ своимъ краснымъ бѣдалисками, распываючими са въ слѣзахъ и воздыханіяхъ, шось са своимъ панокѣ прииманти. Кѣтѣ говорилъ мѣ лишъ о своей любѣ, о своемъ жалю, шо съ нимъ розачитиса имъ пришло. Босухиншій Шалимъ тѣмалъ до себе одну по дѣргой. На нухъ потѣхѣ приказалъ принти десатѣмъ скопцямъ, десатѣмъ чорнымъ, оужаснымъ скопцямъ; имъ на головахъ вѣліи завокъ а въ рѣкахъ ишніи мѣчѣ. „Жѣнки!” рекъ Шалимъ, „то ен ма любитѣ?” „Любитѣ тѣ, пане, надъ все.” — „И вѣлѣбнѣсты корше; помѣрти,

икъ минѣ проневѣритиса?" „Такъ, памі!" повторили. И правдѣ говорили може и не хотачи. Хоробрый Селимъ далъ знакъ своимъ бачнымъ скопцамъ, а за хвѣлю лежали всѣ красавицѣ безголовкин въ кѣпѣли изъ власной крови. Теперь мѡгъ ваша спокойный пѣститиса въ дорогѣ и всю свою дѣшѣ понести въ бѣи красавый, бо анщѣ въ той способѣ може са въ опасностѣхъ неприствѣтвѣа жѣнки пивнымъ са сдѣлати." Тутъ оумолкъ старицѣ. Его губы дѣвгали са, икъвы оу волна анщѣ цю тѣлаю живѣю кровѣ живѣюго. Тутѣра сталѣ запо-морочитѣ. Кес ишло мѣ въ окрѣги колѣсамъ; мысли са въ головѣ мѣшала, хотѣ оуста его помянула была анщѣ чиста изъ скали стѣна. Однимъ разомъ просѣла са Параскеа изъ задѣмы, а обнавши рѣчилами много кликнула: „О мой миленакій! не слѣхай тихъ страшныхъ словѣ; оуклониса бѣтъ подивитѣбѣа сего; злого дѣха. Ты знаеши, цю и та любяю, . . ." Оуха! кыли те! си неслѣднѣи слова. Тѣтѣры доломъ ала за рѣкоатѣ шаватѣ; въ своей шалности не видѣтъ ничѣ, икъ анщѣ грозавѣи слѣзы и красавѣи тѣпы; не чѣтъ, икъ анщѣ вѣрскѣ мѣсти и оужаса. Онѣ оуже не была самѣнтыѣ. Оучѣствоваѣтъ са обнатымъ звѣснаѣ. Шакаа его мигнѣла по воздѣсѣ вѣскавѣнцѣю и оударила громѣмъ.

Головка красной дѣвчата похотила са во передѣ воги си много тонжѣ хвѣлатѣ, колы си оуста кырили слово любви. Волатѣ рыкнѣтъ дикимъ вѣрскоамъ и вѣргъ са икъ рѣшнѣи дѣнѣи вѣрѣтъ, на передѣ — горѣ скалю, гдѣ сѣдѣла старицѣ. Но не оузрѣла никого, анщѣ мотыѣ адскѣи рѣгѣтъ завѣнѣла въ его оухѣ, икъ колѣвы похваляѣла его злочинство, а во рѣглатѣ са его шалности.

Ковакъ дѣстѣла коня, котрый стогномѣ логмалѣ по стѣян, икъ колѣвы въ рѣбрахъ

своихъ почѣла ногтѣ каниюки. Конѣ вѣргъ са въ рѣкѣ, и широкѣю грудѣю своею поролѣ си колны. Довѣрѣ до дрѣгого вѣрга, но ни той здѣржалаѣ его вѣгъ. Коло скалы остана са анщѣ тѣла дѣвчатыѣ въ своей вѣклоѣи одѣжи, а голова съ розпѣщнымъ волосѣемъ троха о подалѣ, — кровь спосочила мѣстѣ въ околѣ. Мѣсѣцѣ вѣдѣлымъ свѣтломъ обкинѣла стѣны, пороги дѣтѣпра грѣмѣли и свѣркали, когѣтъ запѣлаѣ по разѣ вторѣи.

Морлаки въ Далмаціи

(Конца.)

Морлаки сѣтъ красной породы; ихъ тѣлесна вѣрѣа вѣтъ вѣла, но бѣтъ солнца смѣгла, понежѣ ихъ безкрысна шапка не охоронаѣ ихъ бѣтъ идкнѣтъ лучѣи Далматиньского солнца. Шаю и гѣрѣа такожѣ отверсто тримаютѣ. Ихъ очи цѣтъ и волосѣ сѣтъ по боольшѣи части черны. Ихъ взорѣ вѣтъ дѣжѣ быстрый и дѣжѣ вѣанѣѣ вправѣ маѣ въ познаванѣю предметѣвъ въ великомъ отстоанѣю. Дымъ въ своихъ кѣрнѣхъ, безкомннѣхъ домахъ мѡгѣтъ они вѣзѣ оущерѣв зрѣнѣа зносити. Краснѣи и здоровѣи рады зѣбѣвѣ маютѣ, а шавѣтъ мужчнны и жѣнщнны въ высокѣхъ лѣтахъ, и не оупотрѣбаютѣ жадныхъ вымыслнѣхъ средствѣ къ оутриманѣю тихѣа. Голосѣ ихъ вѣтъ полный и сильный а сабухѣ дѣжѣ острый. Ихъ стѣдѣ вѣтъ тѣвѣдѣи и лѣвнѣи.

Морлакъ не оуживѣа никромъ вѣлицѣ, и навѣтъ въ тѣмнѣи ночи цѣствѣѣе жѣваѣо такѣ вѣно икъ въ вѣламѣ дѣнѣ. На скалы и оурѣиска знаютѣ они такѣ зѣвѣно дѣѣти са, цю залѣѣво стрѣлацѣ Тѣрѣльскѣи ихъ въ томѣ прѣвѣнщнѣтъ. Ихъ лѣжнѣдѣнѣе можа назвати анщнѣмъ, а однакожѣ сѣтъ крѣпѣон вѣдѣовы тѣла, цю тагѣа, котрѣи залѣѣво тѣчѣлами вѣрѣданѣи можа, дѣвчѣ-

тѣмъ Морлакѣ вьендае на плачи и неси такъ вѣды и мнлю, во ѡнѣ не знае никихъ мѣханическихъ средствъ къ оулучшеню совѣ тагара. Ѳнѣ призвычанатъ са до всѣхъ перемѣнъ воздуха и пѡдсона, и знеситъ такъ само жаръ и спекотѣ въ дѣтѣ, якъ стѡдѣнъ въ зимѣ. Хотя въ горахъ Далматскихъ есть теплѣйши якъ въ Илпахъ и Карпатгахъ, то однакожь изъ мора завывающа „вѣра“ (вѣра) есть о много дотканешою, до котрой они са такъ призвычаниа, якъ до лагѡднаго легота. — В. К.

Песъ полку.

Мѡзѣмъ естѣственныхъ рѣдкостѣ въ Цѣловци (Klagenfurt) получилъ выпуханѣ тѣземни остаткѣ достопамятнаго пса, знаемого подъ именемъ „Прогаска“, даромъ ѡтѣ команди ц. к. полка Прогаски. Изъображенѣ того пса достало са ещи за его житѣ даже до найвышнихъ рѣкъ, во вѣсть о тѡй особенешѡй собацѣ розширила са была повсюду. Есѣ Генералове казали совѣ его показати, и самъ найменѣйшѣй Цѣсарь повелѣлъ былъ 1851 года на оболоняхъ Малпензы совѣ его представити. — Песъ тотъ принадлежалъ полковни Прогаска, коли однакожь до него приншолъ былъ, неизвѣстно. Онъ вславилъ са доперва ажъ въ время Мѡдіоланской матежи, въ началѣ италіанской войны 1848 года, и юталчили са знаменито въ провалѣ цѣлоси нампани. Въ полкѣ принадлежалъ ѡнѣ инномѣ; однакожь держалъ еи найраднѣе первого баталіона. Коли полкъ выстѣпалъ до ларады нан до витеы, ѡнѣ былъ всегда передъ перваго баталіономъ, подносачи и еѡй прапоръ; но ещи баталіонъ подѣланилъ былъ на рѡвнихъ мѣстцахъ, ѡвѣстилъ ѡнѣ иначинно головнѣю стацию, поншолъ съ транспортомъ на инѣю стацию справляю-

чи не малѣю радѣсть воншамъ, и яко емъ приншолъ отѣмти прапоръ, забавилъ тамъ еѡлька седмиць, по чѣмъ зновъ повѣрталъ до Мѡдіоланы. Еѣ походахъ былъ всегда на члѣ своего полка, подъ часъ витеы при переднихъ стрѣлцахъ (гарцовникахъ), при чѣмъ гавкаючи еѣгалъ неѡтомимо ѡтѣ одного крыла до дрѡвого. Чимъ боольшѣй шѡмъ, трескъ рѣчицы, громъ пѣшокъ, крикъ идѣчихъ пристѣвкамъ, смычѣны и свѣстаны шѡмъ, тимъ величѣйшѣй былъ ѡнѣ, скакаючи посередѣ тѣланиѡвѣ дымѣ черезъ тѣрпы напередъ, иковы воншѣ къ борѣкъ злоучевать хотѣлъ. Лишь раны могли его изъ попроща, спѣстошениа и оуничтожина примѣсити до отдаениа са до рѣзидѣы, по вылѣченю однакожь повернѣлъ назадъ до своего полка. Онъ соичаствовалъ при всѣхъ вителахъ полка, именно въ шѣстѣхъ головныхъ вителахъ подъ Санта Мѡрціа, Монтанара, Квртатоне, где кѣлю раненъ былъ въ каркъ, подъ Кѣстоцою, и подъ мѡрами Мѡдіолана, где небеспечно въ нѡсѣ построѣленный былъ, 1849 года раненъ былъ тажко ганжаромъ ѡтѣ Серезана, котрый жаднаго пса при своемъ полкѣ немѡгъ стерпѣти. Лѣдво що ино са вылизалъ, вывѣхула вѡйна съ Пѣвмонтчиками, а „Прогаска“ охотнѣйшѣй нежан прежде, былъ первый, котрый пристѣпниа на члѣ своего полка Тичинѣ. Есѣ вонны любили его, а вндачи его передъ собою передъ начинающею са борбою набирали ѡтѣаги и вѡсканкали съ боольшою бодренностію; „Прогаска съ нами, — напередъ!“ Еѣ касарнахъ оуѣгали са повѣднокѣи компаніи о него, хотачи притягнѣти его до себе боольшими порціами мяса; но „Прогаска“ нехотѣлъ приставати къ инномѣ полкѣ. Онъ познавалъ оуже изъ далека каждою жолнѣра своего полка, нешолъ николѣ къ жолнѣрѣви изъ инного полка, хотя го терпѣлъ. Еѣ походахъ,

передъ неприятелю, въ парадѣ, была бы такожь оздобленъ дубовымъ листымъ, побѣднѣйше надали ему войны капральское отличіе, двѣ звѣздки на нашіишки, а послѣдно въ знамя заслѣгъ, деревянный медаль. Тимъ часомъ „Прогаска“ дужа са постарѣлъ, такъ цю ледво мѣгъ са волочи за своимъ полкомъ, однакожь незанебалъ бы жадныхъ воинскихъ оупражнений, жаднои парады. Последнюю парадѣ отышал онъ въ день Цѣсарского теземинитета, 18. Серпна сего года, и незадолго потомъ изъ слабости закончила военное свое житые. Мъземъ естественныхъ рѣдностей въ Цѣловци пріало тотъ дорогоценный подарюнокъ отъ слезного своего полка съ виланкою вдалчностію, и опредѣвало томъ символу вѣрности въ предѣлахъ своей выставки соотвѣтное мѣстце. — В. В.

Господарка.

Кава изъ жолуди.

Въ многихъ недѣгахъ оупотреблася жолудная кава, котора кромѣ цѣлительныхъ свойствъ, такожь много поживного вщества содержитъ. Въ Франціи приправляютъ жолудъ въ слѣдуючій способъ: Очищена изъ лѣпины жолудъ, мочить са черезъ колька дней въ студеной водѣ, въ которомъ часѣ вода часто отмѣняеса; потомъ свшить са жолудъ, палить и меле въ млынкѣ шкъ кавовин зерната. Такъ оумеленю жолудъ переходять въ добре затканыхъ флашкахъ, до которон если дедастъ са трошка оутертыхъ корѣнныхъ гвоздикѣвъ или перцевон матки, можна полвчити превосходную кавѣ рѣвняуючю правдней. —

Способъ, шкъ горѣже масло вновѣ смачнымъ сдѣлати.

Если масло збѣркло, потрева его на самъ передъ добре перемишати въ свѣжомъ молоцѣ и вымѣсити; потомъ перемиваеса принадлежно зновѣ въ студеной водѣ два або и три разы; почѣмъ звыкае са въ грудки. Тимъ способомъ полвчитса масло, котре естъ такъ смачно шкъ коліеы передъ полѣ годиною было рѣблене. — Гористъ масла походитъ бытъ певной кислоты, котора въ свѣжомъ молоцѣ розпѣскаеса и отъ масла отдѣлае са; а перемиванье водою для того естъ потребнымъ, абы черезъ тое оstarшн са въ маслѣ часточки молока совершенно отъ него отдалити, понеже тн части молока могли бы незадолго причиною его зѣпсована стати са.

Зеркало души.

(съ Россійского — Циркина.)

Шкъ въ тихой годинѣ на шеной водѣ гладн
Лнцютса деревъ привережныхъ вершани,
И безмежный сводъ неба, и звѣздъ міриады,
И кораблей вѣтрна, маштовъ вилканы; —
Не также и души, коль би дна полнота
Свпокойна и чиста, безъ страстий и гора,
Достѣпна вышнихъ чвствѣ и мыслии красота?

Не всели въ ней рысвеса шкъ на лицн моря?

Шожь али тогда бачишь, шкъ: шѣр гбраканы
Градъ моря розорють въ воровды гавекой,
И зеркало чисте овлажѣтъ туманы,

И волнѣ пѣниа кипачна взнеси на стоки? —
Шканжѣ въ души гадна на днѣ мутныхъ
свастий,

Иль шке чвство свѣтле здѣнено оурамитнесъ?
Шо въ ней, волнѣмой вавмѣемъ страстий,
Шо може въ ней сватого гонда отразитнесъ?

Н. эъ Н.

1

